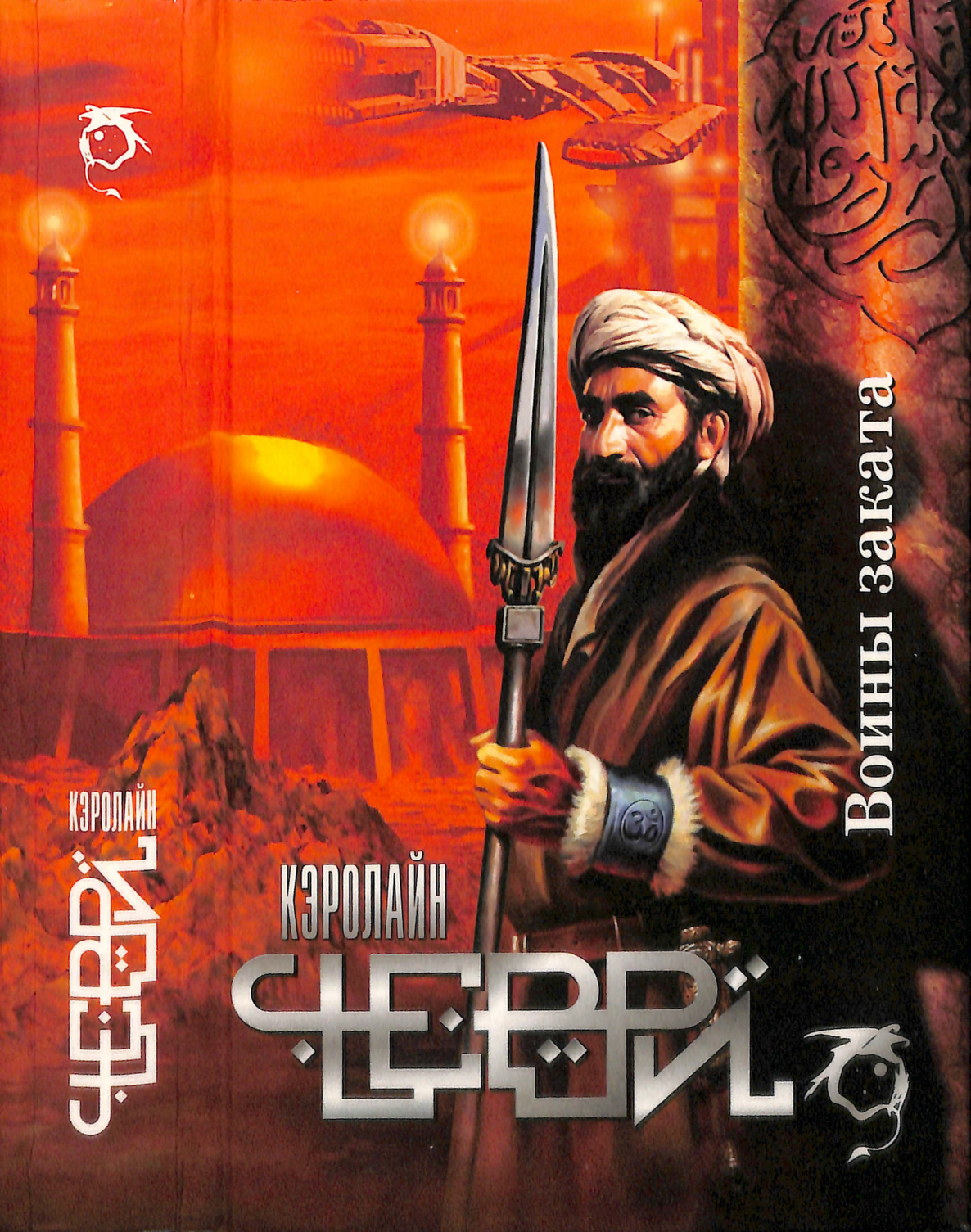
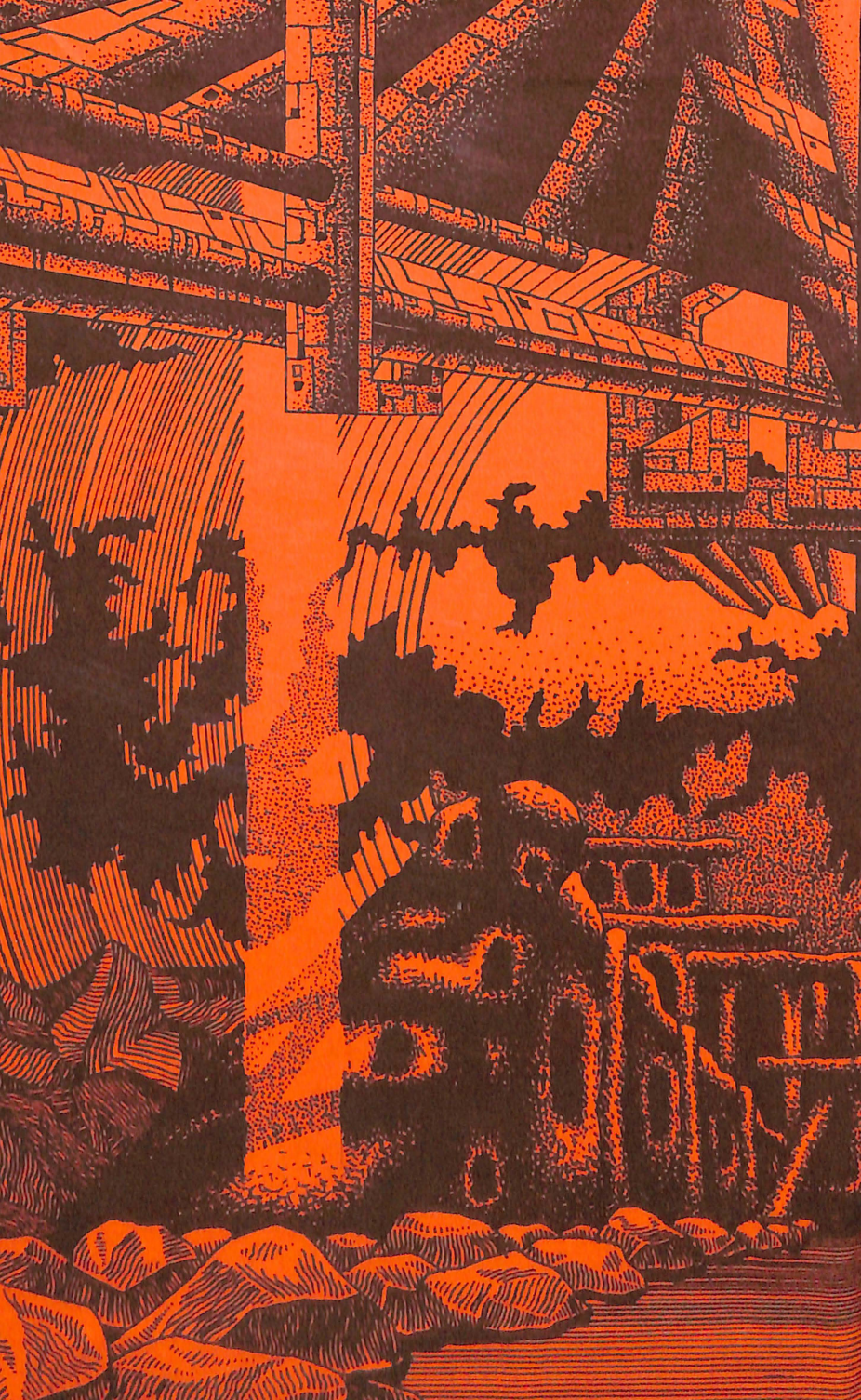
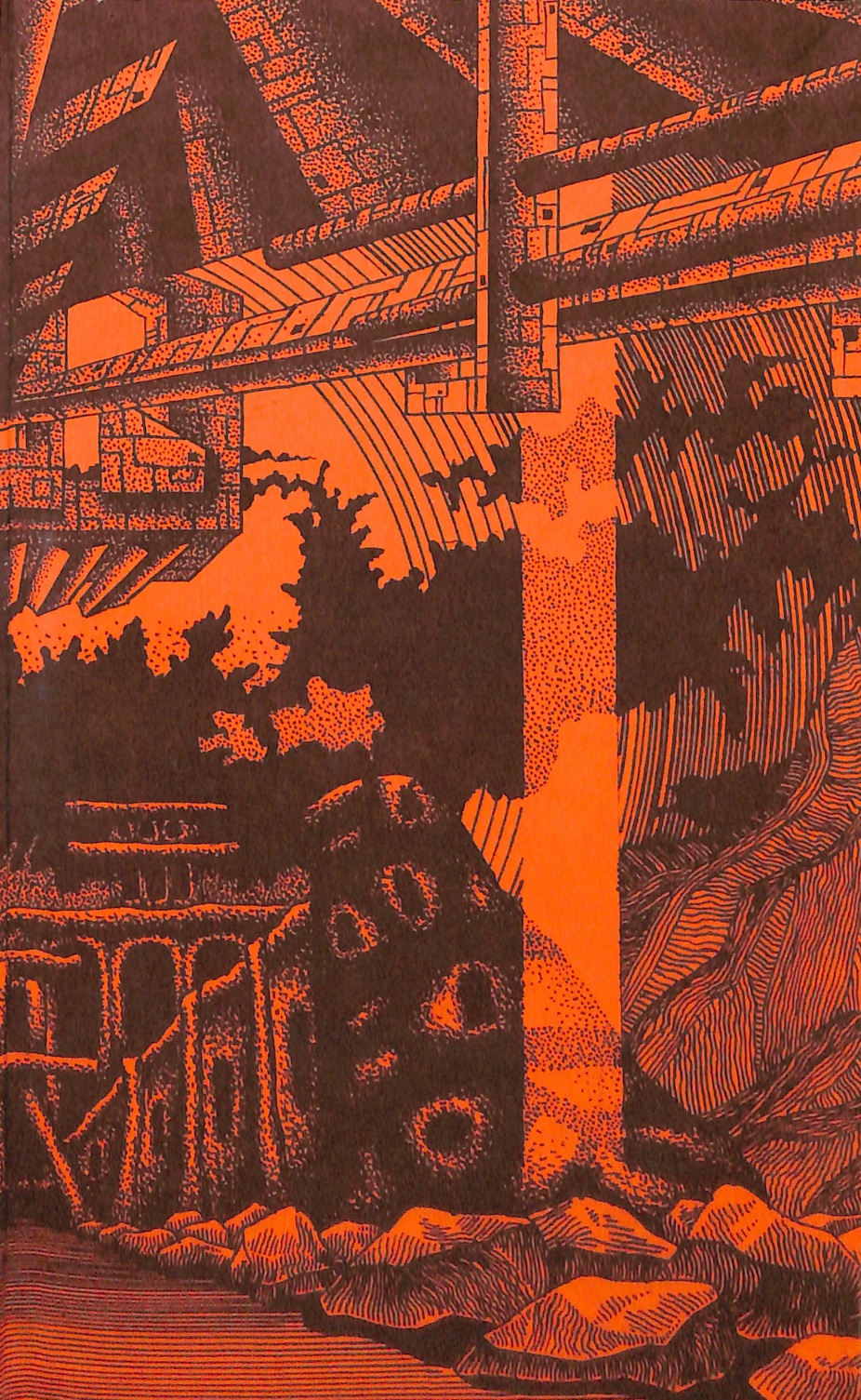

КЭРОЛАЙН
ЧЕРРИ
Воины заката
КЭРОЛАЙН
ЧЕРРИ
КЭРОЛАЙН
ЧЕРРИ

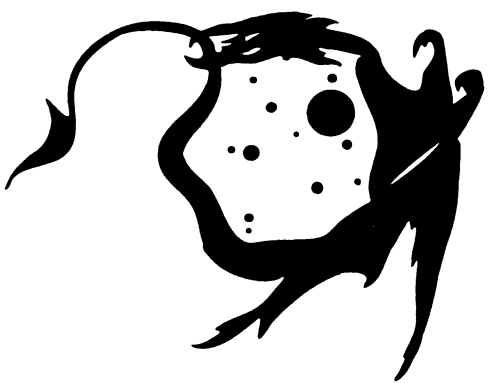

КЭРОЛАЙН

ЧЕВРИ

ФАНТАСТИКА
КАРОЛИНЫ

Воины заката

Кесрит

Шон'ай

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
1998

УДК 820 (73)
ББК 84 (7США)
Ч-32

Черри К.

Ч-32 Воины заката: Романы / Пер. с англ.— СПб.: Северо-Запад, 1997.— 496 с.

ISBN 5-7906-0056-5.

В беспощадной схватке противостоят друг другу освоители космоса: земляне и регулы,— алчные торговцы, подчинившие себе множество миров. Верой и правдой служат врагу загадочные мри, суровые воители, грозные кочевники Вселенной. Они уничтожают корабли и колонии землян, не щадя собственной жизни. И все же война проиграна регулами, и недавние хозяева подло предают своих верных слуг...

Удивительные миры, захватывающие приключения, неожиданные повороты сюжета — все это ждет читателей в увлекательном романе знаменитой американской писательницы Кэролайн Черри «Воины заката».

Ч 8200000000 ББК 84 (7США)

Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги
или любой ее части, в любой форме, в средствах
массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке.

ISBN 5-7906-0056-5

© C. J. Cherryh, 1978
© «Северо-Запад», подготовка текста, серийное оформление, 1997

ЖЕЛЕЗНЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Дитя ветра, дитя солнца, кто такие каты? Те, кто нянчится с детьми, те, кто приносит смех, вот кто такие каты.

В средней башне Дома, в полумраке круглого зала, десять одетых в черное мужчин и женщин предавались любимой забаве келов — шон'аю. Все они были воинами, а потому играли не детскими камешками, а двумя острыми, как бритва, и смертельно опасными клинками — ас'еями. Десять игроков сидели живым кольцом, выкрикивалось имя, щелкали пальцы и сверкающий ас'ей молнией пересекал круг. Ловкая рука хватала его за рукоять и бросала, как только звучало другое имя.

Дитя огня, дитя звезды, кто такие келы? Меченосцы, слагающие песни, вот кто такие келы.

Играли молча. Руки и оружие, плоть и сталь подчинялись единому ритму, древнему, как само Время, и знакомому, как свое детство. Шон'ай был не просто развлечением, в этом названии крылся глубокий смысл. Недаром это слово означало «Игра Народа».

Дитя зари, дитя земли, кто такие сены? Те, кто пишет руны, те, кто правит в доме, вот кто такие сены.

Если кел'ен часто промахивался, если его подводили глазомер и выдержка, в Доме ему цена была невысока. Дети — и мальчики, и девочки,—

а также женщины касты катов упражнялись с камешками. Те же из мужчин, кои выбрали судьбу кел'енов,— только с острыми клинками. Келы, подобно женщинам и детям мягкосердечных катов, играя, громко смеялись. Век их был недолог, но светел и радостен, как у мотылька. Келы знали об этом, а потому спешили взять от жизни все удовольствия.

Со скрипом отворилась дверь. По всем альковам и темным углам башни разбежалось эхо. В зал буквально ворвался сен Сателл и без лишних слов устремился к игрокам. Ритм нарушился. Клинки остались в руках Ньюна, самого старшего кел'ена. Кел как один, почтительно склонили головы перед Сателлом с'Делас, главой касты сенов, ученых. В традиционных для мудрецов златотканых одеждах он казался снопом света, проникшим в сумрачный зал воинов-келов. Сателл был глубокий старик — старше всех в Доме.

— Кел'ант,— тихо обратился он к Эддану, первому в касте келов.— Кел'ены... Есть новости. Прошел слух, что война закончилась. Регулы предложили людям мир.

Наступила гробовая тишина. А затем — едва уловимое движение, и ас'еи, просвистев в воздухе, засели в покрытой фресками противоположной стене.

Самый юный кел'ен поднялся и, закрыв лицо вуалью, покинул зал, усугубив охватившее всех смятение.

Сен'ант и кел'ант — родственники, оба преклонных лет,— тоскливо и беспомощно переглянулись.

Из глубины непроницаемо-черной тени всплыл силуэт дуса — громадного существа с покатыми плечами и рыжеватой шерстью по всему телу. Огромный, крупнее и тяжелее любого человека, зверь с обычным для дусов меланхоличным выражением

морды вступил в круг света, бесцеремонно протолкался между двумя старейшинами и, требуя ласки, положил голову на плечо кел'анта, своего хозяина.

Кел'ант Эддан погладил зверя изборожденной морщинами рукой и посмотрел на старого ученого. Тот был его двоюродным братом, но принадлежал к другой касте и выполнял иные обязанности.

— Это достоверно? — В голосе Эддана прозвучала слабая нотка надежды.

— Похоже на то. Это не городские сплетни. Информация пришла по официальным каналам регулов, скорее всего, она достоверна.— Сен Сателл подобрал полы мантии и, зажав их коленями, опустился на ковер между кел'енами, которые потеснились, чтобы дать ему место в круге.

Эти десятеро, за одним-единственным исключением, были старейшинами Дома.

Они были мри.

На их языке это означало «из Народа». Других называли ци'мри, то есть «чужаки», и в этом слове воедино слились философия и религия мри, а также личное отношение старейшин к иноплеменникам.

В облике мри преобладали золотистые тона. По легендам, они были детьми солнца: кожа, глаза, пышные шевелюры — все носило бронзовый или золотистый оттенок. Типичный мри был высок и строен, с длинными, изящными руками и ногами. Его острые чувства не изменяли ему даже в старости, особенно слух. У него не было век; мигательные перепонки защищали глаза от пыли.

Другие народы считали мри расой воинов-наемников, потому что иноплеменники, в основном, встречали келов, крайне редко — сенов, а катов — никогда. Мри нанимались на службу к ци'мри. Они служили неповоротливым регулам — купцам с

Нурага, из системы звезды Маб. На протяжении многих веков кел'ены-мри охраняли межзвездные караванные пути регулов. Как правило, их нанимали торговые компании, которым досаждали амбициозные и жестокие конкуренты. А потому мри нередко бывали вынуждены сражаться с мри. Но эти века и эта служба оказали на Народ благотворное влияние. Кел'ены — наемники соперничающих компаний — бились друг с другом на традиционных поединках. И так было всегда. В кровопролитных стычках оттачивалось мастерство, погибали слабые, возвеличивались сильные. И ци'мри — регулы — в конце концов уверились, что сами они воевать не способны, им не дано осилить тонкости стратегии. Поэтому регулы предоставили своим мри самим улаживать конфликты, в соответствии с их опытом и традициями.

Последние сорок лет мри служили регулам, объединившимся для борьбы с цивилизацией землян. Этот жестокий и подлый конфликт не принес ни чести, ни славы, ни удовлетворения от побед. Старейшины мри прожили долгий век и хорошо помнили давние кампании, а потому явственно видели перемены, которые принесла Народу эта война. И эти перемены были им не по нраву. Земляне, точно стадные животные, нападали большими ордами. Других методов ведения войны они не признавали. Келы, привыкшие мериться силами в поединках, не сразу разобрались в происходящем и многими жизнями заплатили за горькую науку. Земляне не любили а'анаи — поединки — и оставляли без внимания вызовы на честный бой. Они признавали лишь тактику выжженной земли, поголовное истребление противника.

Мри переборoли отвращение и снизошли до изучения так называемой «человечности» — психологии врага. Они стали планировать боевые

операции сообразно новым знаниям, они перестроили свои отношения с регулами, как того требовало время. Во всем, что касалось войны, мри заслуженно считались профессионалами. Модернизация йин'ейна — древнего оружия для а'анаев — была недопустима, даже немыслима, зато усовершенствование нового оружия — захен'ейна, создание все новых его модификаций стало делом принципа, экзаменом на профессионализм, которому они посвящали свою жизнь. Но регулы, к несчастью, так и не смогли приспособиться к новым условиям. Они обладали великолепной, практически абсолютной памятью, никогда не забывали уже случившегося, но грядущие события всегда ставили их в тупик. Регулы были не в состоянии строить планы на будущее. Раньше в вопросах своей безопасности они целиком полагались на мри, а способность мри к прогнозированию (ибо они обладали воображением) возмещала бессилие регулов перед неведомым. Но сорок лет назад война перестала щадить жизни и имущество самих регулов, поэтому они в конце концов решили взять бразды командования в свои неопытные руки. Основываясь на собственных оценках и представлениях, они отдавали приказы на проведение боевых операций, заранее обреченных на провал.

Мри повиновались беспрекословно — этого требовала честь.

Мри гибли тысячами — этого требовала честь.

На этой планете, в этом Доме, жило всего лишь тринадцать мри. Двое были молоды, остальные вершили политику, они входили в совет старейшин, ветеранов. Много лет назад в Доме одних только келов было не меньше двух тысяч. Из них уцелела жалкая горстка, всех прочих выкосила война.

Их война. Та, которую ныне проиграли регулы, запросив мира у землян.

Сателл обвел взором старых кел'енов, давным-давно переживших срок, отпущенный воинам. Их память запечатлела уйму событий, знаниям, накопленным ими, завидовал иной сен'ен. Когда тут жили дети катов и надо было их обучать, этих стариков называли Мужьями ши'пан, мастерами военного ремесла. Среди них была и Пасев, последняя из женщин-кел'енов этого Дома. В искусстве обращения с йин'ей она уступала одному лишь Эддану. В круге сидели Дахача и Сайрэйн, Палаци и Кварасном и Лит из Гураджена. Они покинули свой обезлюдевший Дом, и Мать этого Дома приняла их в Мужья. А вот дети другого вымершего Дома, родные братья Лиран и Дебас. Все они принадлежат иным, давно минувшим временам, и эти времена уже никогда не вернутся к Народу. Сателл чувствовал печаль этих келов, ощущал, как она передается животным, которые беспокойно завозились в тенях за спинами хозяев. Звери, которых называли дусами, не питали симпатии ни к одной касте, кроме воинов-келов. Дус Эддана брезгливо обнюхал золотистую мантию ученого, но все же придвинулся ближе и бесстыдно подставил мясистый лохматый бок, чтобы его почесали.

— Эддан,— вымолвил Сателл, поглаживая теплое плечо зверя,— еще я должен сказать тебе, что наши хозяева, судя по всему, уступят землянам эту планету, если те потребуют ее при заключении мирного договора.

— Чересчур щедрая уступка,— проворчал Эддан.

— Не чересчур, если принять во внимание последние новости. Говорят, земляне наступают по всему фронту, правительство регулов полностью деморализовано. Превосходство землян настолько велико,

что они способны захватить любую оспариваемую территорию. Они уже отбили Элаг.

Наступила тишина. Где-то далеко в башне хлопнула дверь. Эддан содрогнулся, но Сателл не заметил бы этого, если бы не шевельнулись тонкие пальцы старого кела.

— Да, земляне наверняка потребуют нашу планету. Они не упускают ни малейшей возможности отомстить. И регулы оставили нас совершенно беззащитными.

— Это немыслимо! — воскликнула пылкая Пасев.— Боги! Да разве была необходимость сдавать Элаг? Будь у нас оружие, мы бы остановили и даже отбросили землян.

Сателл безнадежно махнул рукой.

— Может, ты и права. Но для кого нам удерживать Элаг? Регулы бежали со всем своим оружием и увели корабли. Теперь мы — Кесрит — стали рубежом. Ты прав, Эддан, скорее всего, регулы сдадут без боя и Кесрит, да и нет им резона сопротивляться. Но мы сделали все, что от нас зависело. Мы советовали, предупреждали, и если те, кому мы служим, не пожелали внять нашим советам... Единственное, что мы теперь в состоянии сделать, это прикрыть их отход. Они решили действовать самостоятельно, на свой страх и риск. В итоге они, а не мы проиграли войну. Эта война много лет назад перестала быть нашей, и мы тут не виноваты. Нам не за что корить себя. Сейчас уже ничего не исправить.

— И все-таки надо было действовать, а не сидеть сложа руки,— упорствовала Пасев.

— Сены неоднократно пытались образумить хозяев. Согласно древнему договору мы предлагали свои услуги и советы. Мы могли бы...— Звуки шагов спускающегося по лестнице юноши отвлекли Сателла, он машинально окинул взглядом зал,

и тут снизу донесся громоподобный хлопок двери. Эхо раскатилось по всему Дому. Сателл бросил на Эддана полный отчаяния взгляд.— Неужели никто из вас не сходит, не поговорит с ним?

Эддан пожал плечами. Его самолюбие было задето, и Сателл об этом знал. Высказав упрек, он злоупотребил их дружескими и кровными узами, переступил границы дозволенного. Сателл любил Ньюна. Все любили юношу. И все же поведение кел'анта, даже неразумное, неподобающее, обсуждению не подвергалось никогда. Права его были священны. Одна лишь Мать могла вторгаться в вотчину Эддана.

— Тебе не кажется, что у Ньюна есть причины так себя вести? — спокойно осведомился Эддан.— Всю жизнь он готовился к этой войне. Он не такой, как мы, дети старых времен, но и он не в силах приспособиться к новым временам. Ты отнял у него все. Сен Сателл, что ты ждешь от Ньюна, скажи?

Сателл потупился. Возразить было нечем. Эддан прав, стоит взглянуть на ситуацию глазами молодого кел'ена. Нельзя навязывать свою волю келам или требовать, чтобы они размышляли о будущем,— люди живут сегодняшним днем, коротким и полным страстей, у них нет ни прошлого, ни будущего. Такова цена их свободы. Они готовы в любой момент покинуть Дом и поселиться среди ци'мри. Келы знают себе цену. Когда сен'ен пытается взывать к их логике, кел'ены опускают головы и замыкаются в себе; им просто-напросто нечего ответить. И неразумно нарушать их душевный покой: знание, не подкрепленное силой,— самая горькая доля.

— Кажется, я тебе рассказал все, что знаю,— заговорил наконец Сателл.— Будут свежие новости, сообщу.— Он молча встал, одернул мантию и отшатнулся от дуса, который инстинктивно оскалил зубы и ткнулся мордой в лодыжку ученого. Он не был

зол, но укусить мог. Дусы никого не любили, кроме кел'енов. Сателл застыл на месте и взглянул на Эддана. Тот ласковым мановением руки успокоил зверя.

Сателл опасливо миновал грозные челюсти дуса и бросил прощальный взгляд на Эддана. Но тот смотрел в сторону, ему было все равно, уйдет сен или останется. Выяснять отношения в эту минуту было бы неразумно, Сателл хорошо знал своего двоюродного брата и понимал, что причина размолвки кроется именно в их родстве. На людях они всегда старались держаться подчеркнуто официально, блюли этикет. Так бывало всякий раз, когда родственники попадали в разные касты: обязательно страдала гордость того, кому доставалась низшая.

Сателл церемонно поклонился остальным и вышел, радуясь, что покидает этот угрюмый зал, где царит полумрак, где воздух всегда тяжелый, словно перенасыщенный разочарованием людей и яростью дусов, которая медленно разгорается, но бывает поистине ужасна. Тем не менее Сателл был рад, что его выслушали до конца, что обошлось без необузданного гнева, без неразумных действий — худшего из того, что можно ожидать от келов. Они стары. Старики всегда сбиваются в группки, где можно спокойно советоваться друг с другом. Молодой кел'ен — одинокий воин без гнета мыслей и без будущего.

Какое-то время Сателл раздумывал, не пойти ли за Ньюном. Но что он скажет юноше, если найдет? Да и некогда, его ждет срочное дело. Надо обо всем доложить наверх.

* * *

Когда за ним затворилась дверь, кел'е'ен Пасев, ветеран сражений за Нисрен и Элаг, пожала

плечами и выдернула ас'еи из растрескавшейся штукатурки. За плечами у нее осталось больше трудных лет и кровавых битв, чем у любого из ее товарищей, кроме разве что Эддана. В шон'ай она играла наравне со всеми, наравне с Эдданом. Повстречать смерть в Игре Народа было не менее почетно, чем сложить голову на войне.

— Ну что, продолжаем? — нарушила она тишину.

— Нет,— твердо сказал Эддан, пристально посмотрев ей в глаза.— Нет. Не сейчас.

Лаская тонкими пальцами лезвия ас'еев, она внимательно поглядела на своего старого любовника, старого соперника, старого друга. И неохотно произнесла:

— Хорошо.

Ас'еи просвистели над плечом Эддана и вонзились в карту Кесрита, изображенную на восточной стене.

* * *

— Келы восприняли новость гораздо сдержаннее, чем я от них ожидал,— докладывал сен'ен Сателл.— И все же она явно пришлась им не по нутру. Келы чувствуют себя обманутыми, считают, что задета их честь. А Ньюн даже не дослушал. Я не знаю, куда он ушел, и очень за него беспокоюсь.

Ши'пан Интель, Владычица и Мать Дома и Народа, откинулась на многочисленные подушки, не обращая внимания на приступ боли — давней и неразлучной ее спутницы. Боль поселилась в ее теле сорок три года назад, когда в огне, поглотившем Нисрен, Интель разом потеряла и силу, и красоту. Уже тогда она была немолода. Уже тогда она была Владычицей и правила всеми тремя кастами Народа. Она была сеном высшего ранга, выше самого Сателла. Она была главнее остальных Матерей —

тех, что остались живы. Она знала Тайны, недоступные остальным, знала имена и природу Святынь и Богов. Она была хранительницей пана — реликвий. Она знала свой Народ во всей его полноте и многообразии, знала его историю от самых первых дней, знала его судьбу и предназначение.

Она была Владычицей вымирающего Дома, старейшей Матерью исчезающей расы. Касты катов — воспитателей и детей — больше нет, огни в ее башне погасли двенадцать лет назад, последний воспитатель давно похоронен в пещере Сил'атена, а последний ребенок, не знавший другой матери, кроме нее, давно ушел на поиски судьбы во внешний мир. Число ее келов уменьшилось до десяти, а число сенов...

Все сены стояли перед ней: Сателл, старейший сен, сен'ант, чье больное сердце не дает ему покоя и все время напоминает о грядущем Мраке, и девушка, сидящая у нее в ногах. На обоих золотистые мантии Носителей Света, высшей касты. А на Интель белоснежная мантия, не отороченная золотым, или черным, или голубым, как у Владычиц отдельных каст. Владычицы обладали почти полным знанием, она же — абсолютным. И если вдруг перестанет биться ее измученное сердце, невозможно будет измерить утрату ее Народа. Страшно было думать о том, сколько еще осталось ударов пульса, сколько еще раз она вздохнет, превозмогая боль.

Рано или поздно она умрет. Но Дом и Народ не должны погибнуть.

На нее снизу вверх смотрела девушка — последняя из детей, Мелейн с'Интель Зайн-Абрин. В прошлом она была кел'е'ен, и хотя уже давно носит одежду степенных и невозмутимых сенов, воинственность келов нет-нет, да и проявится в ее речах и поступках. Годы напряженной учебы не могли не сказаться — ныне Мелейн гораздо умнее

ограниченных келов. Интель ласково погладила ее по плечу.

— Терпение,— сказала ши'пан, ощутив беспокойство Мелейн. Интель знала, что ее совет будет принят с должным почтением.

— Позволь, я найду Ньюна и поговорю с ним,— попросила девушка.

Брат и сестра были очень близки друг другу, хоть и принадлежали к разным кастам, хоть и разделяли их многие законы и обычаи. Кел'ен и сен'е'ен — тьма и свет, Рука и Мозг. Кровь у них в жилах одна, и кажется, будто и сердце одно на двоих.

Интель вспомнила пару, которая подарила им жизнь,— своего самого юного и любимого Мужа и кел'е'ен с Гураджена. Обоих уже нет в живых. С лиц Мелейн и Ньюна на Интель смотрели *его* глаза, смотрели с упреком, заставляли ее сожалеть о своем высочайшем положении, которое обязывает к целомудрию. Она вспомнила, что он тоже был пылким, волевым и недюжинного ума. Наверное, Мелейн ненавидит ее. По своей воле она бы ни за что не перешла из касты воинов в касту сенов. Но сейчас Мать тщетно искала в ее взоре злость. В нем была только тревога за старшего брата.

— Нет,— отрезала Интель.— Пусть он побудет один.

— Ши'пан, а вдруг он что-нибудь сделает с собой?

— Не сделает. Ты его недооцениваешь. Сейчас ты ему не нужна. Ты больше не кел'е'ен, а с сеном ему сейчас говорить не о чем. Словами ты ему не поможешь. А вдруг начнет задавать вопросы? Ты уверена, что сможешь промолчать?

Удар пришелся точно в цель.

— Он еще шесть лет назад хотел улететь с Кесрита,— сказала Мелейн. На ее глазах блесте-

ли непрошеные слезы, и может быть, не за брата молила она сейчас, а за себя.— Ты его не отпустила. А теперь слишком поздно. Что ему делать среди звезд? Кем бы он стал?

— Вот и подумай над этим,— предложила Интель.— Подумай не один день и не одну ночь, сен Мелейн с'Интель, а потом ознакомь меня с выводами. Но не вмешивайся в личные дела кел'енов. И не думай о Ньюне, как о своем брате. У сен'е'ен нет родни, кроме всего Дома и целого племени.

Мелейн встала и посмотрела на нее сверху вниз. Грудь ее бурно вздымалась под мантией. Да, это ее дочь. Интель смотрела на нее и диву давалась: надо же, вылитая я в юности, хоть и нет в ее жилах ни капли моей крови. Как будто глядела в зеркало и видела себя до падения Нисрена, до вымирания Эдуна, до крушения всех ее надежд. Юные черты вселяли в ее душу боль. И вдруг Интель со всей ясностью поняла: сен'е'ен боится и любит ее одновременно.

Но вряд ли Мелейн будет оплакивать ее уход.

Это Интель создала ее. Постепенно, шаг за шагом. Свою дочь — не плоть от плоти, не кровь от крови, но ее дитя, ее избранницу, воспитанную катами, келами и сенами. Наследницу, которой Интель передаст Великие Тайны Народа. Девушку, которая ненавидит ее.

— Учись сдержанности,— посоветовала она Мелейн. Ее мягкий, спокойный тон погасил, хоть и с трудом, гнев девушки.— Учись быть сен'е'ен, Мелейн, это важнее всех желаний.

Девушка прерывисто вздохнула, снова на ее глаза навернулись слезы. Сен'е'ен вновь стала ребенком, и этот ребенок был опасен.

Интель содрогнулась при мысли, что Мелейн переживет ее и наложит на этот мир отпечаток своей личности.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Планета была разделена, и границей служил вал из белого камня. На одной стороне, в равнинной части, жили регулы Кесрита — колонисты, медлительные в движениях и мыслях. Эта часть мира принадлежала им полностью, вместе с большими приземистыми зданиями, торговым космопортом, шахтами и заводом для опреснения соленой воды Алкалинского моря. Мри не забыли, что до того, как на Кесрите появились регулы, этот край назывался Долиной Дусов. Прежде здесь жили дусы, и мри, чтобы не беспокоить животных, обходили долину стороной. Но регулы твердо решили построить город, и дусам пришлось уйти.

Гористее, среди неровных холмов по другую сторону от вала, высились башни мри. Четыре усеченных конуса вздымались из углов приземистого, в любой перспективе трапециевидного, сооружения. Наклонные стены были сложены из местной белой глины, затвердевшей после специальной обработки. Это был Эдун Кесритун — Дом Кесрита, Дом кесритских мри, и, поскольку здесь жила Интель,— Дом всех мри, рассеянных по Вселенной.

С того места, куда привело Ньюна его отчаяние, можно было увидеть большую часть построек. Он часто приходил сюда, на вал, чьи белые камни упорно сопротивлялись стремлению регулов проложить дорогу к святыням Сил'атена, воздвигнуть

там дома и заводы. И они заставили регулов отказаться от своего намерения. Ньюн любил эти камни за их стойкость и за вид, который с них открывался. Под ним лежал город регулов и Эдун мри — два шрамика на белом глиняном теле планеты. Выше него забрались только регульские автоматы, они выгрызали минералы из земли и тем самым оправдывали присутствие регулов на планете. Да еще там ютились звери, владевшие этим миром до появления регулов и мри. Неуклюжие, медлительные дусы когда-то были здесь высшей формой жизни.

Ньюн сидел на камне и угрюмо взирал на мир. Его обуревала ненависть к ци'мри, ненависть куда острее той, что обычно питали мри к другим расам. По летоисчислению, принятому у мри, Ньюну было двадцать шесть лет. Но этот счет не совпадал с периодом обращения Кесрита вокруг Арайна. Отличался он и от бытующего на Нисрене и двух других планетах, где Народ прожил эпоху, о которой повествовали баллады келов.

Ньюн был на голову выше любого из своих соплеменников. На высоких скулах четко выделялись сет'алы — три ритуальных шрама, знак принадлежности к касте. Они были покрыты несмываемой синей краской и означали, что Ньюн — полноправный член касты келов, рука Народа. Как и подобает келу, он был с головы до пят облачен в черное; головная повязка с вуалью — зайдх и мез — скрывали от чужих взоров все его лицо, кроме лба и глаз. Но и они прятались под черным прозрачным зайдхом, когда поднималась пыльная буря или алый Арайн добирался до зенита. Ньюн был плоть от плоти Народа, а потому считал неприличным показывать свое лицо и мысли представителям иных рас. Потому-то и кутался он в черные мантию и вуаль, и это означало, что он принадлежит к единственной из каст Народа,

которой дано право общаться с другими расами. Поверх черной мантии — сайга — он носил ремни; к ремням келы подвешивали оружие, а также награды за службу своему Народу. У Ньюна не было наград — он еще не успел отличиться, и на это сразу обращал внимание каждый встречный мри.

Как и все келы, Ньюн не умел ни читать, ни писать. Зато мог работать с компьютерами и освоил математику регулов и мри. Он изучил сложную генеалогию Дома, которая брала начало от самого Нисрена. Он помнил древние баллады, наполняющие душу тоской. С болью он взирал на растрескавшиеся стены Эдуна Кесритуна, с трудом осознавал, что в живых осталась лишь горстка соплеменников. Он не мог примириться с тем, что его раса вымирает, что конец неизбежен и близок. Он знал все песни, а еще знал, что у него не будет ребенка, который споет их здесь, на Кесрите. Он выучил языки — это было обязательным условием принадлежности к касте гелов. (Ньюн свободно говорил на четырех языках: двух диалектах мри, языке регулов и вражеском). Он превосходно владел оружием — и йин'ейном, и захен'ейном. Девять наставников учили его сражаться, и он знал, что достиг высшей степени совершенства.

И все пошло прахам.

Регулы.

Ци'мри.

Ньюн столкнул ногой камень. Тот покатился вниз, в горячую воду, и поднял облачко пара.

Мир.

Конечно, мир на условиях землян. В самые критические моменты войны регулы отвергли помощь мри. Регулы без сожаления жертвовали своими наемниками, и они, несомненно, с легкостью расплатятся чужой кровью, отдадут Эдуны, которые уже потеряли последних сыновей и дочерей из

касты келов. И все лишь потому, что малодушные командиры регульских колониальных войск ударились в панику и, спасая своих детей, свое добро, свои шкуры, бросили в самоубийственную атаку горстку верных мри.

Наверняка земляне уже поняли, в чем слабость союза мри и регулов. Наверняка земляне решили взять в оборот регулов — на них поражения действуют гораздо серьезнее, чем на мри.

Судя по всему, под ударами землян регулы будут бежать без оглядки. К советам мри они уже давным-давно перестали прислушиваться, сейчас они стремятся лишь к полной безопасности и готовы отдавать планету за планетой. Хотя даже болвану ясно, что полной безопасности для трусов не существует.

В языке регулов нет слова «мужество».

И нет слова «воображение».

Война закончена, и Ньюн застрял на этой планете с огромной кладью уже не нужных знаний и навыков. Одним лишь богам ведомо, что будет дальше, какова судьба межзвездной торговли, как сложится его жизнь. Хочется верить, что все будет, как до войны, мри опять пойдут служить разным торговым компаниям регулов, чтобы сражаться против своих соплеменников в ритуальных поединках...

Да, война закончена, кругом царят разруха и упадок, и лишь богам известно, где искать хозяина юноше из касты келов. Лишь богам известно, есть ли во вселенной хоть один регул, который захочет взять на службу неопытного кела, когда вокруг так много других, закаленных в битвах.

Он всю жизнь учился воевать с землянами, даже не подозревая, что это не его война.

Ньюн вскочил на ноги. Идея, зревшая очень долго, наконец обрела ясность. Он бегом спустил-

ся с насыпи и быстро пошел по дороге. Даже не оглянулся, проходя мимо Эдуна. Никто не заметил его, не окликнул. У него ничего не осталось. И ему ничего не нужно. Кроме того, что на нем, и оружия. Это его имущество по закону и обычаю. Ни на что другое он бы не мог притязать, даже если бы покидал Эдун с благословения Владычицы. А у него благословения нет.

Наверняка Мелейн переживает, но молчит. Она сама долго была в касте келов, она должна его понять, должна радоваться, что он отправился искать себе службу. Кел'ену нельзя засиживаться в Доме, это противоестественно — попробуй удержать ветер в четырех стенах. Кел'ен ни к кому не привязан, только к Владычице и всему Народу.

Ньюн понимал, что виноват перед Владычицей, ведь она ему все равно что мать, даже больше, чем мать. Он знал, что Интель очень любила Зайна, его отца, и до сих пор оплакивает его смерть. Он знал, что сейчас она бы не одобрила его выбора. Запретила бы уходить.

Но ведь это из-за ее упрямства он так долго прожил рядом с ней на Кесрите. Давно надо было отказаться от ее опеки, уйти. Он очень любил Интель, пожалуй, это чувство даже граничило с обожанием. Но даже любовь к Владычице за годы, проведенные в Эдуне, превратилась в горечь.

Из-за каприза Матери мастерство Ньюна не нашло себе применения, его жизнь прошла спокойно и вот, похоже, стала бесполезной, никому не нужной. Девять лет минуло с того дня, когда на его лице появились символические шрамы келов. И сколько раз за девять лет его сердце начинало бешено колотиться, когда перед Эдуном на дороге появлялся регул, желающий выбрать кела для охраны своего корабля? Год от года таких посещений бывало все меньше, а теперь и вовсе никто не

придет в Дом нанимать келов. Ньюн — последний неприкаянный из братьев и сестер, если не считать Мелейн. Все остальные уже послужили, многие из них погибли. А Ньюн с'Интель, вот уже девять лет принадлежащий касте келов, только сейчас твердо решил покинуть Владычицу.

— Мать, позволь мне уйти! — умолял он шесть лет назад, когда улетал корабль с его кузеном Медаем. Как было досадно, что регулы выбрали надменного, хвастливого Медая, а он, Ньюн, опять остался не у дел!

— Нет,— ответила Владычица тоном, не допускающим возражений.— Нет. Ты последний из моих сыновей. Самый последний, и других у меня не будет. Ты сын Зайна, и мое право оставить тебя здесь, при мне. Таково мое окончательное решение. Нет.

В тот день он ушел в горы и тщетно заставлял себя не смотреть, как корабль верховного командования регулов, «Хазан», защищавший зону, в которую входил и Кесрит, уносил Медая с'Интеля Сов-Нелана навстречу судьбе воина, к которой он себя готовил, к высочайшему почету, которого только может добиться кел'ен из Эдуна Кесритуна.

В тот день Ньюн плакал, хоть и считается, что келы не плачут никогда. А потом, сгорая от стыда, он разодрал лицо грубым песком и лишь через день и две ночи заставил себя спуститься в к Дому, келам и Матери с ее тревогой, заботой и эгоистичной любовью.

Старики. Все они старики. Не осталось в Эдуне ни одного кел'ена, годного для службы, даже если ее предложат. Все они — очень опытные воины. Ньюн даже считал их лучшими из лучших, хотя они никогда не хвалились своими победами. Но годы незаметно украли у них силу, и что теперь проку от их мастерства? Их девять — восемь муж-

чин и одна женщина, и они уже выполнили свое предназначение в этом мире. Им уже незачем жить: нет ни сил для войны, ни детей, которым можно было бы передать науку. Старики... Для них все в прошлом.

Они отняли у Ньюна девять лет, заперев его в своей гробнице.

Ньюн спускался в низину — пусть уж эта дорога приведет его к регулам, коль скоро они перестали ходить в Эдун. Не самый прямой, но самый легкий путь; Ньюн шагал, ничего не опасаясь,— старые келы вряд ли попытаются его перехватить. Он не собирался идти в космопорт, а шел, куда вела дорога, в самый центр города регулов, в Ном — двухэтажное здание, самое высокое в единственном городе на Кесрите.

Ньюну стало не по себе, когда он ступил на твердый бетон посреди бесформенных регульских сооружений. Совсем другой мир, в нем нет ничего общего с девственной чистотой гор. Здесь даже пахнет совершенно иначе — пронизывающий до костей ветер Кесрита несет острые запахи испарений масла и машинного топлива, а еще — крепкий мускусный запах регулов.

На Ньюна смотрели молодые регулы. Сейчас они довольно подвижны, а когда повзрослеют, их коренастые тела раздадутся вширь, серо-коричневая кожа потемнеет, обвиснет складками под тяжестью жира, атрофированные мышцы станут непослушны. Мри редко встречали старых регулов. Сам Ньюн не видел их никогда и только слышал, как их описывали наставники. Взрослые регулы жили в городе, в окружении машин, которые перевозили их, очищали для них воздух. Молодые следили за машинами и ждали, когда сами достигнут зрелости.

На площади молодые регулы злобно косились на Ньюна и тихо переговаривались между собой.

Но они не подозревали, что у Ньюна исключительно острый слух. Раньше он никогда не задумывался о том, как к нему относятся регулы. Он не любил их, даже презирал за алчность, но сейчас он явился в роли просителя: только они способны дать то, что ему необходимо. Их ненависть окутывала Ньюна со всех сторон, он дышал ею, как загрязненным городским воздухом. Он правильно сделал, накинув вуаль, перед тем как войти в город. В прошлый раз он поступил точно так же, но тогда он был еще совсем молодым кел'еном и не знал, чего следует ждать мри от регулов. А ныне он взрослый. Он не прятал глаз от надменных ци'мри, наоборот, большинство из них не выдерживало его взгляда, отворачивалось. Некоторые — постарше и посмелее — шипели вслед оскорбления и угрозы, но он не обращал внимания. Он ведь мри, а не регул.

Он знал, куда надо идти. Он знал, где расположен вход в Ном — со стороны большой площади в центре города. Фасад обращен к востоку — так принято у регулов. Ньюн ничего не забыл с того дня, когда приходил сюда с отцом, искавшим службу. Однако в тот раз Ньюн так и не побывал в здании. Теперь он шагнул в дверь, возле которой ждал отца в прошлый раз, и в вестибюле охранник, молодой регул, вскочил со стула.

— Убирайся,— прошипел он.

Даже не взглянув на него, Ньюн прошел мимо, и его замутило от жары и запаха регулов. Он очутился в большом зале, со всех сторон его окружали двери с табличками. В растерянности стоял он посреди зала. Не умея читать, как он узнает, куда идти?

В таком состоянии и застал его охранник из вестибюля. Регул семенил и шаркал; он потемнел то ли от злости, то ли от жары, и тяжело дышал.

— Убирайся,— повторил он.— По договору и законам у тебя нет права сюда приходить.

— Я хочу поговорить со взрослыми регулами.— Ньюн знал, что законы регулов запрещают молодым принимать решения самостоятельно.— Передай, что с ними желает встретиться кел'ен.

Регул шумно выпустил воздух через ноздри и бросил на Ньюна негодующий взгляд.

— Тогда иди за мной.

Белки его круглых глаз были испещрены красными прожилками. Это был совершенно обычный юнец (регулы сами не в состоянии определить свой пол до наступления зрелости): низкорослый, плотный, живот почти до пола. Держался он довольно прямо, и Ньюн понял, что перед ним совсем еще подросток; оставалось лишь догадываться, за что его удостоили такой высокой чести — охранять вход в Ном. Кожа просвечивала, под ней виднелись тонкие коричневые, с металлическим блеском, кости. Ньюн шел за ним следом, изучая его смешную походку.

— Я Хада Сураг-ги,— представился регул.— Секретарь, привратник. А ты, должно быть, из Дома Интель.

Ньюн смолчал, не одернул наглеца, назвавшего Владычицу по имени. Какая возмутительная фамильярность! И неведение тут ни при чем — регулы очень уважают взрослых, чтут их высокие титулы. Нет, это намеренное оскорбление. Ньюн решил, что обязательно поквитается с регулом при следующей встрече. Если, конечно, она произойдет, Хада Сураг-ги получит по заслугам.

По коридору протянулись сверкающие рельсы. Мимо Ньюна промчалась тележка с такой скоростью, что он не успел ее рассмотреть. Рельсы были повсюду, и по ним в разные стороны проносились машины. Ньюн едва сдержался, чтобы не выдать изумления.

Он не поблагодарил юношу, когда тот показал нужную дверь. В комнате, где очутился Ньюн, за металлическим столом сидел взрослый регул. Ньюн просто повернулся спиной к Хаде, когда тот стал ему не нужен, и услыхал, как привратник затворил за собой дверь.

Чиновник откинулся от стола, поудобнее расположился в самодвижущейся тележке. Ньюну доводилось слышать о том, что регулы пользуются этими сверкающими механизмами, чтобы передвигаться, не вставая на ноги.

— Мы о тебе знаем,— сообщил регул.— Ты Ньюн с холмов. Твои взрослые связались с нами. Тебе приказано немедленно вернуться.

В лицо Ньюну ударила кровь. Значит, его родичи предупредили регулов! А ведь у него даже мысли не возникло о такой возможности.

— Это не имеет значения,— подчеркнуто равнодушным тоном произнес он.— Я хочу служить на ваших кораблях. Я покинул свой Эдун.

Коричневая туша сложилась в гармошку и снова расправилась — вдох-выдох. Затем прищуренные глазки уставились на Ньюна.

— Твое желание нам вполне понятно,— сказал регул.— Но у нас договор с твоим народом, он не позволяет принять тебя на службу без разрешения твоих взрослых. Убедительно прошу вернуться в Эдун. Мы не хотим ссориться с твоими старшими.

— Над тобой есть начальство? — хрипло спросил Ньюн, теряя терпение и надежду.— Позволь мне поговорить с кем-нибудь повыше чином.

— Ты хочешь видеть Старшего?

— Да.

Регул снова вздохнул, потом нажал кнопку и сделал запрос по внутренней связи. Раздался грубый и равнодушный голос: келу отказать. Регул

поднял глаза, радости и удовлетворения в них было гораздо больше, чем сочувствия.

— Ты слышал?

Ньюн повернулся, вышел из кабинета и быстро зашагал по коридорам. Он пересек фойе и вестибюль, не обращая внимания на юного Хаду. Лицо горело, он задыхался в духоте и жаре Нома. Наконец-то площадь, по которой гуляет холодный ветер!

Словно по своей воле, ноги несли его к окраине; казалось, что каждый регул в городе уже знает о его позоре и потихоньку смеется над ним. И это было вполне возможно, ведь каждый регул всегда старался сунуть нос в чужие дела.

Он не укоротил шага, пока не вышел из города и не направился по валу в Эдун. Теперь он шел медленно, не заботясь о том, что его могут увидеть или услышать. Этот участок пути требовал внимательности и осторожности, но юноша не глядел по сторонам, рискуя навлечь на себя немилость богов и гнев Владычицы. У входа в Эдун он даже пожалел, что с ним ничего не случилось.

Он вошел в гулкий и холодный сумрак. Поднялся по лестнице в башню келов, толкнул дверь, вошел в зал и, не поднимая вуали, угрюмо доложил кел'анту Эддану:

— Я вернулся.

Эддан занимал высокое положение и вполне мог потребовать, чтобы юноша открыл лицо. Но он хорошо владел собой и сделал вид, что ничего не случилось. «Старик, старик,— не мог не подумать Ньюн,— твои сет'алы на лице уже затерялись в морщинах, твои подслеповатые глаза уже смотрят во Мрак. Ты будешь держать меня здесь, пока я не стану таким, как ты. Девять лет, Эддан. Ты отнял у меня девять лет, а теперь еще и чувство собственного достоинства. Кем я буду еще через девять лет?»

— Ты вернулся,— подтвердил Эддан. Старый наставник Ньюна все еще придерживался отношений, которые складываются между учителем и учеником.— И что с того?

Ньюн аккуратно снял вуаль и устроился, скрестив ноги, на полу, у теплого бока спящего в углу дуса. Тот заворочался и закряхтел, недовольный, что нарушили его сон.

— Я хотел уйти.

— Ты огорчил Владычицу,— сказал Эддан.— Больше не ходи в город. Мать запретила.

Ньюн поднял глаза. В нем закипала ярость.

— Ты заставил волноваться весь Дом. Подумай об этом.

— Подумайте обо мне! — вскричал Ньюн и с мрачным удовлетворением отметил, что Эддан словно окаменел от его слов.— Это же глупо, нелепо — держать меня здесь. Я должен что-то совершить в жизни. Что-то свое.

— Да? — В мягком голосе Эддана сквозил гнев.— Кто тебе это сказал? Кто-нибудь из регулов?

Старый мастер йин'ейн стоял спокойно, засунув руки за пояс; эта поза заставляла содрогнуться любого, кто знал ее смысл. В ней был вызов. Ньюн любил Эддана, но в этот момент он испугался старика, ибо вспомнил, что так и не превзошел его в воинском искусстве. В том-то и заключалась разница между ним и старым учителем — тому, кто вызовет гнев Эддана, придется заплатить кровью.

И Эддан чувствовал эту разницу. К его лицу прилила кровь.

— Я никогда не требовал, чтобы со мной обращались лучше, чем с другими,— заявил Ньюн, отворачиваясь. Не принимая вызова.— Я просто хочу выполнить свое предназначение.

— И что же это за предназначение?

Ньюн не нашелся с ответом.

— В твоих аргументах есть слабое место,— сказал Эддан.— Вернее, зияющая дыра. Пойди и подумай, Ньюн с'Интель, и когда поймешь, какова твоя миссия, зачем ты нужен Народу, приди и скажи мне. Мы пойдем к Матери и поговорим о тебе.

Эддан насмехался над ним. И хуже всего было то, что Ньюн заслуживал насмешки. Со своей чрезмерной настойчивостью он опозорился перед регулами. Он опустил вуаль, поднялся на ноги и повернулся к выходу.

— Возвращайся к своим обязанностям,— резким тоном произнес Эддан.— Обед прошел без тебя. Пойди помоги Лирану убрать со стола. Умей в первую очередь думать о своем долге перед Народом и во вторую — о его долге перед тобой.

— Да, кел'ант,— покорно склонил голову Ньюн, после чего отвернулся и двинулся вниз по лестнице.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

И жизнь на борту космического корабля, и долгое путешествие с Элага-Хэйвена — все было невыносимо скучно. Стен Данкан еще раз взглянул на экран дисплея в кают-компании и тоскливо вздохнул: никаких перемен. Пожалуй, еще не было столь нудного перелета в обычном пространстве с тех пор, как они покинули Хэйвен, где ситуация требовала чрезвычайной бдительности и скучать не приходилось.

Перед Стеном открылся коридор. Он пожал плечами и шагнул вперед. Здесь везде пахло регулами. Проходя мимо отворенной двери автоматического камбуза, Данкан задержал дыхание. Он старался идти по середине коридора, чтобы не мешать движущимся по рельсам тележкам. Коридоры были широкие, полуовального сечения, с довольно большой максимальной высотой. На полу змеились сверкающие рельсы, по ним тележки возили регулов по длинным коридорам корабля.

Даже на миг невозможно было забыть, что корабль принадлежит регулам. Коридоры поворачивали не под углом и не по дугам, как на кораблях землян, они закручивались невообразимыми спиралями и были приспособлены в первую очередь для тележек. Лишь по немногим коридорам можно было нормально ходить. И именно в помещениях, пригодных для ходьбы, размещались каюты для землян (или для мри,

испокон веку служивших на регульских кораблях),— но и там блестели рельсы.

По всему кораблю витали непривычные запахи, ароматы чужой пищи, незнакомых специй; звучала удивительная речь регулов, воспроизвести которую было не под силам не только землянам, но и постоянно общавшимся с регулами мри.

Стену все это не нравилось. Он испытывал острое отвращение к регулам, но, понимая, что в его положении такая реакция вредна, всячески старался подавить свои чувства. Было очевидно, что подобное омерзение — но уже к нему — испытывают и регулы. Лишь шесть часов в сутки их гостям позволялось заниматься своими личными делами в специально отведенных для этого местах. А затем наступал двадцатидвухчасовой период строжайшей изоляции.

Стен Данкан, правая рука Джорджа Ставроса, будущего губернатора новых территорий, а ныне — лицо, уполномоченное вести переговоры между землянами и регулами, не упускал ни минуты из ежедневных шести часов свободы. А мистер Ставрос носу не казал из своей каюты. Данкан бродил по коридорам или сидел в информатории, собирал и анализировал сведения, чтобы шеф всегда был в курсе происходящего. Кроме того, в ведении Данкана была переписка между Ставросом и его партнером по переговорам, высокопоставленным регулом баем Хулагом Алань-ни. Вся она шла по пневматической почте.

Регульский протокол. Чиновная иерархия. Ни один взрослый регул не уронит своего достоинства, не напишет документ сам. Это задача для мелких клерков, молодых регулов. Следовательно, и человек такого высокого ранга, как Ставрос, должен поступать сообразно. И Ставрос, подражая

высокопоставленным регулам, выбрал себе молодого, но уже имеющего заслуги помощника.

Конечно же, Данкан, был всего лишь секретарем, мальчиком на побегушках. Но с его вступлением в должность у начальства изрядно вырос авторитет. Стен исправлял ошибки шефа. При захвате Хэйвена он получил повышение, и регулы об этом знали. И это прекрасно повлияло на престиж Ставроса.

Данкан собрал дневную корреспонденцию, остальную почту переложил на другой стол, опустил в щель автомата заказ на еду. По извилистым трубкам эта карточка попадет в соответствующий отсек, и вскоре тележка доставит заказанные блюда, приготовленные регулами из съестных припасов землян.

«Нас содержат, как экзотических зверьков»,— раздраженно подумал Данкан. Регулы старались создать привычную для землян обстановку, однако во всем чувствовалась искусственность, нарочитость.

Он пошел назад по коридору, через большой зал и информаторий. В тех местах, где Стен бродил во время шестичасового периода, ему почти не попадались регулы — ну разве что совсем юные. Занятно, что даже Ставрос не встречался с Хулагом. Опять виноват протокол. Похоже, за все время пребывания у регулов они так и не повидаются с баем Хулагом Алань-ни и будут общаться только с юношами — его слугами, носильщиками, секретарями.

Старые регулы тяжелы на подъем, а Хулаг, говорят, достиг весьма почтенного возраста. Сам Данкан считал, что пожилые регулы стесняются своей беспомощности и стараются держаться подальше от чужих глаз.

Или же земляне вызывают у них неодолимое отвращение. Что ж, это вполне возможно. Регулы

тоже, по человеческим меркам, далеко не красавцы.

Данкан отворил незапертую дверь и вошел в двухместную каюту, которую он занимал вместе со Ставросом. Первая комната, прихожая, принадлежала ему. Здесь стояла раскладушка, и вообще было все, что может понадобиться человеку в длительном путешествии. «Так регулы мстят за то, что мы настояли на долгом и медленном полете»,— мрачно подумал Данкан. Кабинет и спальня достались Ставросу. Там же был и туалет, он примыкал к спальне и совершенно не был приспособлен для удобства землян. Интересно, как с этим справляется Ставрос, пожилой человек? Но неразумно было бы требовать от регулов переделок, не следовало подчеркивать разницу между ними и людьми даже в таких деталях. Считалось, что регулы оказывают уважение людям, не подавая виду, что те от них отличаются. Отсюда и общение с земным послом только через юных посредников, и тот факт, что молодой секретарь Данкан ютится в тесной и неудобной прихожей, которая, ко всему прочему, еще и проходной двор.

Все в полном соответствии с этикетом регулов: он, молодой секретарь и слуга, должен охранять почтенного господина от нежелательных визитов и прочих неудобств. В подобном «гостеприимстве» регулов землянам не следовало усматривать оскорбление.

И Ставрос был вынужден мириться с положением почетного узника, с заточением в четырех стенах и общением с регулами только через Стена.

Данкан затворил за собой дверь и постучался к Ставросу. Это была необходимая процедура: во-первых, подслушивающего регула (а в том, что их подслушивают, земляне не сомневались) озадачило бы панибратство между старшим и младшим, а во-

вторых, они слишком много времени провели в этой тесной каюте и не желали раздражать друг друга внезапными вторжениями. Дверь отворилась сама по сигналу с пульта, и Данкан увидел субтильного старичка в массивном кресле-тележке, таком же точно, как у всех пожилых регулов. Столик, пульт управления. Ставрос мог перемещаться по комнате в тележке. Данкан подошел к нему, вручил кассеты и бумаги; Ставрос сразу же принялся за работу, ни словом не поблагодарив и даже не улыбнувшись. На памяти Данкана Ставрос улыбнулся несколько раз и то лишь в самом начале их совместной деятельности. Данкан понимал, что его здесь ставят не выше любого молодого регула — он не заслужил уважения, он еще даже не личность. Стену оставалось лишь надеяться, что такое отношение Ставроса к нему — не более чем маскировка.

А вообще, Ставрос был для него загадкой. Данкан видел в нем качества, которые уважал — мужество, например. Стен считал, что именно мужеству Ставрос главным образом обязан тем, что ему поручили такую сложную и опасную миссию, да еще в столь почтенном возрасте. Здесь требовался именно такой человек: старый дипломат, который не только справится с обязанностями губернатора новых территорий, но и быстро заслужит уважение соседей-регулов. Ставрос был уже в отставке, когда ему предложили это назначение. Здоровьем он не отличался. Как Данкан узнал из единственного доверительного разговора со стариком еще до посадки на корабль, Ставрос родился на Килуве, где разыгралось одно из знаменитейших сражений. Это кое-что объясняло. Отдаленная колония Килува долгое время была предоставлена сама себе. Там зародилось любопытное философское учение, благодаря которому килуванцы приобрели эксцен-

тричность поведения и манер. Многие годы после падения Килувы Ставрос служил в Ксенологическом Бюро, и затем перешел в университет на профессорскую должность. У него были дети, и в войне за Элаг-Хэйвен он потерял внука. Но если Ставрос и ненавидел регулов за Килуву и смерть внука, он никогда этого не показывал. Он вообще был довольно сдержанным; казалось, его интересуют только регулы.

Ставрос был само спокойствие, но за этим спокойствием таилась бездна чувств.

Светлые глаза старика блеснули.

— Доброе утро, Данкан,— сказал он и тотчас вернулся к работе. А потом добавил: — Присядь и подожди.

Разочарованный Данкан сел и набрался терпения. Ничего другого не оставалось. Скоро эта гнетущая тишина и бездеятельность сведут его с ума. Он смотрел на Ставроса и уже, наверное, в сотый раз гадал, зачем старику понадобилось изучать язык регулов — такой сложный, отнимающий столько времени. Ведь регулы довольно хорошо изъясняются и на универсальном. Но за время полета Ставрос добился немалых успехов и теперь мог сам прослушивать записи речей регулов, лишь изредка опуская взгляд на письменный перевод. Впрочем, было бы что слушать. Регулы засыпали людей беззастенчивой пропагандой, изощрялись в восхвалении своей древнейшей планеты-прародительницы Нураг и исключительных достоинств командира корабля. Все это, за исключением некоторых деталей конструкции звездолета, наводило на Данкана смертную тоску.

Но Ставрос терпеливо учился и в конце концов стал достаточно сведущ в обычаях регулов. Быстрота, с которой он постигал новый язык и особенности чужой культуры, изумляла Данкана. Став-

рос уже понимал эту жуткую сумятицу звуков, которая была и осталась для Данкана бессмысленной какофонией.

Этот человек — ученый, интеллигент, имевший детей, внуков и правнуков,— оставил все привычное, человеческое, все, чем занимался на своем долгом веку, и вместе с врагами отправился в путь навстречу неизвестности. Хотя пост губернатора довольно высок, Ставроса ждали впереди невероятные трудности и неудобства. Данкан не знал, сколько лет его шефу, а слухи, которые ходили на Хэйвене, вряд ли заслуживали доверия. Но Стену было доподлинно известно, что один из правнуков Ставроса уже служит на флоте.

Достигни Данкан некоторой откровенности в отношениях со Ставросом, он бы спросил старика, почему тот принял назначение. Но пока он не осмеливался задать этот вопрос.

Правда, Данкана все время подмывало поговорить со Ставросом о тяготах долгого полета, обо всем необычном и непривычном, что их окружает, о том, что их ждет впереди. Но старик терпеливо занимался своими делами; казалось, для него не существует ничего, кроме профессионального долга.

Данкан знал: и как спутник, и как помощник он для Ставроса не ахти какое приобретение. Он всего лишь необходимая уступка регульским обычаям. Ставрос легко обошелся бы без секретаря, судя по заданиям, которые он поручал Данкану. Стен получил это назначение после собеседования с шестью офицерами хэйвенского отделения Плара — планетарной разведки, и он сам не знал, почему выбор пал именно на него. Даже разведчики признавали, что у него нет необходимой квалификации, но Ставрос возразил, что молодому человеку придется всего лишь выполнять его поручения.

— Ты летишь добровольно? — спросил он с таким видом, будто подозревал, что Данкан малость не в своем уме.

— Да, сэр,— правдиво ответил Стен.— Комиссия беседовала почти со всеми молодыми офицерами, и вот я здесь.

Ставрос поинтересовался, есть ли у него права пилота.

— Да, сэр.

— Ненавидишь регулов? — спросил Ставрос.

— Нет,— коротко ответил Данкан, и это было правдой. Он не любил их, но и ненависти в нем не было: идет война, вот и все. И тогда Ставрос вновь перечитал личное дело Данкана и одобрил его кандидатуру.

В те дни Данкану казалось, что ему невероятно повезло. Прямо с театра военных действий, где жизнь все время висит на волоске и где его карьера практически достигла потолка,— на легкую дипломатическую службу, с гарантированным возвращением домой и пенсией через пять лет, пенсией втрое больше той, о которой смеет мечтать простой офицер планетарной разведки. Но особенно Данкана прельщала должность в новом колониальном директорате под управлением Ставроса, богатство и высокое положение в развивающемся мире: за такое любой человек способен убить или отдать жизнь. И нужна-то самая малость: какое-то время терпеть общество регулов и послушанием, исполнительностью заслужить благоволение Ставроса. За пять лет он обязательно этого добьется.

Данкан почти не испытывал страха, когда ступал на борт регульского корабля. Он прочитал все, что узнали об этой расе люди, он помнил, что регулы не способны вести серьезные боевые действия. Они не жестоки и, по сути, совершенно безобидны. За них сражались воинственные мри,

они же провоцировали конфликты. Но регулы наконец взялись за ум и отозвали мри с фронта. На планете Нураг, праматери регулов, к власти пришла партия пацифистов. Ее сторонники ведут корабль, на котором летят Ставрос и Данкан, и владеют тем миром, куда направляются послы землян.

Но за время этого долгого и томительного путешествия Данкан познал доселе неведомый ему страх — неизбывный, тяжкий, растущий исподволь. Мало-помалу до него доходило, почему Ставросу дали в помощники офицера планетарной разведки. Он привык подолгу находиться среди чужих, его не гнетет долгое одиночество, ему неведомы сомнения и вдобавок плевать он хотел на большую политику. Случись беда, Ставрос будет существенной потерей для землян, а Стен Данкан — ничто, жалкий офицеришка, его можно списать без всяких сожалений. Низкий уровень квалификации позволяет ему выболтать противнику все, что он знает,— землянам от этого не будет вреда. Стен просто-напросто не знает ничего важного. Да и Ставрос, если на то пошло, слишком долго прозябал в заштатном нью-килуванском университете, чтобы знать военные тайны.

Мелькала и такая мысль: «А может, Ставрос способен безжалостно ликвидировать меня, если я буду не нужен, если докажу свою непригодность?» Ставрос — дипломат, а дипломатам Стен интуитивно не доверял, ведь это по их милости сотни и тысячи молодых людей вроде Данкана шли на войну, на смерть. «Возможно, именно по этой причине Ставрос не желает говорить со мной по душам, обращается, как с бессловесным животным или мебелью». Регулы так быстро и безжалостно расправлялись со слишком строптивыми или недостаточно сообразительными молодыми по-

мощниками, словно всего-навсего меняли обстановку в комнате.

Страх Данкана рождался ночью, в темноте, в долгие часы, когда юноша лежал и думал, что совсем рядом за дверью стоит на часах регул, чьих мотивов он не способен понять, а за другой дверью лежит человек, но его мысли не менее таинственны. И этот человек учится мыслить, как регулы, у которых старшие внушают ужас молодым.

Но когда днем они встречались со Ставросом лицом к лицу, Стен недоумевал, как подобные домыслы могли прийти ему в голову. Впрочем, длительное заключение, необходимость постоянно подавлять свои чувства — стоит ли удивляться, что в душе поселился безотчетный страх?

Стену оставалось лишь надеяться, что он делает именно то, чего требует Ставрос.

Пленка перематывалась уже в третий раз, Данкан по отдельным знакомым словам определил, что близится конец. Ставрос слушал и запоминал. Теперь он смог бы воспроизвести весь текст по памяти.

— Сэр,— осторожно прервал Данкан раздумья шефа,— Сэр, начинается...— Диктофон щелкнул.— ...Начинается период свободного передвижения. Вам ничего не нужно из информатория или лазарета?

Только бы Ставросу что-нибудь понадобилось, только бы выбраться на шесть часов из каюты — ходить, двигаться. Но Ставрос запретил появляться там, где можно встретить регулов, запретил контакты с командой. Данкан понимал, что эти запреты — всего лишь предосторожность, она не позволит регулам проникнуть в духовный мир землян. «Будет лучше, если мы останемся для них загадкой»,— сказал однажды Ставрос. Но было невыносимо сидеть в каюте, когда уходили часы свободы.

— Нет.— Одним словом Ставрос развеял все его надежды. И вдруг, после секундного колебания, протянул Данкану кассету.— Впрочем, извини. Найди следующую по каталогу и принеси мне обе. Прогуляйся.

— Хорошо, сэр.— Стен поднялся и хотел поблагодарить старика за то, что тот понял его желание. Но Ставрос уже снова погрузился в работу, ничего другого для него больше не существовало. Данкан немного подождал, а затем через свою каморку вышел в коридор.

Там он сделал глубокий вдох, чтобы привыкнуть к чужим запахам. Наконец-то он на свободе, хотя по-прежнему его окружают переборки. У регулов очень тесные каюты, места в них хватает лишь для тележек. Все вещи размещены так, чтобы их можно было достать сидя. Данкан подавил желание потянуться, упругой походкой прошел в большой зал. В коридоре он не встретил регулов.

Зал был приспособлен для совещаний и лекций, кроме того, здесь находился информаторий. «Счастье, что они не додумались установить в нашей каюте терминал для доступа к информаторию,— подумал Данкан,— тогда у меня вообще не было бы причин выходить. А может, на корабле есть и другие пассажиры, и они тоже пользуются информаторием?» Он разобрал витиеватые символы на кассете, которую держал в руках, и отстучал на клавиатуре номер следующей пленки.

Машина пискнула, и вскоре кассета выскочила из паза. Данкан вложил ее в переводчик, и машина стала выдавать распечатку лист за листом: текст, транскрипция, перевод. Стен нетерпеливо ходил по залу, поглядывал на часы. Машина работала гораздо медленнее, чем земные аналоги. «Точь-в-точь как ее хозяева-регулы»,— подумал Данкан. От скуки он

вгляделся в экран дисплея на стене зала. Там высвечивался курс корабля, изредка картина менялась, на экране возникали удивительные ландшафты миров, где обитали регулы. Но на этих изображениях не было видно ни живых существ, ни строений. Регулы все предусмотрели, чтобы земляне узнали о них как можно меньше. И снова на экране прочерчивался курс корабля, летящего в просторах вселенной. Данкан смотрел на карту и думал, что изоляция — это как бы переход от жизни, которую он вел раньше, к той, которую трудно себе представить и которая ждет впереди. Ведь они со Ставросом ничего не знали о месте назначения, ничего, кроме его названия на языке регулов.

Данкан в задумчивости просмотрел три цикла смены изображений и вернулся к переводчику. Машина остановилась на середине листа, получив сигнал приоритета. Кто-то из Старших прервал ее работу, ему срочно понадобилась важная информация. Материалы для Данкана застряли. Он нажал кнопку запуска на панели машины, лампочка приоритетного запроса горела по-прежнему, информаторий не желал подчиняться бесправному землянину.

Стен выругался и глянул на часы. Распечатанная половина текста лежала на столе, остальное застряло в машине. Можно уйти, аккуратно отрезав распечатку, а можно и подождать, пока машина освободится. Данкан решил остаться. Возможно, задержка случилась из-за того, что он заказал печать, довольно редко используемый режим работы. Слухи утверждали, что регулы вообще не пользуются письмом, но Данкан лично убедился, это не соответствует действительности. У них тщательно разработанная и весьма сложная письменность. Но этот информаторий предназначался в основном для прослушивания материалов, большая их часть хранилась в виде звукозаписей на

магнитных лентах и дисках. Говорили также, и это подтверждалось наблюдениями Стена, что регулам незачем слушать запись более одного раза.

Один миг — и полное запоминание. Эйдетика, абсолютная память.

Раса регулов не умеет забывать и выдумывать.

Если это так, значит, регулы не способны лгать.

Но нельзя исключать, что раса, не умеющая лгать, создала иные способы утаивания правды.

Данкану не хотелось думать о том, кем же считают регулы землян, всецело полагающихся на записи, изобретающих сложные машины, чтобы запоминать то, что любой регул запомнит с первого раза; землян, не способных даже толком выучить чужой язык.

Думая о молодых регулах, таких медлительных, таких неуклюжих, Данкан вспоминал их поросячьи глазки,— в них светились разум, чувства. Данкану становилось не по себе при мысли, что эти юноши проживут век в несколько раз больше человеческого и будут помнить каждое мгновение своей жизни, если, конечно, их не прикончат собственные родители. И этот бай Хулаг, командующий регулами, кораблем и зоной, куда летят земляне, тоже помнит все.

Данкана возмущала и долгая жизнь регулов, и их великолепная память, и строгий распорядок, по которому жили на борту этого корабля земные посланники, и машины, которые уравнивали могущество регулов с земным. Его злили и постоянные мелкие придирки и возмущало презрение, с каким регулы относились к землянам.

Ставрос неминуемо потерпит поражение, если поведет игру по правилам этих существ. Он жестоко ошибается, если считает целесообразным приспосабливаться к их образу жизни.

Такие мысли угнетали Данкана с первого дня пребывания в этой стерильной, сверкающей хромом тюрьме.

Здесь некуда деться от регулов и их машин. Жалкие создания, совершенно беспомощные без своих механизмов, регулы казались огромными бесформенными паразитами на стальных телах своих машин. И Ставрос опасно заблуждается, если надеется подкупить регулов какими-нибудь достижениями земной цивилизации. Регулы презирают землян, чей мозг способен забывать, чья память — это бумага, магнитные диски и ленты.

Хотелось бы все это высказать Ставросу, но увы, слишком велика пропасть между ними. Ставрос, в отличие от него, ученый. Но зато у Данкана громадный опыт солдата, и этот опыт вопиет, что землянам грозит смертельная опасность.

Данкан со злостью ударил кулаком по панели — время почти вышло, проклятая машина работала слишком медленно. Но злиться на нее было глупо, даже бессмысленно, и Данкан через секунду раскаялся. Лампочка приоритетного запроса погасла. Стен с ужасом подумал, не сломал ли он чего, не помешал ли какому-нибудь высокопоставленному регулу.

Но тут машина возобновила печать, и вскоре все было готово. Кассета выскочила из гнезда в полном порядке. Данкан сложил распечатку, взял кассеты и, уже поворачиваясь к выходу, бросил взгляд на дисплей, где в очередной раз сменились изображения. Корабль находился в системе какой-то звезды. Планет было семь, и корабль направлялся ко второй.

Вот оно, место назначения.

И тут он заметил на экране еще один корабль, идущий в отдалении другим курсом. Да, они в системе звезды, в заселенной, освоенной области, вблизи

Кесрита. Время возобновило свой бег. Словно предчувствуя близкий конец полета, сердце Данкана бешено забилось. Скоро они доберутся до цели своего путешествия, осталось уже совсем немного. Судя по часам на экране, до посадки в космопорте Кесрита осталось не больше недели. Они добрались! Скоро их выпустят из этой тюрьмы!

В левом коридоре послышались шаги. Данкан не придал им значения, решив, что идет молодой регул упрекнуть его за задержку. Но вдруг он понял, что эта уверенная поступь вовсе не похожа на мелкие шажки регулов или старческую походку Ставроса. Он повернулся и обмер, увидев не регула и не человека...

Данкан с ужасом смотрел на существо, закутанное в черную мантию, перепоясанное ремнями с множеством маленьких сверкающих дисков. Мри. Кел'ен. Незнакомец стоял, не проявляя враждебности, лишь золотистые глаза над краем черной вуали удивленно поблескивали. Узкая бронзовая рука потянулась к ножу на поясе и нерешительно застыла.

Некоторое время оба стояли неподвижно, тишину нарушало лишь потрескивание статики на экране дисплея.

Враг. Тот, кто уничтожил Килуву, и Талос, и Асгард. Данкан ни разу не видел мри так близко. У него были обнажены только руки и глаза. Высокий кел'ен по-прежнему не шевелился, но теперь казалось, он излучает ярость и угрозу.

— Я Стен Данкан,— набравшись смелости и сомневаясь, что мри поймет его, представился Данкан. Но он все же надеялся, что его язык не позволит заговорить оружию.— Секретарь представителя Федерации.

— Я кел Медай,— ответил мри на великолепном универсальном.— И нам не следует встречаться друг с другом.

С этими словами мри повернулся и пошел обратно. Черный силуэт скрылся за поворотом коридора. Данкан обнаружил, что у него дрожит каждая мышца. Так отчетливо он видел мри только на фотографиях, и большинство из этих существ ныне мертвы.

Наконец ему удалось собраться с мыслями и дать оценку: «Красив». И тут Данкан поймал себя на том, что думает о кел'ене, как о животном — красивом, породистом и смертельно опасном.

Данкан повернулся, и вновь в его жилах застыла кровь. В проеме входа стоял молодой регул, его ноздри раздувались от злости и возбуждения. Он был пепельно-серым и даже дрожал.

— Иди к себе! — приказал он.— Время кончилось. Иди к себе! Быстро!

Данкан обошел регула и, не оглядываясь, поспешил к себе. Когда добрался до каюты, у него тряслись руки; в дверь он буквально ввалился. Он не успокоился, пока не щелкнул замок. Стен без сил опустился на койку. Надо было немедленно идти к Ставросу с новостями. Бумаги вывалились из рук, несколько листов упало на пол. Он наклонился и собрал их одеревеневшими пальцами.

Он допустил ужасную оплошность и был уверен, что этим дело не кончится.

Они летят на планету Кесрит звезды Арайн, планету, где живут мри. Вот, значит, что за территорию регулы намерены отдать победителям-землянам.

Они предали мри, и тем не менее на этом корабле, везущем приказ о передаче Кесрита землянам, летит кел'ен.

«Нам не следует встречаться друг с другом» — так сказал мри.

Данкан был уверен, что ни мри, ни тем более регулам не нужна была эта встреча. Значит, непредвиденная случайность?

Он несколько раз глубоко вздохнул, собираясь с силами, а затем встал и постучал в дверь спальни. На этот раз он не дожидался разрешения войти.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Этим вечером еще один корабль покинул планету — один из многих, что эвакуировали регулов и их имущество с Кесрита на спутник, в большой космопорт; эстафету принимали огромные транспортники — они уносили перепуганных регулов, оставляя планету землянам.

Ньюн наблюдал со своего привычного места — скалы, которая возвышалась над морем, башнями и городом регулов. Вот и все. Наконец-то в голове Ньюна уложилось, что война окончена, хотя ощущение реальности по-прежнему ускользало. Он смотрел, как стартуют корабли. На его памяти они никогда не сновали так часто между планетой и орбитальной станцией. Значит, город регулов умирает, каждый улетающий корабль уносит частицу его жизни. Подчиняясь приказу Владычицы, Ньюн не приближался ни к космопорту, ни к городу. Если бы он все-таки ослушался Мать и спустился, увидел бы пустые дома, заводы без самого ценного оборудования. Это он понимал. Каждый день на дороге, что вилась вдоль побережья моря, Ньюн видел поток машин, они перевозили к космопорту регулов из дальних населенных пунктов. В город летели самолеты, но их становилось все меньше. Возле космопорта росли горы брошенных за ненадобностью машин. Теперь они обречены ржаветь и разваливаться на части.

Говорили, что цена мира — это передача землянам всех колоний в зоне Кесрита.

Экономика ци'мри оказалась сильнее оружия келов, важнее чести и достоинства мри. Конечно, потеря Кесрита довольно тяжела для регулов, как ни крути, это и центр добычи минералов, и мощный перевалочный пункт, оснащенный превеликим множеством автоматов. Несомненно, утрата такой колонии наносит огромный ущерб их промышленности и торговле. Улетающие корабли — верный признак трагедии. Превыше всего регулы ставят собственность. Качество и количество принадлежащих регулу вещей — это его цена в глазах остальных. И потеря домов и всего прочего, что нельзя вывезти с планеты,— для них настоящее горе. Но им еще повезло, у них нет Святынь, которые теряешь раз и навсегда. Все, чего регулы лишились сейчас, они обретут на других планетах, если постараются. Но мри в этой войне потеряли свою честь, и вновь обрести ее невозможно.

И поэтому Ньюн нисколько не жалел бегущих регулов. Сам он потерял неизмеримо больше. Всю жизнь мечтал вырваться из обыденной жизни, в огне и грохоте покинуть Кесрит на одном из этих кораблей и устремиться в звездные просторы. А теперь они взлетают днем и ночью, и уже совершенно ясно, что личные планы Ньюна с'Интеля Зайн-Абрина — ничто по сравнению с могучими силами, которые правят мирами. Но все же его беды — ничто в сравнении с катастрофой, которая угрожает Дому. И то, что могучие силы, правящие мирами, не думают о судьбе его народа, тоже не укладывалось у него в голове.

Он попытался сосредоточиться, обдумать новую ситуацию.

«Где мы теперь будем воевать?» — как-то спросил он Эддана, предполагая, что Народ не

утратил здравомыслие и намерен защищать свой Эдун.

Но Эддан только отвернулся и махнул рукой. Обратиться с этими же словами к Владычице Ньюн не рискнул. А Интель смотрела на него со странным сожалением, как будто ее последний сын не понимал чего-то очень важного, и ласково говорила, что необходимо быть мужественным и терпеливым. Она знала, какой вопрос не дает покоя Ньюну, но старательно избегала прямого ответа.

И день за днем улетали корабли регулов. Без единого кел'ена на борту. Ши'пан запретила.

Он видел угасание. Наконец он это понял. Но что гаснет, он не знал. Просто чувствовал: близок конец. От всех его желаний не осталось ничего. Регулы улетают, а им на смену придут земляне.

Теперь он жалел, что так невнимательно и небрежно изучал землян, их образ жизни. Иначе бы сейчас он знал, с кем придется иметь дело. Возможно, старший кел'ен их знает — за его плечами много лет войны с землянами. Возможно, Эддан считал, что Ньюн тоже их знает, поэтому не тратил времени на лекции о людях. А может, старшие так же невежественны, как и он, юноша, и просто боятся ударить перед ним лицом в грязь. Даже если это так, все равно, он не будет их винить. Но он не мог поверить, что уже ничего нельзя предпринять, нельзя подготовиться, пока трусливые регулы бегут, как крысы. Он знал, какая его ждет судьба, знал, что келы будут сопротивляться до конца, но им всем суждено погибнуть. Они умелые бойцы, самые лучшие из всех ныне живущих воинов, в этом он не сомневался. Но их всего девять, и они слишком стары, чтобы долго отражать атаки многочисленных землян.

Снова и снова приходили видения, такие же невероятные, нереальные, как и уход регулов из его жизни, как скорое пришествие землян, как

чужой язык, чужие голоса, которые зазвучат в Святилище Эдуна. Он видел огонь, кровь и десять кел'енов, безнадежно пытающихся защитить свою Владычицу от полчищ землян.

«Братья, сестры,— звучал в его душе страстный призыв к кел'енам.— Может быть, есть что-то такое, чего я не вижу? Какая-то надежда? Или... О боги, может, наша ши'пан лишилась разума? Братья, сестры, смотрите, корабли! Это наш выход из западни! Вразумите нашу Мать! Она забыла, что еще остались те, кто хочет жить!»

Но ничего этого он не говорил старшим. Хотелось бросить эти слова в лицо самой Интель, но он не решался. Он не смел настаивать на своем, не смел спорить с ними, не смел обсуждать то, что они обсуждали между собой. Все в Эдуне, за исключением его и Мелейн, помнили Нисрен и довоенную жизнь. Однажды они приняли помощь регулов и покинули развалины Нисрена, но теперь на совете, куда Ньюна, не принадлежащего к числу Мужей, не позвали, было единогласно решено отказаться от помощи. Ему очень хотелось верить, что решение Совета правильное. Кел'ены слишком уверены в себе, слишком спокойны для безумцев.

Сорок три года назад подобная трагедия обрушилась на Нисрен. Корабль регулов, спасая ши'пан Интель, перевез драгоценные пана и всех уцелевших мри в Эдун на Кесрите. Об этом страшном дне было не принято говорить, о нем не сложили песен и сказаний; лишь письмена жутких шрамов и скорбное молчание уцелевших напоминали об этом.

«Позор?» — спрашивал себя Ньюн, когда в сердце вонзались острые шипы жалости.

Скоро падет Эдун, а вместе с ним пана — реликвии, святыни, честь и история мри. Хранение пана доверено только сенам; притронуться к ним означает смерть; потерять их...

Потерять реликвии Народа...

Это конец не только Эдуна, но и Народа, как расы. Ньюн позволил себе задуматься об этом, а затем спохватился и поспешил выкинуть горькие мысли из головы. Вернее, попытался выкинуть, но безуспешно.

«О боги!» — в отчаянии воззвал он.

Взлетел еще один корабль. Ньюн видел его, видел, как небосвод прочертила сверкающая звезда.

О боги! О боги!

Это похоже на шон'ай — игру. Блистающие во мраке клинки. Четкий ритм, летящий металл, смертельный риск.

Игра Народа.

Клинки свистели в воздухе. Жизнь игрока зависит от быстроты реакции, от хладнокровия, и ничто иное не дает шанса выйти живым из этой игры.

Он почувствовал, как от лица отхлынула кровь. Он понял, почему все они с такой жалостью смотрят на него, когда он задает глупые вопросы.

Дитя Народа, подхвати ритм Игры. Стань одним из нас, прими новые условия жизни, смирись, смирись!

Шон'ай!

Он закричал; он все понял. Ши'пан на Кесрите сделала бросок, и все мри во всем освоенном космосе поймают клинки! Они придут, они придут отовсюду, чтобы сражаться, чтобы сопротивляться!

Их пана хранятся в Эдуне Кесритуне.

Круг игроков широк, а смертоносные ас'еи летят вроде бы наугад. Но в каждой игре создается свой уникальный ритм, и только самые опытные и мудрые игроки не поддаются его гипнозу.

Интель бросила ас'еи. И теперь — черед других ловить и бросать.

Над горизонтом показалась первая из двух кесритских лун. По небосводу протянулся туманный звездный пояс. Посвежело, но Ньюну не хотелось возвращаться в Эдун, в ежедневную рутину. Только не в этот вечер! Только не с этими мыслями! Конечно, старший кел'ен — кел'ант — заметит его отсутствие, будет искать и найдет его здесь. И конечно, позволит ему остаться. Ведь теперь в Эдуне по вечерам делать нечего — ужинай и ложись спать. С того дня, как стало ясно, что войне конец, там больше не поют баллад. Кел'ены лишь сидят подолгу вместе и разговаривают, не принимая Ньюна в свои беседы. «Может быть,— подумал он,— они даже рады, что меня нет рядом».

Гейзер под названием Сочау выпустил облако пара, похожее на огромный букет белых перьев. По его активности можно было проверять часы регулов. Планета жила, подчиняясь ритму этих выбросов, а теперь они отмеряют время, которое осталось до прихода землян.

Но впервые с того дня, как Ньюн услышал о конце войны, он испытывал злую радость при мысли, что его Народ еще способен кое-что предпринять, что победа землян еще не окончательна.

Взошла новая звезда, в ее сиянии поблекли все остальные. Это не просто так, это знамение. Ньюн смотрел на нее во все глаза. Он как будто заново родился — происходит что-то новое, необычное. Корабли никогда не садились на Кесрит ночью, они дожидались утра на орбите.

Новая звезда разгоралась, и в душе Ньюна росли страх и надежда. Он не знал, что несет Народу эта звезда, гнал от себя мысли, что ее появление — всего лишь очередной этап плана регулов по уничтожению Кесрита.

Следя за падением звезды, он вдруг заметил краем глаза, что на дальнем космодроме вспыхну-

ли огни. Этот порт предназначался для огромных военных кораблей, а не для обычных купцов, пассажирских лайнеров или грузовозов. Значит, это очень большой корабль. Такие уже много лет не опускались на Кесрит.

С такого расстояния корабль казался лужицей света на темном небе. Невозможно было определить его форму и размеры. Ньюн вдруг понял, что его соплеменники могли бы опознать корабль. Несомненно, им уже известно о его прибытии, и только Ньюн, как обычно, до последней минуты пребывал в неведении.

Он спрыгнул с уступа и побежал вниз. Молодые ноги несли его быстро, он легко сворачивал, когда впереди возникало опасное препятствие. Он бежал напрямик по бездорожью и ни разу не останавливался до самых дверей Эдуна.

Внутри царила тишина. Он подождал, тяжело дыша и напрягая слух, прислушиваясь, затем бросился вверх по лестнице в башню ши'пан.

И сразу за поворотом его встретили тени. Старик Дахача спускался в сопровождении своего огромного дуса. Зверь встал, загородив боком путь, и предостерегающе рыкнул.

— Ньюн,— сказал старик,— тебя-то я и искал.

— Там корабль...— заговорил Ньюн.

— Это не новость,— сказал Дахача.— «Хазан» возвращается. Иди наверх, юноша. Тебя ждут.

Ньюн последовал за стариком, душа его ликовала. «Хазан» — это корабль правителя зоны. Прибыл правитель, он возьмет ситуацию под контроль, вправит мозги охваченным паничкой регулам.

«Хазан»! Если прилетел «Хазан», значит, на его борту Медай — кузен, кел'ен. Вернулся с войны и привез с собой опыт и здравый смысл, присущие всем ветеранам. Ньюн помнил и кое-какие неприятные черты Медая, но после шестилетней разлуки

они не имеют значения, особенно теперь, когда мир ввергнут в хаос. Ньюн шел за Дахачей по винтовой лестнице, и в душе его зрело предчувствие радостной встречи.

Еще один кел'ен. Воин, которого мри, не покидавшие этой планеты, будут слушать, как никогда не слушали Ньюна.

Медай служил вождям регулов, и кому же еще, как не защитнику корабля самого бая зоны Кесрита, знать все замыслы хозяев?

ГЛАВА ПЯТАЯ

Дверь была заперта, как всегда в часы заточения. Данкан снова налег на нее, прекрасно зная, что ничего не выйдет. Потом стукнул по ней кулаком и повернулся к старику.

— Не желают отвечать.— Ставрос сидел в своем кресле. По левую его руку темнел погасший экран. Старик выглядел слегка обеспокоенным — довольно необычное зрелище. Даже в худшие времена его лицо всегда оставалось бесстрастным.

Они уже на планете. Новый мир. В этом никаких сомнений.

— Мы сели.— Этими простыми словами Данкан выразил все, что кипело в душе, переполняя ее.

Ставрос лишь равнодушно посмотрел на него. Нет, не совсем равнодушно. В его глазах Данкан прочел неодобрение.

— У них внезапно изменились планы, возможно, что-то произошло в космопорту или за его пределами,— вымолвил Данкан, провоцируя Ставроса хоть на какую-нибудь реакцию, надеясь услышать заверения, что все идет как надо... или пусть даже гневную тираду. Данкан был согласен и на это.

Не дождавшись отклика, Данкан опустил голову на руки — ожидание вытянуло все силы. Он ждал всю ночь. А она еще не истекла даже наполовину.

— Может, они спят,— неожиданно сказал Ставрос без гнева и затаенной враждебности.— Если

они даже в порту живут по бортовому режиму, бай Хулаг, наверное, спит, а его помощники не смеют отвечать нам без его разрешения. Регулы очень боятся рассердить старших.

Данкан скептически взглянул на Ставроса, радуясь, правда, что старик все-таки подал голос. Скорее всего, ситуация представляется шефу совершенно иначе, но он предпочитает об этом помалкивать. Данкана совсем не успокоило, что Ставрос не расспрашивал о случайной встрече с мри. Старик лишь спокойно поинтересовался причиной его задержки; он ничего не сказал, даже когда землянам наполовину урезали время свободы, а у дверей каюты обосновался охранник и неразлучной тенью следовал за Данканом по кораблю.

Новые ограничения в основном касались Данкана — регулы давали понять, что он наказан. Но для будущего сотрудничества землян и регулов подобные репрессии не сулили ничего хорошего. Регулы держались по-прежнему вежливо, в их посланиях не было ни одного упрека по поводу инцидента. Только сообщение об изменении режима. И никаких объяснений.

— Я очень сожалею, сэр,— удалось наконец выдавить Данкану.

Ставрос удивленно посмотрел на него, затем нахмурился и пожал плечами.

— Возможно, у регулов несколько изменились планы. Не стоит волноваться.— И снова он пожал плечами.— Данкан, идите спать. Вы свободны.

— Да, сэр.— Стен ушел в свою комнату, сел на койку, уперся локтями в колени и принялся растирать ноющие виски.

Из-за его неосторожности послы стали пленниками.

Ставрос встревожен. Наверняка он считает, что причины для беспокойства есть. Возможно, ему бы

следовало предложить регулам публично наказать проштрафившегося молодого секретаря. «Почему он этого не делает? — гадал Данкан.— Потому что это не в обычаях регулов? Или потому что мы оба— земляне, и старик в душе неплохо ко мне относится?»

Как бы то ни было, одно совершенно очевидно: они вызвали недовольство регулов, и возможно, это плохо отразится на их будущем.

Он вдруг услышал, как в коридоре проехала тележка. Данкану показалось, что она остановилась неподалеку. Он ждал в волнении и надежде: может, сейчас хоть что-то прояснится.

Дверь отворилась. Данкан вскочил на ноги. Действительно, в коридоре стояла тележка, в ней сидел регул, самый старый и крупный из всех, кого довелось повидать Данкану. Морщинистые жирные складки наслаивались друг на друга, отчего гигант казался совершенно бесформенным. На плоской физиономии в кольцах морщин выделялись черные блестящие глаза, приплюснутый нос и ротовая щель. Все вместе напоминало человеческое лицо.

Лицо разумного существа, тело животного. Сквозь тонкую коричневую ткань мантии виднелась дряблая коричневая кожа. Ноздрями служили две косые щелочки, они открывались и закрывались на вдохе и выдохе. Данкан знал, что по движениям ноздрей можно определить, какие чувства испытывает регул. Наблюдая за молодыми регулами, Данкан узнал, что они часто выражают эмоции с помощью мимики: вращая глазами, открывая и закрывая рот, раздувая ноздри. Но он не был уверен, что старые регулы во всем подобны молодым.

Чудовищный регул с трудом поднялся, наклонив тело вперед, затем выпрямился; тележка почти целиком скрывала его ноги.

— Ставрос,— изрек он густым басом.

Землянин не способен подражать мимике регулов, а регул, со своей стороны, не может определить, вежлив по отношению к нему землянин или нет. Но Данкан рассудил, что сейчас безопаснее всего придерживаться этикета. Он поклонился и сказал на регульском:

— К вашим услугам. Я молодой помощник Стен Данкан.

— Позови Ставроса.

Данкан повернулся и увидел, что Ставрос уже стоит в дверях.

Старики заговорили. Данкан прислонился к стене. Оживленный разговор на регульском привел его в замешательство, но одно было несомненно: его догадка верна, к ним пожаловал сам бай Хулаг Алань-ни, командир корабля «Хазан», временный губернатор зоны Кесрита, которую регулы должны передать землянам.

Данкан изо всех сил старался не привлекать к себе внимания. Он не хотел нарушать обычаи регулов, усложнять отношения с ними. Разговор был недолог. После обмена поклонами бай поудобнее устроился в тележке и был таков. И прежде чем Данкан успел оправиться от растерянности и спросить Ставроса, в чем дело, Ставрос ушел к себе.

Набравшись храбрости, Данкан просунул голову в дверной проем и вопросительно поглядел на Ставроса.

Тот помолчал, затем мрачно посмотрел на секретаря.

— Мы на Кесрите,— сказал он — Бай заверил меня, что для такого корабля посадка в порту — самое обычное дело. Это решение было принято в последний момент, и у нас нет причин для беспокойства. Но мне кажется, на планете что-то происходит, а что

именно, я не понял. Бай просит нас оставаться на борту. Временно, конечно.

— Это имеет какое-то отношение к мри? — спросил Данкан.

Ставрос развел руками.

— Я не знаю. Но похоже, весь экипаж останется на борту, пока положение не прояснится. По крайней мере, бай Хулаг говорил о каких-то незначительных проблемах...— Взор Ставроса поднялся к потолку, к вентиляционным отверстиям, лампам и каким-то загадочным устройствам, чьего назначения земляне не знали, а потому не доверяли им. Данкан понял намек: Ставрос хотел бы сказать больше, но не может рисковать.

— Бай обещал, что утром нас переведут в штаб-квартиру. Сейчас на планете ночь, он советует хорошенько выспаться и набраться сил. Завтра нам предстоит не слишком ранний подъем и восхитительное путешествие по Кесриту.

Бай был вежлив и предупредителен. Но выражение лица Ставроса не соответствовало его словам, намек читался совершенно ясно: от послов что-то скрывают. Данкан понимающе кивнул.

— Ну что ж, спокойной ночи,— сказал Ставрос.— Судя по всему, мы задержимся надолго, так что есть время поспать.

— Доброй ночи, сэр.— Данкан аккуратно затворил за собой дверь. Уже в который раз его подмывало спросить, что же происходит на самом деле и верит ли сам Ставрос хоть одному слову Хулага? Несколько суток назад, после ужесточения режима, Данкан стал изучать регульский язык с тем же рвением, с каким в свое время постигал ремесло офицера планетарной разведки и науку выживания. Он начал с простейших фраз и уже достиг таких успехов, о каких прежде не смел и мечтать.

Стен не был ученым исследователем. Он был всего-навсего человеком, оторванным от родины. По-прежнему его мучили ночные кошмары, страх одиночества все глубже запускал корни в душу.

«Он старик,— думал Данкан о Ставросе.— А до прибытия землян может пройти немалый срок. Регулы ни в грош не ставят молодых, они способны убить молодого секретаря, если он переживет своего старшего».

Основная причина назначения Ставроса на должность посла — его возраст, но сейчас от возраста зависит и успех миссии. Если со Ставросом что-нибудь случится, Данкану придется туго. Никто из старших не пожелает хотя бы выслушать его, молодые регулы просто не допустят его к баю Хулагу, единственному регулу, мало-мальски говорящему на языке землян. Страшно было даже подумать о том дне, когда Данкан останется один.

До высадки на Кесрит — долгие часы. Но нервы напряжены до предела, сон упорно не идет. Поэтому Стен собрал свои записи и засел учить регульский с таким упорством, словно от этого зависела его жизнь. Он корпел, пока бумаги не вывалились из рук, а потом забылся в коротком сне. Разбудил его регул, он бесцеремонно распахнул дверь и принялся собирать вещи Данкана. Затем подошли еще несколько молодых регулов, побросали багаж в тележку. Напрасно Данкан протестовал — регулы не обращали на него внимания, лишь изредка обменивались друг с другом короткими фразами. Грузовая тележка укатила, прибыла вторая — пассажирская.

— Быстро, быстро,— подгонял Данкана юнец. Видимо, только это слово земного языка он и удосужился выучить.

Лишь когда из своей комнаты появился Ставрос, регулы проявили некоторую почтительность.

Пожилой человек внушал им уважение, даже страх. Посмотрев в упор на того, кто наклонился, помогая Ставросу сесть, Данкан увидел плотно сжатые ноздри и губы, это означало нескрываемую ненависть.

Земляне прибыли на Кесрит, и теперь эти существа будут их помощниками и советниками при эвакуации местных регулов, чьи предки обжили планету много веков назад. Тридцать дней, а может, и больше, на всем Кесрите будет лишь двое землян — совершенно беспомощных, беззащитных. Этот мир принадлежит регулам и мри, этот мир команда «Хазана» называет своим домом. Данкан понимал, что ненависть регулов к ним, завоевателям, прибывшим вступить в свои права, обусловлена не только расовыми и политическими мотивами. Вполне вероятно, что на Кесрите есть регулы, несогласные с договором, по которому их планета отходит к землянам. Незначительные проблемы, так сказал бай Хулаг Ставросу. Может, бай и впрямь считает эти проблемы незначительными, ведь регулы не способны лгать. Но в глазах молодых регулов Данкан прочел больше, чем услышал от Хулага.

После высадки землян поселят в здании под названием Ном, в центре планетарной столицы. Там в первые, критические дни они будут защищены от токсинов, содержащихся в атмосфере Кесрита. Там им предстоит адаптироваться к здешнему климату.

* * *

Данкан взглянул в лицо Ставросу, впервые вышедшему из тесного чрева на простор планеты, впервые увидевшему эти холмы, горы, широкие белые долины в призрачном свете розового солнца. Для Ставроса этот новый мир станет родным. Его роль — в том, чтобы все подготовить к

прибытию землян, а затем безотлагательно приступить к строительству новой земной колонии. Данкан понял, что предстоящие пять лет покажутся ему вечностью. Регулы и соленые озера, гейзеры и пыль, шахты и солнце, похожее на большое пятно ожога. Он побывал на многих планетах, видел и голые камни, и утопавшие в буйном цвету равнины. Но никогда он не видел планеты, чьи жители, все без исключения, с такой враждебностью относились бы к человеку. Здесь все против землян, даже воздух пахнет отравой, в нем какие-то примеси, раздражающие слизистую оболочку.

Если Ставрос и жалел о чем-нибудь, то не подавал виду. С ним обращались, как с пожилым регулом, и он вел себя соответственно. Данкан мысленно поаплодировал шефу, когда тот царственно позволил регулам поднять его и опустить на тележку, ожидавшую у трапа.

Утро было в самом разгаре, солнце уже прошло четверть пути по дневному небосклону. Вместо бурной и шумной встречи в порту их ждала мрачная тишина. Казалось, во всем городе нет ни одного живого существа, кроме них двоих да нескольких молодых регулов.

Взгляд Данкана скользнул по далеким горам, и вдруг его сердце забилось чаще, безотчетный страх сдавил желудок. Он увидел зловещий силуэт — четыре конические башни на таком расстоянии казались одной приземистой неправильной пирамидой.

Эдун мри. Данкан знал, что на Кесрите есть одно из этих необычных сооружений, ему попадались фотоснимки с развалинами нисренского Эдуна. И все же увидеть Эдун наяву и так близко он был не готов.

Эдун господствовал над городом, и казалось, ничто не спрячется от бдительных глаз, следящих

сквозь узкие бойницы. Башни высились — мрачные, темные, грозные, враждебные, чуждые. Они напоминали, что здесь, на Кесрите, есть и третья сторона, и на переговорах придется с ней считаться.

— Быстро, быстро,— повторил регул, рассерженный то ли заминкой, то ли направлением взгляда Данкана. Ссориться с ним Данкану не хотелось, он опустил голову и вошел в закрытую повозку, воздух в нее поступал через фильтры и не было едкого запаха, раздражавшего человеческое горло.

Тележка помчалась к городу по дороге, выложенной плитами из грубого песчаника. Скорее всего, она везла землян в другую тюрьму, разве что попросторнее той, которую они только что покинули.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

У Ньюна вошло в привычку каждый день проводить в горах. Там он бегал, охотился, упражнялся с оружием — в общем, старался заполнить пустоту дней. Но сегодня никакая сила не заставила бы его далеко отойти от Эдуна. Он подошел к башне сенов, на вершине которой располагался коммуникационный узел, постоял в нерешительности у главного входа, а затем уступил гложущему душу нетерпению: повернулся и побежал на насыпь на свой наблюдательный пункт. Встал на белый камень и до рези в глазах всматривался в город, пытаясь уловить хоть малейшее движение.

Он уже очень давно не ждал ничего хорошего, но теперь ожидание доставляло радость. Его обуревали противоречивые чувства, он не мог забыть своего давнего соперничества с Медаем и теперь, по прошествии стольких лет, признался себе, что всегда завидовал кузену. Сейчас Ньюн старался отринуть все недобрые чувства, ему хотелось увидеть Медая, хотелось страстно, отчаянно... Пусть будет все что угодно, лишь бы не одиночество, лишь бы не постоянные мысли о медленной, но неотвратимой гибели Эдуна.

В глубине души шевелилась слабая надежда: возвращение Медая, первого из многих ушедших, подтолкнет Владычицу к действиям, и тогда Народ будет спасен.

Он стоял и смотрел, как бывало тысячи раз до этого дня. Напряженно искал хоть что-нибудь, чтобы отвлечься от тягостных размышлений. Видел, как ползают насекомые, загадочно покачиваются цветы, садятся и взлетают корабли. Каждый прилет корабля сулил что-то новое, способное в корне изменить ситуацию. Но ничего не менялось. Все было, как всегда. Сердце Ньюна бешено билось, мышцы были напряжены до ломоты в спине и груди. Вдруг он замер, затаил дыхание. Он заметил внизу движение и молил богов, чтобы это не оказался обман зрения.

В ярком свете утреннего солнца над дорогой блестело облако белой пыли. Еще Ньюн различил на грейдере темные движущиеся пятна. Он сел на камень и, щурясь, попытался разглядеть отдельные силуэты.

Последний раз машины на этой дороге он видел несколько лет назад. Судя по размерам пятен и величине пылевого облака, это повозки регулов. Что-то не так. Сердце колотилось по-прежнему, но на него легла свинцовая тяжесть. Он сидел, обхватив колени длинными руками, и смотрел вниз. Бежать в Эдун не хотелось.

Регулы. Это регулы.

В другое время он был бы вне себя от радости. Но только не сейчас. Не в это утро. Теперь у мри свои дела, они гораздо важнее встреч с регулами.

Внезапно он подумал, что Владычица должна узнать о скором визите гостей. Он уже вполне отчетливо видел шесть машин, за ними маячила еще одна черная точка. Расстояние не позволяло различить ее очертания, но скорее всего, это тоже была повозка.

Еще никогда столько регулов за раз не приближалось к Эдуну мри.

Ньюн соскользнул с камня и огромными прыжками помчался вниз. Длинные ноги несли его с та-

кой скоростью, что он едва успевал огибать препятствия. Но юноша был слишком взволнован, чтобы думать об опасности.

Но еще до того, как он прибежал со своим предупреждением, мри выстроились у входа в башню. Черные мантии келов, ни одной золотистой! Тяжело дыша, Ньюн перешел на шаг. В легких нестерпимо пекло, губы растрескались до крови, на лбу выступил было пот, но мигом испарился в сухом кесритском воздухе. На этой планете не очень-то побегаешь, в этом он уже не раз убеждался и сейчас пенял себе за оплошность. Но никто из келов не отругал его. Ньюн уловил их настороженность, но тут его отвлекло появление смотрителя дусов, который шел из Эдуна с животными. Один дус встал на дыбы и принюхался, затем тяжело плюхнулся на четвереньки, подняв белую пыль, и грозно зарычал.

— Яй, яй,— успокаивал дусов кел Дахача. Это ничего не значащее слово имело тысячи смысловых оттенков в общении кел'енов с дусами. Девять дусов отошли в сторону и расположились кружком, навострив уши. Некоторые сели. Время от времени кто-нибудь из них поднимался и шел по кругу, поглядывая на вереницу машин, а затем, сердито рыча, возвращался на свое место.

В ожидании встречи с ци'мри келы закрыли лица. Ньюн поднял мез до глаз и занял место в черной очереди. Но келант Эддан взял его за локоть и отвел вперед.

— Здесь,— сказал Эддан и больше ничего не добавил. В минуты опасности и ожидания кел не должен задавать вопросов.

Ньюн промолчал, но сердце его сжалось. Ведь он новичок, по возрасту ему не положено задавать вопросы и отвечать регулам. И все же он стоит между Эдданом и Пасев — старейшими келами.

Может быть, дело касается лично его?

Или его родственника?

И тут он догадался, что башня сенов уже приняла какое-то послание. Что-то произошло, а он все пропустил, пока сидел в одиночестве на камне и дожидался прибытия Медая.

Регулы приехали неспроста. С кем-то из мри случилось несчастье.

Вереница машин медленно приближалась. Уже доносился шум моторов. Кроваво-красные лучи солнца пронизывали воздух. В небо ударил гейзер Элу, один из самых опасных, его поведение непредсказуемо. Столб кипятка вдесятеро выше мри рассыпался на мелкие брызги. Легко узнать гейзер по его струе. Если проснулся Элу, то скоро ударит и Учан. Машины на дороге были видны уже вполне отчетливо.

Одна... две... три... четыре... пять... шесть.

Никогда в Эдун не приезжало больше двух регульских повозок. Ньюн старался не выдавать своих чувств. Вокруг него неподвижно, точно каменные изваяния, стояли келы, ветер трепал черные мантии. Правые руки кел'енов застыли у поясов, где покоились в ножнах ас'еи, Большие пальцы — за поясом, это призыв к бдительности, предостережение остальным келам. Регулы — всего лишь ци'-мри, наверное, им неизвестно значение этого жеста. Неважно, все равно этикет требует предупредить чужаков, что им здесь не рады.

Машины повернули в последний раз, и облако пыли остановилось у входа в Эдун, перед шеренгой келов. Двигатели умолкли, наступила тишина. Открылись дверцы, из машин вышли десять молодых регулов. Лица их были угрюмы, но без обычного надменного выражения. Одного из них Ньюн узнал по медалям и одежде — у каждого регула они особенные. Хада Сураг-ги, охранник

из Нома. Похоже, и Хада узнал Ньюна, но не по наградам, а по их отсутствию. Эта мысль заставила молодого кел'ена насупиться. Но Хада, ничем не выдав, что узнал Ньюна, пошел прямиком к Эддану. Глаза регула были широко раскрыты — ни единого признака высокомерия. Хада Сураг-ги глубоко вздохнул и поклонился — так по этикету регулов выражались добрые намерения.

Теперь обычай требовал от мри ответного жеста. Но Эддан остался неподвижен, и никто из остальных не шелохнулся. Руки кел'енов замерли у поясов с ас'еями.

— Печальные вести,— сказал Хада.

— Мы готовы выслушать,— отозвался Эддан.

— Наши старшие уже сообщили вам...

— Вы привезли Медая? — хрипло спросил Эддан.

Хада повернулся — пожалуй, слишком резко для регула — и хлопнул в ладоши. Его помощники зашаркали ко второй повозке, открыли багажник, достали носилки из белой пластмассы, аккуратно положили у ног Хады Сураг-ги, перед келами.

— Мы привезли останки Медая,— сказал Хада.

Но Ньюн уже и сам все понял. Он не сошел с места, даже не приподнял вуаль. Возможно, келы сочли это за отменное самообладание, на самом же деле он просто остолбенел. Не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Он видел и слышал все, что происходило перед ним, но его не оставляло чувство, будто он — сторонний наблюдатель, будто душа Ньюна с'Интеля покинула телесную оболочку, бросила ее здесь, бесчувственную и безучастную ко всему, как тело Медая.

— Значит, земляне уже тут? — спросил Эддан.

По обычаю келов, погибших на войне, отдавали холодному космосу или сжигали в пламени солнца — прародительницы Народа. Никогда тела павших не привозили на планету. Если б Медай мог

выбирать, он бы ни за что не согласился на погребение в земле. Регулы знают обычаи мри, и все-таки привезли тело одного из них сюда, в Эдун. Что это, оплошность? В душе Ньюна зашевелился страх.

Молодые регулы всем своим видом показывали, что выполняют крайне тягостную миссию.

«Их мучит совесть»,— с горечью подумал Ньюн, глядя на регулов. Он уже взял себя в руки и теперь старался перехватить взгляд Хады Сураг-ги. На мгновение это удалось, но Хада отвел взор.

Регулы сознавали свою вину, а еще они всячески старались что-то утаить. Ньюна затрясло от ярости, сперло дыхание. Келы не шевелились. Они были заодно с Эдданом, своим предводителем. Они были готовы по первому его слову очертя голову ринуться в любую схватку.

Хада Сураг-ги переминался на полусогнутых ногах, но не отходил от мертвеца.

— Кел'ант Эддан,— сказал Хада,— будь благоразумен. Кел'ен сам нанес себе рану и отказался от медицинской помощи, хотя мы могли бы его спасти. Мы всегда старались чтить ваши обычаи. Мы очень сожалеем. Сам бай Хулаг, которому верой и правдой служил этот кел'ен, глубоко скорбит вместе с вами. Хулаг очень расстроен оттого, что его встреча с Народом омрачена столь печальным событием. Он выражает свои искренние соболезнования...

— Бай Хулаг — новый правитель этой зоны? А что с Солгах? Где Хольн?

— Их нет,— коротко и резким тоном ответил регул.— И бай желает заверить вас...

— Если я правильно понял, Медай умер недавно,— сказал Эддан.

— Да,— подтвердил Хада, которому кел'ант не давал закончить приготовленную речь. Регул шевелил губами, подыскивая слова.

— Самоубийство.— Эддан воспользовался жаргонным регульским словом, хотя регулы знали термин ика'аль, что на языке мри означало ритуальное самоубийство кел'ена.

— Мы протестуем...— Молодой регул был не в силах отвести взгляд от кел'анта; похоже, он потерял нить разговора. Это было невероятно, ведь регулы никогда ничего не забывают.— Кел'ант, мы решительно протестуем. Смерть этого кел'ена никоим образом не зависела от перехода власти к баю Хулагу и свержения Хольнов. Похоже, вы пришли к ошибочному выводу. Если вы предполагаете...

— Я еще не высказывал своих выводов,— произнес Эддан.— Или ты считаешь, что для подобных предположений есть основания?

У регула забегали глаза — это означало крайнюю степень замешательства. Видимо, кажущаяся алогичность Эддана совершенно сбила его с толку.

— Кел'ант, будь благоразумен. Мы лишь утверждаем, что Медай в приступе меланхолии сам заперся у себя каюте, и все наши попытки помочь ему натолкнулись на отказ. Это ни в коем случае не связано с назначением бая Хулага. Подобные допущения просто наивны. Бай Хулаг нанял вашего кел'ена, и этот кел'ен оказал ценные услуги, чем и заслужил уважение бая. Поверьте, не было никакого злого умысла. С тех пор, как кел'ен Медай узнал о заключении мира, он просто места себе не находил...

— Ты из Нома,— перебил его Ньюн. Он уже не мог сдерживаться.— Как ты можешь судить о рассудке кел'ена, который находился на корабле, очень далеко от тебя?

Хада Сураг-ги резко повернулся к нему, черные глаза от удивления расширились и стали почти бесцветными. Этот юнец не имеет права подавать голос в присутствии старших! Какая наглость!

Но кел стоял неколебимо, и открытый рот Хады превратился в тонкую линию.

— Старший...— протестующе обратился он к Эддану.

— Посланник бая может ответить на вопрос? — спросил Эддан.

Это было прощение. В сердце Ньюна затлела искорка благодарности.

— Разумеется,— сказал Хада.— Мне все известно, ведь я получил информацию от самого бая. Мы даже не предполагали, что кел'ен решится на такое. Его поступок ничем не спровоцирован.

— И все же не вызывает сомнений,— промолвил Эддан,— что у Медая имелись серьезные причины оставить службу, причем настолько серьезные, что он решил избавиться от вас посредством ика'аля.

— Несомненно, причиной самоубийства было окончание войны, с которым кел'ен не сумел смириться.

— Очень странно,— продолжал Эддан,— что он прибег к ика'алю, хоть и знал, что возвращается домой.

— У него был упадок духа! — Теперь Хада противоречил логике, хоть и не отдавал себе в этом отчета.— Он был просто не в себе.

— Перед тобой его родственник,— хмуро возразил Эддан.— Медай был кел'еном, а не дусом и не сумасшедшим. Его ждали на родной планете. Того, о чем ты рассказал, не могло случиться. Если, конечно, бай не оскорбил его честь. Может, так оно и было?

Властный, гипнотический голос Эддана заставил регулов попятиться.

— Мы не удовлетворены твоим рассказом.— Эддан взглядом приказал Хаде остановиться.— Скажи, как и при каких обстоятельствах умер Медай.

Регулу очень не хотелось отвечать на этот вопрос. Он тяжело вздохнул и сменил окраску.

— Он умер вчера на корабле бая.

— На корабле бая Хулага.

— Кел'ант, бай будет протестовать...

— Были ли конфликты между баем и кел'еном?

— Будь же благоразумен. Кел'ен был не в себе. Конец войны...

— Это бай довел его до самоубийства,— бесцеремонно оборвал регула Эддан.

— Бай,— забормотал Хада, часто дыша; ноздри его раскрывались и закрывались.— Бай просил этого мри остаться на корабле и продолжать службу. Кел'ен отказался, он хотел немедленно покинуть корабль, но бай не позволял этого никому, даже себе. Предстояли важные дела. Возможно...— От кожи регула отливала краска.— Кел'ант, я понимаю, ты можешь это счесть за оскорбление, но для нас поступок кел'ена непостижим. Бай приказал ему задержаться. А кел'ен решил, что ему следует покончить с собой. Мы не знаем, что его на это толкнуло. Мы уверяем вас, что глубоко опечалены этим трагическим событием. В трудный для Кесрита час кел'ен Медай мог сослужить хорошую службу и нам, и, конечно же, вам. Бай высоко ценил его. Мы снова утверждаем, что не понимаем причины его поступка.

— Наверное, вы просто не желали понять его или хотя бы выслушать.

— Будь благоразумен! Кесрит отдан землянам. Сейчас идет эвакуация всего населения планеты. Есть распоряжения касательно депортации мри. Бай хотел, чтобы его корабль находился в постоянной готовности и чтобы вся команда...— Регул беспокойно переминался, глядя на неподвижного Эддана.— Бывают ситуации, когда мы ничего не

можем поделать. Если бы кел'ен сообщил баю, что намерен покинуть корабль во что бы то ни стало...

— Кел Медай предпочел оставить службу,— сказал Эддан.— Он все сделал как надо. Больше мы не хотим обсуждать этот вопрос с молодыми регулами. Уезжайте.

Его тон не сулил ничего хорошего, и регулы испуганно попятились к машинам, а затем повернулись и припустили бегом. Вместе с ними семенил Хада, тщетно пытаясь сохранить чинную осанку. Захлопали дверцы, взвыли моторы, вздыбилась пыль. Машины понеслись вниз по склону.

Никто из келов не пошевелился. Как будто все кругом застыло после того, как исчезли регулы, оставив их наедине с покойником. И тут в дверном проеме порыв ветра взметнул полы золотистых мантий — появились сен'ант и Мелейн, и сама Владычица.

— Медай мертв,— сообщил Эддан.— И наша планета, как мы и предполагали, скоро достанется землянам.— Он приподнял полу мантии, чтобы оградить ши'пан от страшного зрелища. Мелейн сделала шаг вперед, всего один шаг; на другой не имела права. Закрыла лицо, склонила голову и отвернулась. Интель и сен'ант тоже подняли вуали, чего никогда не делали при живых. Но здесь был мертвый.

Они вернулись в башню. Смерть — вечная спутница келов, они с нею сталкиваются чаще всех, и убивая, и погибая. Им и оплакивать усопшего родича, и вершить ритуал погребения.

Это был долг Ньюна — самого близкого родственника Медая. Он понимал, чего от него ждут, и видел, что все готовы помочь. Взмахом руки он позволил им действовать. О ритуале погребения он знал лишь понаслышке и не хотел позориться или позорить Медая.

Рядом с ним у носилок встали келы, кому хватило места, взялись, подняли, понесли в Эдун, в пана'дрин — Святилище, куда Медай пришел бы первым делом, вернись он домой живым.

Ладони Ньюна согревали пластик носилок. Он смотрел на того, кто еще совсем недавно был полон жизни, с кем его связывали кровные узы. И постепенно оцепенение спало, его вытеснило иное чувство: слепой и бессильный гнев.

Этого не должно было случиться. Но это случилось, а значит, в мире нет справедливости. Ньюна трясло, ярость рвалась наружу; окажись рядом враг, юноша убил бы его голыми руками.

Но излить гнев было не на кого. Ньюн попытался отрешиться, притупить чувства. Все лучше, чем искать выход клокочущей ярости. Все лучше, чем оплакивать надежду, которая умерла вместе с Медаем. Ничего, он научится жить без надежд.

Мир сошел с ума, а вместе с ним и Медай.

«Мой последний сын» — так назвала однажды Ньюна Владычица. И это уже не метафора.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В святилище Эдуна стояла металлическая решетка, украшенная драгоценными камнями и древними символами. Она была невообразимо стара, как и бронзовые лампы за нею. него. Такие решетки стояли в Святилищах всех Эдунов, они служили границей между келами и сенами, и ни один кел не попадал за эту границу даже после своей смерти.

Перед самым алтарем положили тело Медая, укутанное в белый саван. Да, Медай с'Интель Сов-Нелан лежал перед той самой границей, которую не мог перейти кел'ен. По обе ее стороны курительницы источали густой ароматный дым, он заполнял помещение и и скапливался наверху, отчего потолок казался зыбким, нереальным покровом.

Этот запах вернул Ньюна в те времена, когда он принадлежал касте катов и наблюдал за подобными ритуалами из соседнего помещения, не имея права войти в зал келов. Тогда он был еще ребенком... Как и Медай. Как и Мелейн. Как и многие другие, кого уже нет, кто погиб. Из соседней комнаты все видится иначе. Торжественно. Загадочно. Сверхъестественно.

Мысли его перенеслись в тот недалекий день, когда он и еще двое стояли в черных мантиях здесь, среди келов, и от пана — святынь — их отделяла только эта решетка. А еще позже они молились, провожая Медая в дальний путь, на почетную

службу. В тот день у Ньюна едва не разорвалось сердце от зависти и тоски. Молитвы его были неискренни, их отравляла ненависть. И сегодня эти молитвы вернулись к нему, словно жуткие призраки.

Да, сейчас он переживал те же чувства, что и тогда. Медай вновь покинул Эдун, и вновь Ньюн остается на Кесрите, в тоске и безысходности.

Медаю не пришлось испытать того, что испытывает Ньюн, невидимой цепью прикованный к Кесриту, последний защитник Дома и слуга для всех. Медай теперь считается героем, великим кел'еном, ведь он совершил подвиг.

В сумраке за решеткой шуршала одежда. Там сены охраняли реликвии. Там были Мелейн и Интель.

Снова трое мри, которые давным-давно, еще будучи маленькими катами, подсматривали из соседней комнаты, собрались на молитву: Ньюн, оставшийся ни с чем; Медай, который вкусил славы великого воина и был уже на пути в вечный Мрак; и Мелейн, которая покинула Святилище келов и теперь стоит там, за запретной чертой, около священных Тайн.

Ньюн понурился, страдая от гнева и бессилия. Чтобы успокоиться, он задышал глубже.

Чья-то рука коснулась его плеча. Мелькнула темная мантия. Рядом с ним опустился Эддан.

— Ньюн,— тихо произнес он,— тебя зовет Владычица. Она не хочет, чтобы ты здесь сидел. Не хочет, чтобы присутствовал на похоронах. Она сказала, что желает этой ночью видеть тебя рядом с собой.

Ньюну не сразу удалось взять себя в руки.

— Неужели ши'пан решила лишить меня даже этого? — спросил он.— Что еще она сказала? Как-нибудь объяснила?

— Сказала, чтобы ты немедленно явился к ней.

Требование Интель совершенно сбило его с толку. Ньюн и Медай не любили друг друга. И для Владычицы это вовсе не было тайной. Но совсем ни к чему подчеркивать это публично.

— Нет,— буркнул он.— Я не пойду.

В его плечо впились жесткие пальцы. Ньюн ожидал суровых слов, но когда старик открыл лицо, на нем не было гнева.

— Я так и думал,— произнес Эддан.

Чудовищно! Ньюн не поверил своим ушам, как не мог поверить, что сам только что ответил отказом на требование ши'пан. Но старик хорошо знал его, он все понял.

— Поступай, как считаешь правильным,— сказал он.— Оставайся. Я не запрещаю.

И старик поднялся, чтобы отдать распоряжения остальным,— близилась церемония очищения. Один из кел'енов принес ритуальные сосуды, при погребении их возложат к ногам Медая. Пасев принесла воду, Дахача — полотенца, Палаци наполнил маслом лампады (долго им нынче светить) а Дебас тихим свистом подозвал дусов и увел их из башни келов, чтобы не нарушали торжественной церемонии. И посреди этой суеты сидел Ньюн. Он наконец обнаружил, что, добираясь сюда бегом, порвал мантию, а руки испачкал землей. Ноги дрожали. Пришел подслеповатый Сайрэйн и дал ему смоченное полотенце. Ньюн, исполнясь благодарности к старцу, откинул вуаль и протер лицо. И снова опустил вуаль. Лиран принес ему новую мантию — негоже в пыльном, рваном сайге находиться в Святилище,— и Ньюн переоделся. И вновь сел и попытался сосредоточиться на благочестивых мыслях, успокоиться.

По знаку Эддана остальные начали разоблачать Медая. Чуткие пальцы терпеливо, слой за слоем,

совлекали белый газ, в котором, точно в коконе, покоился мертвец. Паутинообразная ткань поддавалась неохотно, в конце концов Пасев поднесла к ней раскаленный прут. Необычный материал вспыхнул и сгорел почти без остатка, его своеобразный запах смешался с густым ароматом лада-на. Никто не пытался ей помешать, все молчаливо согласились с тем, что нельзя хоронить кел'ена в регульском саване.

И вот упали на пол последние несгоревшие клочки материи, и взгляду Ньюна явилось тело родича — такое знакомое, такое неподвижное; голубые ритуальные сет'алы не нарушали, лишь подчеркивали мертвенную бледность. Тело было очень худым и казалось совсем невесомым, хотя при жизни Медай был силы недюжинной. На ремешках висели награды за доблестную службу. Медай с'Интель всегда был настоящим красавцем. Он всегда был полон жизни, и Эдун возлагал на него большие надежды. Он и сейчас был красив, лишь пятно засохшей крови вокруг смертельной раны напоминало, что он мертв.

Самоубийство.

Ньюн трудился, не глядя в лицо Медая, стараясь не думать о том, что делают его руки: они могли задрожать, выдать его чувства. Он пытался вспомнить счастливые дни и не мог. Он слишком хорошо знал Медая. Кузен даже в смерти такой же, как в жизни,— эгоистичный, надменный, упрямый.

Конечно, нельзя плохо думать о мертвых. Но ведь Медай в конце концов оказался бесполезен для Народа. Он всегда был бесполезен. Он жил только для себя и покончил с собой, не считаясь ни с кем. Не подумав о том, что его ждут, что в его смерти мало проку для Народа, пусть даже она отвечает самым строгим канонам кодекса чести.

Ньюн расстался с Медаем в ссоре. Он ничего не забыл, он знал, почему ши'пан хочет, чтобы он поднялся к ней; знал, что думают о нем сидящие рядом братья кел'ены. В той ссоре, когда двое обнажили длинные клинки, Ньюн первым выхватил меч. Прямо в зале Святилища.

Это случилось, когда Медай посмел прикоснуться к Мелейн.

И Мелейн не возражала.

Сама Интель положила конец ссоре, бегом спустившись по башенной лестнице. Тогда она еще была способна на это. Она осыпала Ньюна обидными словами, и это повергло юношу в ужас, ведь он был уверен, что ши'пан его любит.

Медай не услышал от нее ни одного обидного слова.

Прошло совсем немного времени, и Медай получил почетную службу на корабле регульского бая, службу, достойную одного из Мужей. А Мелейн перешла в касту сенов.

А для Ньюна с'Интеля не изменилось ничего. Он вернулся к своим занятиям и в долгом, тоскливом ожидании мало-помалу утрачивал надежду когда-нибудь проститься с Кесритом.

Как муторно, однообразно тянулась жизнь до этого злополучного дня... Он надеялся помириться с Медаем, когда тот вернется. Не ради себя, ради пользы Народа.

Но Медай обокрал его и на этот раз. Ньюн, как был мальчиком на побегушках в Доме, так им и остался. И это было несправедливо.

«Когда поймешь, какова твоя миссия, зачем ты нужен Народу,— сказал Эддан,— приди ко мне и скажи».

И тут все келы заговорили о Медае, воздавая ему хвалу. То был древний ритуал лидж'эйя, с него начиналась Панихида. Над телом Медая дрожали голоса старых кел'енов.

— Хуже всего,— сказал Лиран,— что молодого хоронят старики.

Ему возразила Пасев, самая младшая после Ньюна:

— Хоть он и молод, но немало пострансствовал и повоевал.— Она коснулась сверкающих в свете лампад джи'тэев — наград за службу регулам. Я вижу здесь награды за Шоа, Элаг, Согрун, Гезен, Сегур, Хэдре, и везде он служил своему Народу. Да, много подвигов совершил наш брат, дитя нашего Дома. Наверное, он очень устал. Наверное, служба регулам стала ему в тягость, и он сделал то, что сделал, чтобы вернуться домой. Я тоже устала служить регулам, и если бы меня не отпустили, наверное, поступила бы, как Медай.

Потом наступил черед Ньюна отдать последние почести своему кузену. На языке у юноши вертелись злые слова, но не мог он их произнести, не мог перечить Пасев, которую любил. Он опустился на пол и закрыл голову руками. Его била крупная дрожь.

И келы оставили его в покое, решив, что он страдает от горя. Их печаль была искренней, они скорбели по тому, кого любили. Юноша же страдал от жалости к самому себе.

Ньюн видел себя как бы со стороны и понимал, что даже сейчас он не ровня Медаю.

Остальные перешептывались, дожидаясь, пока Ньюн возьмет себя в руки, но вскоре всем стало ясно, что он не сумеет подобрать нужных слов для ритуальной речи. Тогда заговорили о предстоящем погребении. В их словах сквозили отчаяние и стыд — дорога на гору неблизкая и подъем крут, а они стары, дряхлы. А регулы, конечно, не дадут транспортного средства. Да и не посмеют кел'ены обратиться к ним с такой просьбой, ведь

она оскорбит память Медая. И старики умолкли, размышляя, как же они понесут его в горы.

— Не беспокойтесь,— нарушил долгую паузу Ньюн.— Я все беру на себя.

И, увидев сомнение на их лицах, он представил долгий и трудный путь, и тоже усомнился в себе.

— Ши'пан не позволит,— сказал Эддан.— Ньюн, мы похороним его поблизости.

— Нет,— сказал Ньюн. И повторил, думая о Владычице: — Нет.

Больше никто не возражал. Эддан уступил, решив: пусть будет, что будет.

И когда Ньюн спокойно и с достоинством попросил оставить его одного, кел'ены ушли, шелестя мантиями. Этот звук отозвался эхом в сердце Ньюна. Он думал о своем эгоизме, о мужестве стариков, так много сделавших на своем веку, и ему хотелось провалиться на месте от стыда.

Наступила долгая ночь его Панихиды. Ньюн сидел, погруженный в раздумья, остальные скорбели в своих комнатах. Эдун безмолвствовал. Юноша думал о Медае и о себе и пришел к выводу, что не хотел бы покончить с собой, несмотря на традиции касты. Не хотел бы умереть, как Медай. Эти мысли расстроили его, они противоречили тому, к чему он готовил себя всю жизнь.

А для Медая такой выход из трудного положения был в порядке вещей, именно поэтому ши'пан любила его и ценила. И именно поэтому Медай был достойней Ньюна.

Конечно, здесь, в Святилище, в присутствии богов и мертвого, подобные мысли кощунственны. Как стыдно, убежать бы далеко-далеко, в горы, как раньше, в детстве. В горах Ньюн быстро забывал все свои печали и обиды. Забывал о себе.

Но теперь он взрослый.

И у него есть долг перед Народом. Да, все дело в законах чести и долга. Медай жил и умер, подчиняясь этим законам. И пусть Ньюну такая смерть кажется напрасной, он должен признать, что Медай исполнил свой долг. С честью вышел из положения...

Хоть его и предали те, кому он служил.

— Ньюн...

В шуме ветра, непрестанно гулявшего в Святилище, Ньюн различил шорох ткани и шепот. Он поднял глаза и увидел в отдалении золотистый силуэт. Он узнал голос сестры. Она подошла вплотную к разделявшей их решетке, хотя они могли бы встретиться лицом к лицу где-нибудь в Эдуне или за его пределами.

— Уходи,— сказал он.

Уже тем, что приблизилась к мертвому, пусть даже ее родственнику, девушка нарушала закон своей касты. Для сенов не существовало родственных отношений, они были в родстве со всем миром.

Но Мелейн не ушла. Ньюн поднялся на ноги. От долгого стояния на коленях на стылом каменном полу он весь одеревенел. Он подошел к решетке. Мелейн за нею была смутным золотистым пятном, отчетливо виднелась лишь ее рука, опирающаяся на перегородку. Ньюн сравнил ее со своей большой ладонью и с нежностью подумал, какая она маленькая, изящная. Прикоснуться к девушке он не осмелился, ведь, согласно верованиям мри, до него нельзя было дотрагиваться, пока он не похоронит родственника.

— Мне разрешили прийти,— сказала Мелейн.— Ши'пан разрешила.

— Мы все сделали, как надо,— уверил он ее. И сердце забилось чаще, когда он вспомнил, что с Медаем ее связывали не только родственные отно-

шения.— Мы его отнесем в Сил'атен... и похороним, как подобает.

— Мне кажется, тебе не нужно оставаться здесь на всю ночь,— сказала она. А затем с неожиданной для него горечью спросила: — Или ты здесь только потому, что не получил приказа уйти?

Вопрос привел Ньюна в смятение. Он медлил с ответом, подыскивая слова и недоумевая, чем вызван этот выпад.

— Это мой родственник,— сказал он наконец.— Все остальное теперь не имеет значения.

— Однажды ты чуть не убил его своей рукой.

Это была правда. Он пытался рассмотреть Мелейн через решетку, но видел только смутные золотистые контуры.

— Это было давно,— проговорил он.— И будь он сейчас жив, мы бы, наверное, помирились. Я этого хотел. Очень.

Мелейн очень не скоро нарушила тишину.

— Я верю.

Она вновь надолго умолкла, и это безмолвие придавило Ньюна тяжким спудом.

— Это все ревность,— признался он.

Наконец все его душевные терзания обрели форму, выплавились в четкие слова. Признание далось нелегко, но все же не настолько мучительно, как он ожидал. Мелейн была его «вторым я». Когда-то они понимали друг друга с полуслова, и Ньюн надеялся, что еще не разучились.

— Мелейн, когда в Эдуне всего лишь двое молодых воинов, между ними неизбежно возникает соперничество. Медай во многом превосходил меня, я ему люто завидовал. Я был ревнив и обидчив. Я встал между вами. Это была ошибка, и через шесть лет я за нее заплатил.

Она молчала. Ньюн не сомневался, что эта девушка — единственная дочь Эдуна, тихо умираю-

щего от старости,— любила Медая. Они были бы прекрасной парой еще в ту пору, когда она принадлежала касте келов.

Возможно (и эта мысль его мучила непрестанно), Мелейн была бы счастливее, если бы осталась кел'е'ен.

— Меня послала ши'пан,— сказала она наконец, оставив его слова без отклика.— Мать знает о решении келов. Она не хочет, чтобы ты уходил. В городе неспокойно. Такова ее воля, Ньюн. Останься. Его похоронят другие.

— Нет.

— Я не могу вернуться к ней с таким ответом.

— Скажи ей, что я даже слушать тебя не стал. Скажи ей, чтобы похоронить кел'ена, мало выкопать яму в песке. Скажи ей, что я не позволю старикам нести его в горы. Они умрут по дороге.

— Я не могу ей этого сказать! — прошептала Мелейн, и страх в ее голосе придал Ньюну решимости.

«В требовании Интель не больше смысла, чем в остальных ее прихотях,— с горечью подумал он.— Ши'пан играет жизнями мри, крушит их надежды и мечты. Ее любовь ко мне слишком эгоистична. Она считает, что я принадлежу лишь ей одной. И не только я, но и Мелейн... сын и дочь Зайна! Она перевела Мелейн в касту сенов, а Медая отправила служить регулам, когда увидела, что их тянет друг к другу. Великая Владычица, хорошая мать. У нее один-единственный изъян: она любит душить своих детей в объятиях. Ломать их волю, переделывать их, как ей заблагорассудится. И так будет, пока мы не умрем».

— Поступай, как знаешь, сестра,— хмуро произнес он.— Ты — сен'е'ен, у тебя больше нет родных. Что же касается меня, то я исполню свой долг

перед кузеном. Возвращайся к ши'пан и говори ей что угодно.

Его одолевало страстное желание вывести ее из себя, добиться, чтобы пошла наперекор Интель. Но рука ее отстранилась, золотистый силуэт растаял в тенях по ту сторону решетки.

— Мелейн,— прошептал он. И повторил громче: — Мелейн!

— Не приближайся ко мне без необходимости,— донесся издалека тихий голос, принадлежавший, казалось, бесплотному духу.— Когда он был жив, я была ему сестрой, а ты завидовал, мечтал отнять все, что у него было. Скажи над его телом, что ши'пан гордится его смертью. А я не желаю указывать тебе, как поступать. Похорони его. Делай, что хочешь.

— Мелейн,— позвал он.— Мелейн, вернись.

Ответом ему были удаляющиеся шаги и стук затворяющихся одна за другой дверей. Он стоял у решетки, держась за нее одной рукой, мечтая, чтобы Мелейн передумала, вернулась, сказала слова, которые он желал услышать. Но она ушла. Сердиться на нее он был не вправе, потому что сам прогнал ее.

Дитя Интель. Как и он.

Хотелось верить, что в каком-нибудь укромном уголке башни сенов Мелейн забудет свою гордость и поплачет по Медаю. Хотелось, но не верилось. В ее голосе сквозили холод и равнодушие. То была школа сенов.

Огоньки лампад задрожали. На ночь двери останутся отворенными, этого требует вековая традиция выражать почтение мертвым. На стенах, покрытых тайнописью, плясали, корчились тени. Казалось, загадочные письмена живут собственной жизнью. Владычица говорила, что в них сокрыта история и мудрость Народа. С рождения Ньюна окружали эти символы. Он видел их и на стенах

Святилища, и в главном зале, и в башнях ши'пан, келов и катов. Подобные знаки, по словам Владычицы, были во всех Эдунах на протяжении веков. По ним учились, постигали мудрость сен'ены. Для кел'енов они — тайна. Для кела история ограничена тем, что происходило на его глазах, и тем, что ему рассказали старики.

Но Мелейн понимает эти символы, она постигла мудрость, и знания сделали ее холодной и отчужденной. Когда Мелейн перешла в касту сенов, Ньюн спросил у Владычицы, нельзя ли и ему стать ученым, ведь они с Мелейн никогда не расставались. Ши'пан взяла его за руки, повернула их ладонями вверх и с улыбкой сказала, что это руки воина, а не ученого.

Краем глаза он уловил движение в зале. Медлительная неуклюжая походка, постукивание когтей по каменному полу — один из дусов покинул башню келов. Обычно животные расхаживали по Эдуну совершенно беспрепятственно, никому не приходило в голову держать их взаперти, даже если они мешали мри или что-нибудь ломали. Да и вряд ли был бы прок от крутых мер — дусы обладали изрядной силой и не терпели принуждения. Некий инстинкт почти безошибочно подсказывал им, когда их присутствие необходимо, а когда — нет.

Они без труда понимали кел'енов, которые смотрели на жизнь просто и спокойно. Каждый дус выбирал себе кел'ена или кел'е'ен и оставался верен ему или ей до самой смерти. Но никто из них не выбрал Ньюна с'Интеля, хотя однажды он пытался (к своему стыду, безуспешно) приручить молодого дуса. Тот быстро разгадал его детские уловки, сломал клетку и ударом лапы отправил своего мучителя в нокаут.

Сначала Ньюн подумал, что не с того конца взялся за дело, но позже решил, что зверь каким-

то образом почувствовал его недовольство, разочарование, и отверг его.

Он надеялся, что сумеет избавиться от этого недовольства, но в глубине души знал: все его беды оттого, что он не настоящий кел'ен. Женщинам Народа доступны все касты, мужчинам только две: келы и сены. И обе они Ньюну не по нраву, а в третью путь заказан, ведь он считается последним защитником Дома. С ним упорно занимались лучшие наставники и сделали из него неплохого бойца. Но он понимал, что, будь в Эдуне больше его ровесников, он бы не выжил. Гордый и строптивый нрав слишком рано довел бы его до поединка, и Народ не стал бы жалеть о потере упрямого и своенравного юнца. Иногда возникала мысль, что он бы, пожалуй, стал неплохим кел'еном, если бы не постоянное вмешательство Матери. Так ведь она бы и не вмешивалась, если бы он не оказался последним из сыновей.

Мать гордилась Медаем, но Медай мертв, а Ньюн, живой и здоровый, сидит у его тела. Ньюн, самый упрямый и строптивый из сыновей. Наверное, она ему что-нибудь скажет, когда он похоронит Медая и вернется в Эдун. Это будут горькие, очень горькие слова, и ответить ему будет нечем. И Мелейн займет сторону Владычицы. Мысли о том, что ему предстоит услышать, заставили Ньюна поежиться.

Да, она тоже выскажет все, что думает о нем.

Снова стук когтей. Дус. По отрывистому дыханию и тяжелой поступи Ньюн определил, что зверь подошел совсем близко. Он мысленно приказал дусу выйти из Святилища — здесь ему не место. Но тот не шелохнулся. Ньюн повернулся и увидел огромный темный силуэт зверя с покатыми плечами. Дус издал непонятный звук и подошел еще ближе.

— Яй.— Ньюн повернулся к нему, не вставая с колен, и мысленно приказал убираться.

И вдруг он увидел, что дус покрыт пылью и грязью, на теле множество плохо заживших ран. Сердце замерло на миг, в горле возник кромок. Это не прирученный дус из Эдуна. Это дикий. Чужой.

Иногда дикие дусы спускались с гор и бродили вокруг Эдуна, сея смятение среди домашних дусов. Ньюн помнил, как один кел'ен погиб, пытаясь прогнать такого дуса. Эти звери чувствуют намерения мри, обмануть их невозможно. Недаром дусы считаются одной из самых опасных форм жизни на Кесрите.

Дус стоял, опустив голову. Могучее тело перекрыло весь дверной проем. Он покачивался вперед-назад и издавал леденящие кровь звуки. Внезапно дверной косяк затрещал — дус протискивался в Святилище. Дверной проем специально был сделан узким, чтобы защитить драгоценные Тайны от зверей. Но этот зверь протиснулся в Святилище, потому что был меньше откормленных домашних дусов. Ньюн отпрянул в сторону. Дус задел плечом лампаду, она покатилась по полу. К счастью, огонь сразу погас, но горячее масло обожгло зверю задние лапы. Дус приблизился к телу Медая и тронул его когтями, любой из которых запросто мог распороть живот мри или регулу. Ньюн отступил в тень и застыл как вкопанный. Казалось, зверь заполняет собой всю комнату; он внушал ужас; от него исходил тошнотворный запах. Когда он повернул массивную голову, чтобы взглянуть на хрупкое существо, забившееся в угол, Ньюн увидел, что из бегающих глаз зверя на мозаичный пол падают капли.

Это мьюк! Бешенство! В теле зверя нарушено равновесие душевных сил, он спятил, и безумие привело его в Эдун, где живут мри. Ньюн знал, что нет на свете существа опаснее, чем обезумевший дус. Не будь ручные дусы заперты, как всегда, на ночь, они бы не подпустили мьюк'ко к Эдуну. Они

бы погибли, но не позволили взбесившемуся зверю войти.

И Ньюн с'Интель приготовился к смерти. К ужасной смерти! Комната такая крошечная, что братья найдут здесь лишь кровавые ошметки его тела.

Дус вонзил когти в труп Медая, словно хотел показать живому мри, что его ждет. Грозный зверь раскачивался взад-вперед; слезы слепили его. Из глубины башни келов донеслось рычание, это дус, недовольный своим заключением, издал утробный звук. А, может, он узнал о вторжении дикого дуса и отчаянно рвется на свободу. Подали голоса и его собратья, и вдруг наступила тишина. Вероятно, кел'ен приказал им успокоиться.

Дикий зверь поднял глаза, прислушался. А Ньюн затаил дыхание. Дус непроизвольно раскрывал и закрывал пасть — нервничал. Он снова фыркнул и переступил с лапы на лапу, задев плечом решетку; та с грохотом рухнула. Зверь отвернулся — ему ударил в глаза свет из другой комнаты. Ньюн в ужасе закрыл глаза рукой, чтобы не видеть запретного, и поспешно достал пистолет.

В схватке с дусом пистолет бесполезен. Но Ньюн должен нападать, чтобы защитить Тайны, чтобы не подпустить бешеного зверя к реликвиям сенов. Юноша целился, вполне отдавая себе отчет в том, что если и посчастливится нанести дусу смертельную рану, зверь будет долго биться в конвульсиях и в такой тесноте обязательно пришибет своего убийцу.

Но дус не трогался с места. Он опустил голову и обнюхал труп, окропив его слезами и скинув носом вуаль. После этого он застонал, медленно, неохотно повернулся, миновал Ньюна и протиснулся в дверной проем.

И когда он пересекал большой зал, обливаясь слезами, как заблудившийся младенец, Ньюн узнал **его**.

Дус Медая.

На месте юноши никто не решился бы это утверждать — дусы очень похожи друг на друга. Но этот зверь не убил незнакомца, его интересовало только тело Медая. И он ушел недовольным, в этом Ньюн был уверен. Дусы не любят смерть. Другие животные к ней равнодушны, но дусы не понимают, не приемлют смерть. Утратив хозяина, дус будет искать его, тосковать, горевать и, скорее всего, умрет.

И этот дус что-то искал. И не нашел.

Он приходил к телу своего хозяина.

Дус болен — поражен безумием, а эта хворь развивается медленно. Но регулы сказали, что Медай умер вчера ночью...

Дус выглядит истощенным, как и его мертвый хозяин.

Душа Ньюна содрогнулась. Потом задрожало его тело. И не дус был тому причиной.

Он спрятал пистолет и окинул взглядом вторую половину Святилища. Ту, которую видеть был не вправе.

И ничего не произошло. Он вымыл руки и, не переступая запретную черту, поставил ширму на место. Его пальцы осторожно, почтительно касались безжизненного металла. А Ньюн был все еще жив. Боги, как и люди, могли простить вторжение дуса. Ньюн заглянул в Святилище сенов и был потрясен, но не умер на месте. Он увидел яркий свет, но ни одной вещи, достойной названия «реликвия». Ньюн пожал плечами: надо все это выбросить из головы, Святыни — не для глаз кел'ена. «Отвернись. Забудь. Подумай лучше о Медае»,— приказал он себе.

Он поставил опрокинутую дусом лампаду, наполнил ее маслом, зажег, и вновь Святилище наполнилось ровным, мягким светом. Затем, пол-

зая на коленях, вытер разлившееся масло,— благодарение богам, что обошлось без пожара. И пока он трудился, дрожа от усталости и отгоняя сон, холод не отпускал его сердце.

Управясь, он вытер руки и повернулся к Медаю. Не будет ему покоя, пока не развеются его подозрения. Собрав воедино всю свою волю, он распахнул мантию на мертвеце и осмотрел рану. Подозрения не подтвердились — регул сказал правду.

Ика'аль.

— Прости меня,— сказал юноша духу Медая.

Он почтительно запахнул мантию, вытер кузену лицо и поправил вуаль. Затем опустил голову и вознес молитвы древним богам своей касты, чтобы упокоили душу Медая. На этот раз он гораздо истовей, искренней молился за своего родича, чем несколько лет назад, когда Медай был жив и полон сил.

Он весь ушел в молитву, забыл обо всем на свете. Достойное и праведное это занятие малопомалу вернуло покой его душе. И все же его не покидала мысль, что, несмотря на характер раны и уверения регулов, Медай не покончил с собой.

Его дус так исхудал, что прошел через узкий дверной проем Святилища. И сам Медай раньше был крепок и мускулист, а сейчас — кожа да кости.

На кораблях у келов были свои каюты — из-за дусов, которые почему-то внушали ужас регулам, и суровых законов касты, которые не позволяли кел'енам водить дружбу с чужаками.

Любой кел'ен мог уединиться, просто заперев дверь. Но он во всем зависел от регулов, которые доставляли в его каюту пищу, воду и даже пригодный для дыхания воздух. Если бы регулы захотели убить кела, достаточно было бы прекратить подачу воздуха в его каюту. А после выбросить труп в сту-

деный космос. Но они — ци'мри, чужие, им не под силу понять кел'ена. Регулы — не воины.

Обдумав все как следует, Ньюн поднялся и покинул Святилище, прихватив сосуд с водой и чашу. Он вышел в большой зал, где у двери сидел обезумевший дус.

Ньюн знал, чего тот дожидается. Все встало на свои места, юноша не сомневался в правильности своих умозаключений. Он догадался, почему дус потерял рассудок.

Зверь был ручным, но, помрачась рассудком, он стал не менее опасен, чем дикий. В любой момент он мог подняться и убить. Но, когда Ньюн поставил перед дусом воду, он фыркнул, опустил голову, принюхался и стал пить. Юноша наполнил чашу вновь, и еще, и лишь на четвертый раз зверь отвернулся от нее.

Ньюн опустился на корточки и пригляделся к зверю. Дус отощал донельзя, шерсть свалялась комьями. На боку гноилась рана.

Дус Медая сбежал от регулов, от верной смерти. Сам на краю гибели, но не оставил хозяина, даже когда хозяин покинул этот мир.

Регулы совсем не такие, как мри. Они способны на хитрость, подкуп, обман, предательство, убийство молодых, но одно выше их сил: погубить взрослого. Чтобы расправляться со своими врагами, они нанимают мри. Это внушили Ньюну те, кто хорошо знал регулов, кто с младых ногтей имел с ними дело.

И он верил.

И Медай верил.

Он встал и вернулся в Святилище, сел возле тела кузена, сложил руки на груди и долго рассматривал волнистые линии письмен, заключавшие в себе историю Народа.

Произошло убийство. И не важно, кто из регулов и каким способом его совершил. Кел'ена убили те,

кому он служил, а дуса морили голодом до тех пор, пока не решили, что ему не выжить даже на свободе. А труп вернули келам. На такое способны только регулы — раса, не умеющая ничего утаивать, заметать следы преступления.

Очень хотелось поделиться с кем-нибудь догадками, посоветоваться с Эдданом, рассказать Владычице. Но у него нет доказательств, кроме дуса, лежащего у входа в Святилище. Он не знает мотивов преступления. У Ньюна мелькнула мысль, что по странной иронии судьбы только его, давнего соперника Медая, дух покойника мог бы сейчас просить об отмщении, а единственный свидетель его гибели — полуживой от истощения и ран мьюк'ко.

Считается, что дусы живут только настоящим. Их память слишком слаба, она удерживает только облик хозяина и жилища. Мьюк'ко искал то, что хранилось в его памяти. Он нашел свое прежнее жилье, но не нашел Медая.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Готовиться к походу в Сил'атен он начал, когда все еще спали. Запасся водой, ритуальной имитацией пищи для мертвого и настоящей пищей для себя. С трудом он вынес из Святилища тело Медая и привязал веревками к регульским носилкам, на которых его доставили в Эдун. Дус, сидя у дверного проема, бдительно следил за ним, но не проявлял враждебности.

В зале помаленьку собирались остальные келы: Эддан, Пасев, Дахача... Дусы тоже спустились в главный зал, и мьюк'ко ушел во двор. Там он улегся на солнце, положив голову между лап, и впал в глубокую прострацию.

— Мьюк,— пробормотал Дебас. Его охватил страх при виде лежащего у ворот зверя.

Пасев хоть и пролила реки вражеской крови, по натуре была очень добродушной. Она вышла во двор и, стоя на почтительном отдалении от дуса, позвала его. Рыча, зверь попятился и снова улегся — похоже, это проявление тревоги и агрессивности отняло у него последние силы. Прирученные дусы держались в стороне от него. Они почувствовали угрозу, исходящую от чужака, и очень возбудились. Окружив келов, дусы приготовились их защищать.

В обращенных на Ньюна взорах угадывался немой вопрос. Юноша пожал плечами, не прекращая возни с веревками.

— Ночью он приходил в Святилище.— Ньюн взглянул на Эддана.— Должно быть, на кого-то охотился.

В глазах кел'анта мелькнула ужасная догадка. Но он тотчас взял себя в руки. Эддан был очень мудр, он мог бы стать сеном. Он спокойно повернулся и отдал приказ Пасев, Лирану, Дебасу и Литу:

— Оставайтесь здесь. Охраняйте ши'пан.

— Эддан,— запротестовала было Пасев,— Мать запретила...

— Любой, кто желает остаться здесь, может остаться. Пасев, охраняй Владычицу.

Ньюн, не дожидаясь остальных, отправился в путь. Тяжесть и сопротивление носилок, которые он волок на веревке, тотчас дали понять, что упрямство обойдется ему дорого. Он уже жалел, что Мать не настояла на своем.

Дус медленно поднялся и побрел следом. Но через несколько шагов снова опустился на землю в полном изнеможении. Остальные звери следили за мьюк'ко, все время находясь между ним и келами. Они не пошли за скорбной процессией. От них это не требовалось, им это было ни к чему. Они остались стеречь Эдун.

Эддан и другие кел'ены догнали Ньюна на склоне горы. Они тоже взялись за веревки; Ньюн не противился, хоть и чувствовал себя виноватым оттого, что вынужден принять их помощь. Одной рукой юноша опустил вуаль, чтобы предотвратить испарение влаги с лица. Зная о предстоящих трудностях, он взял с собой воды в избытке. Чрезмерные усилия быстро обезвоживают тело, поэтому в дорогу надо брать побольше воды. Без нее одинокий мри на Кесрите обречен. Этот мир годится только для регулов, не знающих недостатка в технике.

Однако никто не сказал Ньюну, что его муки будут напрасны, что его труднейший поход никому не нужен.

Ни один кел не посмел бы оспорить решение Матери.

Ньюн поступил вопреки ее воле, и она могла через Эддана заставить его подчиниться. Но ши'-пан не сделала этого, а значит, это был и ее выбор.

И конечно, дело тут вовсе не в любви к Медаю. Скорее всего, она выпила комал и уже спала, когда вернулась Мелейн с отказом Ньюна подчиниться. Да, наверное, так и было. Подобное уже случалось.

Он уцепился за эту непочтительную мысль, подогревая, пестуя в себе злость, лишь бы не поверить, что Мать холодна к нему, столько лет прожившему рядом с ней. Что ей безразлично, погибнет Ньюн в пути или нет. Подъем становился все круче, острые камни впивались в подошвы, ледяной воздух терзал легкие, но юноша упорно шагал вперед.

А регульские корабли знай себе взлетали и уносились в космос. В них бешено клокотала энергия, их стремительный полет невыносимо контрастировал с муками горстки едва бредущих мри. Эти корабли увозили регулов и их добро с планеты, которой отныне будут владеть земляне.

* * *

Дорога в Сил'атен не заслуживала этого названия. Путь лежал по каменным осыпям, лишь изредка появлялась тропка вокруг какого-нибудь большого препятствия. Но те, кому доводилось пройти хоть раз этот путь, запоминали его на всю жизнь. Помнил его и Ньюн — на коротком веку юноши случилось немало похорон. Зато — ни од-

ного праздника рождения. Они с Мелейн были последними детьми в Доме.

По круче Ньюн волок носилки в одиночку. Оступаясь на камнях, кряхтя от натуги, он тащился за невысоким и худощавым Эдданом. В легких пекло. Его готовили к войне, а не к такому труду. Каждый шаг давался ценой невероятных усилий.

— Ньюн,— предложил один из братьев,— давай ненадолго сменю.

Но Ньюн с негодованием оттолкнул руку помощи.

Рядом с ним шли келы. Все, кроме Пасев, которая осталась охранять Эдун. Ньюна мучила совесть, ведь это из-за его упрямства старики подвергают себя таким мучениям. И может быть, кто-нибудь из них не выдержит и умрет по дороге. Скорее всего, именно поэтому ши'пан не желала его отпускать, а он, слепец, не позволял себе даже мысли, что она беспокоится и о нем. Он плохо думал о Медае, а теперь об этом жалеет. Очень может быть, что он ошибался и во многом другом.

Но теперь уже не повернуть назад. Из-за его упрямства келы пройдут путь до конца. Ньюн был рад, что усталость и боль заполнили весь разум, не оставив места раздумьям о его мальчишеской гордыне, о безрассудной жестокости по отношению к живым и мертвому. Медай не был трусливым и пустоголовым, это Ньюн знал теперь наверняка. Знал, что его кузен очень долго сопротивлялся злой воле своих хозяев и боги знают, чему еще.

Но он по-прежнему не ведал, что привело к непоправимому.

— Эддан,— тихо позвал он, когда процессия ненадолго остановилась в тени скалы. Песок на склоне искрился в лучах Арайна. Там, где они прошли,

остались глубокие борозды от носилок. И ветер уже спешил засыпать ее песком, как хищник — недоеденную добычу.

— Что?

— Мне кажется, ты догадываешься, что регул сказал нам не всю правду.

Эддан опустил вуаль, жестом выразив свое согласие.

— Мне кажется,— продолжал Ньюн,— что келы уже обсуждали кончину Медая, и только я еще не знаю, к какому выводу вы пришли.

Эддан долго смотрел на него. Глаза старика подернулись поволокой, затем прояснились.

— Ньюн,— твердо произнес он,— я думаю, у тебя нет никаких оснований считать, что у нас есть тайны от тебя.

— И все-таки я считаю, что они есть.

Пальцы Эддана крепко сжали кисть Ньюна. Старик учил Ньюна искусству владения йин'ейном; они с Пасев были непревзойденными мастерами и могли одним неуловимым движением разлучить душу врага с телом. И в руке Эддана еще оставалась сила.

— Служба регулам не для тебя. Ты служишь ши'пан и когда-нибудь займешь мое место. И думаю, этот день наступит скоро.

— Хочешь, чтобы я стал кел'антом? — Ньюна бросило в холод, когда до него дошло значение слов Эддана.— Я, самый младший из келов? Чтобы все помыкали мной?

— Ньюн, у тебя есть гордость и достоинство. Никто из нас в этом не сомневается. Тебе недостает лишь веры в себя, в свои силы. Но она придет.

Сердце Ньюна тревожно забилось. На его плечи внезапно обрушилась тяжкая ноша.

— Но я никогда не воевал. Кто из ветеранов захочет мне подчиняться?

Эддан пожал плечами.

— Мы — всего лишь Руки. Управляют нами другие. Но будь уверен, о тебе думают, и твой час придет. Помни об этом. И не забывай о судьбе Медая.

Ньюн сидел и молчал в полной растерянности. Все его подозрения улетучились, на душе полегчало.

— Но...— заговорил он, однако Эддан отвернулся от него и встал, всем своим видом показывая, что разговор окончен.

Ньюн тоже поднялся. Его руки висели плетьми. Если Эддан не желает отвечать, приставать к нему с расспросами бесполезно. И вполне возможно, он сказал все, что знал.

«Ши'пан довольна, что Медай умер с честью»,— сказала Мелейн. До сих пор холод этих слов заставляет Ньюна содрогаться.

Впервые он пожалел своего кузена. В душе юноши все перевернулось. Вся вина Медая была в том, что он стал поглядывать на Мелейн, а у владычицы были иные планы. Кесрит — суровая планета, она не прощает ошибок. Мать кесритского Эдуна такая же суровая и безжалостная, как и этот мир.

И Ньюн со своим упрямством воспротивился ее воле. Отказался подчиниться, даже не зная, что движет ею. Он сделал то, на что не осмеливался ни один из старых кел'енов: не внял настоятельной просьбе Матери в труднейшее время, когда маленький Народ должен быть един.

«Вполне возможно, что не только регулы убили Медая,— подумал он.— Вполне возможно, что Владычица и Мелейн тоже приложили к этому руку».

Он жалел Медая и боялся за себя. Как плохо, что нельзя поговорить с кузеном по-мужски и узнать то, о чем умалчивает Эддан. Ньюн взгля-

нул на носилки с покойником и взялся за веревку. Снова его обуревали тяжкие мысли. Медай остался бы жив, и Ньюн все эти годы не был бы одинок, не вынуди он Владычицу выбирать между ним и Медаем.

Да, не только регулы убили Медая.

* * *

Лишь к вечеру они добрались до своей цели — овеваемых всеми ветрами утесов Сил'атена, до пещер, в которых Народ хоронил своих сыновей и дочерей. Здесь было много могил, самые старые из них появились еще в ту пору, когда на Кесрите не было регулов. В свежих могилах покоились те, кто перебрался на Кесрит после падения Нисрена.

Под этими утесами протянулась долина, устланная красным песком; она мало походила на белые долины вокруг хребта. Но и здесь хватало белого песка, его полосы чередовались с красными. За многие века ветер, песок и вода превратили каменные глыбы в диковинных чудищ, стерегущих вход в теснину. Еще больше жути внушали уродливые тени от камней на зловещем багрянце песка.

Но теперь отступать было бы стыдно. Конец пути совсем близок. У Ньюна под ступнями сдвинулся песок и, падая, он решил, что угодил в бездонную расселину. Но это оказалась всего лишь небольшая яма. Ньюн поднялся, отряхнул песок с колен и снова налег на веревку, отталкивая руки тех, кто предлагал помощь. Перед глазами плыли черные с красным отливом тени, из груди вырывался хрип.

Процессия миновала старые могилы — их тысячи накопились с незапамятных времен. Затем она прошла мимо двенадцати свежих могил. Согласно обычаю, мертвых хоронили ногами к востоку — чтобы видели встающее солнце. Это были каты — вос-

питатели детей. Рядом с ними лежали и дети, не перенесшие суровых условий Кесрита. Наверное, они бы остались живы, если бы Интель выбрала для Эдуна другую планету. Регулы предлагали ей много прекрасных зеленых миров, но она облюбовала Кесрит и осталась непреклонной в своем выборе. «Кузница нового народа»,— сказала она. И безжалостные молоты кузницы убили всех, кто не сумел приспособиться к этому климату.

Лицом к закату в своих могилах спали вечным сном тысячи сенов, и среди их могил девятнадцать появились недавно. Ньюн помнил, как умирали те, кто в них сейчас лежал. Сены тоже были по-своему нежные и уязвимые, они тоже умирали, не пройдя сурового отбора, который им навязала Интель. Из многочисленных сенов в живых остались только Мелейн и Сателл.

Самые высокие утесы служили усыпальницами Матерей и тех кел'енов, которые оставались с ними до конца. Никто не мог сказать точно, сколько было на Кесрите Матерей. Ньюну называли цифру пятьдесят девять, но он готов был побиться об заклад, что она неточна.

Все эти мысли промелькнули в его голове, когда путники наконец повернули к могилам келов.

Их было лишь несколько сотен, совсем мало по сравнению с кладбищами других каст. Разумеется, келы умирали гораздо чаще, чем сены и каты, но здесь, на Кесрите, их лежало немного.

Ньюн остановился у недавно вырубленной пещеры, в которой были погребены ветераны Нисрена. Он едва стоял на ногах от усталости, руки тряслись, но он не позволил себе сесть, а вместе с другими стал откатывать от входа в пещеру громадные камни. Он должен был помочь этим упорным старикам. Стертые в кровь ладони оставляли следы на камнях, которыми будет закрыт вход в гробницу Медая.

Кел'енов хоронили не так, как покойников из других каст. Каты и сены смотрели на долину Сил'атен с запада и востока, а лица мертвых келов были обращены на север, откуда, согласно их верованиям, приходит зло. Мертвые лежали во мраке длинными рядами. Затеплив лампаду, Ньюн увидел их тела в истлевших черных мантиях; лица скрывались под вуалями.

Воздух в пещере был студен и насыщен запахом тления. Темнота угнетала; Ньюн стоял и ощущал дрожь в ногах. Старые келы положили Медая в один из рядов, затем они встали и, глядя на север, свершили над ним шон'джир — ритуал погребения. Ньюн повторил слова, которые звучали при рождении и смерти, при вступлении в Народ и расставании с ним:

— Во Мраке начало, во Мраке конец, а меж ними Солнце. Но приидет Мрак. И во Мраке том конец всему сущему.

Слова гулко разносились по пещере. Кел'енов окружала густая тьма. Ньюн смотрел на своих братьев — мертвых и живых — и видел, сколько ничтожны они перед всемогущим Мраком. Единственное, что отличает живых от мертвых,— это слабое дыхание и жалкие звуки, которые способно издавать существо. Ньюна охватил ужас, он едва не выскочил из пещеры, но в последний момент взял себя в руки. С его губ слетали слова:

— Из Мрака во Мрак путь каждого. Из Мрака во Мрак наш путь. И после Мрака, о братья, о сестры, придем мы домой.

Он никогда не вдумывался в эти слова. Произносил, но не понимал. И сейчас, глядя на шеренги покойников, он ловил на себе их взоры.

Домой.

Дом — здесь.

Ему хватило выдержки, чтобы выйти из пещеры последним. Но даже под звездами Кесрит его преследовал такой кромешный мрак, какого не рассеять и тысяче солнц.

— Закрой вход,— велел Эддан.

Ньюн один за другим уложил валуны на место. Теперь их с Медаем разделяла каменная стена. Дышать было трудно. Он почувствовал слезы на щеках и устыдился перед Медаем.

«Нет, кузен, я пойду твоим путем»,— думал он, воздвигая стену — защиту от ветров, песка и зверей. Защиту для него самого — от правды, таящейся в пещере.

Кел'ены все сделали, как надо. Отдали долг. Братья взяли горсть пыли и развеяли ее по ветру, прощаясь с дорогими могилами. Затем немного отдохнули, прежде чем пуститься в долгий, трудный и опасный путь.

Взошла Соах, вторая луна, и стало чуть светлее. Эддан шагал впереди, ступал очень осторожно, нащупывая посохом путь. Ньюн шел рядом с Сайрэйном, подслеповатым, но слишком гордым, чтобы принять помощь. Изредка Ньюн притворялся, что выдохся, что валится с ног от изнеможения и боли в кровоточащих руках. Он останавливался и давал старику передохнуть. О своей гордости он не вспоминал, думал лишь о том, как бы не обидеть Сайрэйна. Ньюн больше не был юношей для этих старцев. Он стал их товарищем.

Они поровну делили пищу и воду, сидя вшестером в темноте, когда скрылась луна. Братья осматривали его руки, жалели его и давали толковые советы — у них был богатый опыт. Эддан сорвал побег какого-то растения и смазал раны его соком. Боль очень скоро утихла.

И снова в путь... Сайрэйн, давно раскусивший хитрость Ньюна, положил юноше руку на плечо и признался, что порядком устал.

Был вечер, когда они приблизились к Дому. Вход был ярко освещен — их ждали. У ворот стояли дусы.

Теперь спешить не имело смысла. Ньюн, как мог, поддерживал старого воина, чтобы тот добрался до Дома на своих ногах. Поэтому они шли очень медленно, хотя у каждого в душе теснились мрачные предположения: не случилось ли что-нибудь очень плохое, пока они отсутствовали.

Но в дверях стояла Мелейн. Откинув вуаль, она поприветствовала всех. Келы тоже откинули вуали, входя в Дом.

— Все в порядке? — спросил Эддан девушку.

— Да. Не беспокойтесь. Входите.

Они вошли, усталые, замерзшие, и сразу направились в Святилище. Этого требовал долг. Там они помолились, вымыли лица и руки. И только после этого направились к лестнице, что вела в башню келов.

Но в главном зале их поджидала Мелейн.

— Ньюн,— окликнула она,— Мать снова просит, чтобы ты к ней пришел.

Ньюн устал. Встречаться с Матерью не хотелось. Он повернулся и вышел во двор — узнать, как себя чувствует дус. Юноша положил перед ним еду и заметил, что кто-то в его отсутствие наполнил водой чашу.

Дус отвернулся от пищи. Ньюн в изнеможении опустился перед ним на ступени крыльца.

Животные всегда его недолюбливали. Даже этот осиротевший больной зверь отказывается от его помощи.

Ньюн увидел при свете фонарей свои окровавленные руки и тяжело, чуть ли не со стоном, вздохнул. Совсем недавно они были такие сильные и чуткие — руки бойца йин'ейн... А сейчас им не удержать оружие. Да, сейчас он не воин. Здесь нет

воинов, дус это уже понял. Он, как и Медай, выбрал смерть. Зверь не нашел в Ньюне ничего, что вернуло бы ему интерес к жизни.

У Ньюна есть и сет'алы, и черная мантия. Он виртуозно владеет оружием. Но сердце его точат сомнения. Дус это чувствует и не желает признавать его воином.

Ньюн сорвал с себя мез и зайдх и скомкал их в руке, и тут же, раскаиваясь в своей ревности, зачерпнул пригоршню земли и вымазал лоб.

Он вернулся в зал и поднялся на башню ши'пан. Осторожно отворил дверь в ее покои и увидел Мелейн — она стояла на коленях справа от Матери и поправляла подушки.

— Тихо.— Мелейн обернулась на шум и сверкнула глазами.— Она только что уснула. Ты опоздал.

Но Мать зашевелилась, когда он приблизился. Ее золотистые глаза открылись, взор быстро прояснился.

— Ньюн,— ласково сказала она.

— Мать! — Он опустился на колени и склонил голову, чтобы ши'пан прикоснулась к ней. Келы позволяли это только Владычице или другу. На холодный лоб Ньюна легла теплая ладонь.

— Ты вернулся,— сказала она.— Ты вернулся, и с тобой ничего не случилось.— Как будто гора свалилась с ее плеч. Держа его за руку, как ребенок — любимую куклу, она погрузилась в сон.

Ньюн остался на коленях. Он положил голову на подлокотник кресла Матери и сам не заметил, как уснул. Сон был тревожен. Иногда Ньюн просыпался и с изумлением видел кругом не пещерный сумрак и мертвецов, а золотистый свет, ощущал на своем плече руку Матери и понимал, что он дома. Она тоже спала и иногда звала его во сне — может быть, принимала за кого-то другого. Но его это не заботи-

ло. Он был кел'еном, чей главный долг — жить для Матери, быть рядом с ней. Она отпустила Медая на смерть, и Ньюн никогда не слышал от нее ни слова сожаления или раскаяния.

«Ты вернулся, и с тобой ничего не случилось»,— сказала она. Узы, которые так ослабли в последнее время, вновь сдавили его, и он наконец прекратил борьбу с ними. Он понял, что должен выполнить свое предназначение.

Он — кел'ен Владычицы, как те, кто лежит в могилах на утесах.

В невообразимо далекие дни, когда регулы еще не воевали с землянами, иногда случалось, что мри сражались с мри. Дом против Дома. Мать против Матери.

И последний кел'ен Владычицы — единственный из всех — никогда не познает мрака пещеры Сил-'атена. Именно он соорудит каменную стену, чтобы защитить смертных, а сам останется снаружи их стражем.

Он скользнул взглядом по Мелейн. Она тоже проснулась, ее взор блуждал по темным углам. Ньюн понял, что такая же точно судьба ждет и ее, если Мелейн останется одна у Интель.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Шел двадцатый день пребывания землян в Номе. Возможно, в конце концов их нервы приспособились бы к долгому кесритскому дню. Данкан поднялся и взглянул на ванну — эта роскошь немного примирила его с ужасной планетой. Спасибо регулам и на том, что система регенерации в Номе безотказно и в неограниченном количестве снабжает его водой.

В Номе действовала точно такая же система жизнеобеспечения, как и на космическом корабле. Благодаря ей жизнь была если не приятной, то по крайней мере терпимой.

Профильтрованный воздух, очищенная морская вода. Скудная фауна планеты в основном, сосредоточилась на суше, и, насколько мог судить Данкан, лишь немногие разновидности животных были безобидны.

В самом Номе росли сады, они в достаточной мере насыщали воздух влагой и вообще изрядно скрашивали людям жизнь. Данкану в них не нравились только непривычная жесткость инопланетной листвы и вездесущий запах регулов.

Стен заметил, что регулы стали чаще с ним встречаться. Он научился молчаливо сносить многое из того, с чем землянин, как ему казалось совсем недавно, никогда в жизни не сумеет смириться. И все это — за двадцать дней непосредственного общения.

Общение и в самом деле было непосредственным. Никто не запирал людей в комнате, как бывало на борту корабля, но покидать Ном им категорически запрещалось. «Что ж,— успокаивал себя Данкан,— это ненадолго, надо лишь дождаться, когда регулы уберутся с Кесрита. Через десять дней прилетят земляне и заменят нас».

Хотелось верить, что он не спятит за такой долгий срок. Ему часто грезилась встреча с первыми землянами, он рисовал ее себе в самых радужных красках. Наверняка соотечественники найдут, что Ставрос и Данкан очень изменились, сочтут их поведение и манеры странными и даже смешными. Стен и сам чувствовал, что он теперь заметно отличается от молодого офицера планетарной разведки, который отправился к чужим мирам в роли земного посла.

В новом Стене Данкане — помощнике губернатора Кесрита — почти ничего не осталось от солдата, способного действовать импульсивно, не просчитав наперед все возможные результаты своего поступка. Новый Стен Данкан был сама выдержка и терпение. Манеры регулов въелись в мозг, точь-в-точь как флотское «Да, сэр» или «Нет, сэр».

Ему пообещали отставку через пять лет. Но за пять лет, проведенных на Кесрите, он перестанет быть землянином. За пять лет он напрочь отвыкнет от свежего воздуха и солнечного света, а его привычки, обусловленные суровой борьбой за выживание на чужой планете, покажутся людям дикими и нелепыми. Но адаптация к новым условиям, климату, вообще к враждебной обстановке — обычное дело для офицера планетарной разведки. Надо жить настоящим. Изучать Кесрит, привыкать к нему.

Ставрос же изучал регулов, поставив себе задачу не только действовать, но и думать, как они.

Он не упускал из виду ни единой мелочи, подражал регулам во всем. Старик ничего не записывал, когда изредка выходил из своей комнаты в сад. Только смотрел, слушал и запоминал.

Этим утром его пригласили в канцелярию Хулага. По очень важному делу, сказал молодой посыльный.

В жилище Данкана проник грохот, не похожий на привычный рев стартующих кораблей. Стен щелкнул выключателем, чтобы затемненные окна пропустили в комнату свет. Окна выходили на море, расстелившееся до самого горизонта, и на горы, что высились слева и справа. Только море и горы — ни Эдуна мри, ни порта. Дорого бы дали земляне, чтобы увидеть их. Конечно, послам не случайно достались эти апартаменты.

За минувшие двадцать дней пейзаж за окном ни разу не менялся, но сейчас над горами бушевала гроза. Серые с красными прожилками облака нависли над скалами и морем. Непрерывно сверкали молнии.

По словам регулов, погода на Кесрите не поддается прогнозированию и частенько преподносит жестокие сюрпризы. За пыльными бурями иногда следуют щелочные дожди — если угодишь под него, необходимо срочно вымыться. А когда приближается буря, обязательно надо искать укрытие. Ветры набирают ужасающую скорость. Если ветер с гор сталкивается с морским, возникают циклоны.

Лампа на потолке вспыхнула красным. Ставрос проснулся, и ему понадобились услуги секретаря. Данкан поспешил вынуть из ниши в стене, куда доставлялась пища, чашку соя — жидкого стимулирующего напитка регулов. Вкус у соя был вполне приемлемый, чем он выгодно отличался от всех остальных блюд и напитков регульской кухни, а если слегка подсластить, то и вовсе недурен. Стен

добавил две капли ароматизатора, поставил чашку на поднос, рядом положил почту и все это понес в кабинет Ставроса, расположенный, как и на корабле, рядом с комнатой Данкана.

— Доброе утро, сэр.

Обычно Ставрос приветствовал его лишь кивком, и Данкана это иногда раздражало. Сегодня у старика было хорошее настроение. Он даже наградил секретаря улыбкой — вернее, чуть растянул края рта.

— Сделай окна прозрачными,— велел Ставрос.

За окнами снова загремело. Данкан щелкнул выключателем, и лучи хмурого кесритского солнца проникли в комнату.

Тут же накатил ужасающий грохот, задребезжали пыльные стекла, уже забрызганные первыми каплями дождя. Ставрос подошел к окну — взглянуть, что творится снаружи. У Стена даже повысилось настроение, что здесь, на этой неуютной планете, с ним бывало крайне редко.

Над тем, что творилось сейчас перед ними, регулы были не властны. Дикую природу этого мира не втиснешь в рамки цензуры, не сдавишь бюрократическими тисками. Данкан во все глаза смотрел, как по морю гуляют смерчи, как кипит, пенится оно под косыми струями дождя. Пена была розовой. Все вокруг имело зловещий красноватый оттенок. Даже молнии.

— Что ж,— усмехнулся Ставрос,— кажется, мы теперь знаем, каков главный враг наших будущих поселений.

Данкан понял, что старик предлагает обсудить эту тему. Но Стен не знал, с чего начать. Его ведь учили не обсуждать, а исполнять.

— Регулы нам показали только маленький участок планеты,— сказал он.— Только город.

— Мне говорили, что на Кесрите почти все автоматизировано. И по каким-то идиотским причинам

регулы, следуя примеру мри, построили свои города и поселки далеко от дорог. Строения дешевые и совершенно не приспособленные к этому климату.

— Можно их приспособить, если постараться. Но это обойдется дорого.

— Нет, для человеческой колонии это не годится.— Ставрос задумался, прихлебывая теплый напиток.

Снова раскатился гром, а потом ударил ветер, и все скрылось за сплошной стеной ливня. Данкан выругался, но в его голосе звучали уважение и удивление.

— Поставь штормовые экраны,— посоветовал Ставрос. И как раз вовремя — стекла могли не выдержать яростного натиска воды и ветра.

Стен поспешно опустил экраны. В комнате стало темно, пришлось включить свет. Выйдя в свою комнату, Данкан приблизился к окну. Стекла ходили ходуном, и его разобрал страх.

Вновь прогремел гром, и Данкан бросил руку к рубильнику. Казалось, сердце вот-вот выпрыгнет из груди; он никак не мог дождаться, когда же опустятся штормовые экраны, хотя на это требовались считанные секунды. Где-то вдалеке раздался сигнал тревоги. Или послышалось? В следующее мгновение прекратилась подача воздуха и заложило уши, как на космическом корабле при взлете.

Данкан подошел к двери, отворил. По коридору в панике носились регулы на тележках. Давление воздуха вскоре понизилось, и Данкан ощутил грозную дрожь и услышал гул — по огромному зданию шла вибрация.

— Что случилось? — остановил он семенившего мимо регула.

Молодой чиновник зачастил на своем языке. Что-то произошло в порту. Больше Данкан ничего не разобрал.

— Вернись к себе,— прошипел регул и исчез.

Данкан вошел в комнату, затворил дверь и обратился в информационный центр. На его вызов никто не ответил. Постепенно дрожь здания унялась, теперь слышались только шум дождя и порывистого ветра. Данкан подошел к окну и поднял экраны. Но ничего не увидел — стекла были сплошь в потоках воды. Он снова опустил экраны.

В комнате Ставроса было тихо.

Данкан собрался с мыслями, отругал себя за трусость и пошел к старику, ожидая насмешек. Где это видано, чтобы офицер-разведчик пугался грозы?

Чашка валялась на полу, по ковру расползлось коричневое пятно. Ставрос по-прежнему был в пижаме. Он лежал поперек кровати.

— Сэр?! — воскликнул Данкан.

Он в ужасе бросился к старику, схватил за плечо, перевернул и уловил слабое, еле заметное движение — трепет ресниц. Правый глаз оставался неподвижен, левая сторона рта была перекошена. Ставрос попытался заговорить, но сыпались только неразборчивые звуки.

В следующее мгновение Данкан выбежал из комнаты и бросился в вестибюль, где сидел дежурный. На бегу он пытался сообразить, что же сказать регулам, как объяснить случившееся.

— Ставрос! — выкрикнул он.— Ставрос!

И отчаяние в его голосе встревожило молодого регула. Он поднялся и пошел с Данканом.

Регул долго стоял у постели.

— Старший,— сказал он наконец.

Это было равносильно пожатию плечами. Перед ним лежал старший. Он не может подняться, но ведь это естественно для взрослых. Данкан схватил его за руку.

— Он болен!

Удручающе медленно регул повернулся, подошел к пульту, нажатием на кнопку вызвал старшего.

Тот ответил непонятной скороговоркой. Данкан опустился на пол, повесил голову. Его охватило отчаяние.

Когда прибыли регулы и перенесли Ставроса на тележку, Данкан путался у них под ногами и требовал, чтобы ему позволили сопровождать Ставроса.

Но регулы схватили его и крепко держали, пока Ставроса не увезли. Потом его отпустили. Они не боялись, что он проследит путь тележки в паутине рельсов,— для землянина эта задача была совершенно непосильной.

Данкан без сил опустился на стул. Его обуревали гнев, ужас и отчаяние. Он был вне себя. Он ничем не мог помочь Ставросу.

За окном все еще бесновалась гроза. Уже больше часа. Четырежды Данкан бегал к дежурному регулу, требуя сведений о состоянии здоровья шефа.

Дежурный регул очень скоро понял, что необязательно отмалчиваться, чтобы выразить землянину свое презрение. Если отвечать слишком быстро, докучливый чужак ничего не поймет.

Наконец Данкан ему смертельно надоел.

— Иди прочь,— несколько раз повторил он.

Данкан пошел прочь, но не к себе в комнату, а по лестнице на первый этаж, куда путь ему был заказан. Там располагалась канцелярия бая Хулага. Вслед ему неслись вопли регулов. Три регула остановили Стена на полпути и отконвоировали в его комнату.

— Ставрос болен,— оказал один из них.

Больше Стен ничего не узнал до самого утра. Ночь прошла без сна, в мучительной тревоге.

Утром пришла группа регулов. Они перенесли с тележки на койку коричневый тюк. Данкан

протолкался между ними и увидел Ставроса, живого и в сознании. Но левая половина его тела была неподвижна.

Молодые вдруг засуетились и почтительно расступились в стороны. Из коридора донесся шум, отворилась дверь и в комнату въехала тележка.

Бай Хулаг.

Ставрос залепетал. Ни Данкан, ни тем более бай Хулаг не поняли ни слова.

— Досточтимый Ставрос, отдыхайте и поправляйтесь.— Бай поднялся в тележке и пристально посмотрел на Данкана.— Юноша, у него расстройство нервной системы.

— Бай,— сказал Данкан,— помогите ему.

Регул пожал плечами.

— Организм землянина для нас загадка. Мы очень сожалеем. У нас произошла катастрофа. Гроза разрушила башню в порту. Много жертв. Теперь наши возможности ограничены. И мы не имеем никакого представления о земной медицине.

— Бай, я могу помочь. Ваши врачи...

— Юноша,— гулким басом перебил регул,— мы ничего не знаем о землянах. Мы не экспериментируем на живых существах. Можем только частично восстановить некоторые функции твоего старшего. Он землянин. Мы сделаем для него все, что в наших силах, но не больше. Юноша, ты все понял?

Данкан подошел к Ставросу, взял его здоровую руку и ощутил слабое пожатие. Светлые глаза Ставроса влажно блестели, они жили, что-то требовали, приказывали. Данкан пожал ему руку в ответ и взглянул на бая.

— Простите, бай,— сказал он.— Я в отчаянии.

Бай жестом приказал ему подойти. Данкан приблизился к регулу, тот положил руку ему на плечо.

Затем он что-то скомандовал молодым регулам, и те бросились врассыпную. Глаза смотрели на

Данкана из паутины морщин, пальцы все сильнее сжимали плечо, пока Данкан не скривился от боли.

— Юноша, мне сказали, что ты отказываешься от пищи и воды. Это от горя? Таков ваш обычай?

— Нет. Я буду есть.

— Хорошо.— Он все давил, и Данкан, уже не в силах терпеть боль, шагнул в сторону. Бай тотчас же отпустил его плечо.

Затем он величественно уселся. Тележка зажужжала, отъехала назад, развернулась и исчезла.

Данкан стоял и смотрел ей вслед. За спиной раздались невнятные звуки.

— Сэр? — сразу откликнулся Данкан, стараясь, чтобы голос звучал непринужденно.

Он повернулся и увидел, что Ставрос указывает на стол. Там лежали его записи. Данкан собрал их и протянул старику, но тот взял только чистый лист бумаги правой рукой. Данкан понял и дал ему ручку, затем опустился на колени и поддерживал лист, пока Ставрос выводил жуткие каракули.

«Регулы спокойны,— прочел Данкан,— потому что такое состояние совершенно нормально для их стариков. Я могу выздороветь, нет оснований для беспокойства».

Кривые строчки не умещались на странице. Данкан перевернул лист.

«Скоро прилетят земляне,— продолжал Ставрос.— Насчет катастрофы в порту — правда. Нарушено расписание эвакуации, «Хазан» поврежден. Регулы в панике. Мри... необходимо выяснить, что предпринимают мри. Это самое главное. Прислушивайся к разговорам регулов, старайся побольше узнать о мри. Но так, чтобы не вызвать подозрений».

— Не вызывать подозрений? Даже если придется выйти из Нома?

«Ты разведчик, а теперь еще и дипломат. Будь осторожен. Помни мои инструкции. Регулы безжалостно убивают молодых. Почаще советуйся со мной. Перенеси меня. Сейчас же. К пульту».

Данкан не хотел этого делать, но Ставрос сердито закричал и замахал здоровой рукой. Стен бережно поднял его и опустил на сиденье тележки с пультом. Он обложил Ставроса со всех сторон подушками, чтобы тот мог сидеть. Правая рука Ставроса нащупала пульт, покрутила ручки настройки. Пульт ожил, на маленьком экране засветились буквы.

«Научись это делать».

— Да, сэр.— У Данкана запершило в горле. Внезапно он понял, как сильно успел привязаться к этому доброму старику.

На экране был уже другой текст.

«Закажи для себя обед. Отдохни».

— А для вас, сэр?

Ставрос развернул тележку и, ловко маневрируя, приблизился к кровати. С помощью рычажка на пульте притушил свет в комнате.

«Потом,— сказал экран.— Я еще не голоден».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— Брат.

Ньюн, безуспешно пытавшийся покормить дуса, оглянулся. В эти дни они редко встречались с сестрой. Юноша растерялся, ведь они такие чужие друг другу, хоть и провели много времени вместе в покоях ши'пан. Ньюн не хотел оставаться наедине с Мелейн. Боялся, что это причинит ему боль.

Он промолчал, вернулся к своему занятию — попыткам соблазнить дуса пищей. Ему казалось, что до появления Мелейн в темных глазах зверя вспыхнули слабые искорки интереса. Но теперь дус снова стал безучастным. Ньюн уже столько раз обманывался после возвращения в Эдун. Он пожал плечами и придвинул кусочек между лапами зверя к морде. Может быть, все-таки поест? Этого кусочка вполне достаточно, чтобы не умереть. А может, зверь унесет пищу в укромное место и съест в одиночестве?

Чаша на ступеньке рядом с дусом всегда была полна воды — кто-то об этом заботился. Странно, очень странно. На Кесрите больному дусу сразу дают воду, стоит ему пожаловаться на жажду. Звери к этому привыкли. Здоровые вовсе не пьют — им хватает влаги, которая содержится в пище. Ньюн предположил, что чашу наполняет Пасев. У нее есть свой дус, но добрая женская душа не может остаться равнодушной к страданиям животного. Сам Ньюн, как не бился, не мог заслужить привязанности дуса. Все

видели, как упорно он старается накормить зверя, спасти его от голодной смерти.

— Иногда их спасти невозможно,— сказала Мелейн.

Она села на ступени, не боясь запачкать златотканую мантию. Впрочем, крупнозернистый песок, которым посыпали дворы Эдуна, не так цеплялся к одежде, как пыль равнин. Мелейн надевала тончайшую шелковую вуаль, только когда выходила из Дома,— сены не любили прятать лицо.

«Тело кел'ена — Тайна Народа»,— гласил канон. Следовательно, кел обязан носить вуаль. «Тело сен'ена — всего лишь покров для того, что содержится в нем и что является Тайной Народа, а значит, сену не нужна вуаль».

Гроза отбушевала, наступила прекрасная погода. Буря засыпала песком все ущелья и учинила погром в городе регулов. Дым пожаров был виден даже сквозь завесу дождя. И когда гроза унялась, кел'ены смотрели на город с башни сенов с мрачным удовлетворением.

— О! — сказал Эддан, заметив дым и огонь.— Кесрит мстит своим хозяевам.

Судя по всему, погибло немало регулов. Впервые мри испытывали радость при виде чужих страданий. И не стыдились этого, ведь на корабле регулов умер кел'ен, и ци'мри повинны в его смерти. К тому же регулы отдали Кесрит на милость победителей — землян.

В безоблачном вечернем небе затлели звезды. Ветер больше не гнал тучи песка, надобность в мезе отпала. Всегда после сильных ураганов наступали такие вот безмятежные вечера. Казалось, природа выдохлась, все свои силы истратила в буйном шабаше.

Ньюн сбросил вуаль. Он в родном Эдуне, ци'мри его здесь не увидят.

— Может быть, пройдемся? — спросила Мелейн.

Юноше этого не хотелось, но она очень редко просила его о чем-нибудь. Он поднялся, помог ей встать и зашагал следом за ней по узкой тропинке, которая огибала Эдун и вела к возвышению дамбы, которая начиналась от угла Эдуна. Он вспомнил времена, когда они прибегали сюда втроем — дети без вуалей, два мальчика и совсем маленькая девочка. Прибегали смотреть, как взлетают и садятся корабли.

Корабли с волшебными именами, корабли мри, корабли регулов: «Млерейней», «Камрив», «Хорагно». Овеянные славой великих битв, прилетали они с далеких звезд. Дети есть дети, они играли в войну и воображали себя великими кел'енами в блеске наград, как те воины Народа, которые гордо спускались по трапам и после недолгого отдыха в Эдуне снова исчезали в пучинах пространства. Ньюн и Мелейн помнили, как однажды их отец и мать улетели на одном из кораблей, чтобы никогда не вернуться.

Сегодня брат и сестра снова шли рядом. Он — кел, она — сен, и тяжкий спуд кастовых одежд и обычаев давил им на плечи. Дойдя до каменного вала, что высился над долиной, Ньюн залез первым и помог забраться Мелейн. Это не составило труда, ведь под золотистой мантией пряталось легкое и ловкое девичье тело. Тело юной воительницы, еще не огрузневшей, как остальные женщины ее нынешней касты.

Они сидели, пока красное солнце не исчезло за горизонтом. В стороне порта засверкало море огней. В этом сияющем море виднелось одинокое темное пятно — рана, нанесенная бурей. Поврежденный «Хазан».

— Зачем ты привела меня сюда? — спросил Ньюн.

— Нам надо поговорить.

Ему не понравился тон. Последние лучи солнца коснулись лица Мелейн, оно показалось ему совершенно незнакомым. Кто, как не он, должен знать ее? Но сейчас рядом сидела совсем не та девушка, вместе с которой он вырос.

Рядом с ним была настоящая сен'е'ен, чьи сокровенные мысли неведомы никому. Ньюн вдруг испугался предстоящего разговора. Он понял, что Мелейн лишит его покоя, поселившегося наконец в душе, и он не в силах этому воспрепятствовать.

— Ты больше не смеешься,— сказала она.— Даже не откликаешься, когда тебя зовут.

— Я не ребенок.

— Ты не любишь ши'пан.

— Я приходил. Сидел. Ждал. По-моему, это все, что ей было нужно от меня. Это ее право.

— Все-таки ты мог бы уйти из Эдуна. Если бы попытался как следует.

— Мелейн, я пытался.

Она подняла взор к звездам. Ее рука лежала на колене, будто указывала на звезду Элаг, что мерцала над утесами.

— Там сейчас земляне,— сказала она.— Но здесь все по-другому. Это Кесрит. Наша планета. Убежище Народа. Святилище.

Он встревоженно посмотрел на нее.

— Не забывай, я кел'ен.

— Я помню, что келов нельзя посвящать в Тайны, так как они встречаются с врагами. Нельзя допустить, чтобы наши знания попали в чужие руки. Но ты — кел'ен, защищающий Дом, и ты должен узнать то, что мы не посмели бы открыть другим.

Он встал, оперся спиной о камень и сложил руки на груди. Свежий ветер охлаждал его лицо. Наступила ночь. Ньюн не понимал, почему Мелейн привела его сюда. Горы полны опасностей. С ди-

кими дусами шутки плохи. Кроме того, здесь хватает глубоких расщелин, предательских трещин, и среди камней ютятся ядовитые змеи. Его долг — защищать сен'е'ен, и с его стороны верх неблагоразумия — приходить сюда ночью с Мелейн. Ее жизнь гораздо ценнее для Эдуна, чем жизнь молодого кела.

— Можно поговорить в другом месте,— сказал Ньюн.— Мне кажется, нам следует уйти отсюда.

— Выслушай меня!

Повелительный тон в ее голосе был совершенно непривычен, он оглушил Ньюна, как удар камнем по голове. Мелейн была младше и никогда не повышала на него голос.

— Сегодня со мной говорила ши'пан. Она возвысила меня над Сателлом. И ты понимаешь, что это означает.

Он понял. Мелейн — преемница Матери. Ее Избранница.

В глубине души он это предвидел. Ведь не зря Интель перевела Мелейн из келов в сены.

Мелейн не суждено рожать детей, но дано познать пана — священные Тайны. Не для продолжения рода, а для управления им.

А Ньюна Интель решила оставить при себе, чтобы он охранял, защищал Народ. И кел'ен Владычицы должен убить любую женщину, которая захочет стать преемницей Матери.

Он не сдержался — выругался. И увидел тень страдания в глазах Мелейн.

— Мне очень жаль, что ты воспринял это так,— сказала она.

— Почему она оставила при себе меня, а не Медая?

— Она доверяла тебе, а не Медаю. И доверяет по-прежнему.

Ньюн задумался.

— А тебе она доверяла,— тщательно подбирая слова, сказал он,— лишь когда ее сон охранял я. Она знала: пока я рядом, ей незачем тебя бояться.

Боль в ее глазах сменилась изумлением.

— Нет! — воскликнула она.— Я никогда не брошу ей вызов.

— Да, пока я рядом,— кивнул он.— Она чувствует приближение смерти, иначе бы не назвала тебя своей Избранницей. И кроме того, кел'ен должен охранять ее гробницу...

— Это будешь не ты. Эддан или Сайрэйн... Кто-нибудь из них попросит этой чести. Но не ты.

— Может быть, пока об этом говорить бессмысленно, ведь на Кесрит прибывают земляне... Я стал думать о будущем, а это противоречит законам моей касты. Думать о будущем должна ты. Да и неважный из меня пророк. Я могу говорить лишь о том, что происходит сейчас.

— Ньюн, она еще не готова покинуть Дом. Я молода, мой опыт — ничто по сравнению с опытом Интель. Другие Матери не вызывают ее на поединок, ведь убить ее — это значит ограбить Народ. Ты даже вообразить не в силах, чего лишится Народ с ее смертью. Это будет... Даже слова не подобрать. А если преемницей стану я, на Кесрит прилетят другие Матери и вызовут меня на поединок. И тогда мне придется умереть. Я хочу, чтобы она жила, но она угасает.

Ньюн обнаружил, что дрожит, ему хотелось успокоить девушку и остановить, ведь она говорила то, чего ему слышать нельзя. Но было уже поздно. Он понял, что Мелейн выложила всю правду и отняла то жалкое, что оставалось от его покоя и надежды. В одном он доселе никогда не сомневался: что Мелейн переживет его.

— Мы с тобой очень несчастны,— говорила она,— потому что родились последними в Народе.

И не только на Кесрите, но и во всем Народе. Ньюн, у нас нет выбора, Как бы я хотела, чтобы все было иначе!

Ее слова ошеломили Ньюна. Он смотрел на нее, забыв о холодном ветре.

— Во всем Народе?

— Эдуны пали,— сказала она,— и дети умерли. Кел'е'ены заняты войной и больше ничем. Я не должна этого говорить,— добавила она,— но из нашего поколения почти никого не осталось. Эти старики... не могут иметь детей. Слишком поздно.

Она пыталась его успокоить. А он успокаивал себя тем, что их судьба предопределена.

— Но если так,— произнес он,— Интель не предаст тебя. Ты станешь ее наследницей. И я буду служить тебе, как служил ей. Мелейн, если тебя вызовут на поединок, я сумею защитить тебя. Меня десять лет учили сражаться, и я достиг немалого.

Она промолчала. Потом встала и произнесла:

— Пойдем в Эдун, я замерзла.

Мелейн не сказала ни слова, пока они спускались с вала на тропу. В ее глазах стояли слезы. Заметив их в свете звезд, Ньюн снял вуаль и предложил ей.

— Нет,— зло отказалась она.

Он кивнул и перекинул мез через плечо.

— Ты прав,— заговорила она после долгого молчания.— Я не для того стану преемницей Матери, чтобы меня убили. Если мне бросят вызов, я убью, чтобы остаться Владычицей.

— Это большая честь.

Мелейн глубоко вздохнула.

— Честь? Прийти в незнакомый Эдун, к незнакомым келам и убить какую-то женщину, которая не сделала мне ничего плохого? Это ты называешь честью?

— Но Интель даст тебе необходимое оружие. Оставит тебе силу. Она мечтала об этом и готовилась много лет.

Мелейн взглянула на него, и ее сумрачное лицо прояснилось, обрело спокойствие.

— Я думаю, ты не очень ошибаешься, считая, что она держала тебя здесь потому, что не доверяла мне. Она верит только тебе.

Горечь в ее голосе заставила Ньюна вздрогнуть. То, о чем говорила Мелейн, он подозревал всегда, и теперь, услышав из ее уст подтверждение, почувствовал, как тени, отделявшие его от Владычицы и башни сенов, исчезли. Он вспомнил, как Мелейн ежевечерне приносила Владычице чашу со снотворным напитком и Мать выпивала его, не задавая вопросов. Он подумал о том, какие мрачные подозрения рождались в ее затуманенном наркотиком мозгу. Наверняка Интель боится умереть раньше срока и не доверяет своей преемнице.

Интель хотела обезоружить Мелейн, потому-то и отослала Медая, потому-то и сохранила жизнь брату девушки, приблизив его к себе. Гробницу Матери должен охранять кел'ен; чаще всего эта роль доставалась Мужу, а не Сыну. Но одно дело — умереть своей смертью, и другое — от руки Мелейн.

Вызвав Интель на поединок, Мелейн пришлось бы сразиться с Ньюном. По закону, вместо себя она могла бы выставить на единоборство кел'ена, но Медая больше нет, а никто из оставшихся в Эдуне на это не согласится.

Да, Интель поступила разумно, отпустив Медая.

Однако Мелейн не способна на то, в чем ее подозревает Владычица. В этом Ньюн не сомневался. Законы новой касты, учеба и долгое затворничество не могли до такой степени изменить характер девушки.

— Я хочу, чтобы она жила. Я очень этого хочу,— сказала Мелейн.

— Долго ли она проживет? — спросил он.— Или она запретила тебе об этом говорить?

— Меньше, чем ты думаешь,— ответила Мелейн.

— Да,— кивнул он,— я знаю.

Они приближались к Эдуну. Мелейн шла впереди. Ньюн взглянул на дуса, тот повернул к нему голову. В этот миг девушка исчезла в сумраке лестницы, которая вела в ее башню.

Она даже не оглянулась.

Ньюн пошел в башню Матери, чтобы исполнять долг ее защитника.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

На Кесрите было тихо. После безумной суматохи, после двухдневного хаоса в порту с планеты взлетел последний корабль с имуществом и регулами. Он отправился на орбитальную станцию, там груз и пассажиры будут переправлены на звездолет, и на этом в истории колонии регулов на Кесрите можно будет поставить точку. Остается только привести мир в порядок, подготовить к сдаче.

Под зловещим красным светилом одиноко высилась громада «Хазана». Немного времени на ремонт, и корабль будет полностью готов к взлету. Команда не покидала его. «Хазан» увезет последних колонистов на Нураг, родную планету регулов, где их ждут цивилизация и безопасность.

Раз десять на дню бай Хулаг, трудившийся в Номе, выглядывал в окно своего кабинета — интересовался, как идут дела на «Хазане». Корабль был достаточно мощным, вполне приспособленным для боевых действий и все-таки выглядел чересчур хрупким. Хулаг долго колебался, прежде чем совершить посадку на Кесрите, а когда началась гроза, пенял себе за неосмотрительность. А потом один глупый юный пилот решил увести корабль подальше от бури и при взлете едва не погубил его. Это поставило под угрозу всю миссию. Каждый раз, вспоминая об этом, Хулаг разражался потоками брани. К счастью, повреждения оказались незначительными, пострадал только грузовой шлюз. Да,

«Хазану» повезло. На нем можно отправиться в долгое путешествие домой, и Хулаг рискнул очень многим, чтобы занять свой нынешний пост, сместив стариков Грурана и Солгах Хольн-ни. Возраст и образование позволили ему получить эту должность, и наконец-то род Аланей приобрел положение, которого был достоин.

Хулаг понимал: если хочешь выиграть, надо рисковать. Чтобы дома приобрести влияние и вес, необходимо здесь показать себя незаурядной личностью.

Для этого нужно извлечь максимум пользы из Кесрита, потерянного по вине Грурана Хольн-ни и Солгах Хольн-ни. Он с отвращением подумал об этой чересчур плодовитой женщине, которая до и после войны управляла колонией на Кесрите. Сейчас Солгах в полном смятении летит домой, на Нураг. Она потеряла власть, ее молодые помощники частью остались на Кесрите, частью погибли, частью разбросаны по отдаленным колониям. Род Хольнов полностью рассеян. Если ей повезет и она сохранит некоторое влияние, ее уцелевшим помощникам удастся избежать казни.

Хулаг с удовольствием вспомнил, как ошеломило Солгах внезапное прибытие «Хазана», как она бесилась и сыпала ругательствами, пока он не приказал ей сдать дела и срочно возвращаться на родину.

Теперь Хулаг завершал начатую ею эвакуацию регулов. Он пытался спасти все, что можно, из богатств, накопленных здесь родом Хольнов, и в особенности Грураном, который вел торговлю с Элагом. Хулагу было поручено подготовить Кесрит к прибытию землян, эвакуировать все ценности и всех регулов. Свести до минимума выигрыш, который может дать землянам завоеванная планета.

На родине Хулаг не имел дела с землянами, но с тех пор, как занял высокий пост, несколько раз встречался с ними и даже привез с собой двоих. К этим существам он относился со спокойным презрением и отвращением, но признавал, что служившие регулам мри ему гораздо более омерзительны. Конечно, война с землянами — ошибка, грубая ошибка, но совершили ее не Аланеи. Сегодня всем ясно, что за пять лет управления Кесритом род Хольнов потерпел поражение, и даже мри не смогли его выручить. Ошибку следует исправить, а в будущем сдерживать воинственные устремления таких, как Хольны, которые использовали наемников-кел'енов, чтобы захватывать все новые и новые территории, и упорно не желали отказаться от своей самоубийственной политики.

Что ж, ошибка привела к катастрофе. Потеряно неисчислимое множество жизней, огромные территории и имущество. Империя Хольнов развалилась на части, а жизнь самих Хольнов висит на волоске — скоро они предстанут перед судом старейших и мудрейших регулов Нурага.

Недальновидность Хольнов привела к тому, что теперь их империя в руках их давних соперников. Род Аланей возвысился настолько, что сумел навсегда сокрушить могущество Хольнов.

Хольны оставили после себя немало проблем. Баю Хулагу был совсем не по вкусу договор, навязанный землянами. Но договор заключен, и Хулаг не в силах изменить его. Как бы то ни было, если потеря трех колоний позволит создать прочную границу между владениями землян и регулов, это будет единственным полезным результатом многолетнего правления Хольнов. Хулаг догадывался: земляне вполне отдают себе отчет, что извлекли максимальную пользу из этой войны и что новые аннексии неизбежно вынудят регулов биться не на

жизнь, а на смерть. Естественно, сейчас землян гораздо больше волнует освоение новой территории, и нарушать договор они пока не собираются. Кесрит весьма богат минералами, и земляне долго будут переваривать этот кусок. На этом и строил свой расчет род Аланей. У регулов осталось еще немало колоний, богатых минеральным сырьем, потеря Кесрита не слишком тяжело отразится на их благосостоянии. Экономике нанесен довольно ощутимый удар, но назвать его катастрофой нельзя. Ведь отрублено лишь одно щупальце регульской экспансии. Два других еще остались. И одно из них полностью контролирует род Аланей.

Навечно остаться в памяти не только Аланей, но и всех регулов — такова заветная мечта Хулага. Он намного пережил всех своих соперников, которые давно обратились в прах. Он долго шел к этому успеху, тщательно готовил его. Хулаг покончил со всеми помощниками своих главных врагов. Он все поставил на кон, принимая этот пост. Если на Кесрите он не справится со своей задачей, ему этого не простят. Но, с другой стороны, здесь, на Кесрите, можно добыть славу, почет и богатство, которых он так давно вожделеет.

В договоре между землянами и регулами говорится только о голой земле. Ни слова о военном имуществе, городах, минеральных ресурсах. Голая земля — вот что найдут земляне, когда прилетят на Кесрит. Много, очень много времени уйдет, пока они обживут, освоят дикую планету. А богатства регулов, добытые Хольнами, перекочуют на склады Аланей, и Хольны потеряют всякое право на них.

И это произойдет буквально на глазах земных послов.

Да, дискредитировать землян, чья задача — наблюдать за передачей территории, пожалуй, не менее приятно, чем сокрушить Хольнов. Внезапная болезнь

старшего и неопытность юного — прямо-таки подарок судьбы. На их месте любой регул потребовал бы, чтобы прежние хозяева планеты постоянно отчитывались перед ним за свои действия. Ничто не ускользнуло бы от его внимания. Он бы воспользовался глазами помощников, чтобы следить за тем, что не в состоянии увидеть сам. Но представители землян ведут себя совершенно иначе. Эти странные существа усердно изучают язык регулов и многократно прослушивают отчеты Хулага. Они анализируют устаревшую информацию, как будто надеются извлечь из нее что-то новое или разоблачить ложь. Вероятно, у землян ложь в порядке вещей, но где это видано, чтобы регулы шли на обман?

А пока в порту кипит работа, корабли взлетают и садятся. Когда прибудут колонисты с Земли, их встретит голый и неприветливый мир.

Узнав об этом, Совет на Нураге будет доволен.

Поначалу Хулаг недоумевал, отчего земляне не возражают против жестких и унизительных ограничений. Только однажды, и то по чистой случайности, они нарушили требования карантина, которые бы заставили взбунтоваться любого регула. Наверное, это потому, что они оказались в совершенно непривычных условиях. Они даже не сумели извлечь выгоды из своей крошечной победы. В конце концов от этого пострадал только один кел'ен — пострадал так же бессмысленно, как и жил, как жила вся его раса. Этот мри занимал высокое положение в своей касте. Возможно, он бы мог пригодиться регулам, но предпочел погибнуть. А земляне никак не отреагировали на известие о смерти своего бывшего врага.

На Кесрите осталось совсем немного работы. Надо демонтировать несколько маленьких фабрик и засыпать десяток шахт. Наиболее ценное имущество уже вывезено. Из персонала остались са-

мые мелкие чиновники, их можно эвакуировать в последнюю очередь. Они улетят на «Хазане» вместе с баем Хулагом.

Согласно служебной документации Хольнов, перед началом эвакуации на Кесрите находилось восемнадцать миллионов взрослых регулов. Это была процветающая колония с университетом и Советом Мудрейших (в который, правда, не входил Груран Хольн). С момента вступления Хулага в должность он располагал точными данными о населении регулов и материальных ценностях. Он знал, сколько колонистов и какие грузы уже находятся в пути, что он возьмет с собой как личный багаж. Все поступающие сведения его память усваивала мгновенно, он записывал лишь самое необходимое для преемника, если тому вдруг придется занять его пост. Нормальный регул не в состоянии забыть то, что он счел нужным запомнить или когда-нибудь (пусть даже случайно) узнал. Хулаг не сомневался, что его врагиня Солгах Хольн-ни оставила ему достоверную и исчерпывающую информацию. Пускай она никудышный администратор, вряд ли она могла что-нибудь забыть.

Хулаг знал, что вместе с ним на Кесрите находится еще триста двадцать семь регулов — минимальное число, необходимое, чтобы закончить все дела на планете. Трое были почти взрослыми, но большинство — зеленые юнцы, им еще и двадцати пяти не исполнилось, поэтому невозможно определить их пол. Молодые регулы отличаются завидной подвижностью, не то что взрослые, вынужденные бороться с собственным весом. Хулаг оставил их для тяжелой работы, наблюдения за погрузкой и мелких поручений. Впоследствии на Нураге мнемологи сотрут всю память о последних днях юнцов на Кесрите. Конечно, это пере-

страховка — молодым регулам достаются лишь обрывки сведений, по которым невозможно составить целостную картину, и для старших юнцы не опасны. Они еще слишком мало прожили, чтобы соперничать со взрослыми регулами, им просто не хватает опыта. Они принадлежат только своему роду, однако, не имея пола, не могут производить потомство. А потому даже для своего рода не представляют ценности.

Лишь несколько юных из рода Хольнов, пользующиеся доверием старших, эвакуировались с Кесрита, да еще младенцы, которых кормили матери. Их перелет обходится без дополнительных затрат ресурсов.

Ну а те, кому «посчастливилось» остаться на планете, похоже, уверовали в свою незаменимость. Они с ужасом ждали появления землян, переживали за утраченное имущество, нервничали, суетились, обижались — короче говоря, эти наивные создания возомнили себя самыми нужными и важными регулами в истории своей расы.

Один из них сейчас сидит в приемной Хулага и уже в пятый раз просит разрешения войти. Он, безусловно, намерен протестовать против запрета выходить из Нома, а может быть, жаловаться на нудный и тяжелый труд. Или он хочет поговорить о своем страхе перед землянами, попросить о том, чтобы его взяли на борт «Хазана», где он будет в безопасности. Хулагу уже надоели подобные просьбы, а кроме того, он был занят. Регул, который сейчас ждет в приемной, работает там, где встреча с землянами не грозит, следовательно, его опасения беспочвенны. Хулаг старался предельно ускорить ремонт «Хазана», ведь и он виноват в аварии, поскольку не предусмотрел все капризы местной погоды. И у него нет времени успокаивать напуганных помощников.

Но молодой регул настаивал. Хулаг со вздохом нажал кнопку — позволил юнцу войти.

Это был Сут Хораг-ги, воспитанник местного университета. Он вошел очень тихо и вежливо поклонился.

Хулаг ответил на приветствие. К этому юнцу он питал чуть больше симпатий, чем к остальным молодым колонистам. Хулаг понимал, что лучших из них ему необходимо привлечь на свою сторону.

Таков его долг — спасти то ценнейшее, что осталось на Кесрите. Обученные молодые регулы способны пополнить штат губернатора колонии.

Хулаг приблизился к Суту, но все же оставил между ним и собой достаточное расстояние, чтобы молодой регул не испытывал смущения. Однако посетителю пришлось ждать, пока старший выпьет чашку теплого тонизирующего напитка. Только после этого Хулаг жестом изъявил готовность слушать.

Сут вздохнул и произнес скороговоркой:

— Бай, со станции доложили, что приближается корабль мри.

С тем же успехом он бы мог сообщить о новой буре. Вот почему помощник пренебрег этикетом, вот почему настоял на встрече. Бай замер, глядя на Сута с нескрываемой тревогой.

Келы, наемники — на планете, которую вскоре займут земляне! У Хулага бешено забилось сердце. Эти мри всегда появляются не вовремя.

— Они сказали, зачем пожаловали? — спросил Хулаг.

— Сказали, что будут садиться. Мы потребовали, чтобы они воспользовались услугами орбитальной станции, но они никак на это не отреагировали. Лишь повторили, что вернулись на свою планету и совершат посадку.

— Мри никогда не лгут,— сказал Хулаг,— но и правду никогда не говорят. И в этом они похожи на регулов.

— Бай, можно разрешить посадку? — спросил Сут.— Что им передать?

— Где сейчас наши корабли?

— Все улетели с грузом и пассажирами.

— Значит, запретить им посадку мы не в состоянии. Мы не можем подкрепить свой запрет силой.

— Ясно,— произнес Сут и мгновенно исчез. Хулаг, поглощенный тревожными мыслями, не успел сказать ни слова.

Мри.

Такие же упрямцы, как и тот кел'ен, что достался ему от Грурана. Жестокие, мстительные, не знающие, что такое логика и здравый смысл.

Память вмиг подсказала, что на Кесрите постоянно живут несколько мри — вот уже сорок три года, с тех пор, как под ударами землян пал Нисрен. Остается загадкой, почему мри облюбовали Кесрит. Впрочем, это вечная загадка. У мри такой обычай — выбирать ту или иную планету для своей базы, называть ее Домом и вести себя так, словно она действительно их родина. Сколько бывает страстей, сколько недовольства, когда регулы проявляют к этой планете не больше почтения, чем к любой другой! За все время сотрудничества мри и регулов таких планет было три, и на всех были колонии, которыми управляли Хольны. Да, мри всегда находились под юрисдикцией Хольнов, на родной планете регулов о них знать не знали и ведать не ведали.

Самое интересное, что не регулы предложили службу мри — те сами напросились. Случилось это две тысячи двести два года назад, и не существует никаких разумных объяснений этому событию,

кроме того, что такая жизнь полностью отвечает характеру мри. Регулы пытались вникнуть в их психологию, разгадать их мотивы, но безуспешно.

С ними бесполезно спорить, уговаривать, чтобы отказались от древних традиций. Хулаг с огорчением вспомнил самоубийство Медая. Кровь вместо разумных доводов. Если надо — собственная кровь. Медай, уроженец Кесрита, не пошел на компромисс. Договор с регулами имеет силу лишь до тех пор, пока Дом мри находится под властью регулов и в него не вторглись враги. Медай все увидел, все понял и потребовал, чтобы его отпустили. Его попытались отговорить, и тогда он решил умереть, поскольку считал, что сам он и его родина преданы. Самоубийством он хотел добиться, чтобы оскорбивший его регул испытал угрызения совести.

И даже зная, что смерть его не подействует на регулов, как ему хотелось бы, упрямый кел'ен все равно наложил на себя руки.

В свое время именно жестокость и неодолимое упрямство мри привлекли регулов. Как ни странно, эти дикари неплохо уживались с регулами, а аннексия земных территорий без них была бы невозможна. Для изнеженных регулов мри стали совершенно необходимым орудием. Из этих прирожденных воинов, скованных по рукам и ногам древними традициями, получились незаменимые защитники торговых кораблей и отдаленных колоний. Они никогда не изменяли своему слову, подкупить их было невозможно. Нельзя было даже избавиться от них до истечения оговоренного в контракте срока службы. Или до их гибели. Они не умели отступать, были начисто лишены инстинкта самосохранения, и это служило мощным ограничителем их рождаемости и расселению по космосу. Если бы не суровый образ жизни, они бы

заполонили всю Вселенную. Дай им несколько десятилетий мирной жизни, и их число угрожающе вырастет. Но благодаря варварским обычаям, пренебрежению медициной и маниакальному пристрастию к дуэлям численность этого народа оставалась почти неизменной. Как существовали мри до союза с регулами — до сих пор тайна, и мри не собираются ее раскрывать. Они никогда не занимались производительным трудом, даже не выращивали пищу. Они готовы умереть с голоду, только бы не работать. Лишь изредка они нарушали этот нелепый обет, чтобы сооружать угрюмые башни и строить корабли, пригодные только для них. Все остальное за них делали регулы.

Но однажды на корабле Хулага, где кел'енов не допускали к управлению, отказала навигационная система. Команда запаниковала. Вызвали кел'ена, точнее, старую кел'е'ен. Она лениво подошла к пульту, поковырялась в нем, и техника ожила. Ни словом ни с кем не перемолвившись, не внимая благодарностям, старуха удалилась в свою каюту.

И та же самая кел'е'ен не могла прочесть ни строчки в инструкциях по управлению кораблем, не могла посадить его на планету.

Понять натуру кела невозможно. Он покончит с собой, если его оскорбит регул, и будет драться насмерть, если его оскорбит другой мри. Как эти создания не похожи на регулов и даже на землян... Хулаг был уверен, что понимает землян, хотя с ними его народ имел дело всего лишь сорок три года, а с мри — двадцать два столетия. У землян и регулов было немало схожих черт, и самая яркая — стремление к наживе. И хотя земляне обладали очень слабой памятью, они создали технологию и технику, которые возмещали этот изъян.

Несмотря на сорокатрехлетнюю войну с землянами, регулы доверяли им больше, чем мри. За мри нужен глаз да глаз, чтобы их военные действия не выходили за пределы локального конфликта, иначе промышленность регулов будет не в состоянии обеспечить широкомасштабную войну и надежную защиту своих территорий. Мри не способны это понять, зато способны довести регульскую экономику до полного истощения. Мри могут без особых сожалений уступать одну планету за другой, но ведь они — кочевники. В отличие от них, регулы очень болезненно переживают потерю колоний, особенно тех, в которые вложено немало средств и труда. Но в конечном итоге самые серьезные потери понесли мри. Когда начиналась война, у мри было миллион девятьсот пятьдесят семь кел'енов — огромная цифра по сравнению с теми ста тысячами, которые изъявили желание служить регулам две тысячи двести два года назад. А сейчас, по самым последним данным, во всех кастах насчитывается пятьсот тридцать три мри.

Трудно допустить, что без покровительства регулов этот крошечный народец, да еще с такими свирепыми нравами и обычаями, сумеет выжить и вернуть прежнюю силу. Конечно, Алани сохранят несколько мри, если те согласятся вести себя благоразумно. Из союза с ними еще можно извлечь кое-какую пользу. Но ни в коем случае нельзя подпускать их к землянам, иначе мри, словно обезумевшие роботы, будут напрасно гибнуть в борьбе с неизбежным.

И вот в разгар всей этой сумятицы прибывает корабль мри. Прибывает, когда вовсю идет эвакуация их родной планеты. По всей вероятности, это боевой корабль. У мри есть свои корабли, их мало и они невелики, но где бы ни появлялись мри, они всегда вооружены до зубов.

И земляне, которые через несколько дней прилетят, чтобы вступить во владение Кесритом, тоже будут вооружены.

У Хулага мелькнула безумная мысль: бросить все дела, погрузить молодых регулов на «Хазан» и сегодня же вечером улететь, и пускай земляне и мри выясняют отношения друг с другом.

Но «Хазан» не готов к старту. Самое ценное еще на складах, и останется там, пока не будет отремонтирован грузовой шлюз корабля.

Да и нельзя убегать, пока есть хоть одна возможность предотвратить беду. Совет этого не одобрит.

Он дотянулся левой рукой до кнопки и вызвал юного Хаду Сураг-ги, своего личного секретаря. Хаде было всего двадцать лет, но он отличался хорошим умом и по праву занимал свой пост.

— Хада, мне нужна информация о здешних мри.

— Пожалуйста,— раздался голос Хады.— Статистика ведется уже более двух тысяч двухсот двух лет. Кесрит — одна из первых планет, заселенных мри. Считается, что они жили здесь еще до первого контакта с нами. Какого рода информация интересует бая? Возможно, мне удастся самому вспомнить все необходимое.

Невероятно! Молодой регул возомнил, что его запас знаний способен удовлетворить старшего!

— О, самонадеянность юных! — ядовито заметил Хулаг, вспомнив, что он единственный старший регул на Кесрите. Однако он понимал, что Хада, несмотря на молодость и малоопытность, искренне желает сберечь время и силы бая. Это ведь не Нураг, здесь вечно не хватает ни времени, ни терпения.— Хада, как ты думаешь, зачем прилетел этот корабль?

— Эта планета считается родиной мри,— ответил Хада.— Вполне вероятно, что они собираются защищать ее. Кел'ены не привыкли уступать.

Совсем не такие слова хотелось бы услышать Хулагу, но они совпадали с его опасениями. Мри не привыкли уступать, но они все же признали договор между регулами и землянами. Их удалось убедить, что продолжение войны с землянами недопустимо.

— Хада, сколько сейчас мри на Кесрите?

— Тринадцать, бай. В основном это старики, они уже не способны воевать.

Хулаг очень удивился. Маленький Эдун не привлекал к себе внимания, а самого бая прежде не интересовало, как там обстоят дела.

— Мне нужна вся информация о лидерах и истории здешней колонии мри.

«Впрочем, это бесполезно,— подумал Хулаг.— Мри обитают здесь очень давно, и я просто не в силах изучить их историю. Это же гора информации!»

— Хада!

— Да?

— Свяжись с кел'антом. Попроси, чтобы он немедленно встретился со мной.

Последовала долгая пауза.

— Хорошо, бай,— отозвался наконец Хада.— На Кесрите Эдуном правит Владычица Интель. Кел'ант, следовательно, подчиняется Владычице. Он не является лидером кесритских мри...

Ругательство Хулага заставило молодого регула умолкнуть. Наступила тишина. Хулаг обдумывал услышанное, его немного смущало, что юный регул разбирается в иерархии мри лучше, чем его начальник. Проклятие! Когда дело касается мри, очень трудно разобраться, кто у них кому подчиняется. Но Хада, похоже, в этом преуспел. Скорее всего, получил эти сведения от старших Хольнов, правивших здесь многие годы.

«Чума и погибель,— подумал Хулаг.— И времени нет, нет времени. Пропади они пропадом, эти

мри!» Он вполне отдавал себе отчет, что вызывать Владычицу в Ном не имеет смысла. Только мри из касты келов имеют право встречаться с представителями чужой расы. Что ж, единственный разумный выход — не обращать внимания на корабль мри и не думать о возможных последствиях его посадки.

Или доверить канцелярию и все важные дела неопытным помощникам и нанести визит предводителю мри, который ведает сношениями мри и регулов. Только в личной беседе с ним Хулаг может получить желаемый результат.

— Хада,— решился наконец Хулаг,— вызови мою машину с самым лучшим водителем, который не дрожит при виде мри.

Сколько раз он подвергался унижению — и на переговорах с землянами, и при заключении мира, и когда соглашался на присутствие двух наблюдателей, из-за которых теперь так осложнились отношения с мри. Обезвредить этих двоих ему удалось довольно легко, напрасно он боялся, что задача окажется ему не по силам. Он просто убрал их со своего пути; Совет останется доволен. А тут как назло — корабль мри. И теперь бай Хулаг вынужден отвлечься от спасения регулов и их имущества и вести переговоры с неблагодарными наемниками, а те, конечно, пальцем не пошевелят, чтобы ему помочь.

Внезапно ему в голову пришла спасительная мысль.

— Хада, наши мри знают о прибытии корабля?

— Эта информация не выходила за стены Нома,— ответил Хада.— Но мри, наверное, все-таки узнали. У них свои каналы.

— Разумеется.— Хулаг тяжело вздохнул.

Он отключил связь и приступил к труднейшей задаче — подъему на ноги. С тех пор, как он стал

взрослым, прошло двести девяносто лет. Ноги укоротились, чувства притупились, вес многократно увеличился. От кесритской стужи огрубела и растрескалась бурая кожа. Два его сердца работали с огромными перегрузками, мышцы сводило судорогой. Он был очень стар, а старые регулы ценятся за разум, интеллект. Вовсе не за подвижность.

Как же случилось, что он опустился до визита к мри?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Впереди показался Эдун. Он выглядел зловеще и располагался в совершенно непригодном для жизни месте. Хулаг беспокойно заворочался на подушках, глядя на растущее перед ним сооружение из каменных блоков и глины; поверхность грубо отесанных камней сливалась с окружающей местностью. Сильный наклон стен безжалостно сокращал жизненное пространство — впрочем, мри во всем старались не походить на окружающих. В нелепой конструкции этих башен, в бессмысленной отдаленности Эдуна от города отражены все особенности мышления мри, такого же бесполезного, втиснутого в рамки предрассудков, непостижимого для других рас...

Машина с трудом пробиралась по валу, где дожди растворили соль в глыбах камня, из-за чего появились огромные рытвины и трещины. По обеим сторонам вала простиралась плоская равнина, вся в нарывах кратеров; многие из них дымились.

Изредка в небо вонзалась струя раскаленного пара — это просыпался один из многочисленных гейзеров. Пока машина пробиралась по валу, пока объезжала разъедающие дорогу глубокие трещины, Хулаг старался не думать о тех чудовищных силах, что клокотали под ним. Чинить дорогу мри не собирались. Конечно, они стары и немощны, но, даже будь у них достаточно сил, они бы не занялись ремонтом, пока на планете остался

хоть один регул. Эта дорога исчезнет, необратимо разрушится прежде, чем мри решат заняться ею. И Хулаг вовсе не желает делать работу за них, все равно этот мир скоро достанется землянам.

Он лишь надеялся, что дорога выдержит его поездку туда и обратно.

Машина преодолела подъем и остановилась у главного входа в Эдун. Сооружение тоже пребывало в плачевном состоянии.

Хулаг пересмотрел множество фотографий Эдунов, но так близко, да еще в таком состоянии, не видел ни одного. Крепость была очень древней, корка грязи покрывала даже центральную дорожку, и бай Хулаг смотрел на нее с отвращением. Ему предстояло долго и мучительно идти по ней. У входа стоял дус. Хулаг с ужасом взглянул на чудовищного сторожа. Дусы всегда сопровождали кел'енов в полетах, но на кораблях они безвылазно сидели в каютах, хозяевам строго-настрого запрещалось выпускать зверей в коридоры. Хулаг знал о дусах только общеизвестное: если мри — разумные существа второго класса по шкале, высшая риска которой досталась регулам, то дусы принадлежат десятому классу, хотя кое-кто из имевших с ними дело относит их к более высокому, а кое-кто — к низшему классу. Кесрит — их родина. Они живут в диких горах и долинах, они очень хитрые охотники и опасные враги. Регулы с удовольствием оставляют их землянам.

Мри делили с прирученными дусами пищу и жилье. Но дусы ничего не делали для мри, решительно ничего. Даже дрались они лишь в тех случаях, когда не было иного выхода. Единственная польза от них в том, что кел, приручивший это бесполезное животное, занимает более высокое положение в обществе.

А этот дус выглядел совсем больным. Слабый и беспомощный, он не мог даже голову поднять.

Безобразный облик зверя подействовал на Хулага сильнее, чем вид обветшалого Эдуна. Сам того не желая, он не сводил глаз с дуса, пока Чул Наг-ги, водитель, не помог выйти из машины.

Чул шагал со стороны дуса, не спуская с него глаз. Когда регулы ступили на крыльцо, дус повернул к ним морду. Слезящиеся глаза с дрожащими веками привели Хулага в ужас.

«Он же умирает,— подумал бай.— Умирает на самом пороге. Почему его не убьют? Не из жалости, так хотя бы из соображений гигиены?»

Дус рассмотрел регулов, фыркнул и издал утробный звук, в котором не слышалось радости, но не было и угрозы.

— Прочь! — воскликнул перепуганный Чул.

Хулаг отскочил назад так быстро, насколько позволяла его неповоротливость, а Чул яростными пинками отогнал дуса. Затем он помог Хулагу подняться и войти в здание.

Мри заметили их и мгновенно исчезли в темных дверных проемах башен. Никто не предложил регулам свои услуги. Но Хулаг не нуждался в проводнике. Он еще в Номе изучил план Эдуна, узнал расположение помещений на первом этаже, выяснил, в которой башне находятся покои Владычицы. Туда-то он и направился, с трудом переставляя ноги и с ужасом думая о винтовой лестнице.

Регулы начали изнурительный подъем. Сверху донесся шум, но Хулаг никого не увидел и не остановился. Он мучительно медленно продвигался по лестнице вдоль украшенных рисунками и письменами стен. Кое-где изображения почти целиком скрывались под грязью, в них не было никакого порядка, из них ничего нельзя было понять. Черно-сине-золотые узоры вились по стенам и потол-

ку. «Вероятно, мри очень религиозны,— подумал Хулаг.— Вот еще один факт, который они скрывают от посторонних. По-видимому, предназначение этих рисунков — отгонять духов, а может, это всего лишь украшения. Да, скорее всего, мри считают их красивыми».

Двери в покои ши'пан были стальными, как и все прочие двери Эдуна,— их изготовили регулы. «Они надолго переживут крепость»,— решил бай.

— Они упорно не желали использовать в своих норах наш превосходный металл,— негромко произнес Чул и тут же осекся под строгим взглядом Хулага, который не забывал об исключительно тонком слухе мри.

— Отвори дверь,— приказал Хулаг.

И когда Чул распахнул дверь, у бая перехватило дыхание. Прямо перед ними стоял кел'ен в черном. Молодой. Хулаг определил это по гладкому лбу и чистой золотистой коже. Суровый воин, закутанный в черную мантию, увешанный оружием, готовый к бою. Даже йин'ейн — оружие предков, длинный нож — висел на поясе. Хулаг с содроганием вспомнил Медая, который был похож на этого мри, как две капли воды. Как будто перед регулами возникло привидение.

Юный регул и юный мри стояли друг против друга, и регул не выдержал, отступил на шаг. Эта слабость вызвала у Хулага гнев.

— Где Владычица? — сурово произнес он.— Молодой мри, отойди от двери и вызови кого-нибудь из старших. Я хочу видеть Интель.

Мри величественно повернулся и ушел. Воин. Хулаг ненавидел эту расу. Не видел в ее существовании ни малейшего смысла. Особенно четко эта бессмысленность проявлялась в ее юношах.

Молодой мри, как и весь Эдун, пропах ладаном. И Хулаг едва сдержался, чтобы не чихнуть. Ноги

дрожали, гудели после долгого восхождения. Он вошел в зал, опустился на колени и медленно лег на ковер. Из мебели в зале были только кресло Владычицы и две скамьи у входа. Но эти скамьи слишком высоки и хрупки для взрослого регула, который не может слишком долго оставаться на ногах.

Вообще-то, можно было потребовать, чтобы мри принес подходящее кресло, но, видимо, этот Эдун слишком беден, здесь нет мебели для гостей-регулов. Ладно, ковер с виду чист...

В глубине зала, за перегородкой, послышались шаги. Хулаг мысленно выругался, чувствуя себя не в своей тарелке, а Чул беспокойно заерзал. Вскоре в зале начали собираться воины, закутанные в черные мантии и вуали.

— Бай,— пробормотал Чул.

Уловив страх в голосе водителя, Хулаг бросил на него строгий взгляд. Этот молодой регул слишком труслив. Он забыл, что мри, при всей своей надменности, служат регулам. Да, служат, хотя никто их к этому не принуждал. Да, мри — странный народ, но регулам не следует их бояться.

Вошли дусы. Их огромные головы были опущены, словно звери что-то искали на полу или вынюхивали. Они устроились в углу, положив головы меж мохнатых лап; крошечные глаза поблескивали в сумраке и ловили каждое движение регулов. Один зверь глухо зарычал, но властный жест кел-'ена заставил его умолкнуть.

Тут Хулаг не выдержал и оглушительно чихнул. Казалось, ни один мри не заметил столь вопиющего нарушения этикета. Хулаг пересчитал собравшихся. Одиннадцать. И у девяти на лицах вуали — очевидно, это мужчины и женщины из касты келов. Молодая женщина в златотканой мантии пришла без вуали. Рядом с ней стоял

старик в таком же сияющем облачении. Хулаг лишь мельком взглянул на него; прекрасное лицо молодой женщины тотчас вновь приковало к себе взор регула.

«Вот что странно,— подумал Хулаг,— существа этой расы с самого рождения имеют пол, и только к старости различие между полами теряется». Он поспешил избавиться от этой мысли, решив вернуться к ней позже, когда все уляжется... если, конечно, мри переживут это смутное время.

Послышался шорох одежды — появилась ши'пан, она опиралась на руку юного кел'ена. Пройдя между воинами, Интель опустилась в свое кресло. На ее лице не было вуали, и она была очень стара.

Юный воин опустился на колени рядом с ней. Его красивые глаза с недоверием и враждебностью рассматривали регулов. Во взоре Владычицы, напротив, были покой и мудрость,— они пришли к ней с годами. Хулаг высоко ценил эти качества; внезапно он понял, что ему лучше разговаривать с этой мудрой женщиной, а не с келами.

Ее не удивил визит регулов. Глаза ее были живыми и ясными. Хулаг видел перед собой мыслящее существо.

— Владычица,— произнес Хулаг со всем почтением, какого требовал ее возраст, хоть она и была мри.

— Хулаг,— кивнула Интель.

Вот так. Ей нет дела до всех его титулов. Ноздри бая сжались и шумно выпустили воздух. Его объяла жаркая волна гнева.

— Владычица,— повторил Хулаг.— На нашем корабле найдется место для мри.— Это была почти правда — он отвел место для молодых мри. Надеялся, что они под опекой рода Аланей наберутся культуры, станут частью цивилизации. Но, увидев здесь всего лишь двух молодых, он мигом изменил свое

решение. Эти старики, подумал он, будут контролировать молодых мри, сделают их уступчивыми, а там, глядишь, мри создадут новую колонию. Он опять вспомнил кел'ена, покончившего с собой, и подумал, что этого могло не произойти, окажись рядом старый мри, который объяснил бы юнцу всю бесполезность его поступка.

Если же у этих стариков не осталось ни крупицы здравого смысла, то вся цивилизация мри обречена. Им не освободиться от самих себя.

— Мы бы хотели, чтобы вы поднялись на борт сегодня же вечером,— сказал он.

Ши'пан смотрела на него без радости, но и без негодования.

— Продолжай.

— Как можно скорее. Мы уже заканчиваем погрузку.

— А наши дусы? — спросила она.

— И дусы. По одному на каждого.— Хулаг мысленно выругался, сообразив, что расходы возрастут вдвое. Дусов он не учел. Но он понимал, что эти животные необходимы для душевного здоровья мри.

— Бай, мы обдумаем твое предложение,— произнесла Владычица, положив ладони на плечи юного воина и молодой женщины.

— Для долгих обсуждений нет времени,— возразил Хулаг.

— Вот как? — сказала ши'пан.— Значит, тебе уже известно о корабле?

От лица Хулага отхлынула кровь и далеко не сразу возобновила нормальную циркуляцию. Он не смотрел на Чула, надеясь, что у водителя хватит ума не болтать в компании молодых регулов о том, что он тут увидел и услышал, и об оскорблениях, которым подвергли старшего на его глазах.

— Да,— подтвердил он.— Разумеется, известно. И тем не менее нам бы хотелось ускорить отлет. Мы не знаем, что это за корабль, но нет сомнений...— Он внутренне содрогнулся, подумав, что сейчас придется солгать. Солгать ради безопасности регулов, которые находятся под его началом. Ради своих честолюбивых устремлений. Если бы это было так просто! — Когда вы будете у нас на борту, мы сможем связаться с кораблем и увести его в наши внутренние зоны, туда, где землянам его не достать.

— И вы на это пойдете? — раздался старческий голос.— Неужели мри наконец увидят родину регулов? Бай, кажется, ты забыл, что нам не дозволено знать даже ее местонахождение.

— И тем не менее...— Никак не удавалось настроиться на ложь. Хоть он и знал, как это делается,— научился у других рас. Их способность обманывать изумляла его и внушала ужас, он знал, что ложь — самое обычное дело для землян. Хулаг чувствовал, как покрывается потом, как судороги сжимают горло. Но если ему не удастся солгать, все окончится страшной катастрофой для мри и для регулов, за которых он отвечает. Для всей его дальнейшей судьбы.

Если узнают на Нураге...

Но ведь это всего лишь мри, низшая раса. У них короткая память.

— И тем не менее, Владычица, это так,— проговорил он, тщательно взвешивая слова.— За последнее время очень многое изменилось. Увы, мы не можем медлить с отлетом. Мы стартуем, как только закончим погрузку.

— Ты боишься столкновения между нами и землянами?

Она угодила в точку. Но Хулаг не дрогнул, он лишь помедлил, глядя на Интель и подыскивая

правильный ответ. Мри, как и регулы, говорят только правду, об этом Хулаг узнал из архивов предков. В этих архивах была только правда, она описывала прошлое и предсказывала будущее.

Неужели его предки никогда не лгали? Никогда не испытывали соблазна исказить крохотную, ничего не значащую истину во имя большой и важной правды? Неужели они всегда строго, педантично блюли свою честность?

Сомнения будоражили оба измученных сердца, расшатывали самые прочные убеждения, вселяли неверие в себя. Но, вопреки традициям предков, вопреки своей совести, бай сейчас должен был солгать, придав обману облик правды. Он обязан пойти на это ради спасения двух рас.

— Мы очень хотим,— зачастил Хулаг, спешно вживаясь в новую роль,— спасти вас от землян, хотим побыстрее улететь отсюда, это необходимо и для вашей, и для нашей безопасности. На карту поставлены наши жизни, жизни молодых регулов, моя репутация. Да, я представляю большую ценность для моего народа. Если вы согласны улететь с нами, то убедительно прошу собираться побыстрее.

— Мы служили регулам две тысячи лет,— сказала Владычица.— Это очень большой срок, а вознаграждение не соответствовало нашим заслугам.

— Но мы же предлагали вам все что угодно. Мы предлагали нашу технику, технологию, все блага нашей цивилизации. Наши знания, нашу историю...

— Нам не нужны ваши знания,— сказала ши'пан.

— И в этом ваша беда.— Баю уже приходилось сталкиваться с нелепым упрямством мри. Взять хотя бы его тщетные попытки уговорить Медая.

— Владычица, твои кел'ены летают на кораблях, построенных регулами, оружие и пищу вам поставляют регулы. Без нас вы бы умерли от го-

лода. Чем же объяснить презрение к нашим знаниям?

— Мы не презираем их,— возразила Интель.— Просто они нам не нужны.

Не скрывая раздражения, Хулаг окинул взглядом зал. Почти никакой мебели, на стенах — уродливые, ничуть не радующие глаз письмена. Хулаг сомневался, что сами хозяева Эдуна помнят значения этих символов. Мри очень религиозны, если кто-нибудь из них заболевает или получает рану в бою, он не принимает медицинской помощи от регулов и спокойно дожидается смерти. Во время болезни ему нужно лишь присутствие другого мри или дуса. Такова их варварская религия.

Обычно они умирают, даже не пытаясь одолеть неду-. «Мы воины,— говорят они,— а не носильщики, не торговцы, не ремесленники. Мы не видим никакого проку в ваших знаниях». Медицина, техника, литература, сельское хозяйство, физический труд — все это для мри пустые слова, все это бирюльки изнеженных регулов.

«Животные,— думал о них Хулаг.— Самые настоящие животные. Убийства, насилие дарят им наслаждение. Война — их страсть, они готовы сражаться всю жизнь, нам никогда не отучить их от смертоубийства».

Хулаг обратился к надменному молодому кел'ену, который сидел у ног Владычицы:

— Юноша, разве ты не хочешь учиться? Разве не хочешь получить все блага культуры регулов? Знать прошлое, видеть будущее, строить машины?

Золотистые глаза сощурились — это означало высшую степень изумления.

— Я кел,— сказал молодой воин.— И моей касте образование ни к чему. Спроси лучше сена.

Молодая женщина в золотом облачении в свою очередь посмотрела на Хулага. Ее прекрасное лицо,

не прикрытое вуалью, казалось маской. Оно не выражало никаких чувств.

— Сены подчиняются Матери. Бай, спроси Мать, может, ей пригодится все, что ты предлагаешь. Если она прикажет мне учиться, я постигну все твои науки.

Мри издевались над Хулагом. Даже юмор у них варварский.

Бай посмотрел в глаза Владычицы — они по-прежнему светились мудростью и покоем.

— Все, о чем ты говорил, всегда было нам доступно,— сказала она наконец.— Но нам нужна другая плата за службу.

Загадки. Мри лелеют свои тайны, свою непостижимость. Этому народу невозможно помочь.

— Если один из вас,— сказал Хулаг, собрав все свое терпение,— возьмется сформулировать, что же вы хотите, то мы, возможно, найдем способ исполнить ваше желание.

Но Владычица молчала. Остальные тоже.

«Мы служим за вознаграждение»,— надменно изрек когда-то один из ее предков. Но ни словом не обмолвился о том, что же это за вознаграждение. Вот и Интель, как и тот предок, высокомерно умалчивает об этом.

— То, что я предлагаю, выгодно моему народу.— Хулаг решил привлечь на помощь старый договор и воззвать к чувству долга мри. По крайней мере, для этого не требовалось лгать.— Мы привыкли, что мри нас защищают. Мы не воины. Если несколько мри полетят на нашем корабле, нам будет гораздо спокойнее.

— Если ты просишь одного кел'ена для защиты корабля, я дам его тебе,— сказала Интель.

— Владычица! — Хулаг настойчиво искал путь к ее здравому смыслу, напрочь позабыв о своем достоинстве и о том, что все это происходит на глазах у

Чула.— Неужели ты пошлешь своего кел'ена в такой дальний полет без всякой надежды на возвращение? Почему ты и твои мри так хотите остаться здесь?

— А почему мы должны лететь на Нураг? И почему — на твоем корабле? У нас ведь есть свой корабль. Чего ты добиваешься?

— У нас есть обязательства перед вами.— У Хулага бешено заколотились сердца.— Там вы будете в безопасности, а здесь...

— Здесь скоро появятся земляне,— договорила за него Владычица.— Ты понимаешь, что это означает.

Хулаг порылся в своей богатой памяти, но так и не нашел подходящего ответа. В его мозгу зашевелились смутные подозрения.

— Может быть, вы решили изменить нашему союзу и перейти на сторону землян? — спросил он напрямик.

Владычица ответила жестом, но Хулагу было невдомек, что он означает.

— Я должна посоветоваться с Мужьями,— сказала она.— Если настаиваешь, дам тебе воина из моего Народа. Мы служим регулам. Я не могу отказать тебе в защите, о Хулаг, бай Кесритский.

Хулаг понял, что настало время прощального обмена любезностями. А еще он понял, что больше не доверяет мри. Считается, что они не умеют лгать, но ведь он и о себе был такого же мнения. Однако возникла необходимость, и он солгал. И ничего на этом не выгадал. Мри и в самом деле не лгали, но Владычица, скорее всего, смеялась над ним под маской вежливости. А черные вуали келов были непроницаемы для его взора.

— Владычица, расскажи о вашем корабле,— попросил он.

— Что именно тебя интересует?

— На нем прилетели мри? Откуда они? Из твоего Эдуна?

— Корабль называется «Аханал». Ты предоставишь официальную заявку на выделение сопровождающего?

— Я отвечу тебе, когда переговоришь со своими Мужьями и дашь ответ на остальные вопросы,— раздраженно произнес Хулаг.

Вот они какие, эти мри. Ну чем они лучше животных? Почти ничего не знают и еще меньше помнят, но им хватает дерзости смеяться над взрослым регулом!

А ведь он — на их территории! И по законам этого захолустного мира считается официальным представителем расы регулов!

Впервые мри явились пред ним не как исполнительные слуги и даже не как любопытные зверушки, а как грубая, невежественная сила, вроде опасных и зловещих дусов. Перед ним стояли мрачные воины, надменно и равнодушно взирали сквозь вуали на регула, которому подчинялись долгие годы.

Да, мри многие века служили разным кланам регулов, разным губернаторам. И не было случая, чтобы они ослушались. Хулаг порылся в памяти и не нашел ни единого факта открытого неповиновения, бунта. Вот что хуже всего: бай оказался в беспрецедентной ситуации, и его огромная память совершенно бесполезна, как пустой мозг молодого регула.

Известны редкие случаи, когда в состоянии крайнего нервного напряжения регулы проявляли способности ясновидения, видели то, чего еще не происходило, о чем у них не было никакой информации. Некоторые из этих провидений были очень точными. Однако подобные инсайты никогда не проходи-

ли даром, у ясновидца все перемешивалось в памяти: и что было, и чего еще не было, и чего никогда не будет. Нередко это приводило к помешательству. Внезапно Хулаг с ужасом увидел, чем обернется его визит к мри. Охваченные безумной злобой, свирепые существа восстанут против регулов, против рода Аланей, накинутся на Хулага с Чулом и прикончат в один миг. Два сердца чуть не разорвались от ужаса. Ему всего лишь триста десять лет. Он уже достиг вершины своих возможностей и мечтает продержаться на ней несколько десятилетий. А этот нежданный, непрошеный инсайт, этот вулканический выплеск энергии разума обрек его на быстрое угасание, даже если мри оставят его в живых.

— Владычица,— решил он напоследок еще раз воззвать к ее благоразумию,— я должен заметить, что твое совещание с Мужьями может привести к тому, что мы не успеем взять вас на борт.

— Мы посоветуемся.

Это не было ни «да», ни «нет», но он воспринял ее слова как твердый отказ.

В этих мри есть какая-то тайна. Она их удерживает на Кесрите, и они не желают раскрывать ее перед регулами. Хулагу вспомнились слова молодого кел'ена, покончившего с собой, когда ему запретили покидать корабль. Наверное, он хотел сообщить Владычице, что на Кесрит прилетели земляне. От мри следует ждать чего угодно, в том числе и массового самоубийства. Они вполне способны не пустить землян на Кесрит, и тогда земляне ни за что не поверят, что мри действуют на свой страх и риск, а не по приказу регулов. Земляне разделаются с мри и двинутся дальше.

Опять ясновидение, будь оно проклято!

Мри еще ни разу не отступали без приказа. Стоит чуть ослабить контроль, и они лягут костьми, но не отдадут позиций. Хулаг мысленно обру-

гал себя: столько времени и сил ушло на погрузку ценностей на «Хазан», когда надо было в первую очередь заняться мри.

Он с трудом поднялся. Мускулы не успели отдохнуть, поэтому он не отказался от помощи услужливого Чула. Молодому регулу пришлось напрячь все силы, чтобы удержать от падения огромное тело губернатора. Владычица щелкнула пальцами, молодой кел'ен вскочил на ноги и поддержал Хулага с другой стороны.

— Это крайне утомительно для бая,— сказал Чул, и Хулаг мысленно проклял не в меру разговорчивого юнца.— Он очень стар, а путь был долгим и трудным, да и этот воздух ему не очень подходит.

— Ньюн,— обратилась ши'пан к молодому кел'ену,— проводи бая до машины.— Она легко встала, как ни в чем не бывало глядя на Хулага, с трудом передвигающего ноги. Хулаг никогда не жалел о своей утраченной молодости и легкости движений, ведь взамен он обрел громадную память и почет, и свободу от страха, который не дает покоя всем молодым регулам. Но у мри все по-другому. Он с негодованием подумал, что Владычица устроила спектакль для своих сородичей, чтобы те могли сравнить старую мри со старым регулом, совершенно беспомощным без машин.

Да, этим существам, энергичным и подвижным даже в старости, такая беспомощность кажется смешной. Хулаг подумал, что мри издеваются над физической немощью регулов точно так же, как регулы высмеивают умственную неполноценность мри. Впрочем, за две тысячи двести два года никто не видел смеющегося мри. И все-таки Хулаг боялся, что под черными вуалями келов прячутся улыбки.

Интересно, Чул понимает хоть что-нибудь в происходящем? Он взглянул на водителя, тот казался очень испуганным. Он пыхтел под тяжестью Хулага. Юный мри не смотрел на регулов, взгляд его задумчиво блуждал, а нижнюю половину лица скрывала вуаль.

Они вышли из зала и двинулись вниз по мерзкой винтовой лестнице, вдоль головокружительных извилин стенной росписи. От малопригодного для регулов воздуха, от безумных сочетаний цветов на стенах у Хулага кружилась голова, он боялся упасть и вздохнул с невыразимым облегчением, когда они добрались до лестничной площадки. Там он слегка перевел дух, а затем снова вниз, шаг за шагом. Наконец они вышли во двор, где их подстерегал едкий воздух. Хулаг приободрился, постоял, опираясь на плечи спутников, и, щурясь от резкого света, постарался восстановить дыхание.

— Ньюн,— припомнил он имя молодого кел'-ена.

— Да? — отозвался юный мри.

— А что, если я попрошу тебя лететь со мной?

Золотистые глаза встретили взгляд регула, чуть округлились; казалось, в них мелькнул испуг. Скорее всего, Хулаг ошибся — где это видано, чтобы мри не умел скрывать свои чувства? И все же он удивился.

— Бай, я служу Владычице, и я ее сын. Я не могу покинуть ее.

— Вы все — ее сыновья?

— Нет, бай. Другие — ее Мужья. Я — сын.

— Надеюсь, не в буквальном смысле?

Мри посмотрел на Хулага так, словно был и удивлен, и оскорблен.

— Нет, бай. Моей настоящей матери нет в живых.

— Так ты полетишь со мной на «Хазане»?

— Если Владычица отпустит.

Он был молод, бесхитростен и, в отличие от Интель, свободен от предрассудков. Молодой, самоуверенный, надменный. Но такого, как он, еще можно перевоспитать, сделать из него цивилизованное существо. Хулаг смотрел в юное лицо, до самых глаз закрытое вуалью, и думал, что этот мри куда симпатичнее остальных. Однако заставил себя обратиться к кел'ену, как обращаются старые регулы к молодым — резким, повелительным тоном.

— А если я тебе прикажу, чтобы сел в мою машину?

Несколько мгновений юноша молчал — то ли не находился с ответом, то ли обдумывал предложение. Глаза над вуалью казались испуганными и озадаченными.

— Ты должен понять, что я предлагаю спасение,— добавил Хулаг.

— Только Владычица может мне приказать,— сказал молодой кел'ен.— А я знаю, что она меня не отпустит.

— Она обещала дать мне одного мри.

— Кому лететь, а кому оставаться, решает Эдун. Это его привилегия. Бай, я уверен, что Владычица меня не отпустит.

Что ж, ответ достаточно ясный, а чтобы решить эту проблему с Владычицей, нужно совершить еще один каторжный подъем, снова подвергнуться унижению. Причем без малейшей надежды на успех. Подумав об этом, Хулаг решил оставить молодого мри в покое. Только взглянул на него повнимательней, стараясь понять, чем же он отличается от других.

— Кел'ен, как тебя зовут? Я хочу знать полное имя.

— Ньюн с'Интель Зайн-Абрин, бай.

— Помоги мне сесть в машину, Ньюн.

Сообразив, что больше Хулаг ничего от него не потребует, юноша не смог утаить облегчения. Напрягаясь изо всех сил, он с помощью Чула медленно и аккуратно опустил Хулага на подушки. Хулаг глубоко вздохнул, взгляд его на миг затуманился, кровь ударила в голову. Затем он нетерпеливым жестом отпустил мри и смотрел, как тот идет к полуразрушенной стене и скрывается за дверью. Дус на крыльце зашевелился, узнал своего и снова опустил голову между лапами. От его выдоха над землей поднялось облачко пыли. Юноша на миг задержался рядом с ним, а затем исчез в темном проеме входа.

— Едем,— сказал Хулаг Чулу, который уже занял место водителя. И добавил: — Юноша, свяжись с моей канцелярией и спроси, нет ли новостей.

Он с тревогой подумал о корабле мри, с горечью — о том, какой светлой выглядела жизнь еще сегодня утром. С удовольствием наполнил легкие теплым очищенным воздухом и попытался собраться с мыслями. Вот-вот прибудут земляне. И, обнаружив поблизости корабль мри, заподозрят предательство. Это произойдет совсем скоро, может быть, даже раньше, чем он думает.

И тогда, несомненно, мри сцепятся с землянами, если к тому времени он не найдет способ очистить от мри планету и ее окрестности. Но теперь, после разговора с Владычицей Эдуна, надежды на это мало. Он в тупике.

— Бай,— зазвучал в приемнике голос Хады Сураг-ги,— мы связались с кораблем мри. Это «Аханал».

— Юноша, докладывай только о том, чего я еще не знаю.

Наступила тишина. Хулаг упрекнул себя за излишнюю резкость — Хада не виноват, он старается угодить. Он в сложном положении — приходится искать компромисс между высокомерием мри и нетерпением Хулага.

— Бай,— виноватым тоном заговорил наконец Хада.— Этот корабль не с Кесрита, но его команда намерена совершить здесь посадку. Бай, эти мри говорят...

— Продолжай, юноша.

— Что на закате солнца будут в городе. Они уже близко, очень близко, бай. Наша станция дает им координаты для посадки, но они не реагируют.

Хулаг шумно выдохнул и выругался.

— Бай, ты слушаешь?

— Да, юноша. Что еще?

— Они отвергли наше предложение причалить к орбитальной станции. Они хотят сесть в порту. Мы пытались объяснить, что это противоречит договору и что порт сильно пострадал от урагана. Но они не слушают. Говорят, им нужно продовольствие. Мы предложили взять его на станции. Никакого ответа. Они требуют, чтобы мы переоборудовали их корабль в военный, полностью перевооружили. Мы заявили, что не можем этого сделать. Но они настаивают, бай. Они сказали, что на борту «Аханала» четыреста мри.

По телу Хулага пробежала дрожь.

— Юноша, их во всей освоенной Вселенной осталось в живых только пятьсот тридцать три, и тринадцать из них — здесь, на Кесрите.

— Но, бай! — с мольбой в голосе произнес Хада.— Бай, я слышал их слова совершенно отчетливо. Я попросил повторить цифру. Возможно... это последние мри во всей Вселенной.

— Чума и погибель! — Хулаг тронул Чула за плечо: — В порт.

— Бай? — Чул обернулся, глуповато моргая.

— В порт,— повторил Хулаг.— О, тугодумство юных! В порт. И поскорее.

Машина резко свернула влево и запрыгала на ухабах, прибавив скорости. Разруха пришла даже сюда. Хулаг смотрел на розоватое небо и близкие горы, на дикие долины и белые пески. Над кряжем за городом вновь собирались тучи.

Все это достанется землянам.

Он снова с содроганием вспомнил кел'ена, который покончил с собой, и подумал о тех последних крохах загадочной расы, уцелевших в вечной войне,— четырех сотнях мри, что сейчас приближаются к Кесриту, к своему Дому, который скоро перейдет в руки землян.

Зачем? Неужели они решили здесь умереть?

О, если бы все было так просто! Но они вдохнут новую жизнь в войну, разрушат драгоценный мир и, погибнув в неравном бою, оставят регулов один на один с разгневанными землянами. Это так похоже на мри! Он лихорадочно размышлял, оба сердца сжимались от страха. Он никогда не лгал до своего визита к мри. И никогда не убивал — за него это делали наемники.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

По стенам Эдуна хлестал дождь. Ветер низвергался с небес, но горы и высокие скалы преграждали ему путь, направляли на город регулов и порт. Ни один порыв ветра не достиг Эдуна за два тысячелетия.

В такой вечер было приятно собраться всем Народом за общим столом в башне Владычицы. В такой вечер в воздухе витает предвестие чего-то радостного, какого-то странного, незнакомого удовольствия, столь же сильного, как ветер. Дусы, очень чуткие к настроению хозяев, не на шутку разрезвились, пришлось их всем скопом выпроводить из Эдуна. Звери исчезли во мраке — все, кроме мьюк'ко, который лежал у ворот и не обращал внимания на разыгравшуюся бурю.

Кел'ены пребывали в приподнятом настроении. У стариков блестели глаза. Никто не говорил о приближающемся корабле, но все только о нем и думали.

Ньюн, как и остальные мри, связывал все свои надежды с прибытием «Аханала». Перед ним открывались радужные перспективы. Его ждала встреча с братьями, соперниками. Его ждала жизнь.

И пусть у него нет военного опыта, зато есть Дом, и он — кел этого Дома, и кроме того, он кел'ен Владычицы. Это очень приятно, но непривычно, ведь он теперь не самый низший из келов, а, наоборот, один из первых.

«Мы связались с кораблем мри»,— только и сказала им ши'пан. Только это и было им известно о корабле. Утром ши'пан собрала келов и обратилась к ним спокойно и торжественно. Ей это далось нелегко — последнее время она редко чувствовала себя хорошо. Но сегодня утром Ньюн увидел перед собой прежнюю Интель, и ее мягкий, уверенный голос, необыкновенная ясность мысли вызвали у него благоговейный трепет. Она говорила о тайных тропах Кесрита, о путях, неведомых регулам.

— Уже недолго ждать,— сказала она.— Кел'ены, следите за регулами. Не спускайте с них глаз.

И очень скоро — раньше, чем они ожидали,— прибыл для переговоров бай.

Регулы нервничали. Ситуация, в которой они оказались, не имела прецедента, поэтому они пребывали в смятении.

— Интель,— сказал Эддан, старший из ее Мужей, когда Ньюн отнес на кухню посуду с объедками и вернулся. Только кухня и часть башни катов еще служили Народу, остальные помещения были заперты.— Интель, будет ли дозволено келу задать вопрос?

Ньюн быстро прошел к своему месту и сел. Он был благодарен Эддану за то, что старик дождался его возвращения. Ньюн смотрел в лицо Матери, надеясь, что она не откажет Эддану.

Она нахмурилась.

— Кел хочет спросить о корабле?

— Да,— ответил Эддан.— А разве сейчас есть что-нибудь важнее?

Владычица склонила голову — Эддан получил слово.

— Когда он прибудет, мы улетим на нем или останемся?

— Кел'ены, я скажу вам, что вижу конец Кесрита. Да, мы улетим, но я скажу вам и другое: я

должна дать баю Хулагу одного кел'ена. Только одного, к тому же я сомневаюсь, что он еще помнит о своей просьбе.

На лице старого Лирана не было вуали, так как на совместных трапезах никто не прятал лиц. Он поднял украшенную боевыми шрамами руку и ухмыльнулся.

— О Владычица, Мать, если он попросит, пошли меня. Я хочу увидеть Нураг, таков ли он, каким его описывают. К тому же от меня будет мало проку при строительстве нового Эдуна, я привык к нашим развалинам, и если не суждено остаться в них, я лучше еще послужу.

— Лиран, ты хочешь снова служить Народу?

— Да, Мать.— Глаза Лирана обратились к Эддуну: спрашивай, старейший.

Остальные келы сидели молча. И Эддун не сказал ни слова — Владычица жестом запретила вопросы.

— Сателл,— сказала Мать.

— Да, ши'пан.

— Напомни келам условия договора, который обязывает нас служить регулам.

Сателл склонил и вновь поднял голову.

— Договор между Хольнами и мри, который заставляет мри служить регулам, так определяет срок службы: «До тех пор, пока регулы и мри не окажутся вместе на планете, где расположен Эдун Народа... или до тех пор, пока мри не останутся одни на планете, которую оставили регулы, но на которой находится Эдун Народа. В любом из этих случаев мри оставляют службу у регулов». Ши'пан, от себя добавлю, что регулы давно нарушили и дух, и букву договора.

— Да,— согласилась Интель.— Я тоже так считаю. Мы заключили договор с Хольнами. Род Хольнов знал, как надлежит обращаться с нами.

Но бай Хулаг прибыл с самого Нурага, и он совсем не знает обычаи Народа. Он допустил ошибку, не подумав о нашей эвакуации раньше.

— Хольны знали нас лучше, чем он,— подтвердил Сателл.

— Но не сообщили своему преемнику того, что ему надлежит знать. Старая Солгах предпочла кое-что утаить. А может, Хулаг поленился заглянуть в архивы. Регулы плохие воины, но они умеют мстить по-своему.

Интель улыбнулась и вновь кивнула.

— Будет ли дозволено келу задать вопрос?

— Спрашивай, Эддан.

— Ты думаешь, Солгах намеренно утаила от Хулага сведения о нас?

— Да, я думаю, такова месть рода Хольнов, так они удовлетворили свою гордость. Бай Хулаг потерял мри. Я в этом уверена,— твердо добавила Мать.— Медай был последним из моих детей, которые погибли, служа регулам. И теперь... Не думайте, кел'ены, что теперь мри будут сражаться против мри. Нет. С этим покончено.

По залу прокатилась волна разочарования.

— Будет ли дозволено келу...— снова заговорил Эддан.

— Нет,— сказала Владычица.— Хватит вопросов. Я сама скажу все, что вам нужно знать. Мри осталось слишком мало. Было время, когда междоусобные войны служили выгоде Народа, но это в прошлом. Кел'ены, я отвечу на вопрос, который вы не решаетесь задать. На корабле «Аханал» летит все, что осталось от Народа. Нет больше никого, кроме них и нас.

Как будто холодный ветер проник в комнату. Никто не шевельнулся. Ньюн стиснул руки коленями, силясь постичь слова Матери, лелея слабую надежду, что это всего лишь аллегория, ведь Ин-

тель часто говорит загадками. Напрасно. Мри не умели лгать. Даже самим себе.

— Регулы позорно сбежали с Элага.— Голос Интели звенел.— Сбежали, прихватив свое добро и потомство, и бросив всех кел'енов, которые им служили. Потом регулы собрали кел'енов из Эдунов Млассула и Селета и погубили их всех. Но какое дело до этого регулам, какое до этого дело их новому баю, присланному с Нурага?

Внезапно раздался хлопок в ладоши. Это всегда сдержанный Эддан дал волю возмущению.

— Ши'пан, будет ли дозволено келу задать...

— Довольно вопросов, Эддан,— отрезала Интель.— По вине регулов тогда погибли десять тысяч мри и много кораблей, точного их числа я не знаю. Все эти корабли принадлежали регулам, но на них не было ни одного регула, потому что эта раса боится воевать. Они погубили десять тысяч мри. И я проклинаю тех Матерей, которые послали своих сыновей на бесславную смерть.

По лицу Интели струился пот. Она сильно побледнела, из горла с хрипом вырывался воздух. Никогда ласковая Мать никого не ругала и не проклинала, тем страшнее были сейчас ее слова.

Ньюн почти не дышал, мускулы напряглись до судорог, руки дрожали. Он крепче сдавил их коленями, чтобы остальные не заметили его слабости. Но всем было не до него, печаль и тревога сжимали им сердца. В комнате стояла зловещая тишина.

— Мать, довольно! — взмолился Сателл.— Хватит!

— У келов есть ко мне вопросы,— сказала Интель — Они имеют право на ответы.— Она помолчала, переводя дыхание, как будто собиралась сказать что-то очень важное.— Кел'ены, спойте мне шон'джир,— хрипло попросила она.

И снова — волна беспокойства по залу. Чуть ли не паники.

«Она умирает! — такой была первая мысль Ньюна.— О боги, как все ужасно!»

Он не смог произнести ни слова из тех, которые ждала Мать.

— Дети мои,— обратилась Владычица к своим Мужьям,— исполните для меня Песнь Уходящих.

Все посмотрели на Эддана, который опустил голову в знак согласия и негромко запел. Немного погодя к нему присоединился Ньюн, не совсем уверенный, что они поступают правильно.

Во Мраке начало, во Мраке конец, а меж ними Солнце. Но приидет Мрак. И во Мраке том конец каждого. Из Мрака во Мрак путь каждого. Из Мрака во Мрак наш путь. И после Мрака, о братья, о сестры, придем мы домой.

Интель внимала с закрытыми глазами. Когда песня закончилась, в зале воцарилась мертвая тишина. Наконец Владычица распахнула ресницы и окинула своих мри таким недоуменным взором, словно только что перенеслась к ним откуда-то издалека.

— То, о чем я вам сейчас расскажу,— заговорила она,— кел'ены знали очень давно, но забыли. Я просто напомню. Кесрит — всего лишь одна из бесчисленных планет, Арайн — всего лишь одно из бесчисленных солнц, и конец мри очень близок. Кел'ены, в истории Народа было много подобных Мраков, и от регулов мы получили лишь последний из многих наших Домов. И поэтому сегодня мы свершаем шон'джир. Этим обрядом мы встречаем начало и конец каждой жизни Народа, конец Мрака и начало Мрака. Забудь об этом, Ньюн, до тех пор, пока другая ши'пан не расскажет об этом детям твоих детей. Остальные келы могут помнить.

— Мать,— Ньюн протянул к ней руку,— ты говоришь о смене Дома?

Она была его Матерью, и, задав вопрос без разрешения, Ньюн грубо нарушил этикет. Он спохватился и обмер; сердце забилось сильней, он ждал суровой отповеди. Но Мать лишь спросила Эддана, есть ли у келов вопросы.

А потом все же ответила юноше:

— Ньюн, я скажу тебе правду. Регулы считают себя старыми, но Народ — старше. Те две тысячи лет, о которых ты знаешь,— лишь малый отрезок нашей истории. Мы кочевники. Я сказала, что келы не будут больше воевать, что у них есть другие дела. Последние из моих сыновей — келы Мрака — будут совсем не такими, как келы Перехода. У последних моих дочерей — матерей Мрака — будут другие обязанности, о которых я тебе не скажу.

Все келы ловили каждое слово Владычицы, не тая страха и удивления.

Ньюн взглянул на своих братьев и увидел их изумление и неуверенность, посмотрел на Мелейн и заметил на ее лице бледность и растерянность. Поспешив накинуть вуаль, она отвернулась. Внезапно юноша почувствовал себя одиноким, хотя вокруг сидели его братья. Он опустил голову и не шевелился, пока не услышал голос Эддана, который попросил разрешения задать вопрос и снова получил отказ.

— Сен говорит,— произнес Сателл, и на этот раз Интель отказать не могла.— Ши'пан, разве можем мы строить такие планы, не советуясь друг с другом?

— Это вопрос, сен? — холодно спросила Владычица.

В наступившей тишине столкнулись две непреклонные воли. Ньюн переводил взгляд с одного лица

на другое, пытаясь решить, кто же здесь распоряжается его жизнью.

— Это вопрос,— сказал Сателл.

Мать прикусила губу и кивнула.

— Да, мы будем планировать, не спрашивая ничьих советов. Я обошлась без советов, когда вызвала «Аханал», уцелевший в элагской мясорубке, и когда приняла решение основать нашу базу на Кесрите, хотя многие были против. Я и дальше буду руководить, не советуясь ни с кем. Я не оставлю Народу выбора.

— Мы потеряли много наших катов и келов из-за того, что построили Дом на Кесрите, а не на Лузайне, где много воды, чистый воздух и мягкий климат. Там у нас был бы большой Дом, Мать.

— Старые споры,— спокойно произнесла Мать.— Это мое право — решать, где быть Дому, потому что Владычица, а не сен'ант правит Народом. Не забывай об этом.

— Сен спрашивает, почему? — сказал Сателл.— Почему именно Кесрит?

— Сравнимы ли твои и мои знания? Сен'ант, разве тебе известны высшие из Священных Тайн?

— Нет,— срывающимся голосом ответил Сателл.

— Кесрит — лучшее место для Народа.

— Я этому не верю.

— Кесрит суров. Он убивает слабых.

— Эта кузница Народа, как ты назвала планету, слишком хорошо справляется со своей задачей. Нас осталась горстка. Элаг отнял последних.

— Зато мы все прошли через огонь.

— Горстка.

— Мы дали Народу Дом,— сказала она,— и он останется здесь до тех пор, пока не придут земляне. А потом будет Мрак. И тогда, Сателл, будут решать другие. Не я и не ты.

Наступила тишина. Сателл вдруг поднялся и оперся о стену, выдавая свою слабость.

— Вот и оставь решение другим,— сказал он и вышел. Было слышно, как он спускается по лестнице.

Эддан поклонился, подошел к Интели и взял за руку.

— Мать,— мягко произнес он,— келы на твоей стороне.

— Келы слишком мало знают,— сказала она.— Даже сейчас.

— Келы знают ши'пан,— тихо возразил Эддан. Его взгляд скользнул по остальным мри и остановился на Мелейн.— Сен Мелейн, приготовь питье для Владычицы.

— Нет, Эддан, сегодня я не буду пить,— прошептала Интель.

Но взгляд Эддана сказал девушке совсем другое, и она кивнула, поднялась, наполнила чашку водой и плеснула комала.

— Идем,— сказал Эддан келам.

— Ньюн останется,— сказала Интель, и Ньюн, который встал вместе с другими, повернулся к ней.

Внизу с шумом распахнулись и затворились двери.

— Боги! — воскликнула Пасев и бросила взгляд на Интель.— Он ушел из Эдуна.

— Пусть идет,— промолвила Интель.

— Ши'пан,— послышался чистый звонкий голос Мелейн,— нельзя без крова в такую погоду.

— Я верну его,— предложил Дебас.

— Нет,— твердо сказала Владычица.— Пусть уходит.

Было ясно, что ничто не заставит ее изменить решение. Сделав выбор, Мать всегда была верна ему до конца. Рядом с Интель стояла, потупив взор, Мелейн, лицо ее было прикрыто вуалью.

— Келы могут идти,— сказала Интель.— Кроме Ньюна. Спите спокойно, кел'ены.

Эддан не хотел уходить, но Интель выпроводила его жестом.

— Уходи, Эддан,— сказала она.— Сегодня вечером ты больше ничего от меня не услышишь. А утром пошли кого-нибудь на утес — наблюдать за портом. Нынче ночью гроза не даст регулам высунуть нос из Нома, но завтра они зашевелятся.

— Нет,— сказал Эддан.— Я пойду с братом.

— Без моего благословения?

— Все равно.— Эддан повернулся к выходу.

— Эддан,— окликнула Интель.

Он оглянулся и угрюмо произнес:

— Нас осталось слишком мало для паломничества в Сил'атен. Сателл не хотел покидать Нисрен. Я тоже. Теперь мы не хотим покидать Кесрит. Мы с ним вместе пойдем в Сил'атен. Пойдем с легким сердцем.

— Благословляю вас,— помолчав, сказала она.

— Благодарю, ши'пан.

Вот и все. Он ушел. Ньюн провожал высокого старика взглядом, пока он не скрылся во мраке зала, и каждая мышца юноши дрожала. Больше он не увидит ни Эддана, ни Сателла. Они сделали свой выбор. Сателл — по обычаю своей касты, а Эддан — потому, что в своей касте ему было тесно. Они ушли в долгий путь, и в последний миг Ньюн не увидел на лице Эддана ни горя, ни страдания. Он услышал, как кел'ант бегом спускается по винтовой лестнице, как отворилась и хлопнула дверь, и сказал себе, что Эдун лишился двух своих братьев, двух лучших братьев.

— Посиди со мной,— сказала Интель.

— Владычица, я приготовила напиток,— сказала Мелейн ясным голосом.— Прошу тебя, выпей.

Поднос дрожал в ее руках. Интель взяла чашку, осушила, поставила обратно и откинулась на

подушки. Ньюн и Мелейн сели на кровать справа и слева от Матери. Так они провели много ночей со дня смерти Медая. Интель металась во сне и не могла уснуть, если в ее комнате никого не было.

Этим вечером Ньюн прятал глаза, пока она ждала, когда подействует наркотик. Он опустил голову, уставился на свои руки, лежащие на коленях. Руки дрожали. Эддан и Сателл были частью его жизни. По его лицу, не прикрытому вуалью, катились слезы. Он не мог поднять руки и вытереть влагу. Ему было стыдно, ведь келы не плачут.

— Сателл очень серьезно болен,— мягко сказала Интель.— Он хорошо знает, что делает. Не думай, что мы расстались в ссоре. Мелейн это понимает. И Эддан. Сателл хороший сен, но мы не всегда находили общий язык. Все сорок три года он давал мне мудрые советы. Я не держу на него зла. Мы были друзьями. И об Эддане не думаю плохого. Я бы удивилась, если бы он поступил по-другому.

— Ты жестока,— сказал Ньюн.

— Да,— согласилась она. И легкая старческая рука скользнула по его плечу под край зайдха — головного платка. Ньюн стряхнул руку и плотнее запахнулся в мантию. Он не поднимал головы, в глазах набухали слезы.

— Мой последний сын,— сказала Интель.— Ты любишь меня?

Этот прямой вопрос застал юношу врасплох. Он не мог ответить просто: «Да, Мать». На это ему не хватило смелости.

— Мать,— с горечью назвал юноша один из ее многочисленных титулов, самый дорогой для келов.

— Ты любишь меня, Ньюн? — Нежные пальцы пробежали по его волосам, коснулись уха — так

ласкает родная женщина и возлюбленная. «Здесь тайна,— говорили эти прикосновения,— здесь кроется тайна. Будь внимателен».

Ньюн не был готов к тайнам. Он смотрел на нее и ломал голову, что бы ответить. Спокойное лицо ши'пан было обращено к нему.

— Я знаю,— сказала она,— ты здесь. Выполняешь свой долг. Ты очень послушен, сын мой. Я знаю, что многого тебя лишила.

— На то были причины.

— Не говори так,— сказала она.— Ты же кел'ен. Ты не знаешь, ты веришь. Но все же ты прав. Завтра... Завтра убедишься в этом, когда увидишь «Аханал». Мелейн...

— Да, ши'пан?

— Тебе жаль Сателла?

— Да, ши'пан.

— Ты осуждаешь меня?

— Нет, ши'пан.

— На «Аханале» летит Мать,— сказала Интель.— Возможно, она будет править не так, как я.

— Мне двадцать два года,— запротестовала Мелейн.—Владычица, ты должна подчинить «Аханал» своей воле. Но если они пришлют вызов... Если они посмеют прислать вызов...

— Ньюн защитит меня. И тебя защитит, когда придет время.

— Ты отдашь его мне? — спросила Мелейн.

— Когда придет время,— ответила Интель.— Не раньше.

— Владычица, я не знаю всего, что должна знать.

— Ты убьешь любого, кто захочет отобрать у тебя пана. Я старейшая из всех Матерей, я сама подготовлю себе преемницу.

— Но если по совести...

— Если по совести,— перебила Мать,— ты должна повиноваться мне и не задавать вопросов.

Наркотик начал действовать. Взор ее затуманился, голова опустилась на подушки, речь оборвалась. Вскоре она крепко уснула.

Старые келы рассказывали, что при разрушении Нисрена земляне полностью уничтожили Эдун, не обращая внимания на попытки мри вызвать их на а'анай. То была самая первая и горькая ошибка мри, допущенная в войне с землянами. Враги проникли в Эдун, и каты в ужасе пытались спастись бегством. И тогда Интель встала между землянами и катами, ее руки исторгли огонь, зал превратился в жерло вулкана. Сама ли Интель, или огонь вынудили землян остановиться — этого никто не знал, но, как бы то ни было, земляне не пошли против нее. Она стояла перед ними до тех пор, пока не спаслось большинство катов, а подоспевшие келы увели ее на корабль регулов.

Ньюн знал эту историю, но до сегодняшнего вечера не верил, что ласковая, обходительная Интель способна на такую стойкость и непреклонность.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Данкан услышал шум машин. Услышал во сне, но тотчас проснулся, решив, что его вызывает Ставрос. Он вскочил с койки и постоял несколько секунд, пытаясь собраться с мыслями. Спал он в одежде, Ставрос тоже — он не пожелал ложиться в постель. Ночью разыгралась буря и по внутренней связи регулярно передавали штормовые предупреждения.

Он услышал, как в комнате Ставроса поднялись экраны на окнах. Данкан вошел в кабинет, скудно освещенный лучами угрюмого солнца.

Ставрос сидел в центре, в самодвижущемся кресле. Он с любопытством поглядел Данкану в лицо. Засветился переговорный экран.

«Посмотри в окно».

Данкан подошел к испещренному брызгами окну и обшарил взором убогий ландшафт — ничего, кроме песка, камней, моря и башен опреснительного завода на берегу. В очертаниях завода было что-то неправильное, чего-то недоставало. Вот оно что: там появилась брешь.

Экран Ставроса снова ожил.

«Сейчас поступил приказ регулов: воду расходовать только на питье и пищу. Небольшие повреждения на опреснителе. Просят сохранять спокойствие».

— Но ведь скоро здесь будут земляне,— возразил Данкан.

«Кажется, в порту тоже аварии. Регулы очень встревожены. Бай никого не принимает».

Дождь почти унялся, лишь изредка капли дробились о стекло. Хмурое серое небо стало на миг красным, это сквозь просвет в тучах показался Арайн. На горном хребте, что высился далеко за городом, замаячили движущиеся тени. Данкан пригляделся.

— Там кто-то есть,— сказал он.

«Да,— отозвался экран.— Много. Много. Наверное, гроза выгнала зверей из нор».

Все новые и новые тени появлялись на гребне. Данкан ощупал горы взглядом. Повсюду появлялись и исчезали тени.

«Мри»,— в страхе подумал он.

Нет, не мри. Звери. Данкан вспомнил чудовищ, которых находили возле убитых мри,— если судить по их величине, эти жуткие существа были чрезвычайно опасны.

— Это звери мри,— сказал он Ставросу.— Они окружили весь город.

«Регулы называют их дусами. Кесрит — их родина. Почитай твои инструкции».

— Они всегда сопровождают мри. Сколько же здесь мри? Я думал, всего лишь горстка.

«Так говорил нам бай».

Данкан посмотрел вдаль. Прореха в слое туч затянулась. А дусы уже образовали сплошную темную линию по всему горизонту.

Данкан в страхе отвернулся, вздрогнул и снова приник к окну. Он посмотрел на землю, по которой текли ручьи, вытер вспотевшие ладони и взглянул на Ставроса.

— Сэр, пожалуй, мне надо сходить на разведку.

— Нет,— произнес Ставрос.

— Выслушайте меня.— Данкану трудно давались эти слова, и он, чтобы видеть лицо старика, опустил-

ся на колени.— О том, что регулы не могут лгать, мы узнали от самих регулов. До прилета землян остались считанные дни. Отпустите меня. Там от меня будет гораздо больше пользы. Я выйду отсюда и все увижу своими глазами. Вы сможете долго меня прикрывать. Кого тут интересует юнец? Разрешите выйти, я разберусь, что происходит на Кесрите, узнаю, когда сядет корабль мри, безнадежна ли ситуация с водой, что разрушено в порту. Неужели вы им верите?

«Погода отвратительная. И возможен конфликт с регулами».

— Они меня не заметят. Я же все-таки разведчик.

— Убедительный аргумент. Чем гарантируешь, что обойдется без осложнений?

— Своей жизнью.

«Верный ход мысли. Если будешь пойман с поличным, с тобой поступят по законам регулов. Ты отдаешь себе в этом отчет? Осмотри опреснитель, порт возвращайся. Буду прикрывать тебя до темноты».

— Есть, сэр.

У Данкана отлегло от сердца. Ему чаще, чем Ставросу, доводилось рисковать жизнью, и впервые их мнения совпали. Он знал, что лучше идти навстречу опасности, чем прятать голову в песок.

Стен поднялся на ноги и выглянул в окно. Дусы уже исчезли. Он поморгал, силясь что-нибудь разглядеть сквозь завесу водяной пыли.

— Сэр...— Он хотел попрощаться. Ставрос отпустил его кивком, экран остался темным.

Данкан вернулся в свою комнату и переоделся: непромокаемый плащ, высокие сапоги. Он был уверен, что регулы даже не заметят перемены в его одежде. Он рассовал по карманам моток веревки, нож, пищевые концентраты, фонарик — все, что трудно

заметить, что не выпячивается. Затем прикрепил капюшон и застегнул молнии.

После этого он вышел в вестибюль небрежной походкой, как выходил по несколько раз на дню, чтобы взглянуть на обзорный экран. В вестибюле было пусто. Данкан открыл дверь, вышел на улицу и оглянулся. Сзади — никого.

Он опустился на корточки на краю стены, повис на руках, оторвался, ударился ногами. Хорошо, что у регулов стены гораздо ниже, чем у землян. Он упал на бетон, а бетон не оставляет следов. Вскоре он добрался до края забетонированной площадки и ступил на девственную почву Кесрита. Он был уверен, что его никто не заметил.

Стен направился к водоочистительной станции. Шел, плотно закутавшись в плащ и надвинув капюшон,— берег кожу от едкого дождя. Он хорошо помнил предупреждения Ставроса.

Данкан шагал по сырому песку, оставляя четкие следы, но не боясь преследования. Он знал, что ни один регул не заподозрит, что человек спрыгнул со стены, ведь сами они на такое не способны. К тому же здесь, по бездорожью, им не пройти.

Но здесь могут пройти мри.

Эта мысль заставила его повысить бдительность.

Перед отлетом он хотел вооружиться, но дипломаты запретили, дескать, это совершенно излишне и может привести к осложнениям. Теперь из оружия при нем только маленький нож — все равно что ничего. Если дойдет до схватки с кел'еном, Стен даже не успеет пустить нож в ход.

Следовательно, если регулы пустят мри по следу Данкана, он обречен. Но он успокоил себя: вряд ли они решатся нарушить договор. Если бы регулы не дорожили миром с землянами, Ставрос и его помощник давно бы это поняли.

Но что, если мри вышли из-под контроля регулов? Вот что необходимо выяснить прежде всего.

Все эти рассуждения требовали от Данкана предельной осторожности. Он подолгу рассматривал камни, способные послужить укрытием врагу. Он помнил, как на горах двигались тени. В любой момент можно повстречать дуса, он уже не раз пересекал цепочки звериных следов, и оттиски длинных когтей напоминали, что на Кесрите следует остерегаться не только регулов и мри.

В информатории Нома он узнал, что дусы не приближаются к жилищам регулов.

Но те же файлы постоянно напоминали, что ходить по кесритским долинам в стороне от дорог не рекомендуется.

Выбросы горячего пара подтверждали обоснованность этого предупреждения. Осторожно выбирая путь между источниками термальных вод, Данкан постепенно приближался к берегу моря и заводу, где опреснялась морская вода.

Здесь вдоль побережья шла дорога, местами она скрывалась под водой. Под откосом валялась регульская машина.

Данкан опустился на землю. Болели голова и желудок, вдобавок его хлестал ледяной ветер. Он смотрел, как регулы возятся у машины, пытаются втащить ее на дорогу. Перед ним как на ладони был завод, за его оградой тоже царил хаос. Вокруг башен кипело море, некоторые из них уже были разрушены.

Судя по степени повреждений, регулы уже не успеют устранить их за несколько дней, оставшихся до прибытия землян. Тем более при такой погоде. Тем более, что у них не осталось тяжелой ремонтной техники.

По правде говоря, тут вообще ничего не исправишь. Так что землянам придется рассчитывать

только на бортовые системы жизнеобеспечения. Это неудобно, но лучше, чем ничего. Если, конечно, кораблям удастся совершить посадку.

Данкан посмотрел вправо, на город. Невольно взгляд задержался на Номе — единственном высотном здании. Отсюда ничто не мешало видеть порт. Он сразу узнал силуэт «Хазана» в паутине стальных ферм.

Посадить корабль можно только в порту, поскольку вся поверхность Кесрита покрыта гейзерами и вулканами. И если порт пострадал так же серьезно, как завод, то при посадке не избежать катастрофы.

А регулы ни словом не обмолвились о размерах повреждений. Нет, они не лгут, они просто отмалчиваются.

Он наполнил легкие жгучим воздухом и, подумав вдруг, что совсем утратил бдительность, поспешил оглядеться. И увидел только облака; горизонт чист. На этот раз повезло, но если он и впредь будет расхолаживаться, планета обязательно накажет его. Он медленно выдохнул, собираясь с силами, пытаясь утихомирить неистово бьющееся сердце.

Он наметил путь между невысокими утесами и коварным шельфом, чтобы между городом и морем подобраться поближе к космодрому. Информаторий утверждает, что у регулов слабое зрение. Данкан очень надеялся, что это правда.

Ставрос — узник самодвижущегося кресла — обещал скрывать его отсутствие от регулов. Данкан не сомневался, что искушенному в бюрократических уловках старику это пока удается.

А сам он оказался в родной стихии. Совать нос в чужие дела — это его профессия. И тут он вдруг понял, почему Ставрос выбрал себе в помощники именно его, офицера планетарной разведки. Став-

рос ему не приказывал покидать Ном, он всего лишь отпустил его, и теперь спокойно ждет, не сомневаясь, что бывалый солдат на чужой территории сможет действовать самостоятельно.

У Данкана нет права на ошибку. Зато есть причины бояться. И это вовсе не тот страх, который он испытывал прежде на боевых заданиях. Тогда он тоже действовал в одиночку, наносил удары, избегал ударов; но тогда он рисковал лишь своей головой. Он не привык отвечать за жизнь и смерть других, не привык делать выбор за других. А теперь ему предстоит решать, безопасна или нет посадка на этой планете кораблей с сотнями землян, и от этого решения зависит будущее не только этой колонии. Все это ему не нравилось. Совсем не нравилось. Он бы охотно переложил тяжесть решения на плечи начальства, но Ставрос прикован к своему креслу и вынужден верить на слово регулам. Или своему помощнику. Поэтому Данкан обязан выяснить, что же на самом деле творится за стенами Нома.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Эдун просыпался, его обитатели принимались за свои обычные дела. Ньюн возвратился на половину келов, казавшуюся теперь пустой. Келы сидели в трауре. Эддан не вернулся. У Пасев были красные глаза, наверное, она не спала всю ночь. Но кел'е'ен сидела спокойно — она превосходно владела собой. Ньюн принес ей завтрак, но понял, что она вряд ли притронется к пище.

После трапезы братья Лиран и Дебас, переговорив между собой, поднялись, накинули мезы и зайдхи, и стали прощаться.

— Вы уходите? — с ужасом спросил Ньюн. И взглянул на Пасев — у нее было гораздо больше оснований уйти.

— Вы можете понадобиться,— сказала старикам Пасев.

— Мы только пройдемся,— сказал Лиран.— Может быть, встретим Эддана и Сателла.

— Что ж, скажите Эддану,— спокойно произнесла она,— что я пойду за ним, как только выполню долг, который он возложил на мои плечи. Прощайте, братья.

— Прощайте,— эхом отозвались остальные келы.

— Прощайте.— И братья спустились с башни и пошли по дороге.

Ньюн стоял на крыльце и смотрел им вслед. Тяжкая печаль давила на сердце. Они шли к го-

ризонту, их темные силуэты все уменьшались, и небо угрожающе темнело над ними, и не было с кел'енами верных дусов — ни один из зверей еще не вернулся домой. Сидевший у двери мьюк'ко тоже куда-то исчез. Может быть, ушел умирать. Дусы, как и кел'ены, чувствуя приближение смерти, уходят в пустыню.

«Они верны Интели,— подумал Ньюн о стариках,— и Кесриту. И, чувствуя близость смерти, понимая, что от них мало пользы, они уходят сами, чтобы не отягощать похоронами юного кел'ена, у которого и без того хватает забот».

Прошлой ночью они исполняли погребальный обряд. Он был посвящен самому Кесриту, и Ньюн внезапно понял, что очень мало стариков поднимется на борт корабля. Они не хотят перемен, которые предрекла Интель. Им не нужно будущее, описанное ею, они хотят жить по-старому. А если это невозможно, они предпочитают умереть. А он, Ньюн,— другой. Он вылеплен руками Интели, ее чаяниями. Он предан Мелейн, и эта верность еще крепче связывает его с временами, о которых говорила Мать.

Ньюн взглянул на утесы, за которыми исчезли братья, и заплакал. Он знал, что следом за ними скоро уйдет Пасев. Она тоже предпочтет смерть всем грядущим переменам. А за ней потянутся и другие. А ему уже никогда не стать таким, как они: он создан для другого. «Кел Мрака», говорила Интель. Совсем иной кел.

Это он — кел Мрака, а его братья не вступят во Мрак. Они останутся в прошлом.

Он повернулся к Эдуну и направился к двери, чтобы найти покой в Святилище. И внезапно кровь похолодела в жилах. Он увидел на склонах гор движущиеся цепью черные тени. Дусы. Они окружили город регулов плотным кольцом. Хаа — дикие дусы, самые опасные.

Их было много. Очень много.

Над головой кипели облака, испятнанные красным и мрачно-серым. В те дни, когда еще не был построен Эдун, дусы жили внизу, в долине. Она так и называлась: Долина Дусов. Звери вернулись, словно чувствуя перемену погоды, словно зная, что регулы уходят, оставляя долину ее прежним хозяевам.

Они ждали.

Мри сразу предупредили регулов, что город надо строить где-нибудь в другом месте, ведь недаром сами они возвели Эдун в стороне от долины. Но регулам нужна была свободная от скал равнина, чтобы могли садиться корабли. Они осмотрели всю планету и не нашли места лучше, чем Долина Дусов. Регулы привезли технику, и вскоре здесь вырос город, и хаа — дикие дусы — ушли в горы.

И вот они вернулись вместе с дождем и сильным ветром. Они сидят и ждут.

И даже прирученные дусы ушли из Эдуна.

Ньюн содрогнулся, но решил не говорить ни о чем келам и ши'пан. Келы сейчас в трауре, Владычица все еще погружена в сон; и Мелейн, ее Избранница, одна-одинешенька сидит в башне сенов.

Ньюн бросил взгляд на небо, на мрачный круговорот туч,— за ними летит «Аханал», к вечеру он совершит посадку. Юноше казалось, что он не выдержит этих бесконечных часов ожидания.

Ведь все, что он собирался делать нынче, бессмысленно. Дом обречен, ушедшие старики никогда не вернутся, грозный ветер все завывает, мрачно клубятся тучи, сверкают молнии, пронзая зловещий багрянец небес. Он сидел на крыльце, глядя вниз, в долину, где, словно по расписанию, просыпались гейзеры. Взмывали облака пара, свирепый ветер мгновенно разрывал их в клочья. День выдался хо-

лодный. Дрожа, Ньюн смотрел на большие лужи, избиваемые крупными каплями дождя.

Послышались тяжелые шаги по мокрому песку и шумное дыхание. Из-за угла появился дус с опущенной головой, за ним шли другие. Ньюн в страхе втянул голову плечи, не зная, чего ждать от зверей. Но мокрые дусы, медленно переставляя грязные лапы и водя носами, прошли мимо него в Эдун, вздрагивая всякий раз, когда гром сотрясал небо, и рыча от голода. Ньюн принялся считать их: один, два, три, четыре, пять, шесть. Седьмым, шатаясь, к большой луже у стены приблизился мьюк'ко, больной дус, и стал жадно лакать воду.

Ньюн задержал взор на опущенной меж лап огромной голове и мелькающем сером языке. Три дуса так и не пришли. Юноша ждал, в нем одновременно зрели чувство облегчения и тревога. Облегчение — потому что потерявшие хозяев дусы опасны, а тревога — потому что они бродят неизвестно где. Может быть, примкнули к диким сородичам? Или встретили по дороге в Сил'атен своих хозяев и провожают их в последний путь?

На это юноша надеялся больше всего. Так было бы лучше и для кел'енов, и для дусов.

Надо позаботиться о зверях. Он направился в башню катов, там находилась кладовая. В первую очередь Ньюн решил накормить мьюк'ко, который впервые покинул свое место у крыльца и вернулся в Эдун. Может, дело идет к поправке?

Но дус снова отказался от пищи. Возможно, он что-нибудь перехватил по дороге, но в это Ньюну не верилось. Он оставил пищу рядом со зверем и оделил едой остальных дусов.

Весь Эдун был погружен в безмолвие, лишь рычание и чавканье животных нарушало его. Мелейн скорбела в своей башне; в воздухе висело ощущение близкого конца. Дус у ворот, старики и старухи —

все молчали. Ньюн бродил по Эдуну, делал какую-то мелкую работу, и ему казалось, что он ходит по могильным пещерам Сил'атена.

Вечером прибыл корабль.

Владычица спала, когда келы услышали шум его двигателей. Они поспешно выбежали из своей башни и запрокинули головы; на измученных лицах сияли улыбки. У Ньюна в груди трепетало сердце. Дахача порывисто схватил его за руку, стиснул. Его глаза сияли в паутине морщин, и каким-то необъяснимым образом в этот момент старик и юноша могли читать мысли друг друга.

— Дахача,— прошептал Ньюн.— Ты-то хоть полетишь?

— Те, кто остался, полетят,— ответил старик.— Мы не покинем тебя, Ньюн Зайн-Абрин. Мы сделали свой выбор. Если бы мы не захотели лететь, то ушли бы за Эдданом, как Лиран и Дебас.

На совершившем посадку корабле вспыхнули прожекторы. Так обычно делали регулы — их глаза не видели в темноте.

— Идем,— сказала Пасев, и кел'ены поднялись следом за ней в в башню Владычицы. Мелейн была уже там, она попыталась разбудить Интель легким прикосновением. Та не проснулась, и тогда Пасев решительно взяла Владычицу за руку встряхнула.

— Ши'пан! — сказала она.— Ши'пан, корабль прилетел.

— А регулы? — Из золотистых глазах Владычицы исчезла сонная поволока.— Как это восприняли регулы?

— Пока не знаем,— ответила Пасев.— В городе суета, но это все, что мы видели.

Интель кивнула.

— Соблюдайте радиомолчание, регулы наверняка прослушивают все диапазоны. Я думаю, «Аха-

нал» тоже будет молчать.— Она откинула голову на подушки, лицо исказилось болью. Мелейн поправила подушки, Мать вздохнула с облегчением.

— Ши'пан, а может, нам отнести тебя на корабль? — спросил Дахача.

— Нет.— Она печально улыбнулась.— Мать должна охранять пана. Для меня не существует кораблей, пока на мне этот долг.

— А может, мы тебя вынесем на дорогу, чтобы ты могла видеть порт?

— Нет,— твердо ответила Интель, а затем коснулась руки Дахачи и улыбнулась.— Не бойся. Сейчас я правлю Эдуном и планетой, и так будет, пока у меня не отнимут это право. Пасев, ты слышишь меня?

— Да,— ответила Пасев.

Интель отыскала ее среди келов и удовлетворенно кивнула. Затем ее взор пробежал по комнате, пересчитал мри и затуманился.

— Недавно ушли Дебас и Лиран,— сказала Пасев.— Мы попрощались с ними.

— Я благословляю их,— слабым голосом произнесла Интель.

Пасев опустила голову.

— Пока ши'пан не освободит меня, я буду служить ей. Нас еще достаточно, чтобы сделать все, что может понадобиться.

— Осталось уже недолго,— сказала Интель.— Ньюн, дитя...— Она протянула руку юноше.

Он опустился на колено, взял ее кисть в свою ладонь и опустил голову, чтобы Владычица могла его коснуться. Почувствовал, как ее пальцы скользнули по волосам. Мать благословляла его.

— Иди в долину,— сказала она.— Иди на корабль, поговори с прилетевшими, выслушай их. Будь мудр, юный кел'ен. Ты уже сам способен

принимать решения. Будь осторожен. Мы служим регулам последние дни.

Что-то скользнуло по его голове, затем он ощутил тяжесть на шее. Поднял свободную руку и нащупал прохладный металл. Ньюн повернул пластинку и увидел изображение Эдуна Кесритуна. Пластинка висела на цепочке. Нежные пальцы Интель коснулись подбородка юноши, заставили его поднять голову. Мать заглянула ему в глаза.

— Всего один джи'тэй,— ласково сказала она.— Но он стоит всех остальных. Ты узнал его, сын мой?

— Это огромная честь! — У него перехватило дыхание.— Это джи'тэй кел'ена Владычицы.

— Будь достоин этой чести,— напутствовала она.— И не теряй времени. Оно сейчас бесценно.

Владычица легонько толкнула его, и он поднялся, страшась взглянуть на остальных, ведь они были куда более достойны такой чести, нежели он, самый юный и неопытный. Но кел'ены не знали зависти. На их лицах была только радость, они гордились им. Никто не сомневался, что он достоин выбора Матери.

Он снял домашнюю одежду, и келы стали готовить его в путь. Одели на него сайг, и мез, и зайдх; дали новое оружие — и йин'ейн, и захен'ейн. Палаци отстегнул от своего пояса амулет и с улыбкой вручил Ньюну.

— Жизни и чести,— сказал Палаци.

Ньюн обнял старика, потом остальных и вернулся к Владычице. Сердце бешено стучало в груди от волнения. Мать поцеловала его в лоб, но не разрешила сразу же уйти. Она долго смотрела ему в лицо, и от этого взгляда кровь стыла в его жилах.

— Ты прекрасен.— В ее золотистых глазах стояли слезы.— Я очень боюсь за тебя. Будь осторожен, сын мой.

Народ не слишком верил в предвидение будущего, как и в талисманы, приносящие счастье. В это верили регулы, но не мри. И тем не менее слова Матери заставили Ньюна содрогнуться.

Тот, кто прожил столько лет, сколько она, вероятно, способен заглянуть в будущее. Вся жизнь Ньюна прошла в атмосфере непостижимых и запретных тайн, и всеми этими тайнами ведала Интель — Владычица, ши'пан, Мать, хранительница пана.

— Я буду осторожен,— пообещал Ньюн.

И Мать отпустила его. Он старался не смотреть в глаза Мелейн. Зря Владычица и Избранница тревожатся о нем, ему не нужны их опасения, пускай даже их дурные предчувствия не напрасны.

— Не доверяй регулам,— сказала кел'ант.— Будь бдителен.

— Хорошо.— Он взял Пасев за руки и пожал их на прощание, по обычаю уходящих братьев и сестер из ее касты.

Затем повернулся и вышел. Большими прыжками спустился по винтовой лестнице мимо стенной росписи с историей и подвигами Народа, мимо всего тайного и важного, о чем так туманно говорила Интель. Ньюн не мог прочесть надписей, но в те мгновения он всем своим существом постигал эти слова, заветы своих предков.

Все, что стремилась дать ему Интель, стало наконец его частью, и теперь Владычица может выпустить его из рук, ибо он стал таким же опасным, смертоносным, неумолимым, как ас'ей в шон'ае, Игре Народа. И при всем при том Ньюн остается с ней, с Мелейн, с келами. Эти старики вложили в него столько любви, что он просто не может не выполнить свой долг, не оправдать доверия Эддана, Интель, Пасев, и Дебаса, и Лирана. Они были уве-

рены, что он справится с миссией, возложенной на него Владычицей.

Ньюн прошел через главные ворота и затворил их за собой. У крыльца он увидел гигантскую тень мьюк'ко. Огромная голова поднялась, блестящие во мраке глаза взглянули на него. В душе у Ньюна всколыхнулась надежда. «Может быть, уже настало время. Это было бы очень кстати. Он нужен мне, а я нужен ему».

Но зверь лишь заурчал, отвернулся и снова опустил голову в грязь. Ньюн не знал, самец или самка. Никто не может определить пол дуса, никто не может сказать, почему дусы идут к одному мри и не идут к другому. И этот дус, скорее всего, до сих пор не понял, что Медай никогда не вернется. Наверное, зверь ждет в тоске, когда придет Медай и накормит его.

Пожав плечами, Ньюн грустно вздохнул и отправился в путь. И вскоре у него возникла мысль, что этот дус, похоже, в отличие от своих сородичей не чувствует перемен, которые произошли или вот-вот произойдут. Земляне, скорее всего, истребят дусов. Регулы бы так и сделали, если бы не вступились мри. Регулы не смогли приспособиться, как мри, к яду клыков, к немудреному образу жизни этих зверей. И потому возненавидели дусов.

Тревога, поселившаяся в душе Ньюна после встречи с дусом, не покидала его, пока он шел к долине, к размытым облакам пара над гейзерами. Ветер казался живым существом — чувствовал его запах, его силу.

Оглядывая знакомый край, он поймал себя на мысли: «Все это я вижу чуть ли не в последний раз». Он был взволнован донельзя и крайне неуверен в себе; впереди ждала неизвестность. Всеми фибрами своего существа он впитывал этот мир: кислый, влажный запах земли, горячий пар

гейзеров, у каждого из которых есть имя и свои особенности.

Его мир.

Его родина.

Свободные, как ветер, келы все же любят землю. Ньюн вспомнил вдруг, что не знает, куда они полетят. А ведь Интель говорила о Мраке так, словно это какое-то определенное место. Мелькнула мысль, что, покинув Кесрит, он уже никогда не ощутит под ногами твердь планеты. Ему был обещан Мрак, но юноша не мог его себе представить.

И к тому же его ожидает встреча с другими кел'енами — не со стариками, а с мри в полном расцвете сил. Эти кел'ены — подлинные образчики своей касты, гордые, знающие только войну, не прощающие обид. С такими воинами неопытный кел из Эдуна Кесритуна еще никогда не встречался.

Ему предстоит жить среди чужих мри. Там могут оказаться и кат'ены, и кто-нибудь из них станет его женой, и тогда у него будут дети. Он сын одной Владычицы, брат другой. Он наверняка будет Мужем новой Владычицы, и тогда его дети станут ее детьми. Если, конечно, он останется жив после поединка. Или если поединка удастся избежать.

Всевозможные картины будущей жизни мелькали в воспаленном мозгу. И ни одной нельзя было отдать предпочтение, ни в одной нельзя было быть уверенным.

Он шел быстро, огибая натеки серы и рвущиеся из расселин струи пара. Дорога была хорошо знакома. Под тонкой коркой грунта бурлила горячая вода. Корка могла выдержать только вес мри. Ни дусу, ни регулу здесь не пройти. Пытаясь освоить дикие кесритские долины, регулы получили немало горьких уроков. Теперь они пользуются только машинами и самолетами и

никогда не покидают своих дорог. Землянам придется немало сил и времени потратить, чтобы укротить планету, если, конечно, они вообще рискнут выйти из города регулов.

Многие погибнут на Кесрите. Как гибли мри.

Впрочем, какое ему дело до землян? Кесритские мри сольются с Народом и улетят. Дахача, Палаци и остальные. И Интель — они ее уговорят. Ничего, что она стара и устала от борьбы. Она полетит с ними.

С ней они смогут покинуть Кесрит без сожаления, не оглядываясь назад.

Ньюн взглянул на белый хребет, что возвышался над портом, и увидел громаду «Хазана», а рядом с ним — темный силуэт только что прибывшего корабля.

«Аханал», что значит «Быстрый».

Подняв клубы белой пыли, Ньюн соскользнул с холма и направился к порту.

Внезапно между камней мелькнула огромная тень. Ньюн резко повернулся, кинув руку к кобуре пистолета, и увидел, как на холм взбирается громадный зверь.

Хаа — дикий дус. Ньюн застыл, затаил дыхание. Показались еще трое. Они продвигались бесшумно, и юноша покрылся холодным потом: ему несдобровать, если они решат напасть. Но он их не интересовал. Он их лишь вспугнул.

Ньюн стоял неподвижно. Они здесь хозяева. Бродить по этим холмам — их право.

Звери принюхивались, рассматривали юношу бусинками глаз. Один издал утробный звук, это означало, что звери настроены мирно.

«Простите, братья»,— мысленно проговорил он, вспомнив лучший способ общения с этими удивительными животными. Ньюн отступил на несколько шагов назад, а потом двинулся дальше в нужном ему направлении. Дусы не препятствовали.

С пистолета рука Ньюна переместилась к висящему на груди талисману — юноша вспомнил предостережения Пасев. И с этого момента он шел медленнее.

Через некоторое время он обернулся. Звери исчезли.

Ньюн пересек небольшую ровную полоску занесенной белым песком земли и уперся в забор. Но проволочная изгородь не остановит кел'ена, если он полон решимости пройти. Ньюн прожег в изгороди дыру; испытав удовлетворение от мысли, что он не подчиняется запретам регулов. На его месте любой мри поступил бы так же. Никто не ходит вокруг забора. Конечно, регулов это приводит в ярость, но они ничего не могут поделать. Мри — свободный народ. Да, они служат регулам, да, они подчиняются приказам, но когда им надо пройти напрямик, они идут, невзирая ни на что.

«Кровожадный дикарь» — так один молодой регул назвал Ньюна, когда он приходил в город.

Регулы не убивают, но их заборы и машины уродуют землю, они стремятся захватить Вселенную и торговать ею, как пищей, как одеждой, как машинами. Ньюну эта цель казалась дикой. Чудовищной.

Он обошел свалку старых машин и прочего металлолома. Пришедшие в негодность вещи были расплющены, искорежены,— казалось, здесь развлекался буйный великан. Вероятно, сюда свозили машины и тележки со всех поселений регульской колонии. Невдалеке, на огромной выжженной площадке, на фоне огней порта, вырисовывались уродливые очертания разрушенной башни. Изувеченные металлические фермы и решетки выглядели отвратительно. Ураган и пожар нанесли порту ощутимый урон. Ньюн вертел головой, с с изумлением разглядывая сооружения, которые совсем недавно

видел целыми и невредимыми. Теперь все было разрушено. Он начал понимать, почему так встревожены и подавлены регулы.

«Хазан» стоял в кольце подъемных кранов. Ньюн и здесь увидел следы бури. На корабль были направлены лучи прожекторов; точно насекомые, по нему ползали темные фигурки. То и дело подъезжали машины — должно быть, подвозили материалы для ремонта.

Ньюн прошел мимо, стараясь держаться в тени. «Хазан» остался позади. Перед юношей возник огромный, как башня, «Аханал». Его мрачный силуэт прорисовался на темном небе, одинокий прожектор освещал его нос.

Ньюн подошел ближе и увидел, что корабль стар, металлические плиты обшивки изъедены космической пылью. На тех местах, где были сорваны защитные экраны, виднелись глубокие царапины. Надпись на борту почти стерлась.

— Эй, на «Аханале»! — крикнул он, боясь привлечь внимание охраны порта.— Откройте люк.

Одна тележка все же двинулась к нему. На борту корабля либо не ожидали появления местного мри, либо опасались регулов. Как бы то ни было, Ньюну никто не ответил. Подкатила тележка. К нему властным тоном обратился молодой регул:

— Мри, тебе запрещено здесь находиться.

— Это приказ бая? — спросил Ньюн.

— Уходи! — настаивал регул.— Кесритский мри, уходи!

Послышался скрежет металла, открылся люк. Ньюн, не обращая внимания на регула, повернулся к кораблю. Когда спустился трап, он направился к люку, по-прежнему не откликаясь на возмущенное шипение регула.

Тележка двинулась за ним. Затем она описала круг и загородила Ньюну дорогу.

Люк все еще был открыт. Молодой регул тяжело дышал — ноздри его расширялись и сжимались, выдавая крайнюю степень возбуждения.

— Назад,— прошипел он.

Ньюн двинулся в обход тележки. Задев плечом о тупой нос машины, бросился бегом вперед. Ему было страшно и стыдно: мри следят за ним сверху и видят позорное бегство. Ноги, казалось, сделались ватными — ведь он совершил то, чего никто из мри еще не делал. Он ослушался прямого приказа. Но ведь он — посланец Владычицы, ему нельзя задерживаться из-за требований молодого регула. Иначе пришлось бы ждать кого-нибудь из старших, а неповиновение старшему — это открытый мятеж.

Ньюн буквально взлетел по трапу, но мри уже скрылись в шлюзовой камере, не дождавшись его. Ньюн бросился вдогонку. В глаза ударил ослепительный свет. Люк закрылся.

Ньюна встречали десять кел'енов — Мужья, судя по возрасту и гордой осанке. Он вдохнул чистый прохладный воздух, так не похожий на едкий воздух Кесрита. Щелкнул затвор люка, трап пополз вверх. Наступила тишина.

— Кел'ены...— пробормотал Ньюн и умолк, разглядывая незнакомые суровые лица, одеяния, оружие. Затем коснулся рукой лба в знак приветствия. Они ответили тем же.

— Я Ньюн с'Интель Зайн-Абрин,— сказал он на ритуальном языке мри.— Я служу Интели, ши'пан Эдуна Кесритуна.

— Я Сун с'Хара Сун-Лир,— ответил самый старший, судя по густой седой шевелюре, кел'ен. Он был ровесником Эддана и Пасев. Его спутники были моложе.— Как себя чувствует ши'пан? Эдун в безопасности? Придет ли сюда сама ши'пан?

— Возможно, но не раньше, чем я принесу ей ответ вашей Матери.

Он понимал этих кел'енов, любивших и защищавших свою Владычицу. Но их Мать должна будет подчиниться Владычице Интель, и они вместе с ней. Естественно, что они смотрят на посланника с неприязнью.

— Мы тебя проводим к нашей ши'пан,— сказал Сун с'Хара.— Идем.— И заботливо осведомился: — Ты не ранен?

— Нет, кел'ен,— сказал Ньюн и внезапно понял, что ему, посланнику Владычицы, надо действовать подчеркнуто уважительно. А он выдает свою неопытность, незрелость.— На Кесрите у регулов и мри сложные отношения,— добавил он, чтобы скрыть замешательство.

— Нас встретили с оружием,— отозвался Сун,— но обошлось без боя.

Ньюна повели по металлическим отсекам, приспособленным для регулов. Он видел молодых кел'енов и кел'е'ен, закутанных в вуали,— своих ровесников и ровесниц. Сердце забилось сильней, ведь эти мри — бывалые воины, покрывшие себя славой.

Для них он был чужим, а потому старался не смотреть на них, хоть и чувствовал кожей их взгляды. Некоторые по-братски приветствовали незнакомца, идущего в окружении большой толпы. Наконец они оказались в просторной каюте Владычицы.

Она была средних лет. Ньюн приблизился, склонив голову для благословения. Он испытывал смутное беспокойство, и стоило ли этому удивляться? Ведь его приветствовала чужая ши'пан, и жила она не в башне Эдуна, а в металлической коробке, и на ее белой мантии красовалась чужая эмблема.

Этой Матери предстояло умереть самой или убить на поединке Интель. Если она не пожелает сражаться сама, Ньюну придется иметь дело с кел'еном-защитником. Он мысленно взмолился богам, чтобы у этой Владычицы хватило смелости самой вызвать Интель на поединок.

Взор ее был тверд. Со всех сторон лился ослепительный свет сотен ламп. Ньюна окружал холод металла. И множество мри. Эта женщина — их Владычица, их Мать, а он — чужак, пришелец, угроза для ее жизни.

Ньюн знал, что его осматривают с головы до ног, пытаются заглянуть к нему в душу и понять тех, кто его прислал. Рядом с Владычицей стояли сен'ены в золотистых мантиях, кел'ены в черных, а еще в глубине каюты Ньюн увидел шаловливых катов в голубом и без вуалей. Они выглядели испуганными.

А за ними во всех коридорах висели гамаки, похожие на паутину. Кружева прочных белых шнуров свисали с потолков и стен.

«Как много здесь мри,— изумился Ньюн, но вдруг его пронзила страшная мысль: — Это все, что осталось от моего Народа. Больше — никого в целой Вселенной. И все они уместились на этом маленьком корабле. И командует ими эта женщина, их Владычица».

— Посланник, я — Эсайн, Мать Эдуна Элагун. Как поживает Интель?

Голос ее был мягче, чем выражение лица. Сердце юноши оттаяло, будто его коснулся луч солнца. Как приятно, что Владычица говорит с ним ласково и дружелюбно справляется об Интель.

— Ши'пан, Интель чувствует себя хорошо.— Он старался держать ровный тон, но она все поняла, и в ее взоре промелькнул страх. Однако Эсайн обладала сильной волей и сразу взяла себя в руки.

— Что хочет сказать мне Интель? — спросила Эсайн.

— Мать послала меня, чтобы я тебя приветствовал и выслушал, что скажешь ты.

Она еле заметно кивнула и мановением руки подозвала своих приближенных.

Ньюн остался возле нее на коленях. Он аккуратно снял зайдх и опустил на нее ав'кел — меч келов, подарок Сайрэйна. Меч был в ножнах и обращен рукояткой к Владычице — посланник предлагал мир. Руки Ньюн положил на колени. Кел'ены Эсайн сделали то же самое. Рукоятки их мечей повернулись к нему, чужаку, приглашенному на Совет.

— Мы приветствуем Интель,— спокойно сказала Эсайн.— Благодаря ее мудрости «Аханал» служит Народу. Благодаря ее мудрости мы получили корабль и приказ увести его с линии фронта. Не достанься тогда келам эта ответственность, мы были бы вынуждены принять помощь регулов, что было бы бесчестьем. В конце концов мы поняли: это было спасительное решение. Благодаря мудрости Интель мы улетели от землян и сохранили честь. Это правда, что Интель собирается оставить службу?

— Вот ее слова: «Мы служим регулам последние дни». Когда я шел к кораблю, твои сен'ен и кел'ант своими глазами видели, как регулы обращаются с кесритскими мри.

Она взглянула на кел'анта, тот жестом подтвердил.

— Ничего подобного мне еще не случалось видеть,— сказал старик.— Регул напал на этого посланника. Правда, он не взялся за оружие, зато пустил в ход машину. Он вел себя безобразно.

— А Эдун? — Лоб Владычицы пересекла глубокая складка.— Как обстоят дела в Эдуне Народа? Регулы ему не досаждают?

— Пока они нас не трогают.— И тут Ньюн догадался, что интересует ее больше всего и о чем она не решается спросить простого кел'ена. И пришел к ней на помощь.

— Ши'пан, Тайны Народа у нас. А регулам сейчас не до них, здесь только что был ураган, в городе и порту большие разрушения. Скоро прилетят земляне, и регулы боятся задержать их посадку. Мне кажется, молодой регул у трапа корабля не имел четкого приказа, он действовал на свой страх и риск.

— И все же, что будет, если мы покинем корабль? — спросила ши'пан.

— Мы мри,— твердым тоном ответил Ньюн.— Регулы не осмелятся встать у нас на пути.

— Если ты так рассуждаешь, то ответь, почему на тебя напал молодой регул?

— Ши'пан! — Он злился на себя, на свои молодость и неопытность.— Мне кажется, не стоит это считать серьезной угрозой.

Она задумалась, посмотрела на сенов и на остальных, затем тяжело вздохнула и нахмурилась.

— Боюсь, риск слишком велик. Мы подождем, пока Интель изъявит свое решение. Мы прилетели на ее зов. Я сделаю все, что она скажет. Посланник, заверь ее в нашем полном почтении.

Ньюн был подавлен и вместе с тем испытал облегчение. Он низко поклонился. По каюте пробежал шепот. Юноша боялся встретиться глазами с мри, но, подняв голову, увидел, что в их взорах нет упрека.

— Я ей скажу,— молвил он с достоинством, которое впитал с материнским молоком,— что ши'пан Эдуна Элагун — мужественная и благородная женщина, и что она заслуживает всяческого уважения Народа.

— Скажи ей,— мягко проговорила Владычица,— что я и мои дети желаем ей всего наилучшего.

— Я передам,— обещал он.

— Ты не останешься ночевать?

Он и сам об этом думал. Его страшила мысль о ночной дороге в Эдун, о том, что выспаться там не удастся — Интель потребует доклада, а после найдет для него какое-нибудь занятие. Кроме того, он вспомнил о регулах, поджидающих его снаружи, и о непогоде.

Но он сказал:

— Ши'пан, я должен вернуться как можно быстрее, пока регулы не придумали, что делать.

— Хорошо,— кивнула она.— Ты прав, так будет лучше всего. Ступай.

И когда Ньюн, взяв ав-кел и надев зайдх, склонился к ее руке, Владычица положила на его ладонь золотой перстень. Когти тревоги вонзились в сердце юноши — этот дар означал, что он ей чем-то угодил.

Прежде чем встать, он поцеловал ей руку, привязал перстень к поясному ремню и поклонился.

— Благополучного возвращения, кел'ен,— сказала она.

Он хотел пожелать ей долгих лет жизни и не решился, ограничившись лишь пожеланиями благополучия. Она с улыбкой кивнула.

Келы накинули вуали и проводили его в шлюзовую камеру, чтобы выпустить в темноту. По пути он услышал рычание дуса, которого тотчас успокоил один из воинов. В шлюзовой камере они погасили свет, чтобы не превратиться в мишени, когда откроется люк. Было темно, хоть глаз выколи. Затем щелкнул затвор, и в овальный проем затек рассеянный свет прожекторов. Загу-

дел, опускаясь, трап. От едкого воздуха защипало в ноздрях.

Расставались молча. В этот момент любые слова были бы лишними. Теперь все зависело от мужества их Матерей. Владычицам решать, прольется кровь или нет.

Когда на Кесрите останется только одна Владычица, придет время для речей и объятий.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Ньюн ожидал нападения, но, пока он спускался, ничего не произошло. Никто не ждал его внизу. Ньюн побежал; мягкие подошвы сапог позволяли это делать совершенно бесшумно. Пробегая мимо груды металлолома, он увидел кишевших возле ограды регулов с фонарями. Ньюн затаил дыхание и замер. Сообразив, что через проход в ограде ему уже не выйти, он побежал в другую сторону.

Ньюн прожег новое отверстие в изгороди, отшвырнул в сторону проволоку и снова припустил бегом. Легкие уже горели. Где-то завыл дус, перекрывая рев машин. Ньюн добрался наконец до долины; бежать по песку было еще труднее. Внезапно перед ним заскользил по земле луч прожектора. Ньюн набрал побольше воздуха и побежал из последних сил.

Некоторое время спустя он решил передохнуть. Он закашлялся — что ж, таков обычный результат сумасшедшего бега. Ему вдруг пришла в голову мысль, что регулы не собираются ловить его или задерживать, а хотят попросту убить.

Он лежал у края дюны, держался за саднящий бок и силился восстановить дыхание. Вдруг он услышал подозрительный звук. «Дус»,— предположил он, зная, что в долине полно этих зверей и регулы не рискнут преследовать его в столь опасном месте. Дусы из Эдуна не тронули бы

регулов, но как регулу отличить домашнего дуса от дикого?

Наконец силы вернулись, и он вновь пустился в путь. И тут же услышал шаги — как у мри, и такие же быстрые. Кто-то все-таки отважился преследовать его в дюнах. Кто? Один из кел'енов Эсайн? Юноша застыл, когда темный силуэт преградил ему путь, и с уважением посмотрел на бесстрашного кел'ена.

Нет, не кел'ена.

Затаив дыхание, двое смотрели друг на друга. Землянин и мри. Ньюн выхватил пистолет, а землянин обратился в бегство, хотя на такой пересеченной местности это было бесполезно.

Внезапно Ньюн подумал, что мертвый землянин не ответит на его вопросы. Юноша не стал стрелять, он побежал следом и, поравнявшись, замахал рукой: сюда, сюда. Землянин оглянулся; его лицо было перекошено страхом. Сейчас он представлял собой великолепную мишень.

Увидев пистолет, он решил, что лучше попасть к регулам. Он рванул изо всех сил.

Ци'мри. Чужак, которому не место на Кесрите.

Ньюн свернул в ложбину, сунул пистолет в кобуру и побежал за дюну, туда, где его не смогут увидеть регулы. Там он распластался на песке и внимательно огляделся, высматривая засаду. Землянин и в самом деле бежал прямо в руки к регулам. Один из них прятался за гребнем дюны, и человек легко бы ускользнул от него, если бы у него хватило ума обогнуть песчаный холм. Но человек потерял голову от страха, и вот он что есть сил карабкается вверх, а регул, привстав на одно колено, безжалостно стаскивает его с гребня.

Ньюна регул пока не заметил. Мри отполз назад, спустился с гребня, обежал дюну кругом и зашел с тыла. Приблизившись к регулу, он уда-

рил его ногой. Регул повернулся, на его лице явно читалось изумление. И тут он совершил роковую ошибку — направил на кел'ена оружие. В таких ситуациях у кел'ена, всегда готового к бою, инстинкт действует быстрее рассудка. Сверкнув в воздухе, ас'еи вонзились в горло и грудь молодого регула.

Землянин, поднявшийся наконец на гребень, метнулся к оружию регула... Ньюн кинулся на него, и, будь в его руке нож, землянин в тот миг простился бы с жизнью.

Он яростно сопротивлялся, Ньюн испытал на себе его железную хватку. Но землянин очень скоро выдохся. Из носа у него текла кровь, воздух с хрипом вырывался из груди. Ньюн с трудом разорвал захват, а затем его рука нащупала горло землянина и рванула с такой силой, что у того щелкнули зубы.

Но землянин все еще сопротивлялся, и тогда Ньюн двинул его в живот, а удар по голове заставил человека скорчиться от боли и обмякнуть. Но на всякий случай Ньюн ударил еще раз.

Потом Ньюн снял с пояса ремешок, связал потерявшего сознание противника, выдернул из трупа регула ас'еи и вложил в ножны. Надо было торопиться — приближался шум машин. Мри с пленником оставят такие следы, что их заметит даже полуслепой регул.

Землянин начал подавать признаки жизни. Ньюн ткнул его коленом, потом встряхнул, чтобы поскорее привести в чувство. Затем попробовал поставить его на ноги.

— Тихо! — прошипел он.

И чтобы землянин не вздумал кричать, Ньюн припугнул его ас'еем, приблизив острие к самому лицу пленника. Едва держась на ногах, землянин поплелся в ту сторону, куда толкал его Ньюн. Он

заходился кашлем. В рассеянных лучах портовых прожекторов его лицо казалось маской из песка и крови. Ноги то и дело подкашивались.

Они выбрались на край долины, и медлительные зловещие силуэты дусов, которые прятались за дюнами, пропустили их. Ньюн не замечал никаких признаков погони. Регулы, скорее всего, были в панике — ведь кел'ен осмелился пролить кровь своего хозяина.

Ньюн понимал всю чудовищность содеянного им. Он знал регулов, знал, что теперь они ничего не предпримут, пока не посоветуются со старшими. О будущем Ньюн пока не думал. Еще ни один мри не поднимал руку на своего повелителя. Еще ни один регул не имел дела с мри, убившим его собрата.

Ньюн схватил землянина за локоть, заставляя его идти быстрее; тот часто оступался, а один раз под ним треснула корка грунта, и он провалился в кипящую воду. Теперь они шли по краю долины, где не могли появиться ни регулы, ни их машины. Облака пара гейзеров спрятали их. Землянин задыхался в ядовитых испарениях и кашлял кровью. Ньюн подумал, что у него, наверное, поражены легкие.

Он нашел укромное место и повалил землянина на землю, давая ему возможность перевести дух. Но и сам он был рад возможности отдохнуть.

Некоторое время пленник неподвижно лежал лицом вниз. Тело его содрогалось от безуспешных попыток сдержать кашель, сопряженный с жуткой болью, затем спазмы унялись, и он, еле дыша, перевернулся набок и посмотрел на Ньюна.

Не вооружен, отметил Ньюн. Странно, очень странно. Наверное, землянин просто потерял оружие. Тот по-прежнему смотрел на юного мри. Из глаз, покрасневших от песка, текли слезы; в зрач-

ках застыло страдание. Как же он, совершенно безоружный, осмелился выйти в ядовитую атмосферу Кесрита? Ведь так и без легких недолго остаться. К тому же ему пришлось бегать.

И почему он бежал от регулов, с которыми у землян мирный договор?

— Я Стен Данкан,— наконец прошептал землянин на своем языке.— Помощник представителя землян на Кесрите. Кел'ен, мы здесь находимся в соответствии с договором.

Ньюн обдумал эти добровольно выданные сведения. «Представитель землян... Представитель землян...» Эти слова крутились у него в голове, напоминая о подлом предательстве.

— Я кел Ньюн,— сказал он только потому, что землянин назвал свое имя.

— Ты из Эдуна?

Ньюн не ответил. В этом не было необходимости.

— Ты меня ведешь в Эдун? Да? — Землянин, вновь не получив ответа на свой вопрос, встревожился.— Я сам пойду. Не нужно применять силу.

Ньюн обдумал эти слова. Земляне умеют лгать. Он об этом знал. Но ему не хватало опыта, чтобы судить, лжет этот землянин или говорит правду.

— Я тебя не развяжу,— сказал он.

Ньюну стало не по себе, ведь он был вынужден унизить земного кел'ена. Не в обычае землян носить вуали, но в том, что перед ним кел'ен, юноша почти не сомневался, ведь он на себе испытал силу его рук.

— Мы идем в Эдун,— сообщил он Данкану.

Он встал, поднял землянина на ноги — правда, не слишком бережно, ведь это не один из его братьев. Ньюн поддерживал его, пока не убедился, что пленник относительно твердо держится на ногах. Землянин то и дело спотыкался, не заме-

чая препятствий на земле. И вдобавок у него плохой слух! Ньюн слышал, как в порту взлетел самолет и повернул в их сторону, а землянин не замечал его до тех пор, пока он не оказался у него над головой. Ньюн, не раздумывая, схватил Данкана и толкнул прямо к Джику, с клекотом извергающему пар в ночную тьму. Их легкие едва не растрескались от запаха серы, когда они спрятались за глиняным гребнем.

Ревели моторы, мощные прожектора выхватывали из темноты облака пара, регулы безуспешно высматривали живых существ. Здесь, над долиной гейзеров, не было проку от датчиков теплового излучения. Против кипящей воды и облаков пара хваленая наука регулов оказалась бессильна.

— Кел'ен, кого они ищут? — спросил Данкан.— Тебя или меня?

— Как ты поссорился с регулами? — Ньюн решил, что выгодней получать информацию, чем отдавать.

А лучи прожекторов все шарили по долине, пронизывая клубы пара.

— Ты пленный?

— Помощник представителя землян, мы прилетели, чтобы...

В их лица ударил ослепительный свет. Но едва луч задержался, земля вздрогнула, и рядом с ними взметнулась к небу струя раскаленного пара. Жар был почти невыносим.

— Ци'мри! — выругался сквозь зубы Ньюн, забыв, кто прячется рядом с ним. Как только извержение прекратилось, он почувствовал, что тело землянина сотрясают судороги; похоже, он совсем скис.

— ...Чтобы проследить за соблюдением договора при передаче Кесрита,— продолжал землянин срывающимся голосом.— Но я сомневаюсь, что...

Рядом с ними ударил фонтан, обдав их горячими брызгами. Землянин вскрикнул.

— Сколько вас здесь? — спросил Ньюн.

— Двое. Я и представитель. Мы прилетели на «Хазане».

Ньюн схватил Данкана за ворот, повернул лицом к свету прожекторов. Но так и не смог определить, правду ли сказал землянин. Пленник был молод. Они прятались от одного врага — и кел'ен мри, и кел'ен землян. Ньюну очень не хотелось называть чужака этим гордым словом, но другого он подобрать не смог.

— На «Хазане» служил кел'ен, он умер уже здесь,— сказал Ньюн.

Впервые тень сомнения скользнула по лицу землянина. Он задержался с ответом.

— Я видел его. Один раз. Я не знал, что он умер.

Ньюн отпустил его. Ци'мри, напомнил он себе. Враг. Правда, сейчас не такой опасный, как регулы.

«Я видел его. Один раз. Я не знал, что он умер».

Он отвернулся и окинул невидящим взором долину, облака пара, мечущиеся огни прожекторов.

«Прости нас, Медай,— подумал он.— Наши чувства слишком грубы, и мы слишком привыкли служить регулам, иначе бы мы поняли, что ты хотел нам сказать».

Он с ненавистью посмотрел в не прикрытое вуалью лицо землянина. Может, он убивал кел'енов Народа. «Животное,— мысленно произнес он.— Ци`мри, животное. Договор между регулами и мри был разорван в тот самый момент, когда нога землянина ступила на Кесрит. И случилось это уже давно, много дней назад. С тех пор мри свободны, но до сих пор не знают об этом».

— Война закончена,— прохрипел Данкан.

У Ньюна сам по себе сложился кулак. Но ударить Данкана было бы бесчестно.

— Почему за нами охотятся регулы? — спросил кел'ен Данкана. Только что подобный вопрос Ньюну задавал пленник.— Землянин, ты понимаешь, что совершил большую ошибку, покинув «Хазан»?

— Я иду с тобой.— Впервые землянин проявил гордость и чувство собственного достоинства. Я иду с тобой, чтобы поговорить с твоими старшими и доказать, что мне лучше вернуться к своему народу.

— А! — сказал Ньюн с презрением.— Но мы не регулы. У мри нет ничего общего с вашим договором.

Землянин не дрогнул, будто вовсе не заметил откровенной угрозы.

— Я знаю.— Через мгновение он добавил спокойным, уверенным тоном: — Я оставил представителя, старика, в городе. Он один среди регулов в такое время. Я должен вернуться.

Верность старшим. Ньюну это было близко; он и сам был предан сен'анту Эддану. Он даже проникся уважением к землянину; забота о старике тронула его сердце.

— Я доставлю тебя в Эдун живым,— пообещал он, а затем добавил угрюмо: — У нас нет обычая держать пленников.

— Я знаю,— сказал Данкан.

Выходит, они поняли друг друга. Ньюн обвел взором раскинувшуюся перед ним долину. Отметил новые препятствия, появившиеся на изменчивой почве. Поискал убежища, которые могут пригодиться, если снова вернутся регулы.

Это хорошо, что они с землянином поняли друг друга, что Данкан согласен идти без сопротивления. Сейчас необходима взаимовыручка. Надо идти сейчас же, бессмысленно ждать до утра —

регулы взяли под наблюдение все дороги, и при свете дня беглецам от них не скрыться.

В душе Ньюна шевельнулось сомнение. Проще всего было бы прикончить землянина и бежать в Эдун со всех ног.

Он обругал себя за мягкотелость, из-за которой оказался перед выбором: либо хладнокровное убийство, либо трудный и опасный поход с не приспособленным к Кесриту землянином. И схватил Данкана за руку.

— Слушай меня внимательно. Если не будешь успевать за мной, я не ручаюсь за твою жизнь. Мне придется тебя убить. И регулы могут тебя убить, они не хотят, чтобы ты вернулся к представителю.

С этими словами он выскользнул из укрытия, увлекая за собой Данкана. Тот не сопротивлялся.

Самолеты регулов вернулись, и не успели беглецы сделать несколько шагов, как пришлось снова искать убежище.

Долина непрестанно бурлила. Человека и мри то и дело обдавало кипящей водой и грязью.

В Эдуне, наверное, встревожены, подумал Ньюн. Наверняка они что-нибудь предприняли. Возможно, и сен'ант Данкана не сидит, сложа руки. И неизвестно, что происходит на «Аханале», который не подчиняется Интели.

Ньюн понимал отчаяние беспомощного землянина. Среди тех, от кого на Кесрите хоть что-то зависело, он был самой незначительной фигурой. Как и Ньюн. И регулы, которые обычно не убивали, сейчас пошли на это. Гнев, или страх, или что-то иное заставило их перейти границу между врожденной трусостью и необходимостью защищать свои интересы.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

За окнами стреляли. Землянин не мог ошибиться — большая часть его жизни прошла на войне. Ставрос развернул тележку, чтобы посмотреть в окно, и увидел кружащие в небе огни самолетов.

Пальцы легли на клавиатуру пульта. Управление было очень простым — набор кодов, заложенных в память встроенного компьютера. Каждому коду соответствовала одна из функций тележки. Регулы, которые приспосабливали пульт для нужд Ставроса, не скрывали своего презрения к существу с такой маловместительной памятью.

Ставрос не был типичным представителем человеческой расы. Он не был типичным, когда родился и рос на Килуве, когда служил в Ксенологическом Бюро, когда руководил администрацией Халлея во время первого контакта. Языки давались ему легко, как и чужие обычаи, и он не стеснялся своей провинциальной недальновидности, одинаково присущей и землянам, и всем остальным.

Ни земляне, ни регулы не замечали его отличия от подлинных землян, хотя он был истинным сыном Килувы — далекой колонии, населенной традиционалистами, которые фанатично верили в бога, письменность считали грехом, а образование — бесовским соблазном. Он родился на Килуве за сотню лет до того, как планета погибла в войне с мри. Немало килуван-

цев пошли служить землянам, и за сорок лет многие из них умерли или пали в боях. Ставрос остался жив. И именно то обстоятельство, что он родом с Килувы, подтолкнуло его к изучению расы, которая приказала уничтожить его планету. Да, это сделали регулы руками мри. И он стал изучать регулов, чья социальная модель была в точности такой, к какой стремилось килуванское общество.

Но регулы уничтожили планету вместе со всем населением, со всем, что было создано за историю колонии. Один из университетских преподавателей называл это «цикличностью справедливости»: подобное уничтожает подобное. И теперь уроженец Килувы прилетел на Кесрит, чтобы сменить регулов,— цикл повторился, снова встретились две схожие расы. Он изучал регулов, чтобы найти выход из тупика; он искал причину их жестокости, амбиций, слепого преклонения перед логикой и памятью. И постепенно его страх перед регулами сменился пониманием и даже чувством собственного превосходства. Более того, он почти перестал жалеть Килуву, видя перед собой ее воплощенную мечту; как и следовало ожидать, она обернулась подлинным кошмаром. Кое-что долго оставалось для него загадкой, некоторые пороки и добродетели регулов коренились в их уникальном естестве. Но он проявил упорство и заглянул-таки в корень, и понял наконец, чем обусловлены ограничение рождаемости и срока жизни большинства регулов, достойное улья разделение старых производителей и молодых бесполых особей, принадлежность к разным кланам, в некотором роде заменяющим нации. Он научился с подозрением относиться к договорам с регулами, ибо клан, который их не подписывал, не всегда видел смысл в их соблюдении.

Земляне заключили договор с Хольнами, а Хольнов внезапно сменили Алани. Правда, Алани подтвердили, что договор остается в силе.

Теперь пришло время узнать, соответствует ли это действительности. Много часов — весь день и вечер — Ставрос отсиживался в кабинете, прикрывая всяческими выдумками отсутствие Данкана. Время шло, и Ставрос все более убеждался, что Данкан обнаружил что-то важное, иначе бы помощник уже вернулся. Но когда пришла ночь, а Данкан так и не возвратился, Ставрос встревожился не на шутку.

Обманывать регулов уже невозможно. Не исключено, что они пристрелили офицера планетарной разведки и не сочли нужным сообщить об этом Ставросу в утренней сводке новостей. Но ведь ни один земной корабль не сядет на Кесрит без разрешения Ставроса. А если Ставрос не даст разрешения, это будет означать, что Кесрит — по-прежнему очаг сопротивления регулов.

Регулы не могут этого не понимать.

Ставрос сидел и прислушивался к стрельбе. Пока она не утихнет, Данкан, скорее всего, будет жить.

Ставрос был не только ученым, но и политиком. Он управлял новыми колониями, основывал университеты, разрабатывал стратегии войн и мира. Он был дипломатом и полководцем, от отправлял тысячи таких, как Данкан, на сотнях кораблей в самые горячие точки Вселенной, и люди гибли, добывая Земле славу и новые колонии.

Но сейчас он слышал треск очередей, и правая рука конвульсивно сжималась в кулак, а левая по-прежнему не слушалась. Паралич приковал его к креслу. Оставалось только набраться терпения и ждать.

В порту — новое ЧП. Перехватив несколько радиодонесений регулов, он понял, что совершил по-

садку какой-то корабль, судя по всему, не дружественный нынешней администрации колонии.

Это или земляне, или регулы из соперничающего клана, или мри. Потому-то, наверное, и задержался Данкан. Не ввязывайся в столкновения, напутствовал Ставрос помощника, прекрасно зная, что один в поле не воин. Ставрос почти физически ощущал, как сгущаются тучи над его головой.

Видимо, Данкан попал в беду. Регулы совершили что-то недозволенное. Интересы землян в опасности. И Ставрос не сможет сообщить землянам, когда те прибудут, ничего конкретного.

Ставрос никогда не поступал опрометчиво, но если требовали обстоятельства, он умел действовать быстро и решительно. Он пришел к выводу, что пора переходить к активным действиям и не рассчитывать на регулов. Настало время узнать правду.

Он пробежал пальцами по клавиатуре, развернул тележку и отворил дверь. Проехав через комнату Данкана в коридор, повернул направо.

Молодой регул увидел его и прошипел, что выезжать не положено. Ставрос не удостоил его даже взглядом. Ловко управляя тележкой, он ехал по коридору в ту часть здания, где окна выходили в порт.

Там он остановился, убрал штормовые экраны. В окна хлынул свет.

Действительно, чужой корабль.

Вдали клубился пар, подсвеченный прожекторами и барражирующими на низкой высоте самолетами.

«Данкан»,— подумал Ставрос с облегчением.

Пыхтя, к нему приблизился молодой регул.

— Старший землянин,— проговорил он,— мы очень сожалеем, но...

«Бай Хулаг. Где?» — напечатал Ставрос.

Молодой регул почтительно отступил.

«Юноша, найди мне бая».

Тот припустил по коридору со всей прытью, на которую только способен регул.

Ставрос снова развернул тележку и поехал по коридору, затем по пандусу вниз, на первый этаж, куда его и Данкана обычно не пускали. Там он переключился на ручное управление и двинул через испуганную толпу молодых регулов.

«Мри,— слышал он.— Корабль мри! Осторожно...»

Они уступали ему дорогу, вернее, не ему, а тележке, символу старшинства,— пока один из них не заметил, что в тележке сидит землянин.

— Вернись! — закричал регул.— Старший, вернись!

«Бай Хулаг. Быстро!» — потребовал он, притормозив.

Регулы не знали, как быть, применять силу они боялись. Пока они перешептывались, Ставрос медленно пробрался между ними и стал ездить взад-вперед по первому этажу, будто бы без всякой цели. При этом он замечал расположение дверей и прикидывал, где пройдет его тележка.

На экране появились позывные Хулага, затем его изображение.

— Уважаемый старший землянин,— сказал Хулаг,— пожалуйста, вернись в свои апартаменты.

«Мне кажется, там небезопасно,— торопливо напечатал Ставрос.— Где мой помощник?»

— Он не слушал наших советов и в результате попал в опасную ситуацию.— Хулаг говорил с такой явной тревогой, что у Ставроса появилась надежда.— Я с сожалением должен признать, что в нашем порту совершил посадку корабль мри. Эти мри вне закона и могут доставить много неприятностей. Твой помощник, несмотря на все наши

предупреждения, тайно выбрался из Нома и оказался в самой гуще событий. Пожалуйста, вернись к себе, и тогда нам будет проще выполнять свои задачи.

«Я отказываюсь.— Ставрос открыл защитный экран на окне.— Я буду наблюдать отсюда».

У Хулага расширились и сжались ноздри.

— Ты отказываешься сотрудничать с нами. Это прискорбно, но пока здесь правим мы. И будем править до прибытия землян. А ты, согласно нашему договору, всего лишь наблюдатель.

«Следовательно, мое дело — наблюдать».

Опять вспышка гнева.

— Поступай, как знаешь. Если мы найдем твоего помощника, я передам, что он тебе нужен и что ты требуешь немедленно вернуться.

«Буду очень признателен.— У Ставроса чуть отлегло от сердца.— Когда прилетят земляне, я их поставлю в известность, что ты не виноват в задержке эвакуации регулов. Но лишь при двух условиях. Во-первых, мы с помощником должны быть в безопасности. Во-вторых, все повреждения в городе, порту и на опреснительной станции должны быть ликвидированы. Если эти условия не будут выполнены, я пересмотрю свое мнение о твоем сотрудничестве».

Наступила тишина. На лице бая, пока он читал ультиматум, не дрогнул ни один мускул. Ставрос ожидал ярости и угроз, но лишь легкий трепет ноздрей выдавал чувства бая.

— Если таковы требования представителя землян, то мы сделаем все от нас зависящее, чтобы оборудование перешло к вам в исправном состоянии и твой помощник остался жив. Но я обязан предупредить представителя, что в порту ведутся работы, связанные с риском для этого крыла Нома и всех, кто в нем находится, и настоятельно порекомендовать, чтобы представитель вел наблюдение с помощью

телекамер, а не через окна. Прошу как следует подумать над этим.

«Я понял, бай. Пока я удовлетворен твоим ответом».

Конечно, Ставросу очень не хотелось покидать наблюдательный пост у окон, ведь на экране он увидит лишь то, что сочтут нужным показать ему регулы. Однако он понимал, что регул не преувеличивает опасность. Стекла дрожали от дальних разрывов, от непрестанного рева кружащих на малой высоте самолетов.

Остается лишь выяснить, чем вызваны стрельба и бомбежка. «Регулы не умеют лгать,— напомнил он себе, задвигая штормовые экраны.— Значит, корабль мри действительно совершил посадку, а Стен Данкан где-то в долине. Регулы не умеют лгать, но когда имеешь с ними дело, ни в чем нельзя быть уверенным до конца».

Пол вдруг заходил ходуном, в глубине здания взвыли сирены.

Ставрос поехал по коридору, свернул в вестибюль и наткнулся на группу встревоженных молодых регулов. Они отчаянно замахали руками, закричали ему, перебивая друг друга:

— Прячься, старший, прячься!

Они указывали на соседний коридор, из которого вниз уходила лестница. Ставрос подумал и решил, что сейчас самое разумное — внять их совету.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Ноги у Данкана подкосились, и не повисни он на Ньюне — повалился бы, как куль с мукой. Ньюн обхватил его руками и потащил вниз по склону, к небольшой пещере рядом с кипящим озерцом. Затолкав землянина в пещеру, Ньюн и сам проскользнул следом.

И вовремя. Возле них полыхнул огонь и грянул взрыв; огромный валун разлетелся вдребезги. Ньюн выстрелил, не целясь. Прожектора знай себе обшаривали долину, в их рассеянном свете Ньюн увидел лицо Данкана: выпученные, налитые кровью глаза без защитных перепонок, верхняя губа превратилась в кровавую рану, кровь течет непрерывно. Это уже совсем плохо. Землянин зашелся в мучительном, терзающем грудь кашле. Ньюн заворочался в тесном убежище, противно было притрагиваться к потному и окровавленному ци'мри. Они лежали в крошечной нише — скорее всего, она станет их братской могилой. Кости мри и землянина перемешаются — чем не загадка для будущих хозяев Кесрита?

Это был кошмар наяву. Разум отказывался воспринимать неутихающий обстрел. Ньюн предположил, что регулы наслаждаются своей жестокостью и безнаказанностью. Беглецов уже тысячу раз могли бы убить, если бы регулы хоть немного знали местность. Но долина была для них такой же чужой, как дно океана, поэтому они вслепую пере-

пахивали дышащую паром землю. Вся долина была в белых и красных вспышках; повсюду поднимались столбы белого и желтого пара, клубы пыли и дыма. Это походило на ад, каким его описывают земляне, или Мрак, каким его представляют мри.

Вода бурлила, урчала, вздувалась пузырями.

Ньюн прикрыл глаза зайдхом, затащил землянина поглубже в пещеру и загородил своим телом. «Ирония судьбы,— подумал он.— Как только появится возможность, надо будет поменяться местами».

Земля содрогалась от взрывов, грохот проникал всюду, оглушал, сводил с ума. В мозгу уже не осталось ничего, кроме страха.

За скалами родился ослепительный белый свет. Он разросся, поглотил горы, поглотил весь мир; и давление на барабанные перепонки, на глазные яблоки стало невыносимым, и оно все росло. Ньюн понял, что это конец. Стены пещеры шевелились; камень крошился. Ньюн хотел выползти на открытое пространство, пока их не засыпало, но не смог даже пошевелиться. На него обрушилась неимоверная тяжесть, и все вокруг стало красным.

...Ветер, очень сильный ветер, прогоняющий туман и дым. От этого ветра все закружилось в бешеном водовороте. Ньюн шевельнулся и понял, что может двигаться. Значит, он жив.

Свет затопил все кругом — мрачный, зловещий красный свет.

Свет шел сзади. Ньюн собрался с силами, повернулся и увидел порт.

Вернее, огненный столб на его месте.

Он встал. Ноги подкашивались, он едва удержался от крика, так мучительна была боль. Он закрыл глаза, потом открыл, тщась хоть что-нибудь разглядеть в пламени. Смотрел до тех пор, пока не брызнули слезы. Но так и не увидел ко-

раблей: ни «Аханала», ни «Хазана». В городе тоже бушевало пламя, клубились огромные тучи дыма. Пока Ньюн смотрел, на горизонте появился самолет, сделал круг над морем и вернулся обратно. Габаритные огни лениво мигали.

Ньюн пристально следил за ним.

Над городом самолет развернулся, то и дело исчезая в дыму, и полетел в сторону гор.

К Эдуну. Ньюну хотелось отвернуться. Он догадывался, чем это кончится. Но не мог не смотреть. В горле застрял ком, тело словно окаменело. Каждый фибр его души дрожал от ужаса и бессилия. Первая башня Эдуна — башня келов, объятая пламенем, медленно рушилась, разваливалась на куски. Донесся грохот, умопомрачительный грохот,— а потом налетел жаркий ветер. Башни обрушились одна за другой, а затем и сам Эдун превратился в руины. А самолет набрал высоту, сделал круг над дымом и пылью, и полетел обратно, безмятежно мигая огнями. Ладонь сама легла на рукоять пистолета, юноша вскинул его и в отчаянии выпустил почти всю обойму в эти удаляющиеся огни — единственные огни в небе.

Огни расплывались — должно быть, из-за слез. Он вытер слезы и выпустил последний заряд. Огни помигали еще несколько секунд, а затем в небе вспыхнуло пламя, и обломки самолета брызнули в разные стороны. Удачный выстрел. Или благодарить надо вихри, бушующие над портом?

Слишком поздно.

Он повернулся к Эдуну, от которого не осталось ничего, даже пламени. Спазмы стиснули желудок, ноги обмякли, он едва не упал. Как ему хотелось в те мгновения потерять сознание, ничего не видеть и не слышать, даже умереть,— только бы не стоять в полном отчаянии.

Погибли. Все погибли.

Он стоял, не ведая, что делать: идти на развалины порта или туда, куда шел, а может, лучше остаться здесь и дожидаться утра, когда явятся регулы, чтобы завершить начатое?

Ньюн обнаружил, что, несмотря на все эти ужасы, еще не утратил способности чувствовать. Ветер стонал в ночи, налетал порывами. А больше ничто не нарушало тишину, царившую повсюду.

Народа больше нет.

Он уцелел. Тот, кто выжил, должен исполнить свой долг перед павшими. Свершить ритуалы. Сказать каждому последнее «прости». Как поступил бы на его месте пылкий Медай? Застрелился бы?

Ньюн убрал пистолет в кобуру и спрятал посиневшие от холода кисти рук под мышки. Он должен жить.

Рука Народа, кел'ен. Сначала он обязан похоронить своих родственников, если, конечно, регулы не похоронили их под обломками Эдуна. А потом — война... Война, которой регулы не ждут.

Он оглянулся на нишу в скале, увидел своего пленника — землянина и встретился с ним взглядом. Этот землянин тоже ждет смерти, он тоже знает, что такое одиночество.

Можно убить его, и тогда Ньюн останется один, совсем один в звенящей тишине. Крошечное возмездие за ад, который обрушился на Кесрит с небес, который уничтожил его мир.

— Вставай,— спокойно сказал Ньюн.

И Данкан с трудом поднялся на ноги. Он стоял, держась за камень, и не сводил глаз с Ньюна.

— Мы пойдем в горы,— проговорил Ньюн.— К Дому моего Народа. Я думаю, что самолетов больше не будет.

Данкан спокойно повернулся в ту сторону, куда им предстояло идти.

Вокруг них все изменилось. Долина, где веками обитали дусы, исчезла. Земля была изрыта воронками, в них бурлила кипящая вода. Данкан шел впереди, полуослепший, со связанными руками. Он оступался, изредка падал, но ни слова не слетало с его окровавленных губ, только сдавленные стоны. Ньюн помогал землянину встать на ноги и поддерживал, пока тот пытался отдышаться.

Потом он взял Данкана за руку и повел. Он знал этот путь и оберегал пленника от падений.

Появился свет, красный свет Арайна, зловещий и мрачный. Ньюн оглянулся назад, на порт, и впервые увидел при свете то, о чем лишь подозревал: они не спаслись.

Ни «Аханал», ни «Хазан».

А когда он посмотрел на горы, где прежде был Эдун, то не увидел ничего, кроме песка и камней — словно и не было там никогда Дома кесритских мри.

Затем он взглянул при свете дня на своего пленника, еле передвигающее ноги измученное существо с лицом и грудью, перепачканными в крови. Теперь она текла и из носа. Ньюн не знал, в чем тут дело — в ране или ядовитом воздухе Кесрита. Глаза превратились в щелочки, из них текли слезы. Ньюн не понимал, почему землянин, несмотря на ужасные мучения, шагает вперед, где его ничто не ждет. Легче было бы умереть здесь, в долине, как умирали в сорокалетней жестокой войне тысячи мри и землян.

Но этот землянин жил и не собирался умирать независимо от того, что думал по этому поводу Ньюн.

Ньюн никогда не подозревал, что сильное потрясение способно его обезоружить. Никогда не подозревал, что в критический момент его может парализовать. И тем не менее холод, охвативший Ньюна, когда погиб его Народ, все еще сковывал разум и

сердце; казалось, этот холод никогда не отпустит его, даже если Ньюн отомстит, перебив всех уцелевших регулов и оставив землянам голую, безжизненную планету.

В тот момент обе жизни — и землянина, и мри — не стоили ничего.

Ньюн толкал пленника вперед, не испытывая ни ненависти, ни жалости. Что ему этот землянин, когда впереди лежат развалины Эдуна? Он подумал, что Данкан, возможно, тоже сокрушается оттого, что ему не удалось выполнить свой долг, тоже переживает свое поражение, провал своей миссии.

Но у Данкана еще остались планеты, где живут его родственники, друзья, раса. И за это Ньюн его возненавидел. Он решил, что не позволит Данкану вернуться к землянам. Пока жив Ньюн, будет жить и Данкан. Пока Ньюн видит ужасы, что творятся на Кесрите, их будет видеть и человек.

* * *

К Эдуну пришли уже днем. Небо было пустынным, самолеты их не тревожили. Может быть, в городе еще остался кто-то живой? Этого они не знали. Когда Ньюн думал об этом, его подмывало спуститься с гор и методично, безжалостно истребить регулов, которые не умеют воевать и которые уничтожили его Народ. Ньюн смотрел на груду камней — останки родного Эдуна,— и ему хотелось плакать. Данкан, которого больше не заставляли идти, упал на колени и привалился плечом к камню. Ньюн услышал хриплый кашель и легонько толкнул пленника, заставляя лечь на землю, а когда приступ миновал, кел'ен наклонился и поднял Данкана.

Здесь, на обломках Эдуна, можно было хоть что-то сделать. Ньюн не хотел, чтобы ци'мри прикасался к этим священным развалинам, но у

него не было выбора — в одиночку он бы не справился. Он вынул ав'тлен и осторожно разрезал узлы, размотал бечевку, которая впилась в распухшие руки землянина, и снова прикрепил ее к поясному ремню.

Данкан, разминая руки, посмотрел на Эдун, а затем вопросительно — на Ньюна. Тот кивнул, и Данкан все понял. Они стали осторожно пробираться между обломками стен. Здесь упали обыкновенные бомбы, так что бояться радиации не следовало. А на город, скорее всего, обрушились ядерные фугасы, и теперь он непригоден для жизни. Ньюн заглянул под большую плиту и увидел кела. Сдвинуть ее не было никакой возможности, поэтому юноша стал собирать и укладывать большие камни, сооружая гробницу. Догадавшись, что он затеял, Данкан тоже стал подтаскивать камни подходящего размера и формы.

Ньюна это возмутило, но он нуждался в помощи землянина и принял ее, хоть и не позволил притрагиваться к могиле. И когда Данкан сильно ударился головой о камень, Ньюн даже не обернулся на болезненный возглас, лишь криво ухмыльнулся.

Они завалили труп камнями и стали пробираться в глубь развалин. Обломки угрожающе шевелились над головами, а Святилище Эдуна, куда стремился Ньюн, находилось в самых недрах. Если удастся, он отыщет все реликвии Народа и отнесет их к Святыням Сил'атена, где похоронены все его родичи. Но может быть, он переоценивает любопытство землян? Может быть, они не осквернят руины Эдуна своими машинами и не извлекут останки последних мри во Вселенной?

Ньюн освобождал проход, и чем глубже он проникал в развалины Эдуна, тем страшнее было его отчаяние. Все остальные чувства покинули

его. Дрожа от изнеможения, он споткнулся и, чтобы не упасть, схватился за ненадежный камень. Тот упал и вызвал целую лавину, которая обрушилась на мри и человека. Последнее, что увидел Ньюн,— лицо Данкана, ужас, застывший в его глазах. А затем на них низверглись земля, мелкие камни, пыль. Это продолжалось довольно долго, но постепенно камнепад унялся и наступила тишина.

Где-то упал обломок, затем другой, и снова все стихло. А вскоре тишину нарушил далекий слабый голос.

Крик! Услышав его, Данкан встревоженно оглянулся. Ньюн тоже услышал крик, но принял его за обман слуха. А затем крик повторился — он звучал в подвале.

Ньюн повернулся и осторожно двинулся на голос. Он знал, что его жизнь нужна тому, кто зовет на помощь из мрака.

— Мелейн! — крикнул он и прислушался. И снова донесся тот же слабый голос.

Он добрался до места, где голос звучал громче. Здесь обрушилась стена, превратясь в груду камней, и стальная дверь, сделанная регулами, мешала разобрать завал. Огромную, тяжеленную, ее было никак не сдвинуть, ведь у них не было инструментов и машин. Ньюн ухватился за металлическую плиту, налег изо всех сил, Данкан поспешил на подмогу, но все было тщетно. Обессилев, они опустились на камни, тяжело дыша и кашляя. У Данкана снова пошла носом кровь, он ее вытер рукавом. Руки у него тряслись.

— Туда поступает воздух? — спросил Данкан.

Мысль о том, что в подвале нет вентиляции, привела Ньюна в ужас.

— Мелейн! — крикнул он.— Мелейн, ты слышишь меня?

Он услышал голос — женский голос, молодой, высокий и чистый. Да, это Мелейн. Она внизу, точно под ними. Ньюн очертил круг, затем выбрал из груды обломков арматурный прут и принялся долбить пол. Отбитый щебень он выбирал пальцами. Данкан понял его замысел и стал помогать. Пол был толщиной в локоть, но углубление в нем все росло; спасатели изредка останавливались, чтобы отдышаться и подождать, пока уляжется пыль. Было жарко — солнце поднялось уже высоко. Только удары стали о твердую, как бетон, землю пронзали полуденную тишь. Мелейн давно перестала кричать. Ньюна мучил страх. Он знал, как тесно в подвале, как мало там воздуха. Он боялся, что от их ударов стены подвала могут обрушиться и задавить Мелейн насмерть.

Наконец они пробили пол. Ветер устремился в черную дыру, вытесняя холодный, спертый воздух подземелья.

— Мелейн! — крикнул Ньюн, но ответа не было.

Он удвоил темп, расширяя отверстие, чтобы в подвал проникало больше воздуха, больше солнечного света. Данкан не отставал, в исступлении орудуя прутом. Время от времени они звали Мелейн, но она молчала.

Наконец отверстие стало достаточно большим, чтобы можно было пролезть. Ньюн подумал, что лезть надо ему, и тогда землянина придется оставить наверху. У него даже мелькнула отчаянная мысль убить его, но как тогда вылезти без помощи сверху? Ведь ему придется поднимать Мелейн, а под руками нет веревок, способных выдержать их вес.

— Я спущусь.— Данкан достал из кармана моток веревки и фонарик. Он так легко расстался с этими драгоценными вещами, что Ньюн на мгновение растерялся.

— Там глубина — мой рост и еще половина.— Ньюн дрожал, сознавая, что Мелейн совсем рядом. Он ни словом не обмолвился о каре, которой не избежать Данкану, если он не будет осторожен и причинит Мелейн вред, или если не доставит ее живой. В этом не было необходимости. Усевшись на полу, Ньюн смотрел, как Данкан протискивается в отверстие; землянин был намного ниже и шире в плечах, чем мри. Потом раздался глухой удар — это Данкан упал на пол.

Ньюн слушал, как Данкан возится внизу, обыскивая подвал, как отодвигает камни. Мри склонился над отверстием, но никого не увидел — только обломки под лучом фонарика.

— Я нашел ее,— послышался из тьмы голос Данкана.— Она жива.

Ньюн дал волю слезам, ведь его никто не видел. Почти сразу он успокоился и сел, зажав руки коленями. Он боялся, что землянин возьмет ее в заложники. Что захочет отомстить Ньюну. Он может даже потребовать у кел'ена клятву, что тот отпустит Данкана. Ньюн так устал, что не успел обдумать все последствия своего решения, да и времени на это не было, ведь Мелейн грозила смертельная опасность. Зато теперь было время подумать и ужаснуться. Он порывисто наклонился к отверстию.

— Мри! Ньюн! — Данкан стоял внизу, держа на руках что-то светлое. Ньюн разглядел свисающие полы мантии.— Бросай веревку. Я постараюсь ее обвязать.

Ньюн не шевельнулся — его вдруг покинули все силы. Мелейн застонала, глаза ее открылись, но на фоне яркого света Ньюн показался ей темным пятном.

— Мелейн,— позвал он.— Мелейн, мы тебя вытащим. Это землянин, Мелейн. Не бойся его.

Услышав слова келена, она стала вырываться, и тогда Данкан поставил ее на ноги. Ньюн смотрел на ее лицо, белеющее в полутьме; на нем появилась гримаса ужаса.

Но она стерпела, когда Данкан взял ее за талию и рывком поднял к отверстию. Это был самый лучший, наименее болезненный для девушки выбор. Но Мелейн настолько ослабла, что даже не могла поднять руки к отверстию.

— Подожди! — Ньюн размотал веревку, сделал петлю, спустил вниз и, поймав руки Мелейн, стал осторожно поднимать.

Данкан помогал в меру сил, но вскоре Ньюну пришлось вытаскивать девушку одному. Он действовал очень осторожно, чтобы она не поранилась об острые края отверстия, и не обращая внимания на жгучую боль в руках и ногах. Наконец она оказалась на полу и в изнеможении повалилась прямо в освещенную солнцем пыль. Она не пыталась подняться. Это ее Ньюн, и ей теперь бояться нечего. Он обнял ее, как в детстве, ладонью вытер слезы и грязь с ее лица. Она жадно глотала воздух.

— Корабль взорван.— Он решил выложить все сразу.— Все наши мертвы, если конечно, здесь кто-нибудь не уцелел.

— Нет. Никто. Они не успели спуститься в подвал. Они были слишком стары. Остались с ши'пан. А потом...

Она задрожала, словно вдруг повеяло холодом. Но когда-то она была келом, а потому не разрыдалась.

— Никто не выжил и на корабле,— повторил Ньюн, пока Мелейн растягивала и снимала веревочную петлю.

Мелейн присела на обломок стены, откинула со лба волосы, сняла с шеи шарф и накинула на

голову вместо вуали. Она казалась спокойной, но по-прежнему не смотрела на Ньюна.

Наконец она вздохнула, выпрямилась, показала пальцем на отверстие в плите, под которой ждал Данкан.

— А он кто?

Ньюн пожал плечами.

— Неважно. Землянин. Гость регулов. Они пытались его убить, когда мы повстречались. А потом...

Страшная догадка мелькнула у него в голове: ведь это он сам вызвал беду, из-за него погиб Эдун, весь Народ. В том, что он остался сиротой, ему некого винить, кроме себя. Он замолчал. Мелейн поднялась и отошла в сторону, чтобы осмотреть развалины. Она стояла спиной к Ньюну, руки были безвольно опущены. Видеть ее страдания было невыносимо.

— Мелейн,— сказал он.— Мелейн, что мне делать?

Она повернулась к нему и безнадежно махнула рукой.

— Что мне делать? — повторил он.

Сен и кел. Сен требует, кел исполняет. Но теперь она больше, чем сен, и тем тяжелее ее непрошеное бремя.

Он стоял и ждал. Наконец она медленно закрыла и снова открыла глаза.

— Сюда придут враги.— Она вошла в роль, к которой готовилась всю жизнь. Ее долг — повелевать и планировать. Ее долг — вести себя, как Владычица Народа. Даже без Народа.— Собери все, что может понадобиться нам в горах. Пока мы побудем здесь. Дай мне немного времени, брат,— хоть я теперь и не должна называть тебя так. Дай время подумать, как нам быть дальше.

— Отдохни,— сказал Ньюн.— Я все сделаю.

И когда Мелейн отошла в тень и опустилась на камень, он приблизился к отверстию и сбросил веревку.

— Данкан!

Под снопом солнечных лучей появилось белое от усталости и страха лицо.

— Подними меня.— Землянин дернул веревку.— Мри, я тебе помог. Вытащи меня отсюда.

— Найди то, что я скажу, и прицепи к веревке. Потом я вытащу и тебя.

Данкан колебался. Наконец, вспомнив, что мри не лгут, согласился и, светя фонариком, нашел нужные вещи: съестное, фляги с водой, одежду.

Ньюн четырежды поднимал веревку с грузом, а затем спустил ее для Данкана. Тащить землянина оказалось гораздо легче, чем беспомощную Мелейн. Данкан помог ему, ухватившись за края отверстия. Потом он долго стоял на четвереньках, мыча от боли, кашляя и пытаясь остановить кровь.

Кашель не утихал, и тогда Мелейн подошла к землянину и взглянула со смешанным чувством жалости и презрения.

— Это воздух,— сказал Ньюн.— Он еще не привык к нему и к тому же много бегал.

— Он что-то вроде кел'ена? — спросила Мелейн.

— Да,— ответил Ньюн.— Он не опасен. За ним охотились регулы. Похоже, он им больше не нужен, если, конечно, его старший еще жив. Что будем с ним делать?

Похоже, Данкан догадывался, что речь идет о нем. Возможно, он знал несколько слов из языка Народа, но мри сейчас говорили на хол'эйри, высшем языке, и пленник не мог их понимать.

Мелейн пожала плечами и отвернулась.

— Что хочешь. А сейчас уходим.

И она очень медленно пошла по развалинам, осторожно выбирая путь.

— Данкан,— позвал Ньюн.— Бери вещи и пошли.

Лицо землянина исказилось гневом, казалось, он вот-вот бросится на кел'ена с кулаками, но Ньюн к этому был готов. Одумавшись, Данкан опустился на колени, взял мешок и взгромоздил его себе на плечо.

Ньюн показал, куда идти, и Данкан побрел. Он шатался и спотыкался, как и Мелейн.

В горах не было следов снарядов и бомб. Они пришли в пещеру — убежище, появившееся здесь задолго до ссоры между регулами и мри, задолго до войны с землянами. Оно бы надежно защитило от нападения с воздуха.

В сумраке пещеры Мелейн со вздохом опустилась на холодный песок и уронила голову на колени. Похоже, силы ее полностью иссякли, она бы не смогла больше сделать ни шагу. Ньюн поддерживал ее всю дорогу и знал, каких мучений ей стоило дойти. Он поспешил достать из мешка подстилку и одеяло для Мелейн, дал ей воды и кусок сушеного мяса, а сам сел на корточки — смотреть, как она ест и пьет. Потом она привалилась спиной к стене и закрыла глаза.

— А мне можно воды?

Спокойный голос землянина напомнил Ньюну, что у него есть еще один подопечный. Ньюн наполнил чашку водой и вложил ее в дрожащие руки Данкана.

— Может быть, завтра найдем источник, тогда воды будет вдоволь.— Он рассматривал землянина, который цедил воду по каплям. Грязное голодное существо. Вряд ли оно долго протянет. Данкан был весь перепачкан землей, потом и кровью. Ньюн

взглянул на себя и убедился, что сам выглядит не намного лучше.

— Мелейн, ты можешь...— Ньюн осекся — вспомнил, что теперь не должен называть ее по имени. Он протянул ей пистолет.— Ты можешь пока не спать? Надо посторожить землянина?

— Я уже пришла в себя.— Она взяла пистолет так уверенно, что сразу стало ясно: в ней больше от кела, чем от ши'пан. Законы касты запрещали ей брать в руки оружие, но теперь все изменилось.

Ньюн оставил ее наедине с пленником и вышел из пещеры. Он разделся, вытерся сухим песком, как поступают мри на безводных планетах. Потом оделся и направился к пещере.

За спиной раздались тяжелые шаги и шумное дыхание. Дус. Ньюн осторожно повернулся. Пистолет он отдал Мелейн, а больше ничем не остановишь хаа, если тот решит напасть.

Мьюк'ко. Он был кожа да кости, весь в струпьях. Но громадная морда была сухой.

У Ньюна отчаянно забилось сердце: поведение безумного дуса непредсказуемо. Но дус мирно подошел к нему, ткнулся мордой в грудь и издал звук, каким приученный дус просит у своего хозяина пищи, крова и всего прочего, что мри дает дусу.

Ньюн опустился на колени рядом со зверем — сейчас это было необходимо,— обнял за покрытую струпьями шею и расслабил разум, позволяя чужим чувствам проникнуть в него. Он почувствовал тепло. Его охватило радостное ощущение полного взаимопонимания: его мозг стал мозгом дуса. Это удавалось очень немногим.

Ньюн поднял голову и увидел на гребне двух диких дусов. Но не испугался. Его дус знает их, и они знают его. Об этом говорили мысли дуса, точ-

но так же, как и его тепло. Умом это постичь было невозможно, только чувством. Сильное, почти осязаемое тепло души зверя поглотило всю боль кел'ена, наполнило его силой, такой же неторопливой и огромной, как сила дуса.

И когда Ньюн вернулся в пещеру, за ним ковылял дус, загадочный великан, ставший его другом.

В мозгу Ньюна родилась тревога, недоумение, недоверие, и все это шло от дуса. А затем дус ощутил страх землянина, и это тоже передалось Ньюну. Землянин боится, значит, его можно не опасаться. Дус подавил излучение мозга землянина и стал испускать волны уверенности, покровительства, защиты.

— Он пришел сам.— Ньюн забрал пистолет у Мелейн.— Там их очень много, но я не знаю ни одного.

— Мы и дусы по-прежнему верны друг другу,— сказала Мелейн.

И Ньюн понял, что лучшей защиты им не найти, Теперь он может спать спокойно, зная, что им ничто не угрожает. Невозможно подкрасться к дусу незаметно.

Едва он подумал об этом, вновь навалилась усталость. Дус поднял голову и издал звук, означающий удовольствие. Пасть его раскрылась, в ее теплой глубине мелькнул серый язык.

Ньюн заговорил с ним, зная, что дусы очень любят слушать всякую чепуху. Он погладил лобастую башку зверя, взял его лапу, подтянул к себе. Огромная лапа накрыла обе ладони мри, изогнутые когти привычно царапнули запястье, выпустили яд. Это и нужно было Ньюну. Такая маленькая доза не принесет вреда, а ему необходим иммунитет к яду своего дуса, чтобы не бояться случайных царапин. Он высвободил руку и вновь стал гладить дуса по голове; тот довольно заурчал.

Взгляд Ньюна упал на землянина, и юношу чуть не вытошнило. Он вынул из мешка кое-какую одежду, протянул Данкану и вывел его из пещеры.

— Почистись.— Он взял горсть песка и показал, как это делается. Пока Данкан счищал грязь, Ньюн сидел и смотрел вдаль. Дусы собрались в кружок на утесе и с любопытством глядели на человека. Такое странное розовокожее существо они видели впервые.

Без крови и следов слез на лице Данкан выглядел гораздо лучше. Он вытряхнул песок из волос и стал медленно одеваться, словно боясь показаться смешным. Ньюн ощупал сброшенную землянином одежду и обнаружил в карманах много вещей, о которых тот ничего ему не говорил.

Он показал нож. Данкан пожал плечами. Ньюн вспомнил, что пленник не пытался напасть на него с ножом. Землянин хорошо провел свой раунд, хотя и проиграл. Ньюн бросил Данкану еще один сверток.

— Надень вуаль,— сказал он.— Твое обнаженное лицо оскорбляет меня и ши'пан.

Данкан накинул вуаль на голову, неумело попытался закрепить. У него ничего не вышло, и тогда Ньюн показал, как надо надевать вуаль. Теперь Данкан выглядел вполне пристойно. Он не был одет, как кел'ен — этого было недопустимо,— но все же в черном он больше походил на мри, чем на животное. Ньюн окинул его взглядом и удовлетворенно кивнул.

— Так гораздо лучше,— сказал он.— Это защитит кожу. Закопай свою одежду. Когда мы пойдем, ты поймешь, что наша удобнее.

— А мы пойдем?

Ньюн пожал плечами.

— Ши'пан решит. Я кел'ен, я выполняю приказы.

Данкан опустился на колени и выкопал руками яму, как животное... Прежде чем зарыть одежду, он взглянул на Ньюна.

— А если я подскажу вам безопасный способ выбраться из этого мира?

— Ты?

Данкан поднялся на ноги. Вуаль на лице придала его облику достоинство. Ньюн раньше не замечал цвета его глаз. Светло-коричневые, таких Ньюн никогда не видел.

— Я говорю о попытке связаться с землянами и вызвать для вас корабль. По-моему, тебе лучше увезти ее отсюда, здесь вас уже ничто не держит.

Рука Ньюна угрожающе потянулась к ас'ею.

— Ци'мри, ты слишком много на себя берешь. И когда хочешь что-нибудь предложить, обращайся к ши'пан, а не ко мне. Я же сказал, я — кел'ен. Если она что-нибудь захочет, я выполню. Если ей кто-нибудь не понравится, я его убью.

Данкан замер. Очевидно, понял свой промах.

— Я что-то не пойму, какие у вас отношения,— сказал он немного погодя.— Она твоя жена?

Тон был таким озадаченным, оскорбление таким наивным, что Ньюн едва не расхохотался. Чтобы еще больше сбить землянина с толку, он сказал:

— Она моя Мать.

И жестом велел Данкану идти за ним. Он беспокоился о Мелейн. С утесов на них смотрели хаа, издавая утробные звуки. Когда мри и человек пошли, один из зверей стал спускаться — конечно, его привлекла закопанная землянином одежда. «Так даже лучше,— подумал Ньюн.— От нее не останется ни клочка, регулы не узнают, что мы здесь побывали».

Дус при их приближении поднял голову и навострил уши. Он излучал приветливость, он был рад снова видеть Ньюна. Кел'ен же, чувствуя брожение яда в крови и зная, что ночью будет хуже, провел пальцами по носу зверя и лег между ним и Данканом.

Мелейн заметила перемены в одежде землянина и тоже одобрила их, но больше в этот вечер не проявила к нему никакого интереса.

Их возвращение успокоило ее, и она тоже легла. Ньюн поднялся выпить несколько глотков воды, снова лег и взглянул на растянувшегося на песке Данкана.

Когда Ньюн закрыл глаза, его мозг, ослабевший под натиском событий, наконец отключился. Яд дуса делал свое дело, Ньюну снились кошмары, изредка в них вторгались мысли и эмоции зверя. Но он знал, что бояться не надо, ведь он кел, а ни один дус не причинит зла своему келу.

Теперь он принадлежал этому зверю, а зверь — ему. Только это и утешало юношу в лавине несчастий, обрушившейся на него. А еще — спасение Мелейн. Этим утром он был на грани умопомешательства и самоубийства, а вечером спокойно уснул рядом со своим дусом, и тот охранял его сон, посылая утешительные импульсы в мозг хозяина. И Владычица была рядом, и она взяла на себя всю тяжесть принятия решений. Он жалел Мелейн, понимая, как трудна ее доля, но не пытался помочь ей. У нее своя роль, у него — своя. Но его роль намного проще.

Повиноваться Владычице, мстить за Народ.

Просыпаясь, он смотрел на землянина. И один раз почувствовал, что Данкан тоже проснулся и смотрит на него. Оба промолчали.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Незаметно подступил день. Все было спокойно, в пещеру проникали шум порывистого ветра и дыхания дуса. Ньюн поднял голову и увидел, что Мелейн уже проснулась и сидит скрестив ноги у выхода. Наверное, она долго так просидела, собираясь с мыслями в покойные утренние часы. Данкан еще спал.

Ньюн поднялся, подошел к Мелейн и уселся на холодный песок рядом со спящим дусом. Яд еще не выдохся — ноги дрожали, а рука распухла до самого плеча. Но скоро это пройдет. Его мозг был по-прежнему спокоен и полон чувств, которые излучал дус. Страх ушел. Он знал, что в опасной ситуации все эти эмоции бесследно исчезнут, но сейчас он мог отдохнуть и был рад этому. Ему казалось, что и Мелейн наслаждается покоем — лицо умиротворенное, будто ей снилось что-то невыразимо отрадное.

— Ты отдохнула? — спросил он.

— Да, вполне. Вчера мне было совсем плохо. Наверное, сегодня будет трудно идти. Но мы пойдем.

По ее тону Ньюн понял, что Мелейн пришла к какому-то решению. Спрашивать он не мог, хоть и был ее братом. Правда, теперь уже перестал быть просто братом.

— Мы готовы,— сказал он.

— Мы пойдем в сторону Сил'атена и дальше в горы. Надо отыскать древнее Святилище, о кото-

ром ничего не знали келы нашего поколения. Еще до нашего рождения им было приказано забыть. Ньюн, пана давно не хранятся в Эдуне. Ведь шла война. Владычица решила, что пана необходимо перепрятать, и оказалась права.

Ньюн почтительно коснулся рукой лба, Как только он понял смысл этих слов, будто громадный камень упал с его души. Это ничего не меняло, никак не влияло на их судьбу. Но реликвии не погибли, и теперь они с Мелейн могут уничтожить пана своими руками, чтобы не достались врагам на поругание.

Священный долг.

— Знай,— продолжала Мелейн,— мы сохраним пана для себя, укроем их в самом надежном месте. И будем ждать, пока не сумеем выбраться с Кесрита или пока не убедимся, что уже ничего нельзя сделать. У кела есть вопросы?

Он молчал, думая о предложении Данкана. Не рассказать ли Мелейн? Затем он выбросил это из головы. Еще успеется, если они выживут.

— Я думаю,— осторожно произнес он,— что нам придется убивать землян, а они будут охотиться за нами, пока не выследят и не прикончат. Но сам бы я сейчас пошел к представителю землян и заключил с ним союз против регулов.

Она внимательно выслушала его, склонив голову, и нахмурилась.

— Но у регулов и землян мирный договор.

— Это не окончательно. Не навеки.

— Но ведь это смешно: одинокий кел'ен предлагает землянам свои услуги в борьбе против регулов.

— Регулам будет не до смеха,— угрюмо возразил Ньюн, и Мелейн кивнула.

— Но мы поступим иначе,— сказала она.— Я знаю: Интель хотела отправить нас во Мрак,

чтобы мы совершили долгое путешествие и вновь вышли из Мрака. Я не пошлю тебя к землянам, не будучи уверена в полной безопасности. Нет, мы вместе пойдем нашим путем.

— Но ведь у нас нет ни катов, ни кел'е'ен! — Он спохватился и перешел на шепот, чтобы не услышал Данкан.— Мы не сможем создать новое поколение, возродить Народ. Нам никогда не выйти из Мрака.

Она спокойно смотрела, как рождается рассвет.

— Если мы — последние, конец будет скор и незаметен. Если же мы не последние, то Народ довоюет свой многострадальный век и с честью погибнет в неравной борьбе с ци'мри.

— А что потом? — Ньюн не имел права задавать этот вопрос, но было уже поздно. Не дожидаясь ответа, он махнул рукой.— Поступай, как знаешь.

— Мы свободны, Ньюн,— сказала Мелейн.— Мы свободны, и я хочу лишь найти пана и выяснить, остался ли в живых еще кто-нибудь из моих детей.

Ньюн встретился с ней взглядом и кивнул.

— Невыполнимая задача,— сказал он.— Это тебе говорит кел, ши'пан.

— Не забывай,— тихо сказала она,— что ты один из келов Мрака. Их служба труднее, чем у других. Для них нет невозможного. Допустим, это действительно невыполнимая задача, но я не могу решиться на иное. Ты думаешь, боги отвернулись от Народа?

Ньюн пожал плечами; он знал свое предназначение. Как и любой кел'ен, Ньюн был беспомощен в словесном поединке. Он не мог понять, шутит она или говорит всерьез.

— Я бросаю наши судьбы,— сказала она.— Шо-н'ай.

Это Ньюн понял, ведь секреты келов были гораздо проще. Пальцы его слегка напряглись, как в Игре Народа перед броском, а на сердце стало легко.

— Шон'ай,— повторил он.— Этого достаточно.

— Нам пора,— сказала она.

— Мы готовы.— Ньюн встал, подошел к Данкану, толкнул.— Идем.— И, пока Данкан просыпался, Ньюн быстро собрал вещи. Воду он решил нести сам — было бы неразумно зависеть от землянина или давать ему средства для выживания в одиночку. Одну маленькую флягу возьмет Мелейн — на случай, если вдруг им придется разделиться. Правда, в краю, где знаком каждый камень, каждое дерево, Ньюн и Мелейн способны обойтись и без запаса воды.

Ньюн бросил мешок к ногам Данкана.

— Куда мы идем? — спросил тот, не проявляя желания поднять мешок.

Вопрос был чисто риторическим, заслуживал лишь пожатия плечами. Что Ньюн и сделал.

— Я не вьючное животное.— В голосе Данкана появилась злость. Он пнул мешок.

Ньюн взглянул на мешок, затем медленно перевел взгляд на Данкана.

— Ши'пан ничего не делает руками. Я кел'ен и тоже не ношу тяжести, если есть кому нести. Когда ты умрешь, я возьму мешок. А пока ты жив, тебе и носить.

Данкан попытался понять, насколько все это серьезно, и, решив не испытывать судьбу, поднял мешок на плечо.

Ньюну стало чуточку жаль его, ведь Данкан что-то вроде кел'ена, по крайней мере, он не из низшей касты. Однако Данкан не мог доказать это в поединке. Ему бы следовало вызвать Ньюна на а'анай и сразиться с йин'ейн в руках. Но ци'мри владеют древним оружием не лучше, чем безобидные каты.

«Возможно, я не прав, что отдал ему всю кладь,-- подумал Ньюн.— Небольшая ноша не опозорила бы кел'ена. Все дело в том, что мри чересчур упрямы, когда речь идет об их древних традициях. И именно верность традициям послужила причиной столкновения ци'мри и мри на Кесрите».

Вслух Ньюн ничего не сказал, но эти мысли не давали ему покоя, пока двое мри, человек и дус медленно брели по песку. Трудный вопрос: как общаться с землянами, не унижая их и не роняя собственного достоинства?

Народ проиграл войну из-за того, что земляне отвергали а'анай. Они воевали по принципу «все против всех». И только теперь Ньюн понял, что земляне просто не умеют воевать один на один.

Осознав это, он почувствовал себя одураченным. Но уже ничего не изменить, не исправить. Он вспоминал, какой жестокой была эта война, сколько келов погибло лишь из-за того, что они не поняли сущности своих врагов.

Да, что потеряно, того уже не вернешь. Тем более, что он не принадлежит к касте, которая вправе решать. Ему вспомнилась Интель, хранившая знания Народа в глубокой тайне от всех.

Чтобы не идти в Сил'атен обычным путем, где уцелевшие регулы могли устроить засаду, они пошли через перевал Дэдж'хол. Нужно было завершить начатое в Эдуне. Нелегким было то восхождение, особенно трудно пришлось Мелейн и Данкану с ношей.

— Я слишком долго сидела в башне ши'пан,— тяжело дыша, сказала Мелейн, когда они добрались до перевала.

Она закашлялась. Данкан, упав на колени, сбросил мешок с натруженного плеча. Ньюн плеснул в чашку воды и протянул Мелейн — смочить горло.

Он очень боялся за нее, ведь она никогда еще так не уставала. В пути Ньюну приходилось ее поддерживать.

— Кажется, ты ранена,— встревожено произнес он.

— Поцарапалась, когда ты меня вытаскивал из подвала. Ничего страшного.

Ему хотелось верить, что рана действительно пустяковая. Он дал ей еще воды, и это уже была чрезмерная расточительность. Но Ньюн надеялся, что они скоро доберутся до источника. Он и сам сделал глоток-другой, и тут увидел умоляющий взгляд землянина.

— Только смочи рот.— Ньюн дал ему полчашки воды.— Надо беречь.

Землянин выпил, как и Ньюн, не поднимая вуали и, благодарно кивнув, вернул чашку.

— Куда мы идем? — снова хрипло спросил он.

— Землянин,— пристально взглянула на него Мелейн,— зачем тебе знать?

— Прежде чем отвечать, вспомни, что перед тобой ши'пана. Она оказала тебе великую честь уже тем, что взглянула на тебя. Если оскорбишь ее хоть единым словом, я убью тебя на месте. Поэтому лучше обращайся ко мне, чтобы не оскорбить ее.

Данкан переводил взгляд с Мелейн на Ньюна, не понимая, разыгрывают его или всерьез угрожают.

— Я не шучу,— сказал Ньюн.— Обращайся только ко мне.

— Скажи ей,— заговорил Данкан,— что мне бы хотелось вернуться к моему народу живым. Передай ей мое вчерашнее предложение. Оно по-прежнему в силе. Я могу вывезти вас отсюда.

— Данкан, я уже поняла, о чем ты хочешь спросить,— заговорила Мелейн,— но пока не отвечу.

Но ведь ты знаешь, когда сюда прибудет твой народ. Скажи.

По лицу Данкана было видно, что он колеблется, взвешивает все «за» и «против».

— В один из ближайших дней,— тихо ответил он.— Совсем скоро, может быть, даже раньше, чем я думаю. И мои соотечественники найдут здесь только развалины города. Регулы объяснят им случившееся, как найдут нужным.

— Ци'мри,— презрительно сказала Мелейн, но Данкан не знал этого слова.

— Нам все равно, что о нас говорят чужие, вот что ши'пан имеет в виду,— пояснил Ньюн.— У нас больше нет братьев, но и хозяев нет. Мы теперь не служим регулам. Данкан, может быть, ты еще не знаешь, что мы с ши'пан — последние мри? Все, кто уцелел в войне, погибли в Эдуне и на «Аханале». Если регулы не покончат с нами, то наша месть будет ужасна. Они это понимают, но боятся встретиться с нами лицом к лицу. Скорее всего, они постараются расправиться с нами руками землян. Вот как обстоят дела. Так что лучше не задавай вопросов. Все, чему суждено произойти, произойдет. Но лучше не напоминай нам об этом.

Данкан молча выслушал, сел и обхватил колени руками. С такой силой сцепил пальцы, что побелели суставы.

Помолчав, Мелейн произнесла:

— Данкан, у нас говорят так: сказано — значит сделано. Поэтому мы стараемся меньше говорить, чтобы не попадать в плен к словам, как регулы. Больше не спрашивай.

Она протянула Ньюну левую руку, чтобы тот помог ей встать. Ньюн был очень осторожен, но все равно причинил ей боль.

— На небе тучи.— Мелейн глядела на восток.— Может, снова на город обрушится ураган.

К полудню тучи закрыли все небо, спрятали солнце. Похолодало. Над развалинами города и порта разбушевалась буря, как и хотела Мелейн.

Она оглянулась назад, на покинутую долину. Оттуда доносился ужасающий грохот, клинки молний пронзали черное небо. Что-то шевельнулось в ее душе и передалось дусу, и тот жалобно завыл.

Но тучи не напоили их, и фляги были на три четверти пусты, когда путники взобрались на высокое плато. Данкан уже спотыкался и шатался от усталости. Ньюн и сам мечтал о привале, но боялся, что их обнаружат с самолета, и не собирался останавливаться на открытом месте даже ради Данкана.

Он часто с тревогой посматривал на Мелейн, но девушка шла спокойно, и по ней не было заметно, что она страдает.

Вдалеке на западе, точно мираж, показалась рощица; голые ветки деревьев переплелись самым невероятным образом, лишь на кончиках ветвей росли маленькие листья.

— Там вода,— сказал Ньюн.— Вечером устроим привал и напьемся вволю.

И еле живой от усталости Данкан, собрав последние силы, пошел вслед за мри к деревьям, стараясь не отставать. Он ни о чем не думал и ничего не видел.

— Берегись! — Мелейн одновременно с Ньюном заметила блестящие прозрачные нити, метнувшиеся навстречу.

Ньюн выхватил пистолет и выстрелил, прежде чем Данкан успел отреагировать на предостережение. Ветроцвет тут же издох, испустив невыносимое зловоние; его усики почернели. Но на руках землянина, на обнаженных запястьях, усики налились красным, и Данкан упал на песок и стал

кататься, словно охваченный приступом безумия. Усики забрались и под одежду.

— Ч'ау! — обругал его Ньюн.— Спокойно! Лежи спокойно!

Когда Данкан затих, Ньюн вынул ав'тлен и принялся отдирать усики от тела и материи. Потом помог Данкану встать и внимательно осмотрел его. Все в порядке, ничего не упущено из виду.

Данкан отошел в сторону и уселся, он был в шоке. Ньюн очистил ав-тлен песком — на клинке мог остаться цветочный яд. Затем он вытащил из-за пояса трубочку и аккуратно погрузил в мягкий ствол дерева. С другого конца трубки закапала жидкость, не замутненная кесритской пылью.

Наполнив первую флягу, он протянул ее Мелейн — теперь Владычица могла напиться вдоволь. Вторую флягу осушил он сам, а третью — Данкан, немного пришедший в себя. Землянин все еще сидел на песке и дрожал.

— Всегда нужно помнить,— назидательным тоном сказал Ньюн,— что на Кесрите где вода, там обязательно и враги. Тебе повезло — ты легко отделался. Если бы не мы, ветроцвет отравил бы тебя насмерть.

— Я ничего не увидел.— Пересиливая боль, Данкан поднес флягу к губам.

— Когда пойдем по роще, держи лицо обращенным к солнцу. Тогда заметишь блеск усиков. И не забывай поглядывать под ноги.

Ньюн показал воронку, под которой приготовил западню маленький бурильщик. Юноша бросил туда камешек. Взметнулся песок, мелькнуло что-то бледное, и камешек исчез.

— Он тоже ядовит,— сказал Ньюн.— Маленький, а уже опасный. Бывают и большие, им даже яд ни к чему, они запросто проглотят целого

дуса. Бурильщики прячутся в тени, среди камней, им необходим песок. Крупных бурильщиков мало. Хаа их едят молодыми, не давая вырасти и стать слишком опасными. Тут есть один великан, завтра будем мимо него проходить. Наверное, ему больше лет, чем мне. Бурильщики — как регулы: чем старше, тем крупнее и неповоротливей.

Потревоженный ими маленький хищник выскочил из песка и, размахивая щупальцами, пробежал между деревьями и снова зарылся в песок.

Откуда-то выскочил безобидный джо, он тоже поспешил укрыться от незваных гостей.

— Ты пей,— сказал Ньюн измученному, жалкому пленнику.

Пока Ньюн готовил ужин, Данкан медленно осушил флягу.

Мясо бурильщиков было жестким, как резина, и таким же безвкусным, но в пищу годилось. Ньюн поймал бы одного-двух, но Мелейн так устала, что они решили в этот вечер раньше лечь спать. За весь день у них крошки не было во рту. Ньюн великодушно выделил Данкану такую же порцию, как Мелейн и себе; как ни крути, землянин нес весь их груз, в том числе и пищу.

Внизу, в долине, по-прежнему сверкали молнии. Ньюн не завидовал регулам.

Потом они улеглись рядом с дусом — тепла его огромного тела хватало на всех. Спали крепко —дус, даже спящий, охранял надежно.

Утром Ньюн собрал вещи и, после долгих колебаний, неохотно навьючил на себя несколько свертков с одеждой и съестным. Мешок заметно уменьшился.

— Если не будешь смотреть под ноги, достанешься бурильщику,— сурово предупредил Ньюн.— А он не будет защищать и кормить тебя, как мы.

Человек посмотрел на Ньюна и заметил свежую царапину у него на лбу — память о встрече с ветроцветом. Угрюмый взгляд кел'ена предупредил: не вздумай напоминать о вчерашнем споре, кому нести вещи.

— Я быстро запоминаю и усваиваю,— сказал Данкан.

Ньюн понял, что на планете Кесрит Данкан уже усвоил и запомнил многое. В том числе и законы вежливости келов.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Дышать было почти невозможно — в воздухе, точно густой дым, висел страх регулов. Было темно, горели только лампочки двух пультов и аварийного освещения. Энергия не поступала, завод питьевой воды полностью бездействовал. Правда, воду можно было бы отыскать на Кесрите, но регулы не были уверены, что им это по силам, к тому же они не торопились выходить на зараженные территории.

Хулаг еще не распорядился об этом. Но распорядится, когда его самого начнет мучить жажда, в этом Ставрос не сомневался. Тележки ездили только на батареях. Запас батарей был невелик, но Ставроса и Хулага — старейших — регулы вдоволь обеспечили энергией, пищей и водой. Ведь молодые должны заботиться о старших. Ставросу даже стало чуточку жаль секретаря Хаду, который распределял жалкие остатки пищи и воды среди трех сотен молодых регулов. Они собрались в одном помещении, таком крохотном, что юнцам было негде спать. Но тележки здесь могли разъезжать свободно. Юнцы уступали им дорогу с почтением, которое граничило с благоговением. Но ведь старшие — вся их надежда на спасение. Молодежь почти не разговаривала, лишь с мольбой глядела на Хулага. А иногда Ставрос замечал, как кто-нибудь из юнцов, заснув, больше не просыпается.

«Бай,— медленно набрал он на экране буквы регульского алфавита,— мне кажется, что некоторые молодые регулы больны».

Огромное тело Хулага перегнулось через край тележки, а затем вновь опустилось на сиденье.

— Нет, уважаемый, они просто уснули. Будут спать, пока не придет помощь. Они меньше потребляют в таком состоянии.

Спящих молодых регулов становилось все больше и больше, пока не уснули почти все.

Сам Хулаг временами тоже начинал клевать носом, но тут же встряхивался и, ругаясь, звал Хаду:

— Еды! И побыстрее, безмозглый идиот!

Ставросу тоже предложили густого, пряно пахнущего супа, но его чуть не стошнило от одного вида этого варева. Его отказ встревожил Хаду, но он молча отдал порцию Хулагу, и суп, больше похожий на кашу, быстро исчез в тонкогубом рту бая.

— Почему вы не едите? — спросил Хулаг.

— Мне не нужна еда,— солгал Ставрос и тут же добавил: — Ваша пища мне не подходит, но я могу пить сой.

Хада сразу бросился исполнять пожелание Ставроса. В его услужливости было что-то ненормальное, патологическое. Он вложил чашку с горячей жидкостью в здоровую руку Ставроса и выжидательно склонился перед ним.

Хулаг засмеялся. Его смех был похож на шипение.

— Иди, птенец, и сядь вместе с другими юношами.

И Хада униженно поклонился и поплелся, куда было приказано.

Долгое пребывание вместе со Ставросом сделало Хулага вежливым и даже приветливым, он хорошо понимал, что в сложившейся ситуации

лучше во всем угождать представителю землян. Он охотно объяснил:

— Хада знает: если ожидание затянется, то запасов не хватит на всех, и он уже экономит. Но я прощаю его Если и впредь он будет таким послушным, я, возможно, оставлю его в живых. Я могу пощадить. Я могу убить. Здесь все мое.

Как и корабль, понял Ставрос.

— Бай, примите мои соболезнования.

— Примите и вы мои соболезнования по поводу утраты вашего юноши.— И огромный паук, вздохнув, скрылся в своей тележке.

Ставрос, чья тележка стояла передок к передку с Хулаговой, пытался работать левой рукой, но пальцы еле двигались. Правая рука сжалась в кулак. Он уже перестал бояться, что паралич распространится дальше, но и не надеялся на полное выздоровление.

Сожаления Хулага, несомненно, шли от чистого сердца (точнее, от двух сердец), но нельзя было сказать с уверенностью, что регулы не приложили руку ко всему случившемуся. Прикрыв глаза, Ставрос рассматривал сквозь ресницы сонного Хулага. Теперь, когда оба оказались в одном убежище, стало очевидно, что Хулаг имеет какое-то отношение к исчезновению Данкана, а Ставрос, напротив, совершенно неповинен в гибели корабля бая и его регулов.

У регулов жизнь или смерть юных целиком зависят от воли старшего, их могут убить за любую провинность. Но бессмысленная потеря молодых регулов ложится на репутацию старшего позорным пятном, так что у Хулага были все основания заботиться о спасении оставшихся помощников.

Ставрос все еще верил, что регулы не лгут, но знал, что убить они могут запросто. За себя он был

относительно спокоен: во-первых, его боялись, а во-вторых, надеялись на его помощь.

Ставрос начал понимать бая Хулага. Тот сильно провинился перед своим родом, но, будучи торговцем до мозга костей, хотел и здесь не упустить своей выгоды, заключить удачную сделку с землянами. Основная же прибыль от этой сделки не должна достаться землянам.

«Но при этом,— решил про себя Ставрос,— регулам придется заплатить за жизнь офицера планетарной разведки, который сыграл во всем куда более важную роль, чем я сам».

Ставрос не любил своих детей. Он видел их редко, потому что многие годы вел замкнутый образ жизни на Килуве, а потом работал в правительстве и университете и считал, что есть дела поважнее, чем воспоминания о женах, детях, внуках и правнуках. Кое-кто из них искал связи со Ставросом, потому что престижно состоять в родстве с килуванцем, а другие ненавидели его за бессердечие.

Может быть, он и впрямь бессердечен, однако Стена ему не хватает. Данкан пошел служить под его началом, как и многие другие, кто знал Ставроса, ради денег. Но характером Данкан напоминал Ставросу его самого в молодости, и старик полюбил своего секретаря.

И вот Данкан пропал, и Ставрос не знает, как избыть горе, которого регулам никогда не понять. И к своему счету за Килуву, который он собирался предъявить регулам, Ставрос добавил еще и Данкана.

Но он не жалел, что отпустил секретаря. Цена оказалась слишком высока, но теперь регулы целиком зависят от милости землян. И это Ставросу по душе. Это часть расплаты за Килуву.

Они расплатятся сполна, когда бай Хулаг полностью передаст ему правление и Ставрос напишет

текст договора между родом Аланей и землянами. Эту месть увидят и Килува, и сам Хулаг. Ставрос родился на Килуве, и в его рассуждениях была железная логика. Килуву уничтожила раса, именуемая регулами. Но в гибели Килувы виновата не вся раса, а один из родов — Хольны, чьих представителей уже нет на Кесрите.

Многие из них погибли на «Хазане». Но Ставросу этого мало. Ему не нужна кровь за кровь, он добивается, чтобы род Хольнов потерял всякое влияние среди регулов, захирел и впал в ничтожество.

И Хулаг, и все Алани, и все человечество должны стать орудиями его мести.

— Старший,— заговорил наконец Хулаг,— вы действительно будете командовать землянами, которые сюда прилетят?

— Если, конечно, не вмешаются мри и не начнут войну,— ответил Ставрос.— Да, я буду руководить всеми силами, высаженными на Кесрите.

— Мри больше не помешают нашим отношениям,— сказал Хулаг.— Их нет. Мри больше нет.

Это было что-то новое. Ставрос высветил на экране знак вопроса.

— Корабль, на котором прилетели все оставшиеся в живых мри, уничтожен. Мы избавили Вселенную от этой чумы, которая помешала нам давным-давно заключить мир.

Хулаг ждал, пока Ставрос обдумает его слова. Сначала землянина возмутило столь бесцеремонное уничтожение мыслящих существ, потом он решил, что это ложь. и тут же вспомнил, что регулы не лгут. Практичный ум тотчас стал перебирать все возможности, которые открылись перед землянами с исчезновением мри, и нашел, что они огромны.

— Само собой,— продолжал Хулаг,— теперь необходимо упорядочить отношения между регула-

ми и землянами. Ваша сторона вправе рассчитывать на всемерное содействие рода Аланей.

Ставрос во второй раз испытал потрясение. Дело тут было в морали землян, совершенно непостижимой для Хулага. Баю даже в голову не приходило, что земляне могут оттолкнуть протянутую руку существа, которое совершило гнусное предательство и требует за это плату. Род Аланей испытывал большие затруднения — и финансовые, и политические. Хулаг добивался власти, которая позволила бы ему прибрать к рукам вожделенные богатства.

«Земляне недовольны договором с Хольнами,— ответил после некоторых раздумий Ставрос.— Необходимо заключить новое соглашение, которое будет учитывать интересы обеих сторон».

Губы Хулага расплылись в улыбке, тихое шипение означало, что он рад.

— Мы вместе подумаем над этим, Ставрос,— сказал он.— Мы подумаем, дорогой Ставрос.

Он разбудил Хаду и отправил за соем, приказав подсластить его специально для Ставроса.

Но Хада вернулся неожиданно скоро, он возбужденно размахивал руками.

— Корабль! — воскликнул он.— Старшие, корабль землян, раньше срока! Мы получили радиограмму...

Хулаг жестом оборвал молодого регула. Рот его был открыт, ноздри трепетали; Ставрос знал, что это верный признак возбуждения. Хулаг нервно улыбался, пытаясь сохранить хорошую мину при плохой игре.

— Вы, конечно, захотите поприветствовать соотечественников и объяснить им ситуацию,— обратился бай к Ставросу.— Скажите им, мы очень сожалеем, что порт находится в таком состоянии.

— Все будет в порядке.— Ставрос и сам был встревожен, но хорошо понимал, как важно сейчас успокоить Хулага, а потому держал себя в руках.— Поверьте, вам нечего опасаться, если ваши молодые будут сохранять выдержку и ни во что не вмешиваться.

И он развернул тележку, чтобы ехать в центр связи убежища следом за Хадой Сураг-ги, который, как и надлежало молодому регулу, припустил чуть ли не бегом.

Раздвинулись огромные двери убежища, в глаза ударили лучи мощных прожекторов, и в полутемном помещении возникли фантастические силуэты землян в скафандрах. Они пробирались среди спящих регулов. Из предосторожности двери снова закрыли. Один из землян взглянул на датчик — нет ли в убежище радиации? Бодрствующие регулы, возбужденно перешептываясь, поспешили освободить вновь прибывшим путь.

Ставрос выехал вперед, посмотрел на землянина и увидел за стеклом шлема удивленное лицо.

— Посол Ставрос?

Табличка на скафандре сообщила, что к Ставросу обращается лейтенант Галей.

— Да,— ответил Ставрос, а затем прибег к помощи экрана, так как сомневался, что лейтенант поймет его искаженную речь.— Говорите со мной как обычно и смотрите на экран. Будьте почтительны с регулами. Их необходимо куда-нибудь переправить, если вы не можете гарантировать нормальную работу в здании.

— Сэр...— Похоже, Галей был очень озадачен, но он быстро взял себя в руки.— Здесь командуете вы. Какие будут распоряжения? Боюсь, основная проблема — это недостаток энергии. Мы можем организовать ремонтную бригаду. Похоже, здание не заражено радиацией, мы обнаружили

лишь несколько слабых очагов. Орбитальная станция не повреждена. Вам лучше эвакуироваться.

«Здание не слишком пострадало? Годится для жизни?»

— Это здание? Да, сэр. Кажется, годится.

«Тогда мы остаемся. Здесь непредсказуемая погода. Все остальное — под моим контролем».

— Сэр, но мри... Мы не можем понять, что здесь произошло,— сказал Галей.

«Лейтенант Галей, возникли кое-какие осложнения. Но мы справимся. Будьте любезны, расставьте людей так, чтобы не мешали нам нормально работать. В вашем распоряжении радиостанция, она вот за этой этой дверью. Извините, но я не буду вас сопровождать».

— Да, сэр.— Галей отдал честь Ставросу и неподвижно стоящему регулу. Его подчиненные — солдаты космической пехоты — занялись своим делом. Несомненно, переговаривались они только по индивидуальным рациям, чтобы регулы не могли подслушать радиообмен с кораблем.

— Тут одни юноши,— заметил Хулаг.— А старшие есть?

Ставрос понял, что он имеет в виду: не помешает ли кто-нибудь заключить договор.

«Прошу прощения, бай Хулаг. Этот офицер — старший над юношами. На борту корабля есть старший, но он — военный. Как вы должны помнить, военные согласно договору подчиняются мне во всем, что касается административного аспекта нашей деятельности на Кесрите. Пока нет поводов для их вмешательства, за исключением...»

— За каким исключением?

«Мой пропавший помощник — военный. Бай прибывшего корабля может решить, что поисками Данкана лучше заняться ему. Для него это удобный предлог напомнить о своей власти. Естественно, мне

бы этого не хотелось. И по-моему, было бы неплохо запастись каким-нибудь объяснением».

У Хулага затрепетали ноздри.

— Мы можем отправить поисковую партию в Долину Дусов, где произошло столкновение моих регулов с мятежным мри. Все это очень неприятно, но если мы найдем...

Ставрос глядел на бая, не скрывая тревоги.

«Значит, вы полагаете, что мой помощник мертв?»

— Это вполне возможно.

«Но если он жив, один из ваших регулов может успешнее провести поиск, чем офицер с прибывшего корабля. Вы согласны, бай? Если найдется мой помощник, это укрепит мою власть и благотворно отразится на нашем сотрудничестве. Не спорю, он молод, и его связь с мри нельзя объяснить иначе, как истерической реакцией и временным умопомрачением. Но мне бы очень хотелось, чтобы он вернулся живым».

Бай обдумал его слова.

— Да,— сказал он.— У меня есть регул, хорошо знающий местность. Так можно без труда организовать поиск.

«Благодарю. Мне необходимо отдать распоряжения о посадке корабля». Ставрос развернул тележку и поехал к Галею, слыша, как за его спиной Хулаг подзывает Хаду Сураг-ги.

Усталость и потрясения наконец дали о себе знать: трудно было сосредоточиться на управлении тележкой, в глазах стоял туман. Это было непривычно. Но он держал чувства в узде, чтобы не встревожить Галея. Казалось, лейтенант не знает, что делать: то ли помощь предлагать, то ли выражать соболезнования, то ли поздравлять старика, что остался жив.

— Вы здесь один, сэр? — спросил Галей.

«Как вы уже заметили, обстановка сложная. И медлить нельзя. Кораблем командует Кох?»

— Да, сэр.

«Свяжите меня с ним. Мой пульт подключается к главному. Можно посадить корабль в порту, чтобы людей хватило для работы на корабле и на планете?»

— Не сейчас. Порт полностью разрушен. Но станция цела и невредима.— Галей склонился над пультом и стал неуверенно тыкать пальцем в незнакомые клавиши.

Ставрос отстранил его послушной рукой, не без гордости сам набрал пароль рейдероносца «Сабер», который доставил на Кесрит основателей земной колонии: ученых и инженеров.

И военных.

Кесрит — под властью Ставроса. Никто из вновь прибывших не способен его заменить. В глубине души Ставрос знал, что толстенный торговый магнат из рода Аланей нужен ему не меньше, чем он сам — роду Аланей.

Он увидел удивленное лицо офицера связи, но оно тут же исчезло, и на экране появилось лицо Коха, капитана корабля «Сабер».

— Ставрос? — спросил Кох.

«Мне трудно говорить,— напечатал Ставрос.— Здесь находятся регулы, они в затруднительном положении. Они нам помогут устроиться на планете. Нужна пища, питьевая вода».

— Но мы не собирались кормить регулов.

«Непредвиденные обстоятельства. Все решения относительно регулов и Кесрита принимаю я. Ситуация под контролем. Сейчас необходимо найти моего помощника, скорее всего случайно подвергшегося нападению мри. Очаги радиоактивного заражения находятся преимущественно в порту. Прошу направить сюда военный кон-

тингент, он будет подчиняться мне до конца расчистки».

— Конечно,— отозвался Кох.— Вся медслужба «Сабера» в твоем распоряжении, если прилетишь на станцию.

«Нет. У регулов вполне нормальное медицинское обслуживание. Ситуация чрезвычайно сложна и требует безотлагательных решений. Состояние моего здоровья удовлетворительное. Я не слагаю с себя полномочий губернатора Кесрита. Как только будет закончена расчистка, пришли сюда ученых, военных и персонал администрации вместе со всем оборудованием».

— Может, лучше все-таки не спешить?

«Безотлагательно сделай все, что я попросил».

Последовала пауза.

— Хорошо,— сказал Кох.— С первой партией высадится врач.

«Ему придется долго ждать, пока я освобожусь».

Кох проглотил и это. Поразмыслив, он кивнул.

— Ты управляешь Кесритом, но экспедиция подчиняется только мне. Когда найдем место для посадки, передам тебе весь гражданский персонал. Еще отдаю в твое распоряжение звездолет «Флауэр», он чисто исследовательский, не военный. Скажи, ситуация не требует немедленного вооруженного вмешательства?

«Не требует».

— У вас внизу очень плохая погода.

«Это здесь в порядке вещей. Наберись терпения, у нас тут еще есть работа. Посадка на планету и все торжества — не раньше, чем расчистим порт».

Подъехала тележка. Ставрос услышал ее и моментально развернул телекамеру, чтобы Кох видел и его, и Хулага. Он не мог отказать себе в удовольствии понаблюдать за лицом Коха, который впервые увидит старшего регула.

«Это бай Хулаг,— представил регула Ставрос, снова переключив экран.— Если угодно, самый влиятельный регул. Наше сотрудничество приносит пользу обеим расам».

— Ясно,— медленно проговорил Кох. Он с трудом заставил себя остаться у экрана. Он понимал, что в этой ситуации от него почти ничего не зависит. Но он был военным до мозга костей и умел не только командовать, но и подчиняться.

— Ставрос, ты получишь помощь.

Удовлетворенно кивнув, Ставрос прервал связь и взглянул на Галея.

«Осмотрите окрестности,— приказал он лейтенанту.— И как только убедитесь, что там безопасно, мы разбудим регулов. Это персонал бая. Повежливей с ними, лейтенант Галей».

— Мне сообщили, что район безопасен,— доложил лейтенант.— Здание хорошо защищено, следов радиации в нем нет.

Ставрос вздохнул с облегчением.

— Мои юноши постараются запустить водоочистную станцию и наладить подачу электроэнергии.— Хулаг махнул огромной рукой.— Хада займется транспортом. Я уверен, что на заводе остались неповрежденные машины.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

У входа в Сил'атен их встретил дус, охраняющий своего хозяина. Здесь же среди камней лежали полузасыпанные песком останки Эддана. А невдалеке смутно виднелся темный ком, скорее всего, то были Лиран и Дебас; рядом лежал Сателл в золотистой мантии. Мелейн накинула вуаль и отошла в сторону — ей, Владычице, не полагалось смотреть на мертвых. Но Ньюн приблизился к Эддану и с благоговением поправил на нем вуаль. И долго после этого он не мог смотреть в сторону Данкана, который нерешительно переминался с ноги на ногу чуть поодаль.

Ньюн почистил руки песком, сделал прощальный жест и поднялся на ноги. Данкан тоже сделал какой-то жест; наверное, у землян так было принято прощаться с мертвыми. Ньюн принял это как должное.

— Они сами выбрали такой конец,— сказал он Данкану.— Что ж, им больше повезло, чем оставшимся.

Затем он налил в чашку немного драгоценной воды, повернулся спиной к землянину, ополоснул лицо и руки, накинул вуаль. Взглянув вверх, он увидел двух дусов — они спускались вниз. Ньюн сразу отошел назад.

Его дус стоял рядом, не пытаясь приблизиться к троим осиротевшим стражам, выстроившимся против них. Морды зверей были угрожающе при-

подняты, хвосты хлестали по бокам. Затем самый большой из них — должно быть, дус Эддана — попятился и зарычал, призывая остальных. Но самый молодой нерешительно переминался с лапы на лапу, а потом пошел к дусу Ньюна. Второй последовал его примеру.

Старый дус Эддана презрительно рыкнул и пошел прочь от изменников, которых он больше не желал знать. Ньюн вздрогнул — на него вдруг обрушилась волна гнева. Но когда он двинулся дальше, за ним побрел не только его дус, но и те, что принадлежали Лирану и Дебасу. Эти дусы предали своих хозяев, оставили пост. Они выбрали жизнь, а дус Эддана решил до конца хранить верность своему мри.

— Ло'а-ни, дус! — ласково напутствовал Ньюн, восхищаясь преданностью старого зверя. Но тот ответил мощным предостерегающим посылом, который буквально отшвырнул Ньюна прочь. И тогда Ньюн снова взвалил на плечи свою ношу и вместе с Данканом и Мелейн пошел дальше.

Они не говорили о своей находке. Все и так было ясно. Дусы шли впереди, и время от времени один из них пробовал подойти к Ньюну, но бывший мьюк'ко бдительно охранял своих друзей и не подпускал к ним чужаков. Скоро те поняли, что ци'мри тоже нельзя трогать.

Вскоре они приблизились к устью долины Сил'атен. Здесь тоже поджидал страж, но не столь миролюбивый, как дусы. Ньюн первым заметил воронку в песке, удержал землянина за локоть и поднял камешек. Отойдя как можно дальше, он с силой запустил камнем в самый центр воронки.

В кругу диаметром в двадцать дусов вздыбился песок, и в воздухе мелькнуло бледное кожистое тело; гигантский бурильщик нырнул в песок чуть в стороне от того места, где выскочил.

Землянин выругался, но в голосе его звучал страх. Ньюн объяснил:

— Я показал тебе его, чтобы ты понял: не зная этой страны, не имея дуса, здесь не пройти. Говорят, в великих песках встречаются особи и покрупнее. Дусы чуют их запах. Они чувствуют и другие опасности. Даже мри не любят ходить по таким местам в одиночку. Вряд ли ты выжил бы здесь без нас.

— Я понял,— коротко отозвался Данкан.

Они медленно пошли дальше, вдоль утесов — так было безопаснее. Они брели мимо отмеченных завалами камней пещер, и угрюмые, причудливой формы скалы Сил'атена роняли жутковатые жуткие тени на песок, обступали со всех сторон путников, отрезали путь назад.

— Что это за место? — благоговейным шепотом произнес Данкан, когда они подходили к могилам Матерей.

— Нла'ай-мри,— ответил Ньюн.— Сил'атен, кладбище нашего племени.

После этого Данкан надолго умолк. Он лишь боязливо смотрел по сторонам да изредка оглядывался назад, где ветер заметал следы, возвращая пустыне ее истинный облик, будто двуногие существа и вовсе здесь не проходили.

Теперь Мелейн возглавляла маленькую процессию. Она едва переставляла ноги, держась за шею дуса, которому, похоже, это очень нравилось. Они продвигались в глубину каньона, где Ньюн никогда не бывал; они проходили мимо каменных пирамид — не то надгробий над могилами Матерей, не то путеводных вех. На скалах кое-где попадались надписи; Ньюн их прочесть не мог, а Мелейн читала легко и уверенно шла вперед. И хотя она тоже никогда прежде здесь не бывала, Ньюн целиком полагался на нее.

Мелейн очень устала, и временами казалось, что она вот-вот распорядится о привале, но девушка всякий раз лишь переводила дыхание и снова шла вперед. Солнце уже перевалило за утесы, и теперь путники брели в холодной тени. Впереди шел дус и предостерегающе рычал, если что-нибудь внушало ему тревогу. Наконец они добрались до конца ущелья, дальше было не пройти, и Ньюн вопросительно взглянул на Мелейн. Он не знал, то ли она сбилась с пути, то ли выбрала этот тупик для привала.

Но Мелейн смотрела вверх, на едва заметную тропу. Ньюн не замечал ее, пока не проследил за взглядом девушки. Тропу можно было обнаружить только с этого места. Она вела в красные скалы, в лабиринт нерукотворных каменных колонн, подобно гигантским перстам указующих в небо.

— Ньюн.— Мелейн сделала ему знак оглянуться.

Он подчинился. Данкан, у которого борьба со здешним воздухом отняла последние силы, отдыхал на своем мешке. Сзади к нему подбирались дусы. Один из зверей протянул мохнатую лапу. Данкан обернулся и застыл от страха.

— Яй! — крикнул Ньюн, отгоняя любопытного дуса, который сразу же виновато отдернул лапу. Дусы отошли в сторону, от них исходило смятение.

Ньюна тоже охватило смятение при мысли о том, что им, да еще вместе с землянином, придется забираться в лабиринт, где один неверный шаг означает гибель для всех.

— Что с ним делать? — обратился он к Мелейн на хол'эйри, чтобы Данкан не понял их разговора.— Его нельзя здесь оставлять.

— Оставим,— решила она.— Дусы постерегут.

Ньюн попытался возразить, но она, похоже, его не слушала.

— Он пойдет следом за нами,— сказал Ньюн, чувствуя, что желудок сжимается от страха.

Интель ясно видела будущее. «У меня нехорошие предчувствия»,— сказала она в тот последний вечер, и теперь он тоже предчувствовал что-то ужасное. Внезапно он понял, что им не удастся вернуться назад. Ему вдруг показалось, будто он потерял нечто крайне важное. Он чувствовал, как землянин все глубже и глубже проникает в его душу.

Он этого не хотел. Но Данкан стал такой же неотъемлемой частью его жизни, как и умение воевать; Ньюн взглянул на землянина и содрогнулся, внезапно испытав неприязнь к нему. Не зная, что делать, он машинально нащупал рукоять пистолета.

Но он был кел'еном, честью Народа, и не мог хладнокровно застрелить беззащитного врага. Вот если бы Мелейн приказала убить Данкана, он бы это сделал с чистой совестью...

И когда Данкан посмотрел в его сторону, Ньюн быстро убрал руку с кобуры, стремясь утаить и мысль свою, и действие.

— Идем,— сказал он.— Идем, нам нужно наверх.

Он полез первым и сразу понял, что Мелейн не может сама подняться по этой узкой, давно нехоженой тропе. Встав поустойчивей, он подал ей руку; здоровая рука Мелейн потянулась навстречу. Ньюн осторожно продвигался вверх, то и дело останавливаясь, чтобы помочь ей сделать очередной шаг. Судя по гримасе муки на лице девушки, подъем ей стоил тяжкого труда. Следом за ней шел Данкан, а замыкали шествие звери, из-под огромных лап в пропасть сыпались

камни, но когти и огромная сила позволяли дусам спокойно подниматься.

И на полпути они услышали гул самолета.

Первой его уловила Мелейн, когда остановилась перевести дух. Она повернулась и указала в долину; там на небольшой высоте описывал круги летательный аппарат регулов. С него беглецов не могли увидеть, поэтому они спокойно наблюдали за ним, не спеша укрыться.

Ньюн смотрел не только на самолет, но и на Данкана, который стоял, прижавшись спиной к камню. Как он мечтает подать сигнал пилоту! Он бы непременно так и сделал, будь у него хоть малейший шанс остаться после этого в живых.

Значит, они не одни на планете.

— Идем,— сказала Мелейн.— Нужно побыстрей выбраться отсюда, пока нас не заметили.

— Идем,— сказал Ньюн Данкану, и было в этом слове столько нежданной злости, что Данкан покорно повернулся и зашагал следом за мри, расставшись со всякой надеждой на спасение. Поворачиваясь, чтобы помочь Мелейн, Ньюн смотрел в небо, но самолета больше не видел. И все же это не успокаивало. В любой момент регулы могли появиться над ними, перелетев через утесы, прикрывающие их лишь с одной стороны.

К облегчению Ньюна, когда они взобрались наверх, перед ними открылся пологий спуск. Тропа виляла между каменными столбами, которые в лучах заходящего солнца казались багровыми. Здесь гулял сильный ветер, гнал пылевые облака между столбами и заметал следы.

На Данкана снова напал кашель и не отпускал, пока Мелейн не разрешила пленнику отдохнуть. В высокогорье, где они находились, воздух был еще суше, чем в долине; здесь никогда не шли дожди, лишь ветер гнал тучи песка. Внизу при-

ютилось море — Дзе'асач, но оно было таким же крохотным и безжизненным, как и Алкалинское, на чьем побережье раскинулся город регулов; а за морем тянулась горная гряда — Догин, цепочка источенных ветрами скал, правда еще довольно высоких. Эта гряда преграждала путь ураганам, направляя их разрушительную силу в долины.

Тучи, которые сейчас проносились над путниками, едва не касаясь их голов, несли воду, чтобы обрушить ее на глубокие долины планеты. Здесь можно было не бояться бури, но не было и надежды пополнить запасы питьевой воды. Беглецов, их пленника и зверей ждал лишь трудный и опасный путь под черным небом.

Рев двигателей налетел внезапно. Ньюн затолкал землянина и дусов в черную тень скалы, а Мелейн сама нашла себе укрытие. С самолета теперь могли увидеть только дуса — огромный светящийся силуэт на экранах приборов, обычное зрелище в пустынях Кесрита. Если регулы будут палить в каждого дуса, у них просто не хватит боеприпасов.

Самолет улетел. Ньюн, державший землянина за одежду так крепко, что не давал даже пошевелиться, отпустил его и перевел дыхание.

— Можно немного отдохнуть,— сказала Мелейн усталым голосом.— Идти еще далеко. Я должна отдохнуть.

С одного взгляда на нее Ньюн понял, что она устала и измучилась неимоверно. Все время, пока они поднимались, он чувствовал ее боль, как свою собственную. А устраивать долгие привалы было нельзя. Его это глубоко удручало — он знал, что Мелейн держится из последних сил.

И если она не выдержит, для него все будет кончено.

Он вынул из мешка спальный мешок и расстелил рядом с дусом, поближе к теплому и мягкому боку. Посмотрев на Мелейн, Ньюн обрадовался — она согласна на привал, она тоже улеглась и наслаждается теплом и покоем. Страдальческая складка на ее лбу постепенно разглаживалась.

— Я скоро приду в себя,— пообещала она, коснувшись его руки. И вдруг ее глаза расширились. Ньюн резко обернулся и увидел, что Данкан исчез, растворился но тьме между каменными столбами.

Ньюн с проклятием бросился вдогонку, слыша, как рычат бегущие по следу беглеца дусы. Он обогнул каменный останец, остерегаясь засады,— со стороны землянина это было бы грубейшей ошибкой. Но Данкан словно растаял в воздухе.

Мелейн осталась одна! При мысли о том, что землянин может вернуться к ней, раненной, беспомощной, Ньюна прошиб пот. Но через мгновение он услышал вой дуса, взявшего след, и скоро крики зверей возвестили, что добыча уже видна. Ньюн, восславив богов своей касты, с пистолетом в руках бросился на голоса зверей.

Он догнал Мелейн, которая вместе с дусом бежала в ту же сторону. Они одновременно увидели землянина. Его уже настигали дусы.

— Яй! — крикнул Ньюн, запрещая дусам приблизиться к жертве и убить. Звери сразу остановились, позволили забравшемуся на карниз Данкану спуститься, но землянин по-прежнему цеплялся за скалу. Вуаль он потерял, пока несся сломя голову; на измученном лице застыла ярость. Он задыхался от кашля, из носа текла кровь.

— Спускайся,— крикнула Мелейн.

Но он не подчинился. Ньюн полез за ним, растолкав дусов. Данкан попробовал забраться еще выше, сорвался, потом сел, опустил голову на колени и закрыл ее руками.

Ньюн схватился за ремешок фляги с водой и вырвал ее из рук землянина. Потом дал беглецу немного отдышаться, поскольку и сам устал.

— Это была хорошая попытка,— сказал Ньюн.— Но в следующий раз я тебя убью. Просто чудо, что тебя не разорвали дусы.

Данкан поднял голову, на его щеках ходили желваки, в глазах были злость и презрение. Он пожал плечами и снова зашелся мучительным кашлем.

— Ты хотел подать сигнал самолету,— сказала Мелейн.— Чтобы он прилетел и уничтожил нас.

Данкан снова пожал плечами, встал и полез вниз. Дусы были разгорячены охотой и недовольны, что им не позволили разделаться с добычей. Ньюну пришлось идти между ними и землянином. Мелейн замыкала процессию.

Возвратясь к своим брошенным без присмотра пожиткам, они снова устроились на отдых. Побег отнял последние силы у всех, не только у Данкана. Ньюн задумчиво смотрел на землянина и размышлял, что бы тот натворил, если бы остался на свободе. Наверное, они все-таки зря рискуют, оставляя его в живых. Мелейн смертельно устала, вдобавок ранена. Где-то поблизости кружит самолет, регулы дожидаются любой их ошибки. Стоит кому-нибудь из беглецов выйти на открытое место, как их моментально заметят.

— Закрой лицо,— приказал Ньюн землянину.

Данкан угрюмо посмотрел на него. Выполнять приказ ему явно не хотелось, но он опустил голову, надел вуаль, расправил ее и снова взглянул на Ньюна.

Дус зарычал и двинулся к землянину.

— Яй! — рявкнул Ньюн, и дус неохотно подчинился. От злости дуса жаркая кровь ударила

кел'ену в виски, но он сдержался. Он не должен уподобляться зверям, ведь он разумное существо.

Данкан отодвинулся в сторону и уперся взглядом в камень перед собой.

— Пойдем дальше,— немного погодя сказала Мелейн. С трудом превозмогая боль, она поднялась на ноги; внезапно она пошатнулась, и Ньюн бросился на помощь.

Но она оперлась о дуса, и тот двинулся вперед, помогая ей идти. Они шли медленно и осторожно. В такой темноте, да еще среди голых скал, можно было довериться только дусу.

Ньюн собрал фляги с водой, а все остальное предоставил нести Ньюну, приказав ему идти быстрее. Вскоре Ньюн уже торопливо шагал между двумя дусами, боясь потерять во тьме силуэт Мелейн.

Огромные туловища дусов, не чувствительные к яду ветроцвета, хорошо защищали их спутников и от других врагов. Только дусы отваживались ходить по такой местности после наступления темноты, и тьма расступалась перед ними и смыкалась перед их преследователями.

Долгий путь привел на открытую площадку под несущимися наперегонки рваными тучами. Путники пересекли ее почти бегом, прячась за редкими каменными глыбами; вдали вновь загудели моторы самолета.

Самолет приближался. Данкан с надеждой посмотрел на небо, а затем оглянулся назад и увидел, что Ньюн достает ав-тлен; острая сталь с шелестом выскальзывала из ножен.

Они смотрели друг на друга, пока самолет не описал над ними круг и не скрылся вдали. Ньюн привычным движением вернул клинок на место.

— Кто-то знает, где тебя искать.— Ньюн неожиданно охрип.— Я думаю, что земляне этого знать не могут.

Ледяной холод сжал сердце Данкана. Он взглянул на Мелейн.

— Останавливаться больше нельзя,— сказала она.— Нас не должны найти. Нужно прийти на место до рассвета и успеть оттуда выбраться. Поторопись, Ньюн.

Ньюн легонько толкнул Данкана.

— Идем.

— Это из-за нее? — Данкан кивком указал на Мелейн.— Это из-за нее регулы не оставляют тебя в покое?

— Исключено,— уверенно сказал Ньюн. И тут в его мозгу с с ужасающей ясностью вспыхнула догадка. Он обернулся к Мелейн и заговорил на высшем языке.— Не могу поверить, что регулы охотятся за нами. Откуда они знают, что мы живы? Да если бы и знали, зачем им двое мри, если остальные мертвы? И как они могли узнать, что кто-то уцелел? Побывали на развалинах Эдуна? Но там никаких следов. Это земляне, проклятые земляне! У Данкана в городе остался хозяин, именно из-за Данкана регулы гонялись за мной в долине. Регулы до сих пор выслеживают нас. Регулы и земляне объединились против нас.

В ее глазах появилась тревога.

— Идем,— сказала она.— Идем быстрее. Я не знаю, что с ним делать, но сейчас не до этого.

— О чем вы говорите? — хриплым от волнения голосом спросил Данкан. Возможно, он разгадал смысл некоторых слов, а может, заметил взгляд, брошенный в его сторону. Ньюн с тревогой посмотрел на землянина и подумал, что тот догадывается, как мало значит для них его жизнь.

— Идем.— Ньюн снова толкнул Данкана, на сей раз грубо.

Проглотив вопросы, вертевшиеся у него на языке, землянин зашагал вперед.

«Если регулы разыскивают Данкана, хотят его освободить,— подумал Ньюн,— то надо его отдать. Но нужна гарантия, что охота прекратится. Этому не бывать, если Данкан выдаст регулам, что ши'пан мри жива».

«О боги! — с горечью подумал Ньюн.— Похоже, все идет к тому, что на мою совесть ляжет позорное пятно убийства. Но другого выхода я не вижу».

Но самолет больше не появлялся, и вскоре Ньюн забыл о Данкане, из-за которого двоим уцелевшим мри угрожала гибель. Забыл он и о том, что ждет самого землянина, если угроза станет неотвратимой.

* * *

Дважды они останавливались для отдыха, несмотря на протесты Мелейн, и каждый раз девушка настаивала, чтобы Ньюн не задерживал их, потому что она уже вполне пришла в себя. И вновь она шла вперед, опираясь на руку Ньюна, шатаясь и едва не падая.

После полуночи они вошли в тесное ущелье, которое прихотливо извивалось между мрачных утесов. Оно все сужалось, скалы угрожающе нависали над головами путников. Мгла здесь царила кромешная, куда чернее, чем снаружи.

— Зажги фонарь,— сказала Ньюну Мелейн.— Мне кажется, что камни сомкнулись у нас над головой.

Ньюн включил фонарик Данкана. Тонкого луча едва хватало, чтобы освещать землю под ногами. Узкий извилистый коридор уводил их все ниже и ниже, пока наконец над головами не появилось небо. После кромешной тьмы ущелья ночь показалась солнечным днем. Здесь стены ущелья расступались; их украшали те же древние символы,

что были начертаны на стенах Эдуна. Шедший впереди дус попятился, его рычание гулким эхом разнеслось по ущелью, и Ньюн направил луч света влево. Там возле входа в пещеру виднелась груда костей и истлевших черных лохмотьев.

Могила стража.

Ньюн благоговейно коснулся лба, почтив память незнакомого кел'ена. Заметив, что Данкан чересчур близко подошел к священному месту, он грубо оттащил его назад. Затем Ньюн направил луч на Мелейн, которая остановилась у входа в пещеру. Вход был завален камнями и запечатан ладонью стража, оставившего здесь свою жизнь.

Мелейн поклонилась священной усыпальнице и вдруг повернулась к Данкану, устремила на него грозный взгляд.

— Данкан, не смей переступать через тело стража, иначе ты умрешь. Стой здесь и жди. Ничего не трогай, ничего не делай. Никуда не смотри.— Она повернулась к Ньюну.— Освободи проход.

Он отдал ей фонарь и принялся откидывать камни, уложенные давным-давно усопшим стражем. Это святилище кел'ен обязан был охранять до самой смерти, никуда не отлучаясь со своего поста. Ньюн знал, на что обрек себя этот незнакомец. Когда у него не осталось ни пищи, ни воды, когда болезни и старость отняли последние силы, кел'ен залез в неглубокую нишу, чтобы умереть. Он до конца выполнил свой долг, и его дух будет вечно витать в этом мрачном ущелье.

Может быть, сама Интель стояла здесь и благословляла закрытие входа в пещеру, и целовала отважного кел'ена в лоб, и приказывала оставаться здесь до конца.

Это один из тех, кто уцелел вместе с ней на Нисрене, кто прилетел сюда сорок с лишним лет назад, когда пана попали на Кесрит.

Камни откатывались легко, и вскоре Мелейн удалось пробраться в холодную пещеру. Луч фонаря пробежал по стенам, исписанным древними письменами и загадочными символами — хранителями священных Тайн. Ньюн увидел их мельком и сразу упал на колени, вжался лицом в землю, сгорая со стыда,— ведь его взор коснулся запретного. В пещере звучали легкие шаги Мелейн, затем они стихли. Но он боялся пошевелиться. Он посмотрел на другую сторону ущелья; Данкан и звери, стерегущие его, тоже не двигались.

Он ждал, и ледяной страх пронизывал все его существо, и его била крупная дрожь.

Если она не вернется, он останется здесь и будет терпеливо ждать. Чего ждать? Ее возвращения или собственного конца? Из пещеры не доносилось ни звука. Один из дусов зарычал — не выдержали нервы. И снова надолго воцарилась тишина. Ньюн услышал шорох в пещере, вернее, какие-то повторяющиеся звуки... Наконец он понял, что это всхлипывания. Сначала они были едва слышны, но звучали все громче.

— Мелейн! — закричал он во всю силу легких, забыв обо всем на свете, устремив взор в святое, запретное для него место. В пещере двигались тени, пятна рассеянного света. Его голос прокатился по ущелью и взбудоражил дусов. Ньюн вскочил на ноги, он ужасно боялся входить и еще больше боялся ждать.

Снова — тишина. Он подошел к самой двери, положил на нее руку, приказал себе войти. И вдруг где-то в глубине пещеры раздались легкие шаги, затем ее голос; он понял, что Мелейн жива и не зовет его. Он ждал, дрожа всем телом.

В недрах скалы что-то двигалось. Шумели какие-то механизмы. Они заглушали шаги Мелейн,

но время от времени Ньюн слышал ее вполне ясно. Он вдруг с ужасом вспомнил, что совсем забыл о Данкане, и в тот же миг повернулся к нему.

Но землянин стоял на месте, не переступая границу, которую ему указала Мелейн.

— Сядь,— отрывисто приказал Ньюн. И Данкан сел на землю там, где стоял.

Ньюн обругал себя: думая только о Мелейн, совсем забыл о ее поручении. Ведь от Данкана зависит их жизнь. Он сел на песок так, чтобы видеть и Данкана, и вход в святилище, обхватил колени руками, стиснул и весь обратился в слух и ожидание.

Ждать пришлось очень долго; терзаемый тревогой юноша много раз менял позу. Ему казалось, что близится рассвет, хотя небо над головой попрежнему было черным. Из святилища очень долго не доносилось ни звука.

Не выдержав, Ньюн снова поднялся и шагнул к двери, и снова приструнил себя: не смей! Он нетерпеливо прохаживался по небольшой площадке, изредка поглядывая на землянина, который ждал, не сходя с места.

Снова раздались шаги. Ньюн повернулся и увидел в дверном проеме тонкий луч света. Увидел темный силуэт Мелейн. И фонарик в ее руке.

Ньюн подошел вплотную к двери, но в пещеру войти так и не осмелился. Мелейн несла какой-то футляр, эллипсоид из блестящего металла. Футляр был снабжен ручкой, но Мелейн несла его как ребенка или как бесценное сокровище, обеими руками прижимая к груди, шаталась под его тяжестью, спотыкалась о камни, не в силах перешагивать через них.

— Возьми,— еле слышно сказала она, из последних сил протягивая футляр Ньюну.

Он был холоден и не пуст. Внутри лежало что-то тяжелое. Что-то необыкновенное. Ньюн содрогнулся, прижав его к себе.

Взглянув ей в лицо, он снова обмер. В струившемся из пещеры красноватом свете он увидел, что по ее щекам текут слезы. В Святилище метались неясные тени. Мелейн оглянулась, чтобы бросить последний взгляд в глубь пещеры, затем повернулась к Ньюну и посмотрела на него словно из невообразимой дали.

«Мелейн!» — хотел сказать он и не смог. Перед ним стояла прежняя Мелейн, сестра, но в ней было что-то еще, и он не знал, как назвать ее, как вернуть обратно. Он отшатнулся — его испугал сиявший за ее спиной красноватый свет.

Мелейн забрала футляр, прошла по россыпи камней наружу. Ньюн не отставал ни на шаг. Кожа ее была холодна, рука безжизненно соскользнула с руки Ньюна, когда его поддержка стала не нужна. Ньюн задержался у входа в пещеру. В ее глубине разгорался красный свет, и было такое чувство, будто там гибнет что-то бесценное. Цепенея от страха и изумления, он смотрел в этот свет.

Снова — мгла. Остался только странный холодный эллипсоид. Держа его обеими руками, Ньюн шел следом за Мелейн. Он понимал, что в его руках — пан'ен, чье название никто из его касты не мог произносить без дрожи. Тайна, которую кел'ены никогда не видели.

Кел'ен, который охранял здесь эту Тайну, который обрек себя на смерть ради того, чтобы она осталась нераскрытой, благородный мри, верный древним традициям, кел Перехода, даже помыслить не мог о том, что эта святыня окажется в руках Ньюна с'Интель.

Ньюн собрал все свое мужество, чтобы нести пан'ен, потому что благодаря ему Мелейн обрела

могущество. Да, с этого часа она Мать по праву; в это он верил свято. Прежде в его глазах она была Владычицей лишь наполовину, ее к этому вынудили печальные обстоятельства. Но теперь он знал, что все необходимые ритуалы пройдены, что Интель передала ей самое главное... Ши'пан. Впредь он так и будет ее называть, ибо она знает Тайны.

Она побывала наедине с пана в пещере и поняла то, что не способен понять кел'ен. Но он не завидовал, ее горестные рыдания все еще стояли в его ушах. Просто теперь все встало на свои места: она властвует, потому что знает, а он подчиняется, потому что верит.

Они покинули долину. Мри, землянин, дусы. Из пещеры валил дым, поднимался ввысь. Пламя раскалило стены, жар настигал путников. Они уходили той же дорогой, которая привела их сюда, в холодный Мрак.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

В первый день новой эпохи Ном заполнили земные техники. Ставрос радовался шуму спорящейся работы, наслаждался расторопностью землян, по которым так соскучился среди медлительных, сонных регулов. Доклады шли непрерывным потоком. Земляне уже приступили к восстановлению опреснительной станции, к ликвидации последствий ураганов и взрывов.

А в том месте, которое сочли пригодным для посадки, расположился приземистый «Флауэр». Он стоял на противоположной от города окраине порта. Для этого небольшого корабля не требовалось огромной площадки. Он предназначался для автономных полетов и имел собственную систему жизнеобеспечения.

Хорошо, что в состав экспедиции догадались включить несколько таких кораблей, пускай даже они не приспособлены для военных действий. Огромный — до километра в длину — «Сабер» остался у орбитальной станции. Он не сможет сесть на Кесрите, пока для него не приготовят место.

«Флауэр», напоминавший, вопреки своему названию, не цветок, а скорее хрупкую раковину, был на самом деле отнюдь не хрупким; лишенному выступающих плоскостей кораблю недоставало изящества, зато он мог действовать в самых разнообразных условиях и не требовал для посадки и обслуживания сложного и громоздкого оборудования.

Корабль привез техников и исследователей, и те безотлагательно взялись за дело. Они копались в кесритских архивах, брали пробы воздуха, воды и почвы, делали все возможное, чтобы обеспечить землянам сносную жизнь на этой суровой планете.

Когда закипела работа, бай Хулаг сказал:

— Мы очень сожалеем о разрушениях в городе и порту, но ведь мы тут ни при чем — это все результаты катастрофы. Мы сделаем все от нас зависящее, чтобы помочь вам.

Молодые регулы не хотели трудиться вместе с землянами. Они предпочитали работать своими небольшими группами, не скрывая, что с радостью покинули бы Кесрит как можно скорее, что хотят лишь одного: поскорее оказаться в безопасности, среди своих.

Бай Хулаг отобрал несколько регулов для работы в своей канцелярии. И пока они находились в Номе среди землян, с их физиономий не сходили угодливые улыбки — юные регулы безумно боялись своего бая.

Так продолжалось до тех пор, пока не поднялся ураган и не появились дусы.

Первое сообщение пришло с завода питьевой воды, где работала группа Галея. Лейтенант доложил на «Флауэр», что с гор спускается громадная стая каких-то животных. «Флауэр» убедился в достоверности этой информации и передал ее биологам и Ставросу.

Ставрос в своей тележке двинулся в дальний конец Нома, к наблюдательному посту. Там, помучившись с переключателями на пульте, он не выдержал и, перейдя на ручное управление, выехал наружу.

На него обрушился шквальный ветер. Черные клубящиеся тучи мчались по небу, заполняли со-

бой все пространство до горизонта. Повсюду вокруг города, насколько охватывал глаз, сидели дусы.

Ставроса била дрожь, и вовсе ни при чем тут были пронизывающий до костей ветер и жгучий запах дождя. Он сидел в тележке, ветер трепал его седые волосы. Он видел «Флауэр», угнездившийся на вершине холма, видел опреснительные установки, видел машины, которые спешили укрыться от приближающейся бури, видел самолеты, заходящие на посадку, чтобы ураган не застиг их в воздухе. Это будет поистине чудо, если все успеют укрыться, если никто не пострадает. Он в бессильном гневе стиснул кулак, предвидя новые невосполнимые потери; самолеты, разбросанные по взлетной полосе, точно сломанные детские игрушки; драгоценную земную технику...

Ставрос переключился на волну «Флауэра» и услышал град отрывистых команд. То были приказы самолетам: облететь фронт урагана и совершить временную посадку в любом подходящем месте. Ставрос смотрел, как ослепительные молнии просекают почерневшее небо, как летящие с огромной скоростью зловещие тучи сталкиваются друг с другом в жутком красном сиянии Арайна.

А еще он видел дусов. Они сидели бесконечными рядами и глядели на землян и регулов. Ни на минуту не теряли их из виду.

Ставрос вздрогнул, когда первые капли дождя ударили по носу тележки. Опасно сидеть в такой металлической коробке, когда воздух насыщен электричеством и в небе беснуются молнии.

Он поехал назад, отворил дверь и тщательно запер ее за собой. В динамике по-прежнему звучал взволнованный голос капитана «Флауэра». На экране локатора высвечивался фронт надвигающейся бури, она перемещалась по берегу моря к городу.

— «Флауэр»,— вторгся Ставрос в переговоры корабля с самолетами.— «Флауэр», это Ставрос.

На борту узнали его высокий, с металлическим тембром голос, прорвавшийся сквозь помехи.

— «Флауэр», дусы, дусы...

— Мы видим, сэр. К сожалению, мы очень заняты...

Он снова перебил:

— «Флауэр», отгоните дусов! Скорее отгоните их подальше!

На борту поняли приказ. Ставрос сидел в тележке, ему казалось, будто он сошел с ума. А уж на «Флауэре» наверняка решили, что он спятил. Но зловещее напряжение в воздухе нарастало. Кожу покалывало. Он не мог вынести присутствия дусов, глядящих, как начинается буря.

Или призывающих ее.

Он отказывался верить в это. И все же, поддавшись страху, он приказал «Флауэру» прогнать дусов. Он слышал, как астронавты обсуждают необходимые меры. У них хватило ума не обсуждать сам приказ; они знали, что Ставрос их слышит. Он весь покрылся мурашками, как от холода, он еле сдерживал стук зубов. «Больной, измученный старик,— подумал он,— ты слишком долго был среди чужих».

Еще можно отменить приказ. Сказать, чтобы они занялись более важными делами.

Но как избавиться от страха перед дусами? Нет, это свыше его сил.

На экранах бешено заплясали помехи, вмиг лишив его возможности связаться с кем-нибудь. В приемнике раздавался непрерывный гул, его тон все поднимался. Гул перешел в пронзительный свист, у Ставроса заложило уши. Вскоре свист сделался таким высоким, что слух перестал его воспринимать. Ставрос обесточил пульт. Не-

ужели тележка сломалась? Неужели он в западне? Ведь он не способен ни двигаться, ни позвать на помощь.

Он посмотрел в забрызганное дождем стекло. Цепи дусов распались, звери разбегались. И вдруг Ставрос содрогнулся от ужаса: он понял, что дусы побежали не в горы, а к городу.

И вот уже они уже на улицах. Там, где еще никогда не появлялись.

Они нападали.

Из динамика зазвучал голос регула, до такой степени искаженный помехами, что невозможно ничего разобрать. Связь, прежде работавшая безотказно, теперь подвела. Град барабанил по стеклам, заставляя их жалобно дребезжать. Ставрос лихорадочно набрал на пульте команду для штормовых экранов, но те не реагировали. Он переключил тележку на автономное питание и попробовал включить экраны. Они остались темными, безжизненными. Где-то в здании раздался грохот, зазвенело разбитое стекло. Ветер и острый запах дождя наполнили коридоры и залы Нома.

Ставрос быстро развернулся, но тележка не двинулась вперед — он неверно выбрал команду. Его дрожащие пальцы отчаянно стучали по клавишам.

Наконец он поехал. Повернул за угол, очутился в зале, где произошла авария. Выбитое стекло валялось на полу, шторы, развеваемые сильным ветром, оглушительно хлопали. Молодые регулы бестолково суетились.

Ставрос не мог обратиться к ним — экраны на его пульте бездействовали. Регулы столпились вокруг него, о чем-то взволнованно спрашивая. Они ждали помощи, совета от старшего, пусть даже землянина. Ставрос проехал сквозь толпу, отыскал ведущий вниз пандус и направился в

наиболее безопасную часть здания, где располагалась канцелярия. Там вестибюль был пуст. Из динамика по-прежнему доносилось шипение.

Он не без труда добрался до канцелярии и увидел, что бай в безумной спешке возится с пультом, пытаясь закрыть окна штормовыми щитами.

На улице против окна стоял дус. Поднявшись на задние лапы, он всей своей огромной тяжестью обрушился на тонкий пластик окна. Тот прогнулся, заскрежетал под ударом когтей.

Хулаг в своей тележке отчаянно пытался набрать необходимый код. Ставрос в ужасе смотрел на рвущегося к нему зверя. В здании не действовала ни одна дверь, если дусы проникнут в здание, резня неминуема. Окна содрогались.

— Пи-сто-лет? — по складам выкрикнул Ставрос, чтобы понял бай Хулаг.— Пистолет!

И откатился назад. Хулаг, то ли поняв Ставроса, то ли самостоятельно придя к такому же решению, объехал стол и дрожащими руками достал из ящика пистолет.

Но дус уже уходил; огромное коричневое пятно быстро пересекало под дождем площадь.

Там были и другие звери, они нервно перебегали с места на место, сбивались в группы, снова разбегались. Они словно забыли, зачем явились сюда. Наконец они рассеялись по городским улицам и исчезли.

Постепенно дождь утих, оставив огромные лужи. Внезапно сработала автоматика, на всех окнах опустились штормовые экраны. Точно в насмешку.

Из динамиков послышались голоса — связь восстановилась. Компьютер Ставроса автоматически настроился на четкий прием.

— Ставрос, Ставрос, слышите меня?

— Отлично слышу.— Ставрос прервал связь. Перед его глазами вдруг возникла серая пелена, он

мог лишь сидеть неподвижно, медленно дышать и прислушиваться к натруженному сердцу и гулу в ушах.

Наконец ему немного полегчало.

— На втором этаже выбито окно,— сообщил он Хулагу.— По-моему, там серьезные повреждения.

— Юноши этим займутся.

Ни тот, ни другой не упоминали о дусах. «Флауэр» вновь переговаривался с самолетами, которые вылетели на поиски перед ураганом; пилотам приказывали вернуться в город. Один из них ответил. Хриплый голос с сильным акцентом принадлежал Хаде Сураг-ги.

— Прошу разрешить возвращение в зону поиска. Бай «Флауэра», разведчик просит разрешения вернуться в зону поиска.

Внезапно заговорил пилот другого самолета — землянин. Он выругался и спросил, кто это засоряет эфир своим карканьем.

Ставрос вытер неожиданно вспотевший лоб, отключил связь и взглянул на бая.

— Такого еще ни разу не было на моей памяти,— заметил бай.— Ни разу, уважаемый.— Нажатием на кнопку он вызвал молодого регула, а когда тот явился, Хулаг потребовал сой и донесения, а заодно обругал его за медлительность и несообразительность. Он часто дышал. Немало времени понадобилось ему, чтобы успокоиться.— Они там все с ума посходили,— заключил бай.

Ставрос решил, что он имеет в виду дусов.

— Это их планета,— сказал землянин.— Они ей владели еще до мри.

Юный регул принес сой. Он был до того напуган, что чашки прыгали на подносе. Ставрос выпил несладкий напиток, и по телу разошлось приятное тепло. Ему сразу полегчало.

Наконец он набрался смелости, чтобы поднять штормовые экраны. Площадь была пуста. На всякий случай Ставрос запретил регулам и землянам выходить из здания, пока не будет полной уверенности в том, что все дусы покинули город.

Ставрос знал, что теперь его будет долго преследовать жуткая картина: огромный дус, бросающийся грудью на окно. И если регулы способны видеть сны, то бая тоже долго будут мучить кошмары.

— Я очень стар,— жалобно сказал вдруг Хулаг.— Я слишком стар для таких испытаний, бай Ставрос. Регул, который первым прилетел на эту планету, был безумцем.— Он отхлебнул соя.— Дусы служили мри. Теперь эти чудовища остались без хозяев.

— Можно обнести город высокой стеной,— сказал Ставрос.— Наверное, мы так и сделаем.

Хулаг долго молчал. Прихлебывал сой. Ноздри его часто сжимались. Наконец он вздохнул и отъехал от окна.

— Хольны,— произнес он.

— Что — Хольны?

— Хольны утаили информацию. Я не догадался спросить, а они не сочли нужным поставить меня в известность. Теперь я все понял.— Ноздри бая бешено двигались, втягивая и выпуская воздух.— Бай Ставрос, мы много о чем не спросили. И в результате мы с вами почти ничего не знаем о Кесрите. Сущие крохи из того, что необходимо знать. Мы оба в трудном положении, бай Ставрос, и у нас общий враг.

— Хольны?

— Хольны,— подтвердил Хулаг.— Они оказались умнее, чем я думал. Что я скажу старейшинам рода, если вернусь нищим? Я все потерял, уважаемый Ставрос. Корабли, технику — все. Я разорен. Но Хольны обманули и вас.

— Бай Хулаг, вы ведь не случайно завели этот разговор.

— Все состояние рода Аланей здесь, со мной, в этих уцелевших юношах,— сказал Хулаг.— Я не вернусь с позором на корабле землян. Нет, бай Ставрос. Мы заключим сделку.

— Значит, союз?

— Союз, бай Ставрос. Торговля. Обмен. И месть.

Ставрос сверкнул глазами.

— Кесрит — это база для освоения новых территорий,— сказал он.

— Сначала нужно удержать Кесрит.

— И Хольны, и мри жили на Кесрите и пользовались его богатствами. И дусами. Даже ими.

Ставрос взглянул за окно, увидел черные тучи, мчащиеся по небу, развалины порта, дождь и подумал о богатствах Кесрита, которые достались землянам, и впервые в его душу закралось сомнение.

Смежив веки, он снова увидел зверя за окном. Такого же непонятного, неподвластного, как сама природа. Он возненавидел дусов за то, что они безрассудны, как ураганы, как дожди, как гейзеры этой планеты.

Он ненавидел их всех: регулов, килуванцев, дусов.

Но они — часть Кесрита, их нельзя не замечать или истреблять. Придется с ними считаться.

Кесрит — это совокупность случайных факторов. И Джордж Ставрос понимал, что управлять этими факторами не сможет. Он будет вынужден делить Кесрит с животными и регулами.

Вцепившись в пульт, он слушал «Флауэр», пытаясь разобраться в донесениях самолета-разведчика, который время от времени выходил на связь из разных участков поиска. Регул одинокого человека искал в пустыне, где рыщут дикие

дусы, бушуют страшные ветры и хлещут ядовитые ливни.

Ставрос едва не приказал разведчику возвращаться.

Но сегодня он и так надавал «Флауэру» много неразумных приказов. Поэтому он не вмешался.

На глазах у Ставроса один из самолетов описал круг над развалинами Эдуна и полетел на запад. Черная точка быстро исчезла в небесной мгле.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Мелейн наконец уснула. Ньюн протер усталые глаза, положил тяжелый металлический эллипсоид на колени и привалился спиной к теплому мохнатому боку дуса. Данкан лежал на животе прямо на песке. Его изорванная одежда плохо защищала от колючек и острых камней, в прорехах виднелась кожа, вся в царапинах и солнечных ожогах. Глаза, не защищенные вуалью, были воспалены, из них постоянно сочилась слезы, и на мокрые щеки налипла корка пыли, как у мьюк'ко.

Землянин слишком устал, чтобы ждать от него неприятностей. Ньюн заметил джо, примостившегося на каменном останце. Скорее всего, он укрылся от дневной жары или выслеживал змей — свою основную пищу. Что ж, безобидный джо — неплохой сосед на привале.

Ньюн склонил голову к футляру, обхватил его обеими руками и расслабился, решив немного поспать. Хорошо, что Мелейн согласилась наконец на привал. Последние шаги стоили ей чудовищных мук, она совсем выбилась из сил, хоть и отказывалась это признать.

Она взяла спальник и отошла за камни. «Посмотрю, что у меня с боком»,— сказала она.

Поскольку она не была ни кат'ен, ни кел'е'ен, ей пришлось самой позаботиться о себе. Ньюн боялся, что у нее сломаны ребра. Его охватил сильный страх и не покидал, пока она не вернулась, держась за бок.

На тонких губах он увидел слабую улыбку. Мелейн сказала, что чувствует себя гораздо лучше и даже постарается уснуть. Словно гора свалилась с плеч Ньюна, когда он увидел, что ей и впрямь полегчало.

Но страх не ушел. Ньюн очень боялся остаться в одиночестве, потерять Мелейн.

Остаться последним мри.

Ему приснился Эдун: башни беззвучно рушились, объятые пламенем. Он проснулся, судорожно прижимая к груди гладкий эллипсоид и боясь, что он тоже проваливается в Мрак.

Нет, он сидел на песке, и рядом неподвижно лежал дус. В стремительном прыжке джо схватил зазевавшуюся ящерицу и снова забрался на свое возвышение. Придерживая добычу сложенными крыльями и бдительно зыркая по сторонам, он приступил к трапезе.

Ньюн положил эллипсоид рядом с собой — так, чтобы все время его чувствовать,— и опустил голову на дуса. Он снова уснул, а проснулся от жары. Глянул на взошедшее солнце, потом на Данкана; лучи беспощадно жгли обнаженную кожу спящего землянина. Но тот ничего не чувствовал и не шевелился.

— Данкан,— позвал Ньюн. Не дождавшись отклика, он неохотно наклонился вперед и толкнул землянина.— Данкан!

Коричневые глаза открылись и сонно посмотрели на него.

— Солнце, глупый ци'мри, солнце. Перейди в тень.

Данкан перебрался на новое место и снова впал в забытье, уткнувшись обнаженным лицом в прохладный песок. Некоторое время спустя он заморгал и открыл глаза — окончательно проснулся.

— Нам пора идти? — слабым голосом спросил он.

— Нет. Спи.

Данкан поднял голову, посмотрел на Мелейн; девушка еще лежала и смотрела на него. Он шепотом сказал Ньюну:

— Наверное, земляне скоро будут на Кесрите. Ей нужна медицинская помощь. Ты это прекрасно понимаешь. Если убедимся, что на самолете земляне, надо подать им сигнал. Послушай, Ньюн, война окончена. Я понимаю, ты слишком плохо знаешь меня, чтобы верить на слово, но все-таки поверь: мы больше не собираемся воевать. Никакой мести, никакой крови. Идем со мной. К землянам. Ей нужна помощь.

Ньюн терпеливо выслушал Данкана. Он чувствовал, что землянин верит в то, что говорит.

— Может быть, это правда,— сказал он.— Но все равно она не согласится.

— Она умрет. А лечение...

— Мы мри. Мы не признаем никакой медицины, кроме своей. Она сделала все, что могла. Может ли ее коснуться чужак? Нет. Лечись, не лечись, конец один.— Он пожал плечами.— Может быть, это и не самый разумный образ жизни. Иногда мне кажется, что далеко не самый разумный. Но мы — последние мри, и мы должны жить, как жили все наши предки. Все остальное теперь не имеет значения.

И он снова лег, думая о Мелейн, о том, как они одержали маленькую победу над ци'мри, как они сохранили свои традиции и историю своего рода. И пальцы его ласково поглаживали поверхность эллипсоида.

— Я нарушил два табу,— сказал он.— Пощадил пленного и нес кладь, хотя со мной был ты. Но там, где речь идет о чести ши'пан, я не пойду на уступки. Нет. Я не верю в твою медицину. Я не верю в честность твоей расы и в твой образ жизни. Это все не для нас.

Данкан долго не сводил с него сумрачного взора.

— Не пойдешь на уступки, даже чтобы выжить?

— Даже ради этого.

— Если я вернусь к своему народу,— сказал Данкан,— то честно расскажу о том, что сделали регулы, что произошло той ночью в порту. Не знаю, будет ли от этого прок, изменится ли что-нибудь к лучшему. Но я должен все рассказать.

Ньюн наклонил голову — он одобрил решение землянина.

— Регулы скорее убьют тебя, чем позволят говорить. А если надеешься, что ради этого я тебя отпущу, то знай: ты ошибаешься.

— Ты мне не веришь.

— Я не верю словам о том, что земляне помогут нам, а не регулам.

Данкан умолк, уставился в пустоту. Он выглядел очень измученным и несчастным. Вытер струйку крови, сочившейся из ссадины на подбородке, и снова улегся, хотя спать не собирался.

— Больше не вздумай убегать,— предупредил Ньюн, которому не понравилось настроение Данкана.— Не вздумай! Я с тобой хорошо обращаюсь, но не заблуждайся на мой счет.

Коричневые глаза обратились на Ньюна. Глаза ци'мри. Данкан сел с таким трудом, будто у него саднил каждый мускул. Кривясь от боли, потер виски.

— Я хочу выжить,— сказал он.— Как и ты.

Слова повисли в воздухе. Это было не все.

— Это не все, это не самое главное,— сказал Ньюн.

— Я знаю,— кивнул Данкан.— Предлагаю перемирие до тех пор, пока ты не доставишь ее в безопасное место, пока она не поправится. Я знаю, ты готов убить за нее. Кто бы она ни была, она тебе очень дорога.

— Ши'пан,— сказал Ньюн.— Мать Дома. Она — последняя, кел'ен — только орудие в ее руках. Я не могу давать никаких обещаний.

— Разве не может быть нового поколения? — внезапно спросил Данкан. И Ньюн смутился, но эти слова не оскорбили его.— Разве бы вы не могли.. если бы все было по-другому...

— Мы в кровном родстве, а ее каста требует непорочности,— спокойно ответил Ньюн. Он делал небывалое: объяснял то, что мри никогда не объясняли чужим. Кел не вправе говорить о том, что касается не только его.— Каты или келы могли бы дать ей детей, но их не осталось. Для нас нет другого пути. Теперь мы или выживем, или погибнем. Мы — мри. И это больше, чем просто название расы, Данкан. Это наш путь. И мы с него не сойдем.

— Если регулы и доведут дело до конца, то без моей помощи,— сказал Данкан.— Я останусь с вами. Может быть, все-таки убегу, но так, чтобы не причинить вам вреда. Время у меня есть. Все время в мире принадлежит мне.

— А у нас его нет.— Ньюн со страхом подумал, что Данкан намного умнее его. Ведь кел'ены землян ради выживания расы готовы на все, даже на смешение с высшими кастами. Ньюн гнал от себя мысль, что Мелейн может умереть.

Ньюн посмотрел на спящую Мелейн. Ее ровное дыхание немного успокоило его.

— Нужно время и покой,— сказал Данкан.— Возможно, она поправится.

— Я согласен на перемирие.— Ньюн аккуратно отвязал вуаль и перекинул через плечо. Это далось ему нелегко, ведь он еще никогда не показывал свое лицо ци'мри. Но сейчас рядом с ним был союзник.

Данкан долго смотрел на него. Так долго, что Ньюн смутился и поспешил отвернуться, прежде чем землянин это заметил.

— Мез необходим,— сказал Ньюн.— Он защищает от суши и жары. Мне не стыдно смотреть тебе в лицо. С этого момента вуаль между нами не нужна.

И он снова улегся рядом с эллипсоидом и теплым дусом и попытался уснуть, решив, что они отправятся в путь ближе к вечеру, когда будет холодно и темно. Регулы уверены, что даже мри не рискнут пойти в горы ночью.

Вдали послышался гул моторов — напоминание о том, что на планете чужие. Ньюн напряг слух, пытаясь определить расстояние до самолета. Мелейн тоже проснулась, заворочался и Данкан. Он поднял голову и поглядел туда, откуда доносился звук.

* * *

Наступил вечер. Покраснели каменные столбы. Между ними виднелся Арайн — огромный красный диск, дрожащий в нагретом песком теплом воздухе. Мелейн попыталась подняться. Ньюн сразу подал ей руку. Она больше не отказывалась от его помощи. Он посмотрел в ее запавшие глаза, и сердце мучительно сжалось, ведь он был не в силах ей помочь.

— Мы должны идти,— сказала она.— Нужно спуститься в Сил'атен. Насколько я знаю, отсюда нет другого выхода. Но эти самолеты...— В ее глазах мелькнули гнев и отвращение.— Они следят за Сил'атеном. Они уверены, что мы туда придем, наверное, устроили засаду на земле...

— Очень на это надеюсь,— сказал Ньюн.— Для меня это будет настоящее удовольствие.— Тут он вспомнил о Данкане и обрадовался, что они говорят на высшем языке, которого землянин не понимает. Впрочем, если они имеют дело с регулами, то вряд ли стоит опасаться засады на земле. В диких

краях регулы очень неохотно покидают свои машины.

— Я считаю, нам лучше выйти в сумерках.— сказала Мелейн.— Чтобы видеть тропу. Луна взойдет поздно, мы успеем пересечь открытое место.

— Правильно.— согласился Ньюн.— Но прежде надо поесть. Вряд ли у нас будет время для привала.

И с горечью подумал о том, чего будет стоить этот переход измученной Мелейн.

— Данкан,— спокойно сказал Ньюн, когда они поели,— я не могу нести больше, чем нес в прошлый раз. При спуске...

— Я буду ей помогать,— перебил Данкан.

— Вниз идти легче.— Мелейн хмуро посмотрела на Данкана, словно хотела предупредить, чтобы он не вздумал к ней прикасаться.

Мешок был легок. Запас еды кончился, теперь им придется охотиться, а еще необходимо как можно быстрее найти воду. А водоносные деревья здесь попадаются редко. Ньюн думал о том, что ждет их впереди: одно испытание за другим.

Но все они были пустяковыми по сравнению с тем, которое подстерегало их в нескольких шагах.

Они снова шли по тропе, что привела их на плато каменных столбов. Далеко внизу в последних лучах света виднелось дно ущелья. Ньюн крепко прижимал к себе эллипсоид. Он и сам боялся этой крутизны. А Мелейн... Ньюн похолодел. «Если она сорвется...»

Он хотел предупредить Данкана, но решил, что это лишь порвет тонкую нить доверия, соединившую их. Землянин сам знает, что делать. Данкан взглянул на Ньюна и легонько кивнул, дескать, понимаю, о чем ты хотел попросить.

— Иди первым.— сказал Ньюн.

Землянин поднял и расправил мез, аккуратно закрепил, а затем ступил на склон и протянул руку Мелейн.

— Ньюн! — с негодованием воскликнула Мелейн. Впервые она выдала страх. Она была совсем беспомощна, но боялась довериться землянину.

Но все же она пересилила себя и, приняв руку Данкана, осторожно двинулась вниз. Ладонь землянина была крепка; вскоре Мелейн уверенно опиралась на нее. Они спускались шаг за шагом, и Ньюн, бережно держа увесистый холодный эллипсоид, смотрел, как они исчезают в тенях.

Дусы ждали рядом с ним, нервно переступали с лапы на лапу.

И вдруг позади раздался гул.

Над останцами кружил самолет.

Ньюн схватил футляр за ручку — нести его в охапке на узкой тропе было невозможно,— свистнул дусам и поспешил вниз, боясь, что его заметят с самолета, и еще больше опасаясь сорваться и упасть на Данкана и Мелейн.

Самолет пролетел прямо над головой, отвесные стены ущелья эхом откликнулись на рев моторов. Ньюн метнулся за валун, чудом не сорвался с тропы. Из-под ног покатились мелкие камни. Увидев, что самолет пролетел, Ньюн спустился чуть ниже, в тень. Огромные дусы не отставали, звери чувствовали его страх, его тревогу. Ньюн боялся выронить эллипсоид; казалось, пальцы вот-вот выскочат из суставов. Затем боль прошла — пальцы одеревенели и перестали слушаться. На него сыпались камни и земля из-под лап дусов. Он медленно сполз в темноту, где дожидались его Данкан с Мелейн. Он не видел их лиц, только темные силуэты, но понял, что Мелейн прислони-

лась к камню и по-прежнему опирается на руку Данкана.

Она подвинулась, уступая кел'ену место. Вцепившись в камень, Ньюн стал ждать дусов. Скользящие по склону звери один за другим наталкивались на него, он останавливал их и успокаивал ласковым поглаживанием. Потом они двинулись дальше.

И вновь появился самолет. Его огни мелькали в темном небе прямо над головами путников. Ньюн следил за ним, дрожа. Он подозревал, что их обнаружили. В самое неподходящее время, в самом неподходящем месте!

Самолет вернулся снова.

Ньюн взял эллипсоид в правую руку и двинулся вниз, надеясь, что Мелейн и Данкан успели спуститься на дно ущелья; насколько он помнил, на склоне по пути больше не было укрытий. Он скользил все быстрее и быстрее, хватаясь за каждый камень, чтобы замедлить падение, но это удавалось все реже, и вскоре он покатился, поднимая тучу пыли. Песок на дне ущелья встретил его сокрушительным ударом; рядом плюхнулись дусы.

В сумраке виднелось светлое пятно одежды. Мелейн сидела на земле. Рядом с ней на коленях стоял Данкан. Одной рукой она держалась за бок, а другой зажимала рот. Ее мантия была в крови.

Ньюн тоже опустился рядом с ней на колени, не выпуская из рук эллипсоид. На нее напал кашель, горлом пошла кровь.

— Это началось при спуске.— сказал Данкан.— Боюсь, сломанное ребро воткнулось в легкое.

В небе опять пролетел самолет. Ньюн проводил его ненавидящим взглядом.

— Теперь ты свободен,— сказал он Данкану.

Кел'ен поднялся на ноги, опустил эллипсоид на песок. Взглянул на Мелейн. Глаза ее были закрыты, лицо спокойно. Она полулежала, опираясь на руки Данкана,— не было рядом даже сен'ена, чтобы поддержать ее.

Ньюн позвал дуса и быстро двинулся к выходу из ущелья, к самой широкой долине Сил'атена.

— Ньюн,— крикнул вслед Данкан, но юноша даже не обернулся.

Ньюн увидел самолет, который садился в конце долины. Он отвязал сайг, освободив себе руки, и закрепил его концы на поясном ремне. Потом размял пальцы, онемевшие от тяжести пан'ена.

Данкан бежал следом — хотел остановить. Ньюн услышал, как землянин зашелся в жестоком кашле — Кесрит жестоко мстит тому, кто слишком жадно дышит его воздухом. На песке виднелся самолет, по трапу спускался регул. Дус угрожающе зарычал, а двое других подхватили. Звери растянулись в цепь, как на охоте.

Ньюн увидел, что регул вооружен и готов к стрельбе. Кел'ен метнулся в сторону, уйдя от выстрела, и в тот же миг сам нажал на спуск. Ни глаз, ни рука не подвели. Регул скорчился. Пуля угодила в туловище, а от таких ран регулы умирают не сразу. Трап пополз вверх, унося раненого. «Трус!» — мысленно обругал Ньюн пилота.

И тут же бросился к камням, в укрытие. Самолет взмыл и принялся кружить над ним. В широкой долине Ньюн представлял собой неплохую мишень. В небе нарастал рев — другие самолеты спешили принять участие в расправе.

Конечно, очень скоро регулы покончат с ним. Ньюн зигзагами бежал по песку между камнями, а самолеты преследовали, пролетали над головой и возвращались. Дойдя до отчаяния, Ньюн открыл огонь по ближайшему. Первые несколько

выстрелов ничего не дали, но затем самолет завалился на крыло и грянулся оземь, подняв тучу пыли.

В небе оглушительно ревели моторы. Но регулы стали осторожнее — смерть товарища их напугала.

Он бежал, изредка останавливаясь глотнуть воздуха. Во рту появился привкус меди, кровавый туман застилал глаза, мешал целиться. Рядом под пулями крошились камни, один из осколков ранил его, и по руке потекла теплая струйка крови.

Лучи прожекторов метались по дну долины, по утесам. Спрятаться от их было невозможно. Любое мало-мальски сносное укрытие град разрывных пуль тут же сравнивал с землей. Ньюн перебегал, спотыкаясь и падая, от одного камня к другому. Что стало с дусами, он не знал. Скорее всего, погибли. На такой охоте они могли быть только дичью.

Долина дымилась. Все, над чем пролетали регулы, превращалось в чадящие обломки. То было последнее возмездие расе мри. Они уничтожили святыню Народа, они погубили эту планету, как губили все, к чему прикасались их жадные руки.

Рядом разорвался снаряд, и ударная волна смела Ньюна, покатила по земле. Но он вскочил на ноги и побежал дальше. Он оглох и почти ничего не видел, не успевал целиться и даже стрелять наугад; он мог только бежать, бежать, бежать, пока не упадет замертво.

Самолет прижал Ньюна к земле. Пыль столбом взметнулась из-под ног. И тут ему пришла в голову спасительная мысль. Он повернул налево, к выходу из долины, где лежали его наставники: Эддан, Лиран и Дебас.

«Зови на помощь землю, делай ее союзницей»,— учили они, и сейчас он ясно слышал их голоса сквозь рев самолета.

Ньюн упал и распростерся на песке. Самолет закружился над ним, потихоньку снижаясь и заливая его светом прожекторов. Ньюн лежал неподвижно.

Самолет коснулся земли, и та взорвалась. Огромная бледная тварь выскочила из песка и стиснула машину в смертельной хватке. Огромный клубок из металла и плоти метался, вздымая пыль, земля дрожала от рева и ударов. Ньюн откатился в сторону, вскочил на ноги, бросился бежать, но его снова швырнуло наземь, затем он ощутил ужасающей силы удар и увидел, что весь мир охвачен огнем и возносится в небо — это взорвался самолет.

И наступил Мрак.

— Ньюн!

Кто-то позвал его из Мрака. Голос не принадлежал никому из братьев. Но он был знакомым.

Над ним вспыхнул свет. Он пошевелил ногами и понял, что они засыпаны песком. В небе гудели моторы.

— Ньюн!

Он поднял голову, оперся на руки, встал. Ноги подкашивались. Он прикрыл глаза ладонью от слепящего света.

Подождал.

— Ньюн?

Данкан. Бесформенный силуэт на фоне ярких огней.

— Ньюн, не стреляй. Мы взяли Мелейн на борт. Она жива.

Он вдруг весь обмяк, мозг отказывался воспринимать происходящее, чувства готовы были покинуть его в любой миг. В голове набатом зазвучал закон келов: твой долг — защищать ши'пан, ни при каких обстоятельствах ты не можешь допустить, чтобы она попала в плен.

— Что вы от меня хотите? — крикнул он. Голос его дрожал от ярости. Данкан его предал.— Данкан, разве ты не дал мне слово...

— Идем,— спокойно перебил Данкан.— Идем с нами, Ньюн. Никто не причинит тебе зла. Я клянусь.

Ньюн колебался, но силы оставили его, и он, безнадежно махнув рукой, медленно пошел навстречу свету, навстречу темным высоким силуэтам.

Уж лучше земляне, чем регулы...

И тут краем глаза он заметил округлое темное пятно, уловил движение и понял, что его предали.

Руки метнулись к ас'еям, и в тот же миг его пронзил огонь. Падая на песок родной планеты, он уже ничего не чувствовал.

* * *

— Хада Сураг-ги убит,— сказал Галей.— Ну и реакция у этих мри!

Данкан поднял руку, чтобы вытереть лицо, а заодно снять головной платок вместе с вуалью и пригладить рыжие волосы.

Он влез в тесную кабину самолета. Врач дважды велел ему сесть, прежде чем он подчинился. Сидя на металлическом настиле, он качался вместе с самолетом и смотрел на двух мри, завернутых в белое, на паутину трубок, по которым что-то текло, и незнакомые приборы. Все это поддерживало в них жизнь. И от всего этого мри отказались бы, будь на то их воля.

Когда они узнают, что с ними сделали, будет слишком поздно.

— Оба выкарабкаются,— пообещал врач. И добавил, глядя на лежащего под покрывалом регула: — Этот парень был в Номе не самой мелкой сошкой. Кое у кого возникнут вопросы.

— Мы ответим.— Данкан неприязненно посмотрел на врача.

Он был в грязной, изорванной одежде мри; сидел, опираясь подбородком на колени; мысли витали далеко. Врач решил оставить его в покое, а потом и вовсе отошел поболтать с экипажем. С Данканом мало кто перемолвился словом: возбуждение удачного поиска вскоре сменилось неловкостью, должно быть жутковато выглядел этот незнакомый офицер, возвращающийся живым из диких пустынь Кесрита, да еще в компании с двумя мри; офицер, который с непонятным пылом требовал, чтобы на борт взяли какое-то «сокровище мри».

Данкан дотронулся до лба Мелейн, поправил ее золотистые волосы, глянул на мониторы — светящиеся кривые показывали, что она жива. Мелейн в редкие минуты пробуждения ненадолго открывала глаза, удивительно спокойно смотрела на незнакомые вещи; видимо, она смирилась с тем, что уже не властна над своей судьбой. Вот и сейчас ресницы распахнулись, явив золотистые глаза. Данкан бережно взял ее длинные узкие пальцы, и она ответила еле ощутимым пожатием.

— Ньюн будет жить.— Данкан не был уверен, что девушка поняла, ведь она даже не моргнула.— То, что тебе нужно, тоже здесь,— добавил он, и снова ее ресницы не шелохнулись. Наверное, она так и не вернулась из сна — врач дал ей большую дозу наркотика.

— Кел'ен.— прошептала она.

— Ши'пан, — ответил он, решив, что она приняла его за Ньюна.

— Нужен корабль, — сказала она. — Улететь с Кесрита...

— Корабль будет, — твердо пообещал он. И она поверила.

Война закончена. Мри больше не служат регулам. Корабль землян — это их шанс на спасение. И это самое большее, что мри могут просить у ци'мри.

— Корабль будет, — повторил Данкан, и она закрыла глаза.

— Шон'ай, — прошептала она со слабой лукавой улыбкой.

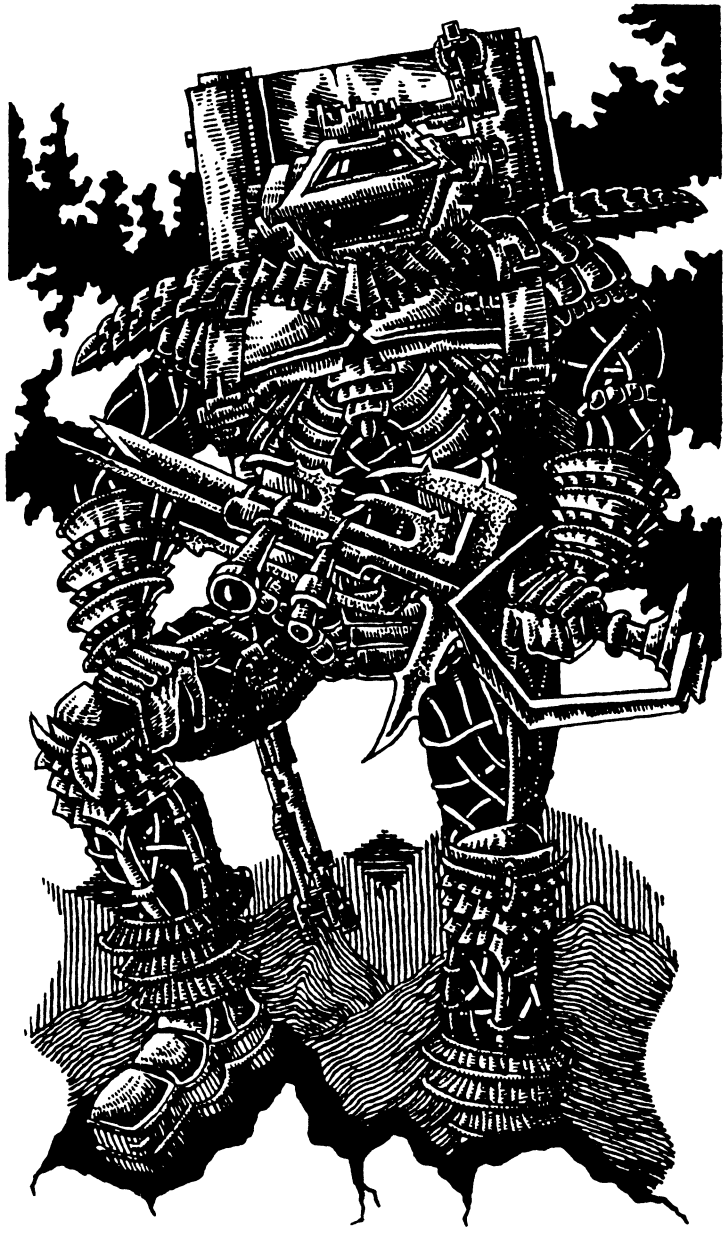
Не зная этого слова, Данкан решил, что она его благодарит.

Его качнуло. Самолет заходил на посадку.

— Прилетели, — сказал он Владычице.

ШОН'

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ньюна по-прежнему накачивали наркотиками. Он ни на миг не выходил из полубеспамятства, не мог напрячь разум, чтобы понять, где он, что это за место, почему в мозгу эхом отдаются голоса землян и непривычный шум машин. Каждый день Данкан приходил дважды, чтобы постоять у кровати мри, под бдительным взором офицера службы безопасности, который маячил в нескольких шагах, сразу же за стеклянной перегородкой. Стену разрешили навещать Ньюна, потому что среди землян он был единственным, кто знал этого мри. Сегодня в глазах с большой золотистой радужкой тлела искорка сознания.

Данкану почудился упрек в этом взгляде.

Ньюн потерял в весе. Его золотистая кожа была вся в рубцах недолеченных ран, на лице застыла печать жестокости и гнева. Он сражался не на жизнь, а на смерть и победил; будь он в полном сознании, он бы, конечно, отказался принять победу. Но Ньюн оставался безучастен, ему не было дела до землян, которые приходили и крутились рядом, до ученых, которые заодно с врачами лишали мри его чести.

Мри, враги человечества... Сорок лет войны, разрушенные планеты, миллионы убитых... И все же на этой войне большинство землян никогда не видело врага. И совсем немногие видели живых мри, да еще без вуалей на лицах.

Мри были красивы: высокие, стройные, с золотистой кожей: волосы цвета желтой меди; изящные человеческие черты; длинные сильные руки; пушок на мочках ушей; глаза, как чистейший янтарь, с мигательными перепонками, которая защищала от пыли и яркого света. Мри были похожи на землян, но при этом чуждые до жути. Таким же был их разум, способный постигать ход чужих мыслей, но при этом упорно отказываться от любых компромиссов.

В соседней каюте такому же лечению, как Ньюн, подвергалась Мелейн — ши'пан, Владычица, Мать, предводительница мри. Молодая женщина; в отличие от жилистого Ньюна — воина, Мелейн была нежной и изящной. Лица обоих мри пересекали шрамы — три тонкие голубые линии тянулись по обеим щекам от внутреннего уголка глаза к верхнему краю скулы; их значения люди не знали. Эти линии на лице спящей Мелейн придавали ее обрамленным бронзовыми ресницами глазам неземную красоту; она казалась слишком хрупкой, чтобы вызывать у землян мысли о жестокости мри, о ее соучастии в их преступлениях. Те, кто лечил пленников, обращались с Мелейн заботливо; в ее каюте разговаривали вполголоса, старались как можно реже дотрагиваться до нее, а если и дотрагивались, то очень осторожно. Она казалась прекрасным печальным ребенком, а не беспощадным врагом.

Поэтому для своих исследований они выбрали Ньюна — самого настоящего врага, который заставил регулов дорого заплатить за его пленение. Он изначально был сильнее, чем Мелейн, его раны заживали гораздо быстрее, поэтому считалось само собой разумеющимся, что Ньюн выживет. Свои исследования врачи называли лечением, и именно это слово фигурировало в документах, но в ходе

этого «лечения» с Ньюна была снята голограмма, его просканировали изнутри и снаружи, взяли образцы ткани и крови — удовлетворялось любое пожелание ученых. И не однажды Данкан был свидетелем их бесчувственности и грубости, видел, как Ньюн, лежа на столе, уже почти просыпается, а вокруг люди как ни в чем не бывало занимаются своими делами.

Данкан старался держать себя с руках, справедливо опасаясь, что любой протест с его стороны навсегда закроет ему доступ к мри. Ньюну и Мелейн не дали умереть, несмотря на их многочисленные раны; мри оживали, выздоравливали. И Данкан считал это самым важным. Мораль этого народа запрещала принимать помощь от посторонних, отвергала чужую медицину, не позволяла рассчитывать на милость врагов. Но у мри не было выбора. Они принадлежали ученым, а те нашли способ продлить им жизнь. Пленникам не давали просыпаться, и это тоже способствовало лечению.

— Ньюн,— негромко позвал Данкан, пользуясь тем, что охранник за перегородкой ненадолго отвлекся. Стен коснулся тыльной стороны ладони Ньюна. Кел'ен был с ног до головы опутан сеткой, она не позволяла ему шевелиться; это было необходимо, иначе бы он при первой же возможности содрал коросту со своих ран. На его месте любой мри сделал бы то же самое, чтобы покончить с собой. Никто из пленных кел'енов не оставался в живых.

— Ньюн,— снова произнес Данкан; эту процедуру он выполнял дважды в день. Пусть Ньюн знает, что на свете осталось хоть одно живое существо, способное произнести его имя. В каком бы далеке ни блуждало сознание мри, это заставит его думать. Глаза Ньюна на миг ожили и снова остекленели, подернулись дымкой, а затем их и вовсе затянули перепонки.

— Это Данкан.— Он настойчиво сжимал руку мри.— Ньюн, это Данкан.

Перепонки поднялись, взор прояснился, тонкие длинные пальцы дрогнули, едва не сжались в кулак. Ньюн смотрел на Данкана, а у того сердце забилось в надежде: вот он, первый признак того, что мри в здравом уме. Взгляд Ньюна скользнул по комнате, задержался на перегородке, за которой виднелся охранник.

— Ты все еще на Кесрите,— проговорил Данкан негромко, чтобы охранник не услышал и не вмешался.— Борт разведывательного корабля «Флауэр», прямо за городом. Не обращай внимания на человека. Это пустяки, Ньюн. Все хорошо.

Возможно, Ньюн понял. Но янтарные глаза затуманились и закрылись, и он снова скользнул в объятия наркотического сна, освободился от воли, от понимания, от воспоминаний.

Ньюн и Мелейн были последними в их роду. Вообще последние мри, не только на Кесрите, но и где бы то ни было. Именно поэтому ученые не отпускали их: землянам достался шанс (похоже, неповторимый) разрешить загадку мри. Здесь, на Кесрите, в ночь огня и предательства, исчезла раса мри — все, кроме этих двоих, которым удалось спастись,— о, ирония судьбы! — попав в руки своих врагов.

И в этом им помог Данкан, которому они доверяли.

Данкан коснулся бесчувственного плеча Ньюна и, уже повернувшись, чтобы уйти, глянул сквозь перегородку из темного стекла в ту часть лазарета, где спала Мелейн. С тех пор, как она обрела власть, он с нею не разговаривал. Для мри она была бы святой, неприкосновенной: чужой смог бы поговорить с ней только через других. Оказавшись среди врагов, одинокая и испуганная, она бы вынесла все,

кроме унижения. Ее враги, которых она ненавидела и презирала, исчезали в тумане беспамятства, но перед ним — землянином, чье имя она знала, который видел ее, когда она была свободной,— ей, наверное, бывало очень стыдно.

Она спокойно спала. Данкан несколько мгновений наблюдал, как вздымается и опускается ее грудь, и уверял себя, что девушке здесь вполне удобно, о ней заботятся и здоровье идет на поправку. Затем он повернулся и отворил дверь, и рассеянно поблагодарил охранника, который выпустил его из запретной секции в коридор.

Данкан поднялся на главную палубу небольшого разведывательного корабля, где было тесно от ученых в белой униформе и штабных офицеров в голубом, которым, вообще-то, было не место на «Флауэре». Сам он носил коричнево-зеленый мундир плара — планетарной разведки. Он был специалистом, как и весь научный персонал «Флауэра»; правда, его знания больше не требовались ни на Кесрите, ни где-либо еще. Война закончилась.

Он — пережиток, как и мри.

Уходя с «Флауэра», он расписался в журнале — обычная канцелярская формальность. Охрана знала его в лицо, да и кто на Кесрите не знал человека, жившего среди мри? Он ступил на трап и спустился на решетчатый настил, которым земляне вымостили сыпучий грунт Кесрита.

Снаружи, на белой равнине, насколько охватывал глаз, ничего не росло. Кесрит, с его щелочными озерами, пустынями и немногочисленными мелкими морями, вряд ли мог похвастаться разнообразием флоры и фауны. Планету освещали красное солнце Арайн и две луны. Из шести планет системы она единственная мало-мальски годилась для обживания. Разреженный воздух (ледяной в тени и обжигающий на солнце); после дождя кожа го-

рит и сохнет. Мельчайшая едкая пыль проникает даже сквозь прочнейшие защитные материалы, досаждая людям и понемногу разрушая машины. Поверхность Кесрита большей частью была непригодна для жизни; земляне приютились в долине около единственного города планеты, на берегу ядовитого моря, на пропитанном влагой клочке земли, покрытой коркой, которая ломалась под тяжестью человека, среди гейзеров и испаряющихся луж.

В галактике не было ни одного человека — коренного обитателя Кесрита. Вначале планета безраздельно принадлежала дусам — огромным неповоротливым животным с коричневой шкурой и четырьмя массивными лапами, чем-то похожим на медведей. Потом пришли мри и возвели на высоких холмах башни; теперь от Эдуна осталась лишь груда камней, похоронившая под собой своих обитателей. Следом за мри явились алчущие минерального сырья, богатства и территорий регулы — межзвездные торговцы, которые наняли келов, чтобы воевать с землянами. Нынешние хозяева Кесрита — земляне — получили в наследство город регулов: скопление уродливых приземистых зданий, самое высокое — всего лишь в два этажа. В плане город был прямоугольным: на самом краю — Ном, единственное двухэтажное здание; прочие обступают раскинувшуюся перед Номом площадь. Все улицы тоже огибали площадь. Узкие, предназначенные для транспорта регулов, а не для человеческих машин, улицы то здесь, то там были пересечены наносами вездесущего белого песка. Слева от города плескалось Алкалинское море, питаемое грунтовыми водами. Вулканический огонь рвался из его дна и ярился под долиной, некогда прекрасной, устланной тонкой коркой поверхностных отложений вперемешку с выходами полезных ископаемых,— а теперь покрытой шрамами битвы.

В море уходила цепочка башен завода для опреснения воды. Сейчас на нем полным ходом шли ремонтные работы — нужно было поскорее избавить город от сурового рационирования. На противоположном краю города прежде находился космопорт, а теперь — сплошные руины. Участок обожженной земли и груды искореженного металла — вот и все, что осталось от порта и кораблей регулов и мри.

Сейчас на планете не было других кораблей, кроме «Флауэра» — разведчика, которому для посадки не требовалось специальных площадок. Он примостился на скалистом участке покрытой водорослями дороги. Вокруг наскоро соорудили аэродром, подсыпав грунт и укрепив его решетчатым настилом, но щелочные дожди быстро сведут на нет этот труд. Кесрит ровнял с землей любые постройки, стоило их хозяевам чуть промедлить с ремонтом и подновлением. Впрочем, как ни старайся, непогода и пыль все равно добьются своего. Вся поверхность Кесрита будто бы растворялась под проливными дождями. С гор в долину приходили различной силы ураганы, неся ей жизнь; но из-за этих бурь чужим выжить здесь было непросто.

Только дусы и мри жили на планете как ни в чем не бывало, не нуждаясь в защитных сооружениях; и дусы помогали своим друзьям мри.

Вот что досталось землянам, еще недавно воевавшим с мри и теперь вынужденным сражаться с их планетой. Ураганы приводили их в ужас, нападения диких дусов ввергали в панику. И лишь регулы, уничтожившие расу мри, чтобы угодить землянам, относились к ним по-дружески.

Данкан неторопливо шагал по настилу; в ноздрях щипало от едкого воздуха. Идти недалеко, но все равно яростное излучение Арайна успеет об-

жечь его открытые лицо и руки. Был полдень. Когда Арайн стоял в зените, все вокруг города будто вымирало; но земляне на «Флауэре» благодаря системам жизнеобеспечения не зависели от солнца. Те, кто жил в городе, где солнечный свет означал день, рассчитали для себя кесритские сутки. Они были дольше стандартных, потому и секунды, минуты, часы получились чуть подлиннее. Но землян в городе было немного, и персонал «Флауэра», как и экипаж военного корабля на орбите, по-прежнему жил по универсальному времени.

Данкан шел, внимательно изучая землю: вот джо — одно из немногочисленных крылатых созданий Кесрита — прячет свое кожистое тело от жары в тени огромного камня... а вот след песчаной змеи, которая недавно проползла рядом с настилом, ища подходящий камень, чтобы спрятаться от солнца и хищников. Джо терпеливо поджидал свою жертву. Замечать все это научил Данкана Ньюн.

По другую сторону вывороченного взрывом пласта горной породы привычно распустил свой султан гейзер. Планета понемногу накапливала силы, еще не зная, что от землян ей все равно не отделаться, их будет прибывать все больше и больше, чтобы уничтожить всю эту дикую красоту и сделать Кесрит своей базой.

Настил подходил к бетонной стене на окраине города, местами засыпанной ползучим песком. Ступая по твердому грунту, Данкан прошел мимо обзорной площадки Нома, где возвышалась система наблюдения, и поднялся к заднему входу, которым теперь пользовалось большинство землян, чтобы побыстрее добраться до «Флауэра» и аэродрома.

Дверь с шипением открылась и закрылась. Воздух Нома обрушился как удар тарана, у него был собственный запах — запах землян и регулов.

Сладковатый и влажный, этот воздух заметно отличался от того, что властвовал снаружи, в наполненной светом и стужей жаре. Внутри были сады, но сейчас их почти не поливали. Растения регулов выглядели так же солидно, как и их хозяева: белый, в темно-каштановых пятнах, виноград, ронявший при малейшем прикосновении голубовато-розовые цветы; поникшее дерево с редкими серебряными листьями; жесткий серо-зеленый мох. Еще там были залы, высокие в центре, по крайней мере, с точки зрения регулов; рослые земляне чувствовали себя в них, как в тюремных камерах. Сводчатые коридоры с желобами вдоль глухой стены, в которых были проложены блестящие рельсы, позволявшие тележкам регулов двигаться быстро и безопасно. Когда Данкан повернул к пандусу, одна из них стремительно шмыгнула мимо, исчезла за поворотом. Судя по скорости, это была грузовая тележка.

Регулы обожали технику. Они двигались медленно, с трудом, не могли пройти самостоятельно даже небольшое расстояние — короткие ноги не выдерживали веса тела. Лишь юные регулы, пока еще бесполые, могли передвигаться на ногах, их мускулы еще не превратились в студень. Старшие во всем полагались на свои удобные протезы — «умные» тележки.

А еще по коридорам Нома ходили высокие и стройные земляне, так непохожие на низкорослых и неповоротливых регулов.

Комната Данкана находились на втором этаже. В некотором смысле это было роскошью; будучи секретарем губернатора Кесрита, он довольно долгое время не знал, что такое уединение. Но все имеет свою цену: эта отдельная комнатка лишила его доступа к властям Кесрита, особенно к Ставросу, достопочтенному Джорджу Ставросу, губернато-

ру новых территорий, завоеванных землянами. Воротясь из лазарета, куда он попал после своих скитаний по Кесриту, Данкан обнаружил, что его место уже занято неким Э.Эвансом из военно-медицинской службы. Вернуться в прежние апартаменты, к Ставросу, ему не предложили, хотя он очень надеялся на это. По протоколу регулов, которого земляне старательно придерживались, старшему такого высокого ранга, как Ставрос, полагался по меньшей мере один юный секретарь, чтобы прислуживать и избавлять шефа от нежелательных посетителей, и эта должность теперь принадлежала Эвансу. Данкана держали на расстоянии; Ставрос, еще недавно близкий ему человек, теперь неукоснительно придерживался официального тона. Максимум, на что мог рассчитывать Данкан, это на обмен приветствиями при случайной встрече в вестибюле. Даже отчет, написанный Данканом по возвращении, попал к Ставросу через посредников: ученых, медиков и военных.

Данкан пришел к выводу, что он в опале. Ставрос был вынужден уступить регулам, которые испугались и возненавидели его своевольного помощника. И что его ждет в дальнейшем, Данкан не знал. Все планы рушились. Он-то надеялся, пользуясь благосклонностью Ставроса, занять какой-нибудь высокий пост в колонии. За пять лет богатой опасностями службы на Кесрите полагается довольно круглая сумма и гарантированное возвращение домой, а если одобрит губернатор, можно поселиться на самом Кесрите. Вербуясь на эту службу, Данкан убеждал себя, что ему невероятно повезло, даже какое-то время почти верил в это. Впрочем, выбора почти не было, за войну служебная карьера Данкана практически достигла своего потолка. По крайней мере, тогда ему казалось, что у помощника губернатора больше шансов остаться в живых.

Он снова выжил. Выполнив задание Ставроса, покрытый шрамами и обожженный солнцем, он вернулся из пустынь Кесрита, где сгинул бы любой из недавно прибывших землян. Он единственный из людей изучил Кесрит. Он побывал среди мри и вернулся живым, что до него не удавалось никому.

И после всего пережитого он рассказал Ставросу правду. И это было его самой большой ошибкой.

Данкан миновал апартаменты Ставроса и вошел в свое тесное жилище. Обстановка в нем была поистине спартанская, вдобавок недоставало маленькой прихожей, считавшейся у регулов Нома признаком солидного положения. Коснувшись пульта, он запер дверь и одновременно поднял штормовые экраны. Открылся вид на дорогу, по которой он пришел, на «Флауэр», присевший на своем островке,— половинка яйца на опорах; на рыжеватое небо, необычайно безоблачное в эти дни. Да, уже несколько дней обошлись без ураганов и гроз; казалось, все сущее на планете исчерпало свою силу.

Данкан разделся и тщательно протер тело жидким кондиционером — далеко не лишняя процедура на Кесрите, вдобавок лечивший Стена врач настойчиво требовал регулярно удалять с кожи едкую пыль. После этого Данкан натянул флотский мундир и направился в информаторий, расположенный на другой стороне Нома; туда можно было добраться по коридору нижнего этажа. Информаторий был частью учебного комплекса регулов, которым теперь владели земляне. Там он проводил свои дни и вечера; и все, кто знал Стена Данкана в прошлом, на Земле, нашли бы это невероятным. Пристрастия к учебе за ним никогда не замечали. Правда, в своем деле он был неплохо подкован, без труда разбирался в корабельной технике и артиллерийских системах, немного знал

геологию и экологию, умел работать с компьютерами — короче говоря, вполне годился для эффективного ведения боя. К этому его готовили с юности. Данкан рос сиротой, и все его мысли были направлены на выживание. Его учили лишь самому необходимому; инструкторам он был нужен живым только для того, чтобы убивать врагов.

Но все это было еще до того, как он увидел, что его война закончилась. До того, как регулы уничтожили его врагов у него на глазах.

Он попал к уцелевшим мри. Он ночевал с ними под одним небом. Он видел гордых воинов, попавших в руки землян.

Файлы, карты, пленки... Все, что накопилось за двадцать веков,— все в этом информатории. Где-то здесь, в лабиринтах чужого языка, чужих тайн, кроется истина. Данкан изучал все подряд. Сведения о том, как жили мри на Кесрите, как они жили в других местах, интересовали его куда больше, чем ученых «Флауэра».

Ставросу это не нравилось. Регулам подобное любопытство казалось нездоровым, и они изображали оскорбленную невинность. Злить их — значит идти вразрез с новой политикой землян. Ставроса, чей авторитет в новой колонии был огромен и на чьих плечах лежала столь же огромная ответственность, это смущало и раздражало.

Но Данкан упрямо просиживал в информатории все свободное время, которого у него вдруг оказалось в избытке. Сначала он надоедал ученым «Флауэра», которые рылись в банках данных, выбирая материал для первоочередного анализа в лабораториях Элага-Хэйвена и Зороастра. Данкан по клочкам собирал информацию о мри и неожиданно оказался полезным кое-кому из ученых «Флауэра», которых этот вопрос тоже интересовал. Он худо-бедно говорил на языке регулов, но этих

скудных познаний, разумеется, было мало для расшифровки пленок и карт. Приходилось обращаться к специалистам. С присущим ему упорством Данкан добивался, чтобы они поняли то, чего не понимал он сам.

Необходимо досконально изучить тех, с кем он воевал всю жизнь. Узнать их нравы, быт, обычаи — все, что исчезло под градом бомб. Данкан уже собрался уходить, взял свои записи и собственноручно сделанный словарь, и тут на панели интеркома вспыхнула лампочка вызова.

— Помощник Стен Данкан,— по прежнему рангу обратился к нему регул.— Помощник Стен Данкан.

Данкан изрядно удивился. А еще встревожился — кому понадобился в Номе опальный секретарь губернатора? Но все-таки нажал клавишу микрофона. До чего же все-таки не вовремя... Больше всего ему хотелось, чтобы важные персоны забыли о его существовании и вспомнили не раньше, чем у них появится для него работа.

— Я здесь,— сказал он.

— Его превосходительство бай Ставрос велит тебе немедленно явиться к нему в кабинет.

Данкан колебался. Сердце сжалось — неужели ожидание закончилось? Должно быть, где-то в чреве «Флауэра», подписаны бумаги, объявляющие его пригодным к службе; где-то в Номе готово его новое назначение. Все для блага колонии Кесрит!

— Передай его превосходительству, что я иду.

Регул что-то невежливо буркнул и прервал связь. Данкан бросил свои бумаги на стол, распахнул дверь и шагнул в коридор. Ставрос не случайно вызывал его именно сейчас. Стен придерживался своего привычного распорядка дня: в полдень, закончив лечебные процедуры, он возвращался к себе в комнату, а оттуда направлялся в информа-

торий. И именно визиты в информаторий вызвали недовольство губернатора.

Он начал лихорадочно перебирать самые худшие варианты будущего: выговор, приказ забыть дорогу в информаторий... Ему запретят появляться на «Флауэре», посещать мри. Ставрос и так зол на него, и если теперь ослушаться, можно навсегда осесть на орбитальной станции или на борту рейдероносца «Сабер», несущего сторожевую службу вокруг Кесрита.

«Занимайся своими делами,— скажет ему, наверное, Ставрос.— Оставь мри ученым».

Он шагал по ведущему вниз коридору, на поворотах грубо расталкивая плечами медлительных юных регулов. Те не оставались в долгу: вслед ему летело гневное шипение, многие юноши останавливались, чтобы свирепо посмотреть ему вслед. Они знали: этого человека можно не бояться.

Кабинет Ставроса — опять-таки сообразно регульскому статусу — находился на первом этаже Нома, за широкими дверьми, через которые могли без труда проехать тележки регулов.

Двери кабинета ждали нараспашку. А в приемной Ставроса ждал секретарь — землянин, офицер с «Сабера», получивший эту должность за особые способности к лингвистике. Что ж, по крайней мере Ставросу хватило ума не доверить эту должность юному регулу, который бы запомнил слово в слово все, что услышал и увидел. Секретарь встрепенулся, отгоняя скуку, и сдержанно поприветствовал Данкана. Офицеры флота уважали его, хоть он и служил в Пларе.

— Губернатор вас ждет, сэр,— произнес офицер и, покосившись на закрытую дверь, добавил: — Там бай, сэр.

Хулаг. Старейший регул на Кесрите.

— Благодарю,— сказал Данкан сквозь зубы.

— Сэр,— проговорил секретарь.— Прошу прощения, но губернатор советует вам войти тихо. Он так и сказал, сэр.

— Хорошо,— преодолевая злость, ответил Данкан. Не подобает офицеру Плара давать волю нервам. И так на Кесрите все считают, что он попал в немилость из-за своей опрометчивости. Он же дипломат, а не бортовой техник, с которого взятки гладки. Значит, и вести себя надо соответственно. И держать норов в узде. Если сейчас он сорвется и попадет на «Сабер», регульскому баю останется лишь отпраздновать победу. Несколько неосторожных слов, и прощай надежда помочь мри.

Он мысленно поклялся держать себя в руках. Регул не уловит разлада между стариком и юношей, а Ставрос, даже если почувствует неприязнь Данкана, обязательно смолчит.

Секретарь нажатием кнопки отворил дверь, и Данкан неторопливо вошел, всем своим видом демонстрируя покорность и должное уважение к старшим.

— Данкан! — укоризненно воскликнул Ставрос.

Странным образом похожие тела губернатора землянин и бая регулов утопали в металлических тележках. Ставрос был очень дряхл. Едва он прилетел на Кесрит, его хватил удар, отнялась половина тела. С тех пор он частично оправился от паралича, но разговаривал все еще с трудом, и для общения с регулами ему приходилось пользоваться дисплеем тележки. Но с людьми он старался разговаривать. Сила понемногу возвращалась в полуомертвевшее тело, но Ставрос пока что не спешил покидать тележку — атрибут старшего регула. Данкан понимал, что нелегко отказаться от таких благ, как респектабельность, скорость передвижения и мгновенный доступ к любому электронному устройству в Номе. Но приспосаб-

ливаться к регулам, подражать регулам... Это вызывало у Стена омерзение.

— Сэр,— негромко отозвался Данкан на приветствие и перевел взгляд на бая Хулага.

С виду сама учтивость, а внутри все дрожит от гнева. Стен улыбнулся, встретив взгляд крошечных темных глаз старшего регула. Огромный неуклюжий регул всегда казался Данкану чудовищем; под расшитым серебром газом прятались многочисленные складки жира и почти полностью, особенно на нижних конечностях, атрофированные мышцы. Лицо с жесткой, как и на всем теле (правда, не такой гладкой), кожей напоминало жестяную миску. Симметричные черты придавали ему сходство с человеческим, но каждая в отдельности были совершенно чуждой, жуткой. Коричневые круглые глаза тонули в паутине морщин. Нос отсутствовал, зато виднелись щелевидные ноздри, способные расширяться и полностью закрываться. Рот с тонкими губами напоминал заживающую рану. Сейчас ноздри Хулага были плотно сжаты, бай не хотел показывать свое недовольство. У регулов быстрые выдохи соответствовали хмурому выражению человеческого лица.

Хулаг вдруг демонстративно повернулся спиной к Данкану и улыбнулся Ставросу; глаза и ноздри расслабились, рот приоткрылся. Данкан не знал, естествен ли такой жест для регула, или это всего лишь попытка подражания человеку.

— Как хорошо, что юный Данкан вернулся,— пророкотал Хулаг на универсальном языке.

— Да,— громко согласился Ставрос на языке регулов. Установленный на его тележке дисплей повернулся к Данкану; на нем появились слова на универсальном: «Садись. Жди».

Данкан отыскал стул возле стены, уселся и приготовился слушать. Хотелось поскорее узнать, зачем

его вызвали, почему Ставрос решил использовать его в этом спектакле, явно предназначенном для Хулага. Данкан плохо знал язык регулов и мало что понял из слов бая, а ответов Ставроса вообще не услышал. С того места, где он сидел, Данкану был хорошо виден дисплей старика, но ему удалось увидеть лишь несколько замысловатых иероглифов. Сами регулы почти никогда ими не пользовались, в этом не было нужды. Регулу достаточно один раз что-нибудь услышать, и он уже никогда не забудет. Они прекрасно обходились без бумаги, зато широко пользовались диктофонами. К помощи печатающих устройств они прибегали лишь в тех случаях, когда ожидали, что информация будет в работе в течение длительного периода времени.

Услышав свое имя и слова «освобожден от своих обязанностей», Данкан похолодел. Он сидел молча, вцепившись в края массивного стола, пока дипломаты обменивались бесконечными любезностями. Наконец Хулаг собрался уезжать.

Его тележка развернулась. Хулаг снова одарил Данкана фальшивой улыбкой.

— Славный денек, юноша.

У Данкана хватило ума встать и поклониться, как подобает воспитанному юноше, и тележка умчалась в открытую дверь. Данкан поймал себя на том, что стоит, сжимая кулаки, и неотрывно смотрит на Ставроса.

— Присаживайся,— сказал Ставрос.

Дверь затворилась. Данкан пододвинул стул к тележке старика. Окна потемнели, отгородив их от внешнего мира. Осталось лишь комнатное освещение.

— Мои поздравления,— произнес Ставрос.— Ты великолепный актер!

— Переводите меня? — спросил Данкан без околичностей, вызвав недовольный блеск в глазах

Ставроса. Данкан сразу пожалел о своих словах, ведь Ставрос мог подумать, что он на грани нервного срыва.

— Терпение,— сказал Ставрос.

Он связался с приемной и велел секретарю никого не впускать. Лишь после этого он глубоко вздохнул и позволил себе расслабиться, но при этом внимательно наблюдал за Данканом.

— Хулаг требовал твоей головы,— сказал Ставрос.— Мне удалось его успокоить. Я сказал, что от пережитого в пустыне у тебя помутился рассудок. Такое объяснение, похоже, Хулага устроило: оно позволяет ему считать свою гордость не задетой. Он скрепя сердце готов терпеть твое присутствие.

— Этот регул уничтожил целую расу,— вновь принялся твердить свое Данкан, хотя это уже стоило ему карьеры.— Пусть он не сам нажимал на гашетку, что от этого меняется? Я вам предоставил подробнейший доклад о событиях той ночи. Вы знаете, что я говорю правду.

— Как официальное лицо я не знаю ничего,— проворчал Ставрос.— Данкан, пойми ты наконец! Дело вовсе не такое простое, каким ты его пытаешься представить. Хулаг сам пострадал в этой переделке: лишился корабля, своих юношей, остатков богатства, престижа... не только своего, но и рода Аланей. Человечество сделало ставку на этот клан, понимаешь ты или нет? А из-за того, что здесь случилось, он может уйти на второй план! Ты понимаешь, что я тебе втолковываю? Клан Хулага против войны. Его падение чревато бедой для всех нас, и не только для тех, кто сейчас находится на Кесрите. Речь идет о судьбе мире, понимаешь ты или нет?!

Опять они вернулись на порочный круг. В спор, чей исход был предрешен. Данкан открыл было рот, чтобы снова, уже в который раз, упорно отста-

ивать свою позицию, но Ставрос нетерпеливым жестом велел ему замолчать. Он тоже видел тщетность этого разговора. На Данкана вдруг навалилась страшная усталость. Надежда покинула его, он больше не верил тем, кто управлял Кесритом, и особенно этому человеку, которому он еще совсем недавно служил не за страх, а за совесть.

— Послушай,— резким тоном произнес Ставрос,— на Хэйвене тоже погибли земляне...

— Я там был,— с горечью отозвался Данкан. Он не стал говорить о том, что Ставрос там не был. На Элаге-Хэйвене и остальных десяти планетах той зоны многих соратников Данкана не удалось даже похоронить. А дипломаты отсиживались в глубоком тылу.

— Там земляне погибли от рук мри,— упрямо гнул свое Ставрос.— И снова будут гибнуть наши, если рухнет мир, если где-то придет к власти воинственный регул... и добудет наемников наподобие мри. Или ты не берешь это в расчет?

— Беру.

Ставрос некоторое время молчал. Он подъехал столу и взял стоявшую на краю чашку соя. Сделав глоток, он глянул на Данкана поверх чашки и поставил ее.

— Вот и я беру,— сказал он наконец.— Данкан, мне жаль, что пришлось тебя заменить.

Данкан впервые слышал в голосе Ставроса сочувствие.

— Да, сэр,— пробормотал он.— Я знаю, это было необходимо.

— По нескольким причинам. Во-первых, ты нанес прямое оскорбление баю Хулагу, и тебе еще повезло, что после этого ты остался в живых. Во-вторых, ты лежал в лазарете, и никто не знал, что с тобой... а мне был необходим помощник.— Он указал на свое туловище, утонувшее в металле.— Ты не

медик. С этой точки зрения от Эванса гораздо больше пользы. А ты нигде не пропадешь.

Данкан слушал и с болью осознавал, что им манипулируют, готовят его для какой-то игры. Никто не смел манипулировать Джорджем Ставросом, а тот не боялся управлять всеми. В этом он был профессионал, и разум в его седой голове был чужд человеческим условностям. Этот ученый, задолго до создания планетарной разведки управлявший колониями и улаживавший военные конфликты, оставил семью и спокойную старость ради поста губернатора на Кесрите. Еще недавно Данкану казалось, что между ним и Ставросом возникла некая связь; ради старика он был готов на все... Даже верил ему до такой степени, что рассказал правду. Но для того, чтобы так тонко, коварно, безжалостно управлять другими, надо быть гением. Злым гением. Да, Ставрос не даром ест свой хлеб... Данкан ему больше не верил. Правда, и зла не держал... И понимал: сейчас он снова даст себя обмануть.

— Я, как мог, оправдывал твои действия,— говорил Ставрос.— Но теперь от тебя в должности моего секретаря пользы никакой. Да, мне удалось уговорить Хулага, чтобы простил тебя. Но если возьмешься за старое, он совсем рассвирепеет, и тогда я не ручаюсь за твою жизнь. Мне такие проблемы не нужны. Как, впрочем, и те, которые могут возникнуть в случае твоей смерти. Видишь ли, очень трудно втолковать регулу, что мы не видим разницы между убийством юноши и убийством старика.

— Я не хочу, чтобы меня выгнали с планеты.

— Не хочешь?

— Нет, сэр. Не хочу,

Ставрос посмотрел ему в глаза.

— Ты ни на шаг не отходишь от этих твоих мри. Прямо идефикс! Данкан, когда речь заходит о них, ты буквально теряешь рассудок. Приди в себя. И

скажи мне, что ты надеешься сделать или найти? Чем объяснить эту неожиданную тягу к знаниям, протирание штанов в информатории, на виду у регулов? Что ты ищешь?

— Не знаю, сэр.

— Не знаешь. Но собираешь все сведения о мри.

Данкан стиснул зубы, откинулся на спинку стула и заставил себя дышать ровно. Ставрос молча ждал.

— Я хочу знать,— произнес Данкан,— что они из себя представляли. Я видел их мертвыми. На моих глазах исчезла целая раса. Я хочу понять то, что видел перед ее гибелью.

— Это нонсенс.

— Я там был. Вы — нет.— Перед глазами Данкана вновь встали ночь, тьма, слепящий свет смерти. Тяжелое, безжизненное тело мри. Землянин и мри, оба такие беззащитные перед силами, уничтожившими целую расу.

Ставрос долго смотрел на него. Лицо старика было усталым, в глазах застыла непривычная для Данкана жалость.

— О чем ты думаешь? Что это из-за тебя погибла раса? Тебя гложет мысль, что ты не меньше Хулага виновен в этом?

Вопрос попал в цель. Данкан сидел молча, хоть и знал, что может говорить об этом спокойно. Ставрос дал паузе затянуться.

— Наверное, будет лучше,— наконец проговорил он,— если ты некоторое время проведешь на «Сабере», в более привычной обстановке... Отдохнешь, разберешься с мыслями...

— Нет, сэр. Лучше не будет. Вы сняли меня с должности. Я не против, но дайте мне замену. Я не хочу ни домой, ни в отставку. Дайте другую работу. Здесь, на Кесрите.

— Это просьба, как я понимаю?

— Да, сэр. Это просьба.

— Регул запомнил все твои поступки с тех пор, как ты стал моим секретарем. Да, запомнил и считает их отнюдь не случайными. А ты знай стоишь на своем. Данкан, ты — офицер Плара. Ты пришел сюда помогать, а не делать политику.

Данкан не ответил. В этом не было нужды. От продолжительной речи губы Ставроса свела судорога. Он тяжело дышал, и Данкану стало жаль старика. Ведь он тяжело болен, но держится геройски. И Данкан решил не забывать о вежливости.

— Ты обвинил бая Хулага в убийстве,— сказал Ставрос.— Ты едва не свел на нет все наши дипломатические усилия на Кесрите. Возможно, ты считаешь себя правым. Ладно, допустим.— Хриплый, напряженный голос Ставроса смягчился.— Допустим, что ты действительно прав. Но не тебе это решать, Данкан. И ты должен понимать свою ответственность, будь ты хоть тысячу раз прав.

— Да, сэр,— произнес очень тихо Стен.

— Когда ты ушел,— сказал Ставрос,— я был целиком на твоей стороне. И я уверен, что бай хотел убить тебя, хоть я и пытался его отговорить. Увидеть тебя среди мри — для него это было слишком. Я думаю, ты это понимаешь. Наверное, ты и сам его опасаешься. Как бы мне самому хотелось верить, что эти опасения беспочвенны. Увы, не могу. Скорее всего, Хулаг действительно виновен. Но бросать ему в лицо подобные упреки — непозволительная роскошь для нас. Мне удалось вернуть тебя живым. Это просто чудо, если взглянуть на все, что здесь творится. Кроме того, мне удалось сохранить жизнь твоим мри.

— Жалкие остатки! Врачи...

— Да. Жалкие остатки. Но тут уже ничего не исправишь, даже при всем твоем желании.

— Да, сэр.

— Врачи доложили мне, что ты практически здоров.

— Да, сэр.— Данкан глубоко вздохнул, решив, что Ставрос просто-напросто пытается его успокоить. Глядя, как губернатор неуклюже сует пустую чашку в автомат, Данкан поднялся и помог старику наполнить чашку, которую губернатор собирался предложить ему. Ставрос поблагодарил его, улыбаясь одним углом рта.

— Я все еще не тот, что прежде,— удрученно проговорил Ставрос.— Врачи ничего не обещают, но гимнастика делает свое дело. По крайней мере, я теперь гораздо лучше управляюсь с техникой. Налей и мне, пожалуйста.

Данкан выполнил просьбу, потом уселся и немного погодя сделал первый глоток. Теплый напиток приятно согрел пищевод. Сой обладал легким тонизирующим действием. Данкан с удивлением обнаружил, что выпил больше, чем обычно пил в последние дни; с тех пор, как он вернулся из пустыни, бугорки на его языке почти не ощущали вкуса пищи. Он снова хлебнул горячей жидкости и расслабился, подумав, что Ставросу все-таки удалось втянуть его в свою мудреную паутину интриг. И теперь осталось лишь верить, что Ставрос и сам превосходно все понимает, что его пресмыкательство перед регулом — не более чем лишь игра.

— Мое публичное заявление было ошибкой.— Никому еще не удавалось вырвать у Данкана такое признание.— Нет, остаюсь убежден в своей правоте. Но мне не следовало говорить об этом регулу.

— У тебя был упадок сил. Я все понимаю.

Данкан криво усмехнулся и поставил чашку на стол.

— Парни из службы безопасности накачали меня наркотиками, чтобы я помалкивал, и вам это известно. Так что упадок сил тут ни при чем.

— Ты как-то упомянул о святилище,— сказал Ставрос.— Но в отчете о нем ни слова, а на вопросы ты отвечать отказываешься. Это там ты нашел артефакт, который принес с собой?

У Данкана забегали глаза, сердце бешено застучало. Руки затряслись. Пытаясь это скрыть, он потянулся за пластиковой чашкой и стиснул ее обеими руками.

— Данкан?!

Тьма и пламя... Сверкающий металлический эллипсоид у Ньюна в руках... Как младенец... Для Ньюна и Мелейн он значил больше, чем их судьба, чем жизнь последних мри из целой расы...

«Ничего не делай,— предостерегала Мелейн Данкана, пока он находился там, возле святого для мри места.— Ничего не трогай, ничего не разглядывай».

Он обманул их. Отдал их, раненных, землянам, чтобы спасти... Отдал странный металлический предмет ученым. Проболтался в наркотическом бреду.

Он смотрел на Ставроса, не в силах скрыть свое отчаяние. Не зная, что еще он выболтал. И в лаборатории «Флауэра» действительно лежит артефакт мри — отпираться бесполезно.

— Я думаю, мне лучше переписать доклад.— Данкан не знал, что еще сказать. До прилета земных парламентариев здесь все решает губернатор. На этом этапе становления колонии у него поистине диктаторские права. А Данкан — военный, он обязан слепо выполнять приказы. Ставрос не может приговорить ослушника к смертной казни, но в его власти отправить Стена

куда угодно, навсегда разлучить с мри, с надеждой помочь им. Ему это ничего не стоит...

— Следует понимать так, что твой доклад неполон?

Данкан выложил последний козырь.

— Я не мог решиться. Да и не был уверен, что вам это нужно.

— Это можешь рассказывать кому-нибудь другому. Данкан, я тебя насквозь вижу, неужели ты еще этого не понял?

— Мне было не до рассуждений. По правде говоря... сэр, мне казалось, что вы ничего не хотите знать о мри и обо всем остальном. Я слишком много знал и совсем не был уверен, что меня за это не выпроводят с Кесрита. До сих пор нет такой уверенности.

— Ты хоть понимаешь, насколько серьезны предъявленные тебе обвинения?

— Мы на границе,— сказал Данкан.— Я знаю, сэр, здесь вы можете все. Даже расстрелять меня. Я не могу оценить, насколько много знаю и насколько это важно. Но если можно уничтожить и забыть целую расу... то что говорить обо мне?

Ставрос нахмурился, сделал глоток, скривился и отодвинул чашку.

— Данкан, регулы живы, их жертвы — нет. Так что мы вынуждены иметь дело с регулами, и они все еще опасны. А мри...— Он подъехал поближе и заглянул Данкану в глаза.— У тебя, очевидно, есть собственное мнение о них. Будь твоя воля, как бы ты с ними поступил?

— Отпустил бы. Они не выживут в плену.

— Так просто, да? А ты отдаешь себе отчет, что последствия такого благодеяния совершенно непредсказуемы? И тебя не волнует судьба регулов?

— Мри не собираются воевать с регулами. Их только двое...

— Этим двоим нечего терять, и бай Хулаг для них — враг номер один. А Хулаг, да будет тебе известно, возглавляет у регулов партию пацифистов.

— Я знаю этих двоих,— сказал Данкан.— Здесь, на Кесрите, они только защищались и никому не желали зла. Они всего лишь пытались спастись, а мы им этого не позволили. Дайте им уйти, и они уйдут. Это их единственная цель.

— Пока.

— Для них нет завтра.— Данкан встретил недоумевающий взгляд Ставроса.— У них не будет детей. Этих двоих разделяет табу. Но если бы и родились дети... Десять, даже двадцать мри разве опасны человечеству и регулам?

Ставрос нахмурился, отъехал назад, открыл дверь.

— Идем со мной,— произнес он.— Наверх. Надеюсь, ты никуда не торопишься.

— Да, сэр,— согласился Данкан.

Старик, несомненно, пытался вывести его из равновесия и добился своего. Сейчас Данкан будет сопровождать его на глазах у регулов. Как это понимать? Может, губернатор показывает регулам, что снова доверяет Данкану? Скорее всего, сейчас бывшему секретарю предложат теплое место, попросив взамен невозможное и пригрозив ссылкой на «Сабер». Теперь со Ставросом нелегко будет спорить.

Тележка быстро катилась по полу кабинета, миновала секретаря, выехала в коридор. Данкан настиг ее, лишь когда Ставрос остановился. Закрепившись на рельсах, можно разогнать тележку так, что ни один человек не догонит, но Ставросу это было ни к чему. Он неторопливо ехал рядом с Данканом.

— Первое,— сказал Ставрос,— больше никаких информаториев.— И когда Данкан попытался про-

тестовать, старик объяснил: — Там ты мозолишь глаза регулам, а меня это не устраивает. Ученые с «Флауэра» разыщут все необходимое, достаточно лишь намека. Ты меня понял?

— Нет, сэр.

Некоторое время они двигались молча — слишком много регулов шло навстречу. Потом свернули в коридор, ведущий наверх.

— Я хочу, чтобы ты как можно больше времени проводил на «Флауэре». Держись от регулов подальше. Свое нездоровое любопытство утоляй через посредников и напиши мне подробный отчет. На этот раз — подробный, ясно?

Данкан остановился.

— Я все еще не понимаю вас, сэр.

Ставрос накренил тележку и поднял глаза, чтобы взглянуть на него.

— Ты не ослышался. Я хочу, чтобы ты выложился весь и подготовил мне полный отчет о расе мри. Любые полномочия, какие захочешь, если только это не касается наших мри.

— Какой вам от этого прок? — спросил Данкан.— Я не ученый.

— То, что ты пережил, делает этот отчет бесценным. Не для исследователей, конечно. Для меня.

— Вы бы не могли изъясняться попроще?

Ставрос нахмурился.

— Данкан, я тебе кое-что расскажу. Выслушай меня внимательно. Меня не вдохновляет твоя идея сохранить мри как расу. Они были вселенской чумой, бичом, в лучшем случае — анахронизмом среди более мудрых рас. Но не мы, не регулы и не ты, Данкан, виновны в исчезновении этого народа. Он вымер потому, что его путь вел прямиком к могиле. Ему было неведомо милосердие, лагеря для военнопленных, переговоры о мире, компромиссы. Для него не существовало

никаких цветов, кроме черного и белого. Даже серого цвета они не видели. Я их за это не виню, но путь мри, которым они так дорожили,— это разрушение. Они жили только для того, чтобы убивать. И теперь, когда нет войны, они умирают. Закон природы, если угодно, а я здесь ни при чем. Попробуй убедить меня в обратном, хотя лучше не трать время зря. И будь с ними поосторожнее. Они ведь могут оказаться совсем не такими, какими привиделись тебе в бреду. Попомни мои слова: рано или поздно эта парочка обязательно кого-нибудь прикончит. Себя — непременно. Скорее всего, и тебя. А может, и еще кого-нибудь.

— В таком случае, мне необходим доступ к ним!

— Гм... Пожалуй.

— Сейчас же! Я поговорю с ними так, как прежде не удавалось никому. Пока мри еще в здравом уме, избавьте их от врачей и наркотиков. Пока эти двое еще в здравом уме.

— Данкан...— Ставрос снова медленно покатил вверх по коридору.— Мри не берут пленных, и ты — единственное исключение из этого правила. Единственное за сорок с лишним лет. Я надеюсь, ты отдаешь себе в этом отчет. Согласись, довольно странно, что в пустыне они спасли тебе жизнь. Они давали тебе пищу и воду; вопреки твоему ожиданию, ты получил от них все необходимое, чтобы выжить. Когда рассчитываешь на плохое, а получаешь вместо этого хорошее, возникает определенный эмоциональный эффект... даже если истинная подоплека такого парадокса тебе неизвестна. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Да, сэр. Я думал об этом. Возможно, ваши подозрения обоснованы.

— И именно это ты собираешься выяснить?

— И это, и многое другое.

Они достигли двери в апартаменты Ставроса. Ставрос открыл ее при помощи пульта, въехал в прихожую и, развернув тележку, посмотрел на стоящего в дверном проеме Данкана. В дальнем углу комнаты удивленно застыл, увидев их, молодой офицер. Эванс. Данкан впился взглядом в своего счастливого соперника. Не красавец. Но держится спокойно.

— Тебе стоит денек повременить,— сказал Ставрос Данкану.— Побудь в Номе. Я приготовлю приказ о твоем переводе на «Флауэр», чтобы тамошние шпаки не слишком брыкались. Получишь копию. Надеюсь, ты понимаешь: мне не нужен возмутитель спокойствия среди ученых «Флауэра»; они очень не любят военных. Будь тактичен. Только так можно добиться от них плодотворного сотрудничества.

— Да, сэр.— Данкан едва не задрожал от волнения: он получил все, что хотел, почти все.— И доступ к мри...

— Нет. Пока — нет. Ступай. Дай мне время.

Данкан хотел от всей души поблагодарить старика, но это ему и прежде не всегда удавалось. Он выдавил несколько слов и, неловко повернувшись кругом, ушел.

— Сэр?

Ставрос развернул тележку, вспомнив, что заказывал обед к своему возвращению. Он взял у Эванса чашку бульона и состроил недовольную мину в ответ на предложение кормить его с ложки. По мере того, как тело обретало былую подвижность и он все чаще обходился без посторонней помощи, возвращалось и его пресловутое высокомерие. Сам Ставрос считал причиной своего недовольства все еще непослушные мускулы, а Эванс просто подвернулся под руку. Он ворчливо поблагодарил секретаря.

— Всю информацию о мри,— распорядился он.— И о Стене Данкане.

Эванс бросился выполнять приказ. Ставрос сидел и хлебал бульон, настоящую земную пищу, с нормальным количеством приправ, привычных для земного желудка. Истинная роскошь после долгой опеки регулов.

Но вскоре Ставрос забыл о чашке в своей руке. Он вдруг понял, что потерял Данкана.

В последние дни Ставросу его очень не хватало. Была еще одна причина, по которой он решил перевести Данкана на «Флауэр». Стен слишком устал. Он офицер планетарной разведки, которого выдернули из понемногу останавливающейся военной мясорубки, переодели в лакейскую ливрею и заставили ходить на цыпочках перед дипломатом. Но это не для него. Данкан еще молод, если можно назвать молодым человека, пережившего бойню на Элаге-Хэйвене. У него светлый ум, если верить досье, о существовании которого Данкан, возможно, не подозревает. Один из мальчишек, чьи судьбы изуродовала война, прежде чем они успели задуматься о своем призвании... Данкана научили только одному: решать тактические задачи. Офицеры Плара хорошо действовали в одиночку, но их никогда не допускали к стратегическому планированию. Перед ними ставились небольшие цели, все остальное их не касалось. Любой планетарный разведчик может приспособиться к условиям чужой планеты, выживать и вести боевые действия на территории врага.

Ставрос сам отправил Данкана изучать Кесрит. Приспосабливаться. Выживать.

И Кесрит едва не погубил Данкана. Горнило пустыни изменило даже его внешность. Там, в пустыне, Стен потерял что-то от прежнего Данкана — свою молодость или, быть может, человечность.

Приобрел он только шрамы; под иссушающим солнцем он носил вуаль мри, и верхняя часть его лица загорела; выжженные вокруг глаз морщины делали его взгляд пронизывающим и неземным. Данкан вернулся с больными от разреженного воздуха и едкой пыли легкими: у него появилась одышка; он сутулился, будто на плечах лежала непосильная тяжесть; походка стáла осторожной, словно он не доверял почве под ногами. Дни, проведенные в лазарете, весь арсенал современного медицинского оборудования на борту корабля-разведчика, излечили тело Данкана, но рана в душе осталась навечно. Она-то и придавала молодому офицеру сходство с фанатиком.

Бай регулов не зря считал Стена Данкана врагом. Остальным землянам регулы казались куда менее опасными, чем мри. А Данкан ненавидел их. Он-то знал регулов лучше, чем любой из землян, кроме разве что самого Ставроса: ведь они — первые, кому довелось жить среди регулов. Они первыми должны были пересечь границу между двумя расами, чтобы здесь, на Кесрите, человечество и регулы наладили нормальные отношения между собой.

И больше всех Данкан ненавидел бая Хулага Алань-ни. Ведь именно Хулаг виноват в том, чего Данкан не мог простить регулам: в уничтожении мри, верных наемников, которые по приказу регулов истребляли разумные расы. Причиной тому были отчаянный страх и алчность — странным образом они переплелись между собой. А потом, испугавшись опалы и рассчитывая сорвать куш, бай Хулаг засуетился. Он угодил в ловушку на планете, которую собирался ограбить, среди землян, которых надеялся обмануть и опозорить. Поэтому бай Хулаг сделался сговорчивым и полезным.

Беда была в том, что ни Данкан, ни кто-либо другой не мог, произнеся слово «регул», выразить

им психологию и мотивацию поступков отдельно взятого регула. В целом эта раса представляла собой удивительный симбиоз торговцев и ученых, но большинство кланов, сплоченных родственными узами и торговыми интересами, чаще всего были независимыми, как отдельные нации. Хулаг был из рода Аланей, а Алани — новая сила на политической арене регулов — прекратили войну. Те, кто нанял мри для войны с землянами, принадлежали роду главных конкурентов и врагов Аланей. В конце войны Хольны были вынуждены сдать Кесрит; проиграли они и Аланям, уступив им право передать землянам планету. Но Хольны сумели отомстить: они улетели, ничего не рассказав Хулагу Алань-ни о планете Кесрит и о живущих на ней мри. А потом резко ухудшилась погода, и Хулаг, безнадежно опаздывая с эвакуацией регулов и ценностей, ожидая прибытия землян со дня на день, потерял голову от страха. Именно тогда, боясь гнева новых хозяев планеты, Хулаг совершил массовое убийство.

Возможно, истребив расу мри, бай Хулаг спас жизнь новым колонистам — всем, кто летел на «Сабере», «Флауэре», «Фоксе» и «Ганнибале». Возможно, человечеству следовало сделать хорошую мину при плохой игре и поблагодарить бая Хулага за холокост — ведь теперь землянам никто не угрожает. Данкан, веривший в абсолютную справедливость, не мог согласиться с этим; но что значило его мнение, если клан Аланей и его представитель на Кесрите — Хулаг, с какой стороны ни глянь на них, исключительно полезны для земной колонии? Полезны главным образом благодаря своей зависимости от землян и жгучей ненависти к Хольнам, которые поставили их в такое незавидное положение. Для Данкана, как и для мри, существовало лишь черное и белое, справедливость и

несправедливость. Объяснить Данкану, что род Аланей необходимо поддерживать, усиливать и натравливать на Хольнов, было бы невозможно: чересчур сложная стратегия для офицера Плара.

Кроме того, это Хольны нанимали мри, и Хольны всегда правили ими, и теперь Хулагу необходимо завершить начатое на Кесрите. Всех оставшихся мри следует уничтожить, а для этого необходимо выяснить, не сохранили ли где-нибудь Хольны когорту этих безжалостных и искусных убийц, к которым Данкан вдруг проникся такой симпатией. Без мри регулы воевать не способны. С мри регулы способны на все. Если кто-нибудь из мри выжил, он наверняка не питает особой любви к клану Аланей. И если мри решат отомстить... Что ж, тогда не позавидуешь ни Аланям, ни человечеству.

Бульон скис во рту, пока старик соображал, как придется поступить в конце концов с двумя уцелевшими мри — друзьями Данкана. Стен — человек твердых убеждений, прямолинейный и бесхитростный. И Ставросу не хотелось убивать в молодом офицере то, что его делало ценным советником и надежным агентом.

Он любил Данкана как сына.

Поступи он так с одним из своих сыновей, совесть мучила бы его гораздо меньше.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Приказ пришел вечером. Ужиная в одиночестве у себя в комнате, за столом, заваленным всевозможными служебными документами и кропотливо собранными материалами о мри, Данкан вновь и вновь перечитывал фотокопию.

Связной по особым поручениям — таково название должности, которую Ставрос подобрал для Данкана, чтобы ему было легче вписаться в сплоченную команду «Флауэра». В сущности, этот приказ переводил Данкана в штат гражданской администрации губернатора; военным, о которых постоянно напоминали сеансы связи со станцией, Стен больше не подчинялся. Он оценил этот нюанс: теперь ученые «Флауэра» не будут избегать его. На срок исследований Данкан получал некоторые полномочия, но не мог распоряжаться добытыми артефактами, информацией или людьми; он лишь самостоятельно выбирал направление поиска. Здесь вступал в действие параграф приказа, где говорилось: «Оказывать полнейшее содействие в ходе исследований...» Данкан в который раз читал этот заключительный параграф, не находя в нем никаких оговорок, и диву давался: неужели это написал Ставрос?

Он искал причину такой невиданной щедрости и не находил.

Через час прибыл пакет документов — не электронный файл, куда мог бы сунуть нос любой ре-

гул; нет, Данкану доставили увесистый запечатанный пакет с грифом «Из рук в руки».

Отметив это, Данкан устроился поудобнее и положил на колени несколько папок, битком набитых ценнейшими сведениями. Похоже, люди Ставроса собрали все, что им было известно о пленных мри. Данкан читал и перечитывал, стараясь запомнить все, в чем удавалось хотя бы слегка разобраться.

Немного погодя пошли поздравления от разных служб «Флауэра»: охраны, биологов; от доктора Льюиса, седовласого главного хирурга, который заботился о Данкане, пока тот лежал в лазарете разведывательного корабля. Льюис очень хорошо относился к Данкану. Именно с его молчаливого согласия Стен каждый день бывал на «Флауэре», несмотря на то что мог бы проходить все эти процедуры в Номе, подальше от мри. Льюис сдерживал не в меру рьяных исследователей, он не позволил мри умереть, когда остальные врачи опустили руки. Этому человеку Данкан доверял. Тон остальных посланий был более официален, в подчеркнуто вежливых словах сквозил холодок.

Всемогущий ставленник губернатора — таким он внезапно предстал перед учеными — вторгся в то, что было дорого их сердцам. Варяг, ничего не смыслящий в деле, ради которого эти штатские забрались в такую даль, на пограничную планету. Данкана не удивило их раздражение. Они бы предпочли, чтобы его власть распространялась лишь на изменение условий жизни мри, но ни в коем случае не на другие программы. Первого он сам искренне желал, во второе ему не верилось: это было бы слишком дорого и неблагоразумно. Ставрос никогда не отличался чрезмерной щедростью, напротив, губернатор ничего не делал просто так.

Возможно, Данкана на что-то нацеливали. Или на кого-то. Стен имел все основания опасаться, что так оно и есть. Он снова понадобился старику; он казался себе послушным орудием в новой тайной войне против кого-то из врагов Ставроса. Он не знал, что заставляет Ставроса плести новую интригу — происки регулов, или трения между научным персоналом колонии и канцелярией губернатора, или нечто еще более сложное и запутанное.

Вырвавшись из-под опеки Ставроса, Данкан вновь обрел способность думать. Доверительный тон — любимая удочка старика для легковерных жертв — больше не вводил Данкана в заблуждение, и все же он испытывал неодолимое желание отбросить подозрения и схватить приманку. Ведь старик предлагал все, чего Стен хотел, все, что было для него важно.

Наваждение...

Ставрос позвал его.

Данкан откликнулся и пришел.

Утром на столе дежурного по «Флауэру» Данкана поджидало множество служебных записок — с ним хотели встретиться начальники подразделений. Данкан встревожился. Он отложил бумажные дела и первым делом пошел в лазарет, чтобы лишний раз убедиться, что у мри все хорошо, насколько это вообще возможно в подобных условиях. А еще решил позаботиться о том, чтобы какой-нибудь не в меру ретивый исследователь не поработал с ними напоследок, прежде чем на любые эксперименты будет наложен запрет.

Но из своей каюты Данкана окликнул доктор Льюис, и через некоторое время Стен с удивлением поймал себя на том, что, позабыв о мри, спешит на собрание представителей различных отделов «Флауэра».

Данкан рассердился: он ненавидел подобные процедуры. Его официально представили собравшимся, которые прежде считали его всего лишь любопытным объектом исследований, наподобие мри,— после того как Данкан вернулся из кесритских пустынь, ученых заинтересовала его сверхъестественная способность к выживанию. Он заставил себя улыбнуться и ответить на приветствия, затем откинулся на спинку кресла и приготовился слушать длиннейшие и скучнейшие перечни и взаимные претензии ученых, не поделивших научные темы и инвентарь. Он считал, что его сюда затащили с умыслом — чтобы отомстить Ставросу. Данкан почти ничего не понимал в их речах, кроме того, ему было просто неинтересно. Он сидел, исподтишка изучая характеры и лица участников конференции, вникая в причины мелочных перебранок и запоминая, кто с кем дружит и враждует,— все это могло пригодиться.

Потом он устал и отключился, а когда вновь прислушался к разговору, в нем проснулся интерес. Обсуждались новости со станции, от военных. Новости его встревожили не на шутку. Разведывательный корабль «Фокс» вместе с крейсером «Ганнибал» и рейдером «Сантьяго» вернулись с Гэргайна, планеты звезды Литах, соседки Арайна. Не имеющие атмосферы Гэргайн и его луны были богаты полезными ископаемыми и почти не изучены регулами. Как только об этом зашла речь, геологи взволнованно загомонили; Данкан понял, что часть специалистов «Флауэра» будет откомандирована на «Фокс». Ожидалось перераспределение экипажа в соответствии с новыми задачами; привлекались некоторые маститые ученые, занятые в программе изучения мри. Данкан, поняв суть перестановок, оживился: в его власти было повлиять на них. Наверное, ему следовало что-то сказать, во всяком случае, от него ждали возражений, ведь

протеже губернатора должен неплохо разбираться в кадровых вопросах. Но Данкан молчал.

Он сидел нахмурясь, пока хозяева «Флауэра» преспокойно улаживали свои дела; ему было грустно; он чувствовал себя не в своей тарелке. Отправить, что ли, депешу Ставросу? Но он бездействовал, сидел точно в прострации, пока не осознал, что на его глазах было расформировано большинство отделов. Может быть, это своеобразная месть ученых за вмешательство губернатора? Люди, дорожившие своей независимостью от Ставроса, выставили Данкана на посмешище...

Он был чужим среди этих книжных червей и высоколобых интриганов. Он понимал, каким предстал в их глазах: хаки среди голубого и белого, ненавистный и смешной солдафон с руками, растущими «не оттуда». Но он так ничего и не сказал, лишь смотрел на них исподлобья, пока они не закончили свои дела и не объявили перерыв. Некоторые задерживались, чтобы как ни в чем не бывало перекинуться с ним двумя-тремя словами; те же, кто отправлялся на «Фокс», устремились к выходу, демонстративно не обращая на него внимания. Он держался вежливо, с горечью говоря себе, что все еще не знает, кто здесь ему друг, а кто враг. Данкан был сама обходительность: спасибо Ставросу, научил улыбаться, когда хочется плакать.

Уже собравшись уходить, он вдруг почувствовал, как Льюис положил руку ему на плечо, а в адресованной ему улыбке ксенобиолога Боаз было нечто большее, чем случайный интерес. Боаз была женщиной полной; ее голову венчала корона из пепельно-серых кос, а в речи улавливался акцент уроженки Хэйвена.

— Ставрос сказал, что вы упоминали гробницу мри,— заговорила Боаз.

Данкан посмотрел на главу медперсонала, затем перевел взгляд на невысокую полную женщину, чей отдел распоряжался всем имуществом мри. От этих двоих уже давно зависела жизнь Ньюна и Мелейн.

В глазах Боаз светилась страсть ученого. Ее маленький отдел остался практически в полном составе и мог продолжать работу, а вот среди биомедиков кадровые перестановки выкосили немало признанных авторитетов: недовольные ученые мужи под предлогом разработки методик для будущих разведывательных полетов предпочли более уютную жизнь на станции.

Оставшись на «Флауэре», Боаз и Льюис оказались чуть ли не единственными старейшинами среди поредевшего экипажа разведывательного корабля.

И Льюис был доволен выбором Боаз. Данкан внимательно посмотрел в лицо врача, снова перевел взгляд на женщину.

— Я действительно там побывал,— осторожно признал он.— Правда, не знаю, удастся ли отыскать ее снова.

— Давайте поговорим в моем кабинете,— предложила Боаз.

* * *

— Офицер Плара Данкан,— снова послышался голос адъютанта,— вас ожидают у шлюза.

Самолет ждал. Подождет.

Данкан надавил клавишу на панели коммуникатора и наклонился к микрофону:

— Это Данкан. Передайте, что я подойду через несколько минут.

Льюис дал ему официальное разрешение посещать охраняемую секцию лазарета. Ярко-красный значок позволял ему беспрепятственно вхо-

дить в любые отсеки корабля, кроме оборудованных голосовыми замками. И теперь Данкан испытывал странное удовольствие, когда перед ним мгновенно распахивались двери и охранники встречали его заискивающими взглядами.

И когда он вошел в комнату Ньюна, охранник за стеклянной перегородкой повернулся к нему спиной: не часто Данкана баловали подобной щепетильностью.

Он дотронулся до мри, наклонился, позвал, все еще лелея надежду, что в самый последний момент у него будет возможность иного выбора. Он получил довольно высокий пост, вернул столь необходимую благосклонность губернатора, избежал всех подводных камней. Но, глядя на худое обнаженное лицо мри, он вовсе не испытывал торжества.

Как ему хотелось, чтобы Ньюну позволили закрывать лицо! Скромные, гордые мри не расставались с вуалями. Лишь проведя с Данканом несколько дней, Ньюн почувствовал себя достаточно свободно, чтобы открыть ему свое лицо и заговорить с землянином, как равный с равным.

«У нас нет иного пути,— сказал ему Ньюн, отказываясь от помощи; тогда мри еще мог выбирать.— Мы возродимся и снова будем такими, как прежде, или исчезнем. Мы — мри, и это слово, Данкан,— не просто название расы. Это древний, очень древний путь. Это наш путь. И мы не изменимся».

Но теперь у них нет выбора.

Данкан с горечью подумал, что лишь тот, кому они верили, мог предать их так жестоко. Он уже не сомневался, что они выживут,— и ему придется платить еще одним предательством, на этот раз за их свободу. Он уже готов отдать землянам то, что мри считают святынями. Такой ценой он купит благосклонность Боаз и Льюиса, но сможет ли

когда-нибудь получить ответ на мучительный вопрос: ради чего он это делает? Ради надежды, что когда-нибудь Ньюну удастся его понять, или исходя только из своего эгоизма?

— Ньюн,— нетерпеливо позвал он, страстно мечтая хотя бы о ничтожном проблеске мысли в золотистых глазах, о едва уловимом намеке на одобрение. Но Ньюн сегодня был где-то далеко, никак не реагировал на зов и прикосновение чужой руки.

Больше задерживаться Данкан не мог. Он попятился, все еще лелея надежду на отклик.

Тщетно.

* * *

Пилот не требовался, с управлением он бы справился сам. Но, забравшись в кабину, он обнаружил, что в пилотском кресле устроился рыжеволосый мужчина с эмблемами «Сабера» на рукаве. «*Галей, лейтенант*»,— сообщала табличка на кармане.

— Извините, что задержался,— произнес Данкан. Близился полдень, воздух быстро разогревался.— Я, право, не знал, что полечу в компании.

Галей пожал плечами, запустил двигатель, вслушался в пульсирующий ритм.

— Ничего. Здесь жарко, а внизу, возле опреснительного завода, настоящее пекло. Уж лучше я полетаю.

Данкан уселся в кресло второго пилота, поставил прибор, который вручила ему Боаз, на пол между ног и пристегнулся ремнями.

Самолет быстро поднялся в воздух и, клюнув носом, повернул к холмам. Пока они набирали высоту, их обдувал прохладный ветер — немыслимая роскошь после огнедышащей печи на земле.

— Знаете, куда летим? — спросил Данкан.

— Знаю курс. Я вас оттуда вывозил.

Данкан снова посмотрел на него, попытался вспомнить и не смог. Тогда было темно и хватало других забот. Он моргнул, сообразив, что пропустил мимо ушей последние слова Галея.

— Простите, вы что-то спросили?

Галей снова пожал плечами.

— Не важно. Как дела у кел'енов? Они еще живы?

— Да, живы.

— Там, куда мы летим, надо что-то найти? Для изучения мри, да?

— Да.

— Это опасно?

— Не знаю,— проговорил Данкан, впервые задумываясь над этим.— Возможно.

Несколько километров Галей летел молча, обдумывая слова пассажира. Белая гладь пустыни, кое-где пропоротая одинокими скалами, стремительно приближалась. Данкан окинул ее взглядом и заметил внизу черные точки.

— Дусы,— сказал он.

Галей выглянул в боковое окно.

— Грязное зверье,— только и сказал пилот.

Данкан даже не пытался возразить. Большинство землян, от души желающих смерти мри, сказало бы то же самое. Он рассматривал пустыню, несущуюся под нос самолета, и отмечал про себя, что местность становится все более суровой ближе к нагорью, за путешествие по которому он так дорого заплатил. Даже сейчас, будто в цветном сне глядя из стремительно летящего самолета вниз, Данкан испытывал ту невыносимую боль.

Они кружили над Сил'атеном, каньоном в форме вытянутой буквы «Т»,— его прогрызли щелочные дожди и неуемные ветры. На его дне, среди осколков изваянных вечностью статуй из песча-

ника, по-прежнему лежали обломки самолетов — регулам дорого стоила удачная засада на Ньюна.

Когда самолет совершил посадку в долине и два человека выбрались наружу, в жгучий красный свет Арайна, тишина внезапно сомкнулась над ними и стало трудно дышать. Данкан мгновенно почувствовал, как отличается забортный воздух от профильтрованного воздуха герметичной кабины. Мучительный приступ кашля заставил его сразу ухватиться за ранец со снаряжением. Маски с дыхательными фильтрами и солнцезащитные очки были обязательными деталями экипировки; Данкан надел их и приладил капюшон, спасающий от солнца. Галей сделал то же самое. Маска не остановила приступ кашля, и Данкану пришлось глотнуть воды.

— Как вы себя чувствуете? — Из-за маски голос Галея казался незнакомым. Данкан посмотрел в широкое веснушчатое лицо, и ему стало легче: ведь в этом багровом безмолвии рядом с ним есть живая душа. И все-таки Галей был каким-то чужим, даже говорить с ним не о чем. Данкан закинул флягу за спину и, стараясь не прислушиваться к тишине, поднял прибор.

— Ничего, все нормально,— сказал он.— Пожалуй, вам лучше остаться здесь. А то спускаться в каньон, а потом лезть вон на те скалы с непривычки...

— У меня приказ,— перебил лейтенант.

— Мне что, не доверяют?! — вспылил Данкан и сразу пожалел об этом, увидев изумление на лице Галея. И махнул рукой: — Ладно, пошли. Только не забывайте смотреть под ноги.

Данкан шел мелкими шажками — самый удобный способ передвижения в разреженном воздухе. Галей тяжело ступал рядом. Мри не зря кутались с головы до ног: открыть даже небольшой участок

кожи такому солнцу было бы просто глупо. Но, когда Галей начал забирать в сторону манящей тени утесов, Данкан не последовал его примеру, и тому пришлось вернуться.

— Не заходите в тень,— произнес Данкан.— Вы можете не заметить кое-кого, но вас обязательно заметят. А в тени это случится намного раньше.

Галей с тревогой посмотрел на него, но промолчал. Ветер пел странную песнь в скалах из песчаника.

То было царство духов: Сил'атен, усыпальница мри. По пути Данкан прислушивался к ветру и внимательно смотрел по сторонам, на высокие утесы и пещеры, хранителей своих тайны. Мертвый народ, мертвый мир. Землян окружало древнее кладбище: холмики камней на востоке, помеченные опрокинутыми бурей столбами безымянные могилы на западе. Многие надписи давным-давно сточил песок, а большинство столбов разлетелись вдребезги совсем недавно, под взрывами регульских снарядов и бомб.

В песке они нашли обглоданные кости огромного дуса. Увидев их, Данкан приуныл. Зверь был верным другом мри. Почти всегда меланхоличный, с виду неуклюжий защитник своего хозяина, он мог быть столь же ласков, сколь и опасен.

Еще одна разорванная нить жизни.

Галей поддел череп носком сапога.

— Пожиратели падали зря времени не теряют,— проговорил он.

— Не тронь! — резко произнес Данкан.

Галей растерянно моргнул и насупился.

Но вообще-то он сказал правду: здесь, на этих с виду безжизненных просторах, любителей мертвечины хватало. И не только мертвечины. Уронив тут что-нибудь на песок, не было смысла возвращаться на поиски, а если сам оступишься

или утратишь бдительность, с тобой в мгновение ока расправится безжалостный хищник. Без дусов, служивших им проводниками, мри не ходили по пустыне ночью. Даже днем приходилось все время смотреть под ноги и по сторонам — за любым камнем мог подстерегать враг. Данкан умел по небольшим углублениям в песке находить логова бурильщиков; знал, что солнце должно все время стоять между тобой и камнями, иначе запросто попадешь под ядовитые усики ветроцвета. Он мог при необходимости отыскать воду; умел прятаться — в Сил'атене это было легче легкого, вечные ветры покрыли его скалы мириадами ниш, а песок засыпал след, едва нога отрывалась от земли. Пыльные облака стелились над землей, изредка вздрагивая под сильными порывами свистящего ветра.

Здесь, в пустыне, вдали от очагов цивилизации, словно решив исчезнуть без следа, нашли свой последний приют мри... И Ньюн тоже пришел бы сюда, чтобы умереть.

На этой планете жили мри. Данкан хорошо помнил все, что ему удалось по крупицам собрать в многовековых архивах регулов, выудить всеми правдами и неправдами из ученых землян. Где-то поблизости кел'ены сражались на смертельных поединках... сражались вместо регулов, вначале нанимавших их для войны с другими регулами, которым служили другие мри. В анналах регулов — бесконечная череда описанных сражений, друг от друга эти истории отличаются лишь первыми фразами: мри (один) рода Хольнов победил мри (двух) рода Хорагов; Хораг (неразборчиво) удалился прочь (неразборчиво).

Вот так это и начиналось, и продолжалось до тех пор, пока Хольны не послали мри воевать с человечеством, а не с мри. Странные воины-оди-

ночки... Земляне помнили, как кел'ены в одиночку штурмовали человеческие форпосты и старались дорого продать свою жизнь. Опытные земные командиры, зная ярость и силу этих идущих на смерть берсеркеров, удерживали своих солдат от опрометчивых шагов, как бы дерзко их ни провоцировали. И мри, не добившиеся своего, но и не утратившие высокомерия, возвращались на свою территорию.

А может быть, они сами считали поведение землян непростительно дерзким?

По крайней мере, Ньюн пришел бы именно к такому выводу.

Ньюн, носивший на двух ремнях, опоясывающих грудь и бедра, оружие, одинаково виртуозно владевший лазером и мечом с тонким узорчатым клинком, казался анахронизмом в этой войне.

«Древний, древний путь» — так говорил Ньюн.

И здесь — все, что осталось от этого пути.

Где утесы из песчаника смыкались над головами двух путников, где глубокие тени почти не таили угрозу, где каждый камень был древней реликвией — повсюду чувствовалось дыхание смерти, никогда не знавшей землян. А дальше в скалах скрывались уже совсем непостижимые загадки, там часовые мри умирали на своих постах, верные одним лишь им ведомому долгу, охраняя пещеры, в которых таилось нечто даже более опасное, чем смерть.

Данкан здесь уже побывал. За этими утесами, где каньон перегорожен отвесной скалой, похожей на полуразрушенную стену величественного старинного замка.

— Далеко еще? — спросил Галей, тревожно косясь на обступившие их скалы.— Сейчас что, придется лезть наверх?

— Да.

Галей посмотрел на него и осторожно зашагал следом, когда Данкан отыскал петлявшую между камней знакомую тропку чуть шире стопы дуса. Больше лейтенант вопросов не задавал.

Данкан хорошо запомнил путь наверх, что укрылся в грозной тени. Он на мгновение закрыл глаза, вспоминая тропу, и медленно двинулся в гору.

Поднимаясь, он поймал себя на том, что часто останавливается перевести дух, откашляться и глотнуть воды. Воздух редел все сильнее с каждым шагом, и Данкан страдал от удушья; маска почти не помогала. Кашель одолел и Галея, и он приналег на воду. Данкан, недавно выбравшийся из корабельного лазарета, надеялся, что из Галея получится хороший носильщик, но привыкший к стерильному автоматизированному быту «Сабера» лейтенант двигался с огромным трудом.

В конце концов они одолели подъем и вышли на освещенное солнцем плато, окруженное высокими шпилями скал. Дальше тропы не было — как и в Сил'атене, ветер давным-давно уничтожил следы проходивших здесь мри.

Данкан стоял и думал о том, что Арайн вот-вот исчезнет за островерхими скалами, и осторожно дышал, всем своим существом впитывая окружающий мир. Побывав на десятке новых планет, он приобрел особое чувство земли; сейчас оно бодрствовало в нем где-то на пороге сознания. Галей хотел что-то спросить, но Данкан велел помолчать и некоторое время стоял, прислушиваясь. Вездесущий ветер танцевал и пел среди скал, налетая на землян. Данкан повернулся влево.

— Иди за мной,— проговорил он.— Молча. В прошлый раз я шел здесь в темноте, и все обошлось.

Галей, по-прежнему тяжело дыша, буркнул «угу». Больше он не проронил ни слова, и Данкану уда-

лось на время забыть о его присутствии. Он куда охотнее оставил бы Галея у самолета; планетарный разведчик привык действовать в одиночку, не заботясь о планах и отчетах, и ночь под открытым небом его не пугала. Будучи разведчиком, он не слишком уважал избалованных оранжерейной жизнью на кораблях флотских офицеров и их канцелярщину.

Данкану вдруг пришло в голову, что никто из экипажа «Флауэра» не мог приказать офицеру с «Сабера» сопровождать его.

Темнота застала их на плато. Данкан помнил, что в прошлый раз это случилось, когда он вместе с мри проходил мимо нескольких одиноких скал, пересекая широкую полосу песка по пути к отдаленным утесам.

— Я еще могу идти,— произнес Галей, но в его голосе не было уверенности.

Данкан отрицательно покачал головой, отыскал сравнительно безопасный закуток и устроился на ночлег. В спальнике с подогревом было гораздо уютнее, чем в ту ночь. Они сняли маски и поели, хотя у Галея не было аппетита, а потом погрузились в беспокойный сон.

На фоне ночного неба мелькала, на краткие мгновения зависая в воздухе, крылатая тень джо. Данкана разбудил настойчивый шепот Галея, тот услышал подозрительный шорох в камнях. Стен сел и вгляделся во тьму. Галей снова уснул или притворился, что спит. Вдалеке, на песчаной равнине, Данкан разглядел черный силуэт охотящегося дуса. Потом зверь пропал в густой тени цепочки скал.

Данкан слушал ветер и смотрел на звезды. И внезапно он понял, каков его собственный путь.

Едва блики рассвета раскрасили землю, они выбрались из-под одеял и снова отправились в путь, ежась от утреннего холода. Галей прихрамывал и,

казалось, впал в оцепенение — сказывались трудности минувшего дня.

Окрашенные багровым солнцем, похожие друг на друга скалы по-прежнему окружали их со всех сторон. Но путники шли правильной дорогой; зрительная память Данкана оказалась на высоте. Однако он упорно молчал, всем своим видом показывая, что не желает заводить разговор.

Наконец перед ними появился проход в скалах. От десятка своих собратьев он отличался лишь запоминающимся каменным карнизом на левой стене и лежащей под ним густой тенью.

Данкан медлил; он вдруг подумал, что даже сейчас еще не поздно все изменить. Можно водить Галея кругами, пока у них не кончатся припасы, а потом убедить его и Ставроса, что просто не смог найти дорогу. А без его помощи крохотному отряду Боаз вряд ли удастся отыскать тайник. Пока земляне будут его разыскивать, на Кесрите сменится не одно поколение колонистов.

Но мертвым не нужны святыни. И было бы несправедливо допустить, чтобы драгоценная реликвия погибла, чтобы во вселенной бесследно исчезла целая раса разумных существ.

— Здесь,— произнес Данкан и повел Галея знакомым путем, не раз являвшимся ему в ночных кошмарах; по длинному тесному коридору между вздыбленными пластами песчаника, которые постепенно смыкались над головой, закрывая небо. Коридор изгибался и, казалось, закручивался в спираль, спускаясь в мрак и холод. Данкан включил свой крохотный фонарик, и тонкий луч света выхватывал узоры надписей на стенах, с каждым поворотом уводящих все ниже и ниже.

Дневной свет мерк; он совсем исчез, когда они дошли до тупика, которым оканчивался спуск. Они стояли в вырубленном в скалах глубоком колод-

це; очень высоко над головой виднелось небо. Стены здесь тоже были покрыты символами; повсюду на стенах и на распахнутой металлической двери в противоположной стене колодца чернели следы огня.

Галей выругался; человеческое святотатство резануло слух Данкана, и он посмотрел влево, куда вглядывался Галей. В стенной нише покоились груда костей и истлевшие обрывки черной мантии. Страж Святилища. Ньюн оказал ему почести; Данкан понимал, что должен сделать нечто подобное, но не знал, как.

— Ничего не трогай,— бросил он, мгновенно вспомнив точно такие же слова Мелейн, обращенные к нему, и пронизывающее холодом эхо в глубоком колодце.

Он поспешил заняться делом — опустился на колени на освещенный солнцем песок и распаковал аппаратуру, которую принес с собой: видеокамеру, фотоаппараты и, самое главное, радиомаяк. Включив его, Данкан вдруг подумал, что теперь земляне придут сюда — ведь самолет-разведчик без труда обнаружит сигнал маяка.

Он поднялся с видеокамерой в руках, снял колодец, письмена, стража, дверь со сломанным замком и следы разрушительного пламени.

Наконец он набрался храбрости и шагнул во мрак, который окутывал Святилище, куда не осмеливался войти даже Ньюн. Только Мелейн вошла туда, оставив Ньюна охранять дверь. Данкан затаил дыхание и включил камеру и фонарь. В Святилище повсюду сверкала изуродованная пламенем сталь: разрушенные панели, застывшие ряды искореженных, безжизненных машин. Данкан знал, что найдет в этой пещере. В ту ночь, когда мри разрушали Святилище, до него донесся шум механизмов.

К технике мри относились равнодушно, если не сказать с презрением, но эта вызывала у них благоговейный трепет. И все же они предпочли разрушить ее и вынести отсюда лишь одну вещь, которую, по-видимому, считали самой ценной: яйцеобразный футляр с неизвестным содержимым.

И землянин Данкан неожиданно оробел. Он вспомнил, что мри ничего ему не открывали, если не видели в этом крайней необходимости.

Святилище оказалось скоплением машин, а предмет, который Ньюн с такой любовью вынес отсюда, предмет, покоившийся теперь во чреве «Флауэра», неожиданно стал зловещим и смертельно опасным... А вдруг это мина, способная взорваться в руках ученых? Что ж, такое вполне возможно, ведь у мри есть обычай забирать с собой в могилу врагов. Тогда понятно, почему Ньюн так дорожил эллипсоидом. Однако Боаз и служба безопасности почему-то уверены, что это не оружие.

Где-то здесь, в опаленных и заваленных обломками залах, артефакту было отведено почетное место. Данкан снова поднял камеру и двинулся вдоль рядов сожженных машин, выгоняя мрак из каждого закутка, где лежал еще не тронутый сквозняком пепел. Вскоре сюда придут люди Боаз; электронщики изучат обломки машин, но вряд ли это что-нибудь даст. Мелейн основательно потрудилась, чтобы землянам не досталось ничего. И так поступали все мри.

Данкан получил все, что хотел, все, что ему осталось. Он направился к выходу, задержался там на миг, чтобы бросить прощальный взгляд (словно это помогло бы ему постигнуть сущность мри).

— Сэр,— позвал снаружи Галей.

Данкан резко повернулся и шагнул навстречу лейтенанту, в тень; сдвинул маску,— ему вдруг

показалось, что та перестала давать кислород,— и обрадовался, что может наполнить грудь едким, пронизанным солнечным светом воздух. В этом совершенно чужом, полном жизни мире перед ним возникло широкое встревоженное лицо Галея.

— Пошли,— сказал Данкан лейтенанту.— Надо выбираться.

Когда они достигли края плато и ступили на ведущую в Сил'атен тропинку, что петляла среди камней, каньон внизу скрылся в густом сумраке. Солнце клонилось к горизонту.

— Похоже, стемнеет, пока дойдем до самолета,— сказал Данкан.

— Мы что, обязательно должны успеть до ночи? — спросил Галей.

Данкан отрицательно покачал головой.

— Нет. Когда стемнеет, остановимся на ночлег.

По лицу Галея нельзя было сказать, что это известие его обрадовало. Скорее всего, тот, кто посылал лейтенанта, забыл предупредить его, что придется ночевать под открытым небом. На обратном пути из-за разреженного сухого воздуха у Данкана снова пошла носом кровь, а Галей кашлял все сильнее. Было похоже, что еще одна ночь на природе доставит лейтенанту немало страданий.

Галей начал спускаться первым, пинками отбрасывая камни; от его прежней спешки не осталось ничего. Внезапно он остановился. Данкан в то же мгновение услышал далекий нарастающий гул самолета: вот он промчался над ними и повернул назад.

Данкан посмотрел на Галея. Лейтенант тоже выглядел обеспокоенным.

— Может, это из-за погоды,— произнес Галей.— Или в порту что-нибудь случилось...

Данкан торопливо нажал кнопку передатчика. Если действительно что-то случилось, их должны вызывать с самолета. Тишина.

— Идем,— сказал он Галею.

Пока они одолевали опасный спуск, самолет не появлялся. О привале забыли; Данкан, почувствовав, что кровь в носоглотке мешает дышать, снял маску, откашлялся и вытер лицо. На руке осталась красная полоса. Голова кружилась, валуны расплывались перед глазами. Он ощупью следовал за Галеем, с трудом ступая по рыхлому песку долины.

— Вы же недавно из лазарета,— заговорил Галей, дотронувшись до ремней его поклажи.— Дайте я хоть технику понесу.

— Нет,— упрямо отрезал Данкан. Он собрался с силами и двинулся дальше; тревога не покидала его. Галей тактично укоротил шаг.

Пройдя еще километр по каньону, Данкан обнаружил, что силы его на пределе. Зайдясь в мучительном кашле, он отдал аппаратуру Галею, который шел рядом, тоже страдая от холодного воздуха, раздирающего горло при каждом вдохе. Чувствуя невыносимое одиночество, они шествовали среди мрачных могил и несли человечеству неразгаданные тайны исчезнувшей чужой расы.

А по каньону, ревя мотором, неторопливо двигался неуклюжий регульский вездеход. Галей выругался. Данкан молча следил за приближением машины.

Ничего нельзя было сделать. Ни убежать, ни спрятать аппаратуру. До камней далеко, вокруг — лишь песок, и регулы видят их как на ладони.

Вездеход прокатился по песку и остановился рядом с ними. Откинулся фонарь кабины. Молодой регул наградил их «улыбкой», продемонстрировав частокол загнутых внутрь зубов.

— Помощник Стен Данкан,— заговорил он,— мы очень, очень взволнованы. Все в порядке? Скажи, все в порядке?

— В полном,— ответил Данкан.— Улетай. Нам не нужна помощь.

Улыбка не сгинула. Круглые коричневые глаза изучали лицо Данкана, его руки, снаряжение.

— Разреженный воздух. Похоже, тяжелый груз? Прошу вас, садитесь сзади. Я вас быстро привезу. Здесь много нехорошего, близится ночь. Я Сут Хораг-ги. Меня послал бай Хулаг, его превосходительство серьезно обеспокоен... Ему бы не хотелось, чтобы экспедиция землян попала в беду. Не надо ночевать в дикой пустыне. Я доставлю вас на базу.

Вездеход был невелик, но в кузове двое-трое пассажиров поместились бы легко. Данкан заглянул туда и не заметил ничего подозрительного. Отказываться было бы глупо, ведь на машине они доберутся куда быстрее.

Но Данкан не верил ни одному слову регула. Он вообще не доверял этой расе. Галей по-прежнему не шевелился, ждал решения Данкана. А того не покидало дурное предчувствие, но он забрался в кузов и подвинулся, освобождая место для Галея. Лейтенант уселся рядом, осторожно положил ранец на колени. Вездеход затрясся, медленно разворачиваясь на песке.

— Регулы, должно быть, сели возле нашей машины,— прокричал Галей Данкану в ухо. Данкан понял, что имеет в виду лейтенант. Они не предусмотрели засады возле самолета. Ведь на Кесрите не осталось врагов, которых бы следовало опасаться землянам. Он обругал себя за беспечность.

Земляне, конечно, вооружены. И если дело дойдет до драки, регулам придется несладко.

Однако не следовало забывать, что регулы не слишком дорожат своими юношами.

К тому же этих молодых послал сюда его превосходительство бай Хулаг... тот самый Хулаг, который боится мри настолько, что готов даже на убийство.

Данкан коснулся руки Галея и, пользуясь азбукой экстренных сигналов, предупредил: «Внимание, противник».

«Друзья»,— просигналил в ответ недоумевающий Галей. Похоже, мирный договор уже сделал свое дело — некоторые земляне перестали считать регулов врагами.

«Опасность,— отстукал Данкан ему по запястью.— Бдительность».

«Стрельба?» — поинтересовался Галей.

«Возможно»,— ответил Данкан.

Машина шла на приличной скорости, ее болтало, и земляне с трудом удерживались на месте. Но по сравнению с опасным и долгим переходом, и ночевкой под открытым небом, это была увеселительная прогулка. Данкан пытался унять страх, внушая себе, что регулы, скорее всего, действительно хотят им помочь, боясь гнева Ставроса в случае их исчезновения.

Но ему не удалось убедить себя в этом. Они были далеко от своих, а намерения регулов оставались загадкой. Машина повернула, и он увидел, что Галей угадал верно: рядом с их самолетом стоит регульский. Они ехали прямиком к нему. Данкан взыялся за ремни аппаратов и поднял их с колен Галея, затем кивнул лейтенанту и, не дожидаясь вмешательства неповоротливого регула, выпрыгнул из кузова, сделал кувырок и поднялся на ноги.

Они прошли большую часть пути к спасительному блеску своего самолета, прежде чем водитель

развернул машину, чтобы преградить им путь, а по трапу другого самолета начали спускаться юные регулы.

— С вами все в порядке? Вы что, выпали из кузова? — затараторил водитель.

— Нет,— буркнул Данкан.— Все нормально. Нам пора на базу. Спасибо.

Это не подействовало. Юные регулы с зубастыми дружелюбными улыбками окружали их, не давая пройти.

— Ах! — зачастил Сут Хораг-ги, вылезая из кабины.— У вас снимки? Сокровища мри?

— Собственность Ставроса,— бросил Данкан и резко оттолкнул юношу плечом. Памятуя о том, что быстрота — преимущество землян, он вырвался из кольца регулов и зашагал к трапу своего самолета.

Рядом семенил регул и пытался схватить Данкана, но тот даже не оборачивался.

— Какое счастье,— подобострастно тараторил юноша,— какое счастье, что с тобой ничего не случилось, помощник Стен Данкан.

— Да, спасибо на добром слове. Мой поклон его превосходительству баю Хулагу.

Он говорил на языке регулов, а регул — на языке землян. Данкан довольно грубо отпихнул плечом массивного, неповоротливого юнца, но регулу вряд ли было больно. Галей нагнал Данкана на трапе; лейтенант почти бежал. В самолете они обнаружили еще одного юнца.

— Прочь! — рявкнул Данкан. Но тут же спохватился и произнес с ледяной вежливостью: — Будь так любезен, возвращайся к своим. Мы взлетаем немедленно.

Регул удивленно посмотрел на землян и покорно двинулся к люку, шумно втягивая воздух,— у регулов это считалось проявлением вежливости.

Улыбаясь открытым ртом, он неторопливо заковылял вниз по трапу. Данкан опустил аппаратуру на пол, бросился к пульту и ударил по клавише, чтобы сразу, как только юнец спустится на землю, поднять трап. Тем временем Галей лязгнул люком и повернул штурвал затвора.

Данкан почувствовал, что дрожит. Галея, наверное, тоже трясет, подумал он.

— Чего это они? — срывающимся голосом спросил Галей.

— Прежде всего осмотри самолет,— сказал Данкан.— Проверь все, что можно легко вывести из строя.

Галей сорвал маску и очки, негромко выругался, пристально посмотрел на Данкана, затем отшвырнул их в сторону и принялся за дело.

Однако тщательная проверка бортовых систем ничего не дала.

— Хоть бы что-нибудь найти,— пробормотал Галей, и Данкан зло кивнул. Регулы по-прежнему ждали снаружи.

Галей запустил двигатели, не спеша проверил систему управления, развернулся и, поднявшись на несколько футов, нарочно повел самолет так, чтобы поднятый выхлопом песок слегка запорошил самолет регулов. Увидев несущийся прямо на них летательный аппарат, регулы, неуклюже переваливаясь и спотыкаясь, бросились врассыпную.

Данкану, как старшему по званию, следовало бы сделать пилоту замечание, но он промолчал. Стиснув зубы, он вжимался в кресло, пока самолет набирал высоту; его рука вцепилась в подлокотник с такой силой, что пальцы онемели, а на обивке остались глубокие вмятины.

— Решили помотать нам нервы,— сказал он Галею.— Помотать нервы... Впрочем, не знаю. Что

бы они там ни затевали, им просто не хватило времени.

Галей посмотрел на него. Лейтенант был молод, но носил полдесятка шевронов на рукаве, по числу планет, на которых он побывал. Но сейчас он не на шутку испугался. Данкан подумал, что офицеры «Сабера» надолго запомнят рассказ Галея об этой непредвиденной встрече с регулами.

— Пусть разбирается Ставрос.— Данкану было сейчас наплевать и на регулов, и на старика.— Чем меньше народу об этом узнает, тем лучше. Не стоит повторять моих ошибок.

Данкан хорошо знал, какой репутацией он пользуется среди офицеров военного флота: спятивший диверсант, в лицо назвавший могущественного союзника убийцей. Это пятно навсегда останется в его послужном списке, если только вмешательство Ставроса не обеспечит ему быстрое продвижение вверх по служебной лестнице. Но такой вариант выглядел уж совсем невероятным.

Галей, казалось, понял его, но от этого растерялся еще больше.

— Да, сэр,— тихо произнес он.— Да.

Наконец показались огни планетарной базы. Они сделали круг, сообщили свой код службе безопасности и опустились рядом с «Флауэром». Расстегнув привязные ремни, Данкан поднял с пола футляры с техникой. Галей открыл люк, спустил трап, и Данкан, облегченно вздохнув, на подгибающихся ногах спустился навстречу вооруженной охране.

Над другим краем площади, рядом с Номом, заходил на посадку самолет — регулы спешили доложить начальству.

Офицер службы безопасности попытался забрать у Данкана аппаратуру.

— Нет! — бросил тот, и офицер сразу посторонился.

В толчее Данкан потерял Галея, и теперь жалел, что не успел поблагодарить лейтенанта, который так его выручил. Но ноги офицера Плара уже ступили на трап «Флауэра»; в ночном сумраке сверкал огнями открытый люк. В окружении офицеров службы безопасности Данкан прошел внутрь, спустился в нижние коридоры и направился в лабораторный отсек.

Его встретила встревоженная Боаз в белом халате. Он выложил аппаратуру на стол — та была слишком тяжела для женских рук.

Больше она ему не потребуется. Он сделал все, что хотели от него власти Кесрита, нашел для землян то, что мри считали своими святынями. Эти сведения и хранящийся здесь, за дверями, оснащенными голосовыми замками, странный металлический эллипсоид попали в руки землян, а не регулов, и в нынешних обстоятельствах это было лучшее из того, что мог сделать Данкан.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Когда ученые, взбудораженные новостями Данкана, успокоились, большинство из них отправилось спать. Двери лабораторий закрыли, на ночную вахту заступила малая часть экипажа. Корабль впал в призрачное оцепенение, изредка нарушаемое шумом машин и шепотом вентиляторов, такое непохожее на безумную суету, что царила днем в этих узких коридорах.

Данкан добрался наконец до койки в своей каюте, где не нужно было вздрагивать при каждом шорохе. Здесь была ванна (правда, бортовой режим позволял только химическую помывку),— а о чем еще можно мечтать после трехчасового доклада? Часы показывали 0100 по местному, привычному для Данкана, времени.

Но, несмотря на поздний час, Данкан сначала спустился в лазарет — навестить Ньюна. Для мри, лежащего в наркотическом сне, не существовало ни дня, ни ночи. Лечение не помогало ему, он угасал буквально на глазах. Льюис после ожесточенных споров с Данканом обещал снизить ежедневную дозу наркотиков.

Вот и сейчас, когда Данкан заговорил с мри, ответом ему было молчание. Он коснулся плеча Ньюна и легонько потряс его. Худоба мри привела Данкана в ужас.

Мышцы дрогнули. Мри глубоко вздохнул и зашевелился в привязных ремнях, которые с него не

снимали ни на миг; прикрытые мигательной перепонкой золотистые глаза приоткрылись. Взгляд Ньюна был диким и бессмысленным.

— Ньюн,— прошептал Данкан, потом позвал громче: — Ньюн!

Мри не шелохнулся. Казалось, он не ощущает руки Данкана, вообще не знает о его присутствии. Что-то иное подчинило разум Ньюна; в широко раскрытых золотистых глазах застыл страх.

— Ньюн, перестань. Это Данкан. Рядом с тобой Данкан. Успокойся и посмотри на меня.

— Данкан...— Мри вдруг обмяк; грудь его тяжело вздымалась; в глазах появились проблески сознания, словно он вернулся из какого-то невообразимого далека.— Дусы пропали.

Как жалок был этот бред! Еще недавно ловкий и сообразительный, Ньюн казался сейчас угасающим калекой. Данкан взял его за руку и, зная гордость мри, уголком простыни прикрыл нижнюю часть лица юноши.

Ощущение реальности медленно возвращалось в его удивительные глаза.

— Данкан... отпусти меня.

— Я не могу,— печально проговорил землянин.— Я не могу, Ньюн.

Взгляд снова затуманился, скользнул в сторону. Пальцы расслабились.

— Мелейн,— пробормотал Ньюн.

— С ней все хорошо.— Данкан до боли сжимал руку мри, не позволяя ему вновь провалиться в беспамятство. Но юноша все-таки погрузился в горячечный сон. Дыхание участилось, он снова заметался — его одолевали кошмарные видения.

И наконец затих. Данкан отпустил руку Ньюна и пошел к выходу — вначале медленно, затем быстрее. Он был огорчен и испуган, но в одном сомневаться не приходилось: Ньюн постепенно

побеждает наркотики. Мри узнавал Данкана, говорил с ним. Вероятно, сказывался иной обмен веществ, а, может быть, Льюис, несмотря на свои громогласные возражения, все же уменьшил дозу.

Данкан вышел к главному шлюзу, там пост наружной охраны отмечал всех приходящих и уходящих с корабля. Расписавшись в журнале, Данкан положил ручку на стол.

— Трудные времена, сэр? — сочувственно осведомился знакомый охранник, Тереки.

— Вроде того,— пробормотал Данкан, потирая колючий подбородок и глядя на Тереки воспаленными глазами.— Передай Льюису, когда проснется, что я хочу немедленно поговорить с ним.

— Есть, сэр! — Тереки сделал пометку в журнале.

Данкан двинулся было к выходу, ожидая, что Тереки откроет люк. Но этого не произошло.

— Сэр,— окликнул его Тереки,— Вы не вооружены. Распоряжение, сэр.

Данкан едва не выругался, вспомнив инструкцию для выходящих ночью членов экипажа.

— Не можешь подобрать что-нибудь полегче?

— Распишитесь.— Тереки открыл шкаф и, подождав, пока Данкан впишет свою фамилию в другой формуляр, выдал ему пистолет.— Извините,— виновато улыбнулся охранник,— но недавно было какое-то чэпэ, вот и вышел приказ обязательно брать с собой оружие.

— Регулы? — спросил не на шутку встревоженный Данкан. В отчетах ни о каком ЧП не было ни слова. Он слишком устал и поэтому опрометчиво сказал первое, что пришло в голову.

— Животные. Пытаются прокрасться через защитные экраны. Вряд ли у них это получится, но я бы не рискнул сунуться наружу без оружия. Может, вас проводить, сэр? Я могу вызвать дежур-

ных из службы безопасности...— Не стоит,— устало произнес Данкан.— Не стоит.— Он отвык от оружия, и даже теперь, держа в руках тяжелую кобуру, не собирался ни нападать, ни защищаться. Он ходил по этой земле вместе с мри, и предупреждения людей, которым лишь на «Флауэре» и в Номе было спокойно, людей, никогда не видевших земли, которой они собирались владеть, были для него всего лишь пустыми словами.

Люди, подобные Галею, могут стоять посреди Сил'атена и ничего при этом не испытывать.

Они равнодушны.

Он пристегнул тяжелую кобуру к поясу (в усталых мышцах тотчас проснулась боль), с улыбкой поблагодарил Тереки и пошел навстречу холодному едкому воздуху. Неподалеку забил горячий фонтан — вот уж чему не было никакого дела до «Флауэра», так это гейзеру. Воздух был наполнен влагой. Данкан глубоко дышал, не обращая внимания на едкие примеси, испытывая странное удовольствие от ночной прогулки в одиночестве и тишине, без Галея. Только теперь он почувствовал, как болит голова. Он бесцельно шагал сквозь ночь под наибольшей из лун Кесрита, наслаждался свежим ветром и мерцанием звезд и смотрел, как на самом краю долины поднимаются в свете прожекторов пышные султаны гейзеров. Там местность представляла собой дышащий жаром и влагой непроходимый барьер, она охраняла разрушенные башни мри, и даже самые смелые ученые из группы Боаз предпочитали рассматривать их с воздуха.

Вскоре пришлось остановиться — звякнула стальная сетка под его ботинком. Данкан задержался у ворот, чтобы еще хоть миг понаслаждаться полной тишиной, окинуть взглядом горизонт, мерцающие

воды Алкалинского моря, огни города, султаны гейзеров, «Флауэр» на фоне скал.

Где-то неподалеку с шумом покатился камень. У Данкана екнуло сердце. Звук повторился. Данкан повернулся на него и заметил силуэт. Большой четвероногий зверь неуклюже спускался по склону холма. Вот он наткнулся на защитный экран и отпрянул, тревожно пыхтя. Потом на фоне неба поднялся на дыбы огромный, вдвое выше самого высокого землянина, зверь с длинными когтями.

«Дусы пропали» — так сказал Ньюн.

Данкан стоял, не двигаясь; сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Он хорошо знал, как опасны эти обитатели Кесрита, неукротимые великаны с ядовитыми когтями, способными запросто разорвать человека в клочья. Не обращая внимания на сопротивление ограды, зверь снова и снова устремлялся вперед.

На гребне холма показался еще один дус, он неторопливо спускался к своему сородичу. Прожекторы «Флауэра» тревожно заметались, распахнулся люк, наружу высыпали люди,

— Стойте! — закричал им Данкан.— Ни шагу дальше! Не стрелять!

Дус вновь бросился на ограду, и ни силовое поле, ни стальная сетка не удержали могучего зверя. Одолев преграду, он поднялся на задние лапы и издал похожее на стон низкое рычание, эхом отразившееся от стен Нома.

Данкан заметил вспышку — кто-то выстрелил из винтовки.

— Прекратить огонь! — закричал он.

Запахло паленой шерстью — это прорвался второй зверь. У него дымились бока. Прижавшись друг к другу, дусы осторожно двинулись вперед.

Звери Ньюна.

Данкан понял, они направляются к трапу, к распахнутому люку, где стопились люди... Земляне открыли беглый огонь. Звери уворачивались.

— Нет! — крикнул он.

Звери повернули назад и, сопя, двинулись к Данкану. Кто-то из стоявших у люка крикнул ему, чтобы отошел,— Данкан был слишком близко от зверей, и люди не могли стрелять. Прожектора слепили дусов, но они все равно упорно приближались к нему. Они походили на чудовищных плюшевых мишек; выворачивая внутрь мощные лапы и стуча ядовитыми когтями по сетке, косматые великаны надвигались на Данкана.

Дус покрупнее повел в его сторону плоским носом, шумно втянул воздух. Данкан стоял неподвижно, сердце бешено стучало, гоня по венам перенасыщенную адреналином кровь. Зверь обнюхал его руку, лизнул ее и грубовато толкнул человека, но тот удержался на ногах.

Словно исполняя какой-то странный танец под низкие, протяжные стоны и рычание, дусы несколько раз обошли вокруг Данкана и остановились, отгородясь им от вооруженных людей. Он решил рискнуть и сделал несколько шагов. Дусы двинулись следом. Он остановился, звери тоже.

Без сомнения, это были дусы Ньюна. Они не погибли в Сил'атене под огнем регулов. Они проделали долгий и опасный путь, и на это им понадобилось гораздо больше времени, чем машинам. Пройдя по пустыне сотни миль, они с поразительной точностью нашли место, где земляне держали в плену их хозяина. Скрывали.

Данкан видел, как ведут себя в паре дус и мри; видел, как зверь буквально с полуслова, с полувзгляда понимал своего кел'ена. Но слов и жестов порой не требовалось, зверь реагировал мгно-

венно, словно между ним и хозяином была телепатическая связь.

Снова дусы были рядом с Данканом, снова он чувствовал прикосновения огромных теплых тел, покрытых пышным мехом. Этих смешных неуклюжих животных, обладавших огромной силой, было почти невозможно убить; яд хищников Кесрита для них был безвреден. Данкан внезапно испытал головокружение, его охватил страх перед прожекторами, перед людьми с оружием... Но он решил, что всему виной идущее от дусов тепло.

Он подумал о Ньюне, и оттенок мыслей сменился. В них появились нежность и какое-то непонятное, но очень сильное желание.

Люди, свет, оружие.

Страх, желание, нежность.

Данкан моргнул, оперся рукой на теплую спину одного из дусов и понял, что дрожит. Он медленно пошел к распахнутому люку, навстречу вооруженным охранникам. Но что могут сделать их винтовки такому огромному, тяжелому, могучему зверю?

Теперь Данкан чувствовал вкус крови. И жар.— Нет! — приказал он дусам.

Звери успокоились. Услышав негромкий оклик охранника, Данкан остановился.

— Уходи оттуда,— кричали ему.— Уходи!

— Идите на борт,— приказал Данкан.— И перекройте все коридоры, кроме тех, что ведут к трюмам. Обеспечьте проход к к какому-нибудь отсеку, где звери смогут чувствовать себя спокойно. Быстрее!

Люди не стали спорить. Двое скрылись в шлюзовой камере, явно собираясь доложить начальству. Данкан остался с дусами, ждал, успокаивающе гладя их по широким спинам. Дусы ощущали присутствие Ньюна и Мелейн. Они знали. С ними он

был в безопасности. А вот людям с винтовками следовало бы вести себя поосторожнее.

— Отойдите от люка,— велел он оставшимся охранникам.— Дусы мне ничего не сделают. Это звери мри.

— Данкан! — В высоком голосе Боаз звучала тревога.— Данкан, черт возьми, что происходит?

— Они пришли к Ньюну. Это его звери. Это полуразумные животные... а, может быть, даже больше, чем полуразумные. Освободите мне дорогу, надо провести их на корабль, пока они не рассердились по-настоящему.

Начался бурный обмен мнениями. Данкан ждал, похлопывая зверей по мощным спинам. Дусы по-собачьи присели на задние лапы. Они тоже ждали.

— Идите,— крикнула наконец Боаз.— Грузовой трюм номер один. Там пусто.

Данкан повернулся к дусам, издал, подражая Ньюну, низкий горловой звук и зашагал вперед. Дусы тяжело встали и как ни в чем не бывало двинулись следом, словно всю жизнь только и делали, что входили в корабли землян. Но никто из людей не оказался у них на пути; даже Боаз, чье благоразумие взяло верх над любопытством, где-то укрылась. Никто не встречал их, кроме запертых дверей и пустых коридоров.

Они втроем шагали по коридорам (лифты не годились для огромных дусов), и когти мерно постукивали по стальному полу. В такой компании Данкану бояться некого. Звери признали его, и хотя где-то в глубине сознания шевелилась мысль, что он совершает ошибку, Данкан был спокоен. Он считал, что поступает правильно.

Наконец они вошли в трюм. Там дусы ткнулись в Данкана большими головами, которыми при желании могли бы сломать ему ребра или позвоночник. Он погладил обоих, и снова возникло

ощущение, что он все делает правильно и дусам это нравится.

Он вышел, запер дверь и содрогнулся при мысли о том, что наделал. Ведь дусы не требовали от него ни воды, ни пищи. Они лишь хотели попасть на корабль. И он им в этом помог.

Охваченный страхом, Данкан побежал. Приближаясь к лазарету, он едва дышал. Дверь лазарета, как и почти все остальные, была задраена по тревоге. Он крутанул штурвал замка, ввалился в отсек и прислонился к двери спиной.

— Сэр? — повернулся к нему охранник.

— Они проснулись? — хриплым от нервного напряжения голосом спросил Данкан.

Охранник растерянно пожал плечами.

— Нет, сэр. Не думаю.

Данкан отпихнул его в сторону, отворил дверь и взглянул на Ньюна. Открытые глаза мри неподвижно глядели в потолок. Данкан подошел к постели и стиснул руку кел'ена.

— Ньюн. Дусы. Дусы. Они пришли.

На лбу мри — наконец-то! — выступил пот. Но взгляд золотистых глаз по-прежнему блуждал в бесконечности.

— Они здесь,— едва не кричал Данкан.

У Ньюна дрогнули ресницы.

— Да,— произнес он.— Я их чувствую.

Больше Ньюн ничего не сказал, глаза закрылись, и он заснул с удивительным выражением спокойствия на лице.

— Сэр! — окликнул Данкана охранник, вбежавший в лазарет вопреки инструкции.— Позвать кого-нибудь?

— Нет,— прошептал Данкан.

Он вышел в коридор и направился к верхним палубам. Корабль наконец ожил; включился интерком. Боаз звала Данкана к себе.

Он не помнил, как оказался наверху,— в памяти осталось белое пятно. Отворив дверь, увидел встревоженное лицо Боаз. После того странного головокружения, наполненного смутными и незнакомыми образами, Данкан боялся таких провалов в памяти.

— Они ручные? — спросила Боаз.

— Дусы? Кажется, да. Для мри они как... Я не знаю. Не могу сказать наверняка.

Боаз внимательно посмотрела на него.

— Ты целый день на ногах,— негромко произнесла она.— Больше никаких вопросов. Если они успокоились и не опасны — никаких вопросов.

— Они не успокоились. Они опасны.

— Никто не собирается к ним подходить.

— Они полуразумны,— сказал он.— Они разыскали мри. Прошли через пустыню, через весь город и разыскали их.

Данкана била дрожь. Боаз коснулась его руки. Эта светловолосая полная женщина казалась ему сейчас самым прекрасным и добрым существом на планете.

— Стен, иди к себе,— предложила она.— Надо отдохнуть. Охранник тебя проводит. Уходи отсюда.

Данкан кивнул. Он вспомнил дорогу от корабля до Нома и подумал, что ему хватит сил добраться до своей комнаты без приключений. Забыв поблагодарить Боаз, он повернулся... и пришел в себя уже на трапе, в сопровождении офицера службы безопасности с винтовкой на плече.

Опять провал в памяти! Проклятие! Данкан все еще надеялся, что в этом виновата усталость.

Как же получилось, что он, не отдавая себе в этом отчета, решил пройти на «Флауэр» с дусами?

Это произошло не по его воле.

Он сосредоточился на мыслях о дусах. Сосредоточился изо всех сил, до головокружения. По-

пытался вернуть ощущение тепла, которое появлялось от их прикосновений.

«Да,— сказал Ньюн,— я их чувствую».

Он их чувствовал.

Данкан плохо помнил, о чем он разговаривал с офицером службы безопасности. Скорее всего, городил какую-то чушь, едва ворочая языком. Старался разорвать тишину, от которой звенело в ушах.

А потом он оказался в сверкающем яркими огнями Номе, где в комнатах металось гулкое эхо, где пахло регулами и землянами. Где не было тишины.

Офицер проводил Данкана до его комнаты и вложил ему в ладонь пластиковую пробирку.

— Это вам от доктора Льюиса,— сказал он.

Данкан даже не поинтересовался, что содержится в этих красных капсулах, которые убивают сны и парализуют чувства, даря взамен спасительное беспамятство.

Проснувшись поутру, он обнаружил, что забыл выключить свет.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В тишине кабинета Ставрос, покинувший свою многофункциональную тележку, поднял на Данкана воспаленные от недосыпания глаза. На столе перед стариком высилась груда измятых бумаг; день уходил на составление документов, ночь — на их перечитывание.

Все это Данкан видел. Кроме того, он прекрасно знал, что среди этих бумаг есть и толика его собственного труда. Да, он потратил немало часов на составление отчетов; ни Боаз, ни Льюис, ни служба безопасности так и не увидели их. С ними знакомился только Ставрос, и если содержимое отчетов шло вразрез с его намерениями, бумаги бесследно исчезали.

— Садись,— сказал Ставрос.

Данкан подчинился. Бесцветные глаза Ставроса пристально изучали его лицо. Проделанная работа не принесла Данкану чувства удовлетворения, оставив в душе пустоту, и, скорее всего, последний отчет, как и вообще все, что противоречило политике Ставроса, оказался ненужным. Этот отчет вымотал Данкана гораздо сильнее, чем любое из заданий, выполненных им в колледже. Готовя его, Данкан очень боялся, что весь труд окажется напрасным и только вызовет лишние вопросы; что Ставрос, пообещав как следует во всем разобраться, выбросит отчет, не прочитав и половины.

— Знаешь, это так называемое Святилище мри,— заговорил наконец Ставрос,— вызвало сильный переполох у регулов. Они до смерти перепугались. Святилище, артефакт, наши старания спасти жизнь двоим мри,— все это они считают звеньями одной цепи... А тут еще ты натворил немало дел. В результате получается довольнотаки неприятная картина. Тебе известно, что регулы на каждом углу трубят, что им пришлось спасать вас с Галеем?

Данкан едва удержался от ругательства.

— Все было совсем не так.

— Не следует забывать, что, увидев вас там, регулы вполне могли решить, что вы попали в беду. Сами они пешком не способны пройти такое расстояние. К тому же приближалась ночь, а для них нет ничего страшнее, чем оказаться ночью в пустыне. Эти юнцы в один голос твердят, что заметили внизу самолет и забеспокоились, не случилось ли чего с вами... Они решили, что, если это действительно так, то во всем обвинят их, и бросились на выручку.

— Сэр, вы действительно в это верите?

— Нет,— спокойно произнес Ставрос.— Я склонен видеть причину в любопытстве. Конкретно, в любопытстве Хулага. Он чрезвычайно боится возмездия мри, боится всего, что с ними связано. И, я думаю, больше всего он боится, что оставшиеся в живых доберутся до него. Видишь, я откровенен с тобой. Но мои слова не стоит повторять за стенами этой комнаты. Теперь скажи, когда вы встретились с регулами, не было ли с их стороны откровенной, неприкрытой угрозы?

— Нас самих никто не трогал. Но наше снаряжение...

— Я читал.

— Да, сэр.— Вы достаточно ловко справились с этим делом,— произнес Ставрос, слегка нахму-

рясь.— Хотя, думаю, регулов особенно интересовал ты... ну и реликвии мри, конечно. Мне кажется, именно интерес к твоей персоне заставил их туда отправиться. И если бы я не послал с тобой Галея, ты бы мог и не вернуться. Ты нисколько не заботишься о безопасности.

— Да, сэр,— Они убили бы тебя при первой возможности. Я лично занялся бы расследованием, но оживить мертвеца мне не по силам.

Но при чем здесь Святилище, а, Данкан? При чем здесь артефакт?

— Сэр?

— Почему ты считаешь, что они так важны? Мри рисковали своей жизнью, чтобы добраться туда и забрать артефакт. Почему?

Данкан махнул рукой в сторону лежащего на столе отчета.

— Религия. Я объяснял...

— Ты побывал внутри этого Святилища. Я видел твою видеозапись.

Ты действительно веришь, что это культовое сооружение?

— Для них оно очень важно.— Он был не в состоянии сказать что-нибудь еще. Лежащие перед ним фотографии говорили другое: компьютерные банки данных, вооружение, средства связи — все это было у мри, они ни в чем не уступали регулам, и это ужасало.

— Ты прав, для них это очень важно. Боаз вскрыла твой эллипсоид. Три дня назад.

Данкан не поверил своим ушам. Он-то считал, без добровольной помощи мри землянам не обойтись... И ради нее, возможно, начнутся переговоры... Но толстушка Боаз благодаря своей ловкости и уму, благодаря всемогущим механикам «Флауэра», которые беспрекословно ей подчинялись, без труда справились с этой задачей, и теперь у мри не осталось ни одного козыря.

— Я не думал, что это произойдет так скоро,— сказал Данкан.— В отчете Боаз сказано, что это была за вещь?

— Почему — была? Она есть. Боаз утверждает, что конструкция эллипсоида несложная, любой мог бы открыть его без особого труда, если бы располагал необходимыми инструментами. И похоже, это и в самом деле не оружие, что явствует из твоего фильма. Это записи. Мы еще не разобрались с языком, и у нас нет ни одной зацепки, чтобы его расшифровать. Мы, как ты понимаешь, не хотим обращаться за консультациями к регулам. Но там еще есть цифровые данные, записанные символами, которые может расшифровать любой; к тому же там изображен ключ. Реликвия, которую ты, Данкан, принес, и это Святилище — своего рода банки данных, и эти данные для мри дороже, чем их собственная жизнь. Возникает вопрос: какого рода информация может так высоко цениться?

— Не знаю.

— Цифры. Серии цифр. Что это тебе напоминает?

Данкан некоторое время сидел молча, Он знал не так уж много, и поэтому сам собой напрашивался единственный вывод.

— Навигационные данные,— сказал он в конце концов, потому что Ставрос явно решил добиться ответа любой ценой.— Да. И разве не странно, что им понадобились такие сведения, хотя у них нет корабля?

Данкан сидел молча. У него появилось несколько любопытных идей; некоторые, пожалуй, стоило обдумать.

— Это в пух и прах разбивает общепринятое мнение,— продолжал тем временем Ставрос,— что мри получили всю имеющуюся у них технику от регулов и сами либо абсолютно безграмотны тех-

нически, либо просто не хотят ничего изобретать.— С трудом протянув руку, он взял со стола фотографию, перевернул вверх изображением и бросил Данкану.— Содержимое яичка, десятикратное увеличение.

Данкан вгляделся. На снимке была изображена золотая пластина, вся в сложных выгравированных символах. Даже если оригинал превосходил размерами изображение, это была очень тонкая работа.

— Таких пластин несколько,— произнес Ставрос.— Один металл чего стоит. Боаз считает, все это изготовлено не одним мастером, и самая первая из пластин — очень древняя. Либо тут применена очень высокая технология, либо неимоверное терпение, а, может быть, и то, и другое. Мне удалось заинтересовать математиков, они решили перенести символы на курсовую ленту и с помощью компьютера поискать отправную точку. Но даже если из этого что-нибудь выйдет, вряд ли мы сумеем расшифровать все эти записи. Возможно, обратимся за помощью в лаборатории Хэйвена, но это потребует времени. Много времени. Ты по-прежнему уверен, что не знаешь, что принес?

— Да, сэр.— Данкан, не дрогнув, встретил взгляд Ставроса.

— Я не знал тогда и до сих пор не уверен, что сами мри это знали. Может быть, они выполняли волю своих вождей, а почему — не имею представления. Правда, я не отрицаю: вероятность того, что они могли знать, велика.

— Сможешь из них это вытянуть?

— Нет. Не думаю.

— Судя по их стремлению добраться до этой вещи, они ждут корабль.

— Вряд ли, сэр. Они действительно собирались улететь, но никого не ждали. Конечно, это всего

лишь мои домыслы на основе их слов и поступков, но я уверен.

— Что ж, Данкан, скорее всего, ты прав.

Но мри могут не повторить твоей ошибки. Для тебя все регулы одинаковы. Мри имели дело лишь с родом Хольнов. Алани — соперники Хольнов, а у тех... кораблей хватало.

По спине Данкана пробежал холодок.

— Да, сэр,— негромко сказал Данкан.— Но связаться с ними — непростая задача.

— Может, Святилище...

— Нет.

— Опять домыслы?

— Просто здравый смысл. Других мри во Вселенной нет. И Мелейн с Ньюном это знают.

— Так говорит Алань; так, наверное, говорили твои мри. Может быть, никто не лгал. Но регулы иногда не говорят всего, что знают. Возможно, мри — тоже. А может быть, мы задавали не те вопросы.— Дрожащей рукой Ставрос поднял чашку и, сделав глоток, снова поставил.

— Мри всегда были наемниками. А твои приятели — разве исключение?

Вопрос застал Данкана врасплох.

— Может быть. Я не знаю.

— Мне кажется, регулы боятся именно этого. Хулаг потерял власть над мри и пришел в ужас при мысли, что их могут нанять земляне. И найти им применение. Ты знаешь, чем им обычно платят?

— Не знаю.— Данкан смотрел на Ставроса, а у того на лице читалась плохо скрываемая насмешка. Уж старик-то наверняка знает!

Данкан положил фотоснимок на стол.

— Что вы предлагаете?

— Ничего. Мне просто интересно, насколько хорошо ты знаешь мри.

— По-моему, мы говорили совсем о другом.

— Если верить твоему послужному списку, ты неплохой пилот.

Данкан бесстрастно смотрел на Ставроса.

— Это так? — спросил старик.

— Наверное, если так написано.

— Для участия в операциях Элага-Хэйвена надо было хорошо знать астронавигацию.

— У меня был корабль с автоматическим управлением. Я знаком с пилотажем на внутрисистемных линиях, а что касается транзитных операций, там все рассчитывали без меня.

— Ну и чем плохо, что ты наконец получишь о них какое-то представление?

Несколько мгновений Данкан не находился с ответом.

— Что вы от меня хотите, в конце-то концов?

— Возьми мри. Возьми артефакт. Ты говорил, что умеешь разговаривать с мри. Или это всего лишь слова? Данкан откинулся на спинку кресла, чтобы оказаться подальше от старика, и несколько раз глубоко вдохнул. И подумал вдруг, что все еще не знает Ставроса.

— Ты в чем-то сомневаешься? — спросил Ставрос.

— Да здесь любой нормальный человек засомневается. Взять мри? И что с ними сделать? И при чем здесь навигация?

— Я спросил: ты действительно считаешь, что нашел общий язык с мри? — Что вы имеете в виду?

— В этом отчете слишком мало сведений. Можешь разузнать побольше и рассказать мне? Можешь добыть какие-нибудь доказательства, что мри не собираются устроить побоище на Кесрите, или что Хольны не припрятали где-нибудь целую толпу этих головорезов?

Данкан снова наклонился вперед и положил руки на стол, за которым сидел Ставрос. Он прекрасно понимал, что старик приготовил ему хитрую ловушку. Он смотрел в глаза Ставросу, и ласковое, невинное выражение лица выдало старика.

— Мой отчет вас не убедил. Произошло еще что-то, и вы снова спешите от меня избавиться. Хоть бы рассказали, в чем дело. Я могу рассчитывать на откровенность? Или мой удел — теряться в догадках?

Они со стариком немало пережили вместе, ничего не тая друг от друга. Данкан сейчас упирал именно на это, и по лицу Ставроса видел, что тот постепенно сдает позиции.

— Только между нами,— сказал старик.

— Между нами.

Ставрос нахмурился, губы дрогнули.

— Я хочу немедленно вывезти мри с Кесрита. Отправлю «Флауэр» на станцию, там его экипаж сможет жить и работать спокойно. С тех пор, как ты побывал в Сил'атене, регулы нервничают при любом упоминании о мри. Кроме того, вполне возможно, скоро прибудут корабли регулов. Хулаг говорит, что старейшины его рода серьезно обеспокоены, ведь бай сорвал сроки эвакуации. К тому же он потерял корабль, а это для Аланей тяжелый удар. И он не на шутку встревожен. Все время боится, что его неправильно поймут, и хочет вылететь навстречу прибывающим кораблям. И если корабли регулов действительно прилетят, мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь из вас в этот момент оказался на планете. Мне кажется, отлет «Флауэра» сведет вероятность инцидента к минимуму. У «Сабера» и «Ганнибала» вместе достаточно сил, чтобы защитить станцию и разведчики, если что-нибудь пойдет не так. А если мри будут по-прежнему мозолить регулам

глаза, неприятностей не оберешься. Когда дело касается мри, регулы просто теряют головы.

— В этом я сам убедился,— с горечью согласился Данкан.

— Да,— сказал Ставрос.— Хулаг постоянно спрашивает про артефакт. Я даже уверен, что из-за него достопочтенный бай плохо спит. Не кажется ли тебе, Данкан, что, окажись у тебя корабль, мри и эллипсоид, ты бы наверняка узнал, что это за пластины?

Данкан медленно выдохнул.

— В одиночку?

— Ты получишь оригинал артефакта. Мри, скорее всего, будут на этом настаивать. А у нас будет голографический дубль... Так что мы рискуем не больше, чем музей, выставляющий на экспозицию какой-нибудь ценный экспонат... хотя, возможно, все-таки больше. Но в подобных обстоятельствах такой риск оправдан.— Ставрос надолго приложился к чашке, а когда ставил ее на стол, она предательски задребезжала. Старик тяжело дышал.— Ну? — Объясните мне, что я должен найти? Далеко ли оно находится? И что будет, если я откажусь?

— Я ничего не знаю. И не собираюсь ничего обещать. Если мри направятся за подмогой к Хольнам, ты потеряешь и корабль, и жизнь... да все на свете. Мне бы очень хотелось заверить тебя, что этого не случится, но... Надо выяснить, что изображено на пластинах, и, если понадобится... сотрудничать с мри. Теперь я хочу услышать твой ответ. Если думаешь, что все это нереально, скажи сразу. Лаборатории и компьютеры Хэйвена решат эту задачу, не через месяц, так через год. И все это время мы здесь, на Кесрите, будем заниматься проблемой регулов и мри, совершенно не понимая, с чем имеем дело. Нам необходима информация.

— А если я откажусь?

— Твои мри погибнут. Это не угроза, ты ведь знаешь ситуацию. Мы не сможем их спасти, ведь они нападут на регулов, или регулы нападут на них. Если же их держать под наркозом, они умрут. Так что нам не спасти их в любом случае.

С какой стороны ни взгляни, старик был прав.

— Более того, Кесрит — лишь звено одной большой цепи,— продолжал Ставрос.— И мирный договор означает прекращение военных действий не только на Кесрите. Я уверен, что и для тебя это далеко не пустой звук. Ты говорил, что можешь найти с ними общий язык. Говорил все время. Что ж, теперь я даю тебе шанс.

— В контракте об этом ничего не сказано. Я не подряжался на автономные межпланетные полеты.

Ставрос сидел неподвижно. Данкан не смотрел в его глаза, прекрасно понимая, что на территории колонии контракт — всего лишь бумажка, а его согласие — простая формальность.

— Подобными операциями обычно занимается планетарная разведка,— в конце концов произнес Ставрос.— Но ты волен отказаться, если думаешь, что не справишься.

— Корабль? — сказал Данкан.

— Разведчик «Фокс». Безоружный. Герметичные отсеки на случай аварии.

Для пилотирования вполне достаточно одного человека.

— Да, сэр. С такими кораблями я знаком.

— Боаз скоро управится с копированием артефакта. И что бы ты ни решил, «Флауэр» сегодня в полдень полетит к станции. Если тебе необходимо время подумать, шаттл может доставить тебя на станцию позже, но все-таки лучше не тянуть.

— Я согласен. Тяжело вздохнув, Ставрос медленно кивнул.

— Хорошо.

Данкан встал и направился к двери. Оглянулся. Ставрос по-прежнему молчал.

Данкан вышел со смешанным чувством обиды и сожаления.

Осталось лишь приготовить багаж. Так было всю его жизнь. На сборы в дорогу требовалось пять минут. Когда он ходил по Ному, каждый регул провожал его взглядом. Они и сейчас с любопытством смотрели, как он с ранцем на спине идет к выходу. Ни регул, ни мри не стали бы этого делать: регул воспользовался бы машиной, а мри ходили налегке. Регулы разевали рты — якобы это означало улыбку. Данкан подумал, что они очень рады его отъезду. Он слышал, как его называют другом мри, и слово «мри» звучало как ругательство.

— В добрый путь, человек! — крикнул кто-то из юнцов.

Данкан, прекрасно зная, что это пожелание далеко не искреннее, притворился, что не услышал.

Шагая по насыпной дороге к стоянке «Флауэра», он загрустил. Даже остановился, чтобы окинуть взглядом холмы. Было предчувствие, что он видит их в последний раз.

Человек не может полюбить Кесрит, на это способны лишь мри и дусы. Но впереди Данкана ждали только холод и стерильные утробы кораблей, где нет ни едкого ветра, ни податливой земли под ногами, ни сияющего в опасной близости солнца. Вскинув на плечо тяжелый баул, он зашагал по звенящей сетке к опущенному трапу. Его ждали. Подниматься на борт в роли простого пассажира было непривычно. Прежде, куда бы ни посылало его командование, он сразу шел к десантному кораблю и начинал предстартовую проверку.

— Каюта двести сорок пять,— сказал вахтенный офицер, протягивая ему личный жетон.

Данкан всегда считал это глупой формальностью, ведь в небольшом экипаже все знают друг друга в лицо. Но сейчас они летели на станцию — в совсем иной мир, где жили экипажи двух огромных рейдероносцев, двух разведчиков и смешанная команда внутрисистемных рейдеров. Он повертел жетон в руках. Судя по номеру, у него каюта рядом с мри. Что ж, спасибо и на этом. Он прямиком отправился туда, чтобы при старте корабля быть рядом с ними.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Станция была вещью в себе, миром, не похожим на те, к которым привык Данкан. Она не предназначалась для людей, зато регулы в этом полностью автоматизированном лабиринте со спиральными коридорами и рельсами для тележек чувствовали себя уютно. Но самым непривычным было то, что регулы не попадались на глаза. В любом закоулке этой огромной станции Данкан встречал людей, слышал их разговоры, вдыхал воздух, которым дышали они, и совершенно не боялся, что где-нибудь внезапно промелькнет лицо чужака... Словно и не было бесчисленных световых лет, через которые его зашвырнули сюда. И все же на экранах внешнего обзора светился полумесяц цвета ржавчины, и только на поверхность Кесрита мог доставить человека станционный шаттл. Еще на экранах были видны собравшиеся вокруг станции корабли. Ближе всех разместилась километровая громада «Сабера», состоящая главным образом из силовых установок, приборов и оружия, и обслуживал этого монстра на удивление малочисленный экипаж — всего две сотни человек. Защитные экраны делали «Сабер» практически неуязвимым, но корабль еще ни разу не совершал посадку на планету. По бокам «Сабера», похожие на крошечных паразитов (хотя в действительности они могли самостоятельно совершать межзвездные перелеты), висели «Флауэр» и «Фокс», а невдалеке

виднелся «Сантьяго», оседлавший рейдероносец «Ганнибал». Сейчас разведчики, почти незаметные в черной тени «Сабера», были причалены к шлюзам. «Флауэр» пристроился к нижнему шлюзу гиганта; «Сабер» и станция заполнили его экраны. Необъятная и сложнейшая спираль орбитальной станции кружилась вокруг планеты в безумном танце, при одной лишь мысли о нем становилось дурно, как от идеи прогуляться в одиночку по лабиринтам кишок. Большинство землян на ней пользовалось тележками. Если учесть размеры станции, это было очень удобное средство передвижения: необычайно быстрые, не снижающие скорости даже на поворотах, никогда не сталкивающиеся благодаря тщательно выверенному расстоянию между рельсами, расположенными буквально на волосок друг от друга. Данкан прогуливался, если можно назвать прогулкой блуждания при низкой гравитации, отвечающей физиологии регулов, но не людей. В сочетании с непривычной формой коридоров и виднеющейся далеко внизу поверхностью Кесрита гравитация вызывала головокружение и отнюдь не улучшала настроения.

— Это он в одиночку ходил по пустыне,— шепнул кто-то за его спиной.

После этого ему и вовсе расхотелось разговаривать с этими людьми. Для них он был ходячим музейным экспонатом, как и для флотских офицеров на Кесрите.

Лицо Данкана выглядело необычно: верхнюю половину покрывал загар, а нижняя — на память о вуали кел'ена, которую он носил под обжигающими лучами Арайна,— осталась светлой. И под чужими взглядами собственное лицо казалось ему неприлично нагим. Для них он был предателем, который жил с врагами человечества. В первый вечер экипаж «Флауэра» был предоставлен сам себе, и Данкан, зайдя в общую столовую на стан-

ции, столкнулся с Галеем. Увидев его, лейтенант широко улыбнулся, но рядом с ним были его друзья, офицеры «Сабера», и Данкан почувствовал себя неловко. Офицеру планетарной разведки, хоть и наделенному большими полномочиями, трудно было найти общий язык с флотскими.

Он поел в одиночестве у автоматического бара и пошел обратно на «Флауэр».

Одного обхода станции Данкану вполне хватило. Его совершенно не интересовало это причудливое сооружение регулов, хотя земляне в свободное время, похоже, только и делали, что разглядывали ее.

Он вошел в шлюзовую камеру ставшего вдруг таким родным «Флауэра», к людям, с которыми успел познакомиться, и вздохнул с облегчением.

— Есть на что посмотреть, сэр? — с завистью спросил его офицер, изнемогавший в ожидании конца вахты. Данкан пожал плечами и заставил себя улыбнуться. Не стоило показывать экипажу «Флауэра», что он не в духе.

— Чем-то похоже на Ном,— ответил он.— Странная конструкция. Впрочем, как и все у регулов. Вахтенный протянул ему свернутый клочок бумаги — такие записки члены экипажа часто оставляли на столе друг для друга. Данкан пошел к себе, на ходу разворачивая листок. Он узнал почерк Боаз.

«Необходимо поговорить. Срочно. Лаб#2. Б.»

Данкан скомкал записку, сунул в карман и прибавил шагу. Все, что касалось мри, не терпело отлагательств. Он бы даже пустился бегом, если бы не боялся показаться смешным. В лаборатории номер два располагался кабинет Боаз. Она была у себя, сидела за столом, который ломился под тяжестью бумаг и расставленных в беспорядке приборов. Когда Данкан вошел, женщина подняла голову. Она была в ярости, голубые глаза метали молнии, губы тряслись.

— Садись.— Не дожидаясь, пока он сядет, Боаз выпалила:

— Сюда ворвались вояки с «Сабера»; схватили мри, схватили артефакт, личное имущество мри...

Он опустился в предложенное кресло.

— С ними все в порядке?

— Не знаю. Да... Да. Было все в порядке. Для транспортировки их уложили в автомеды. Уж лучше бы вообще не трогали. Вояки все время твердили, что это приказ Ставроса.— Она взяла со стола свернутый в трубку и запечатанный лист бумаги и протянула ему, с тревогой глядя в глаза.— Это они оставили. Тебе.

Он сломал печать и прочитал: «Выполняю обещание. Произошло то, чего мы опасались. Не теряй терпения и рассудительности. Оставайся на месте. Записку уничтожь. Ставрос». Прибывает корабль, и регулы всполошились. Значит, мри скоро покинут станцию, и Данкан вместе с ними. Он с грустью посмотрел на Боаз, скомкал лист и положил в карман; он избавится от записки позже.

— Ну? — нетерпеливо спросила Боаз, хотя наверняка знала, что ее это не касается.

Данкан промолчал.

Женщина опустила глаза и, поджав губы, сплела пальцы под пухлым подбородком.

— Я вхожу в состав экипажа корабля,— заговорила она.— Экипажа, который, к сожалению, обязан выполнять приказы губернатора, касающиеся нашей отправки с планеты или судьбы наших врагов. Что ж, губернатор волен командовать, но я, как, впрочем, и Льюис, живой человек... Мне трудно это говорить, но если ты считаешь, что здоровью мри угрожает опасность... Мы можем отправить протест на Хэйвен.

Храбрая Боаз! Данкан смотрел на нее, испытывая угрызения совести. Она ни словом не обмол-

вилась о ликвидации программ, о приостановке исследований, о запрете работы, в которую она вкладывала столько усилий. Она боялась за мри. Она не смогла их защитить, и чувства ее были искренними.

— Боз...— Так ее называли друзья.— Я думаю, с ними все хорошо.

Ксенобиолог хмыкнула и откинулась на спинку кресла. Она ничего не сказала, но тревоги во взгляде поубавилось.

— А дусов они не забрали? — спросил он. Боаз вдруг расхохоталась.

— Нет. Попытались, но звери не стали скромничать. Вояки даже не посмели зайти к ним в отсек. Позвали нас на помощь, дескать, сами не умеют обращаться с животными, но Льюис предложил им взять сети и попытать удачу. Желающих не нашлось.

— Не сомневаюсь,— ухмыльнулся Данкан.— Схожу-ка я к ним сам, проведаю.

— Ты не можешь рассказать, что происходит?

— Нет, Боз. Извини.

Она кивнула и пожала плечами.

— По крайней мере, мы не идем вспять?

— Не думаю. Боаз снова кивнула.

— Хорошо,— с грустью сказал она.

Он повернулся и вышел. Проходя через лабораторию, увидел царящий там хаос; со стеллажей исчезло много вещей. Здесь побывали люди Коха.

Но если на «Флауэре» больше нет мри, дусы могут затосковать и умереть, как тот зверь, которого Данкан видел в горах. Он чах над своим покойным хозяином и не внимал никаким уговорам. Данкан спустился по коридору к складским отсекам. При мысли о том, что могут натворить отчаявшиеся дусы, желудок сжался в комок. Он не раз бывал у них после той ночи, приносил

пищу и воду, и звери казались довольными. Но сейчас дусы были взволнованы, они еще не пришли в себя после визита незнакомцев, которые хотели на них напасть, и Данкан боялся их ярости и страха больше, чем ядовитых когтей. Но все было спокойно. Он вошел в отсек, посмотрел на шевелящихся внизу бурых великанов и стал осторожно спускаться к ним. Сердце Данкана испуганно сжималось, но он твердо решил держать себя в руках. Регулы не скрывали, что дусам нравится синтетический белок, в изобилии имеющийся на складах станции, но вообще они едят практически все, что бы им ни предлагали. Льюис даже сказал, что они готовы есть людей и регулов.

Несмотря на особенный (но не такой резкий, как у регулов) запах, воздух здесь был на удивление свеж и чист. Звери казались сытыми. Их обмен веществ буквально заинтриговал Боаз и Льюиса, поскольку любое питье или пищу они усваивали практически целиком. У регулов было накоплено немало информации о них, поскольку кел'ены и дусы проводили по много лет на кораблях межзвездных торговцев. На все время вынужденного заключения дусы впадали в спячку, просыпаясь только для еды. В отличие от землян, регулов и даже мри, они были очень неприхотливы.

Единственными недостатками дусов была их огромная величина и то, что с разъяренным зверем практически невозможно справиться. Данкан сошел с последней ступени, и оба дуса поднялись с низким пронзительным стоном, на который огромное помещение откликнулось эхом. Дусы стояли друг подле друга, раздували ноздри, обнюхивая гостя. Маленькие глазки (судя по всему, не очень зоркие), влажно поблескивали.

Зверь покрупнее был покрыт шрамами, он уже немало повидал на своем веку. Данкан про себя называл его зверем Ньюна; второй, с гладкой шкурой, был поменьше, но тоже казался землянину знакомым.

Большой дус враскачку двинулся вперед, осмотрел Данкана с ног до головы и довольно заурчал. Следом приблизился детеныш, торопливо потянулся приплюснутым носом к ноге Данкана. Данкан уселся между ними, и огромные звери улеглись рядом. Он потрепал их по мохнатым бокам, с удовольствием ощутил могучие мышцы под шкурой. Некоторое время тишину нарушало только монотонное мирное урчание. Звери были довольны. Данкан подумал, что они признали его, человека, потому, что он был в горах вместе с Ньюном; хотя в то время звери не обращали на землянина внимания. Данкан вспомнил, как они охотились за ним, когда он попытался сбежать; как загнали в его в тупик, излучая ужас, который, как он теперь догадывался, служил их оружием.

«Просто чудо, что тебя не разорвали дусы»,— сказал в ту ночь Ньюн.

Как бы хотелось Данкану узнать, почему они так спокойны после всего, что с ними произошло! Над ними издевались, кололи им наркотики, но поразительный метаболизм, похоже, помогал дусам усваивать лекарственные препараты, как самую обыкновенную пищу. Звери вели себя совершенно непринужденно, ничто в их облике и повадках не говорило о том, что они затаили зло на своих мучителей. Дусы чем-то напоминали детей. В этих загадочных четвероногих созданиях было что-то и от людей, и от животных — они были рады служить мри, но те предпочли стать их друзьями, а не хозяевами. Данкан сомневался,

что человечество способно на такие отношения. Регулы оказались не способны.

Уходить не хотелось; прикосновения зверей настраивали на мирный, покойный лад. В ту ночь, когда Данкан провел дусов на корабль, он не знал, правильно ли поступает; сейчас это выглядело самым верным решением. Данкан вдруг почувствовал, как в него вливается тепло, и в тот же миг понял, что к нему прикасается детеныш... детеныш, который был в три раза больше взрослого человека. Монотонное урчание смывало все страхи Данкана, как вода, что растворяла соли в почве Кесрита и уносила их в Алкалинское море.

Зверь чувствовал его страхи. Проникал в его мысли. Данкан испугался. Он резко качнулся назад, и это не понравилось дусам. Они зафыркали и отошли. Он подозвал их, но они больше не приближались. Стоя поодаль, они рассматривали его блестящими глазками. Он почувствовал, как его душу наполняет холод. Они пришли по своей воле, использовав Данкана. Они захотели попасть на корабль... и он открыл им дорогу. И все же он нуждается в них. И в мри. В дусах и мри...

Данкан собрал все свои силы и двинулся вверх по узкой лестнице. Он обливался потом, и только когда достиг верхней площадки, понял, что его бьет крупная дрожь. Он посмотрел вниз. Один из дусов встал на задние лапы и тянулся к нему. От его рычания, казалось, дрожал воздух. Данкан толкнул дверь спиной, выскочил наружу и трясущимися руками запер ее. Но бояться просто глупо, сказал он себе. Просто глупо. Дусы пользуются моим страхом. Это их оружие.

Однако факт оставался фактом: они проникли, куда хотели. На орбитальную станцию. Туда, где

находились их друзья-мри. Данкан сделал все, что они добивались от него. И сделал бы снова, потому что эти звери стали ему необходимы, со своим невидимым воздействием, со своим умением дарить покой, облегчать страдания. Со всем тем, за что их ценили мри.

Так он считал до этого дня. Но теперь появились сомнения. Но он не мог бросить мри на произвол судьбы. От подобных мыслей у Данкана мороз шел по коже; неужели он в чем-то ошибся? Пройдя десяток шагов, он запоздало понял, что какой-то человек поздоровался с ним в коридоре. Данкан резко обернулся, спеша исправить свою оплошность, но было слишком поздно: человек ушел далеко. Стен в смятении двинулся дальше, засунув руки в карманы и сминая в крохотные шарики записки Боаз и Ставроса.

«Черт тебя возьми, Ньюн!» — с яростью подумал Данкан и спросил себя, в своем ли он уме? Кого он подозревает? Зверей? Дусы, кем бы они ни были, не могли повлиять на его сознание; они действовали на каком-то более низком уровне... Обычные инстинкты, с ними вполне можно справиться, если избавиться от страха и потребности в зверях. Страх и удовольствие — вот чем дусы пользуются для своих вторжений. Либо одно, либо другое. Делай им приятное, и будешь чувствовать себя отменно, а дразнить их опасно.

И никто из ученых этого не заметил. В отчетах о наблюдениях за дусами об этом ни строчки.

Возможно, звери не пытались воздействовать на ученых. Данкан затворил дверь своей крохотной каюты рядом с опустевшими каютами мри и стал укладывать в баул одежду, которую совсем недавно вынул.

Закончив, он подсел к столу и вызвал по интеркому «Сабер». «Перемещение дусов возможно и необходимо»,— передал он вахтенному связисту «Сабера».

«Оставайтесь на месте,— пришел ответ. И мгновением позже: — Немедленно доложить лично командованию «Сабера».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Казалось бы, в том, что офицера Плара куда-то ведут, не было ничего необычного, но среди членов экипажа уже расползлись слухи. Данкан это понял по устремленным ему вслед взглядам, пока эскорт препровождал его к командованию, не позволяя ни с кем разговаривать. Даже интерком молчал, что было совсем уж необычно на борту такого корабля, как «Сабер».

Похоже, его вели самым коротким путем. Он удивился, оказавшись в коридоре среди кают старших офицеров, а не в командной рубке. Здесь он предстал перед самим контр-адмиралом Кохом, ответственным за боевые операции в зоне Кесрита. Для Данкана встреча была не из приятных. К негодованию офицеров военного флота, по уставу они были обязаны относиться к людям из Плара, как к равным. Разведчики же обычно относились к своим привилегиям с плохо скрываемым презрением, их жизнь и служба были слишком коротки, чтобы тратить их на соблюдение устава и субординации.

Данкан ожидал холодного приема, но Кох, похоже, был озабочен чем-то другим; впрочем, с покрытого шрамами лица контр-адмирала почти никогда не сходило выражение озабоченности.

— Офицер Плара Данкан, рад с вами познакомиться.— У Коха был хэйвенский акцент, как и у многих, пришедших на Кесрит вместе с флотом

сразу после окончания боевых действий у Элага-Хэйвена.

— Сэр,— отдал честь Данкан. Сесть ему не предложили.

— У нас мало времени,— произнес Кох.— На подходе корабль регулов, «Сигграв». К счастью, он вроде бы принадлежит роду Аланей. Бай Хулаг велел его экипажу быть с нами повежливее; и нам, вероятно, придется разрешить им стыковку со станцией. Но напугать их ничего не стоит. Поэтому улетайте вместе с вашими мри как можно скорее. В ваше распоряжение я должен предоставить разведчик «Фокс». Надеюсь, вы, в отличие от меня, знаете, что делать дальше...

Данкан вдруг понял, что Кох обижен недоверием Ставроса.

— С «Фокса» сейчас высаживается экипаж, там какое-то недоразумение. «Сигграв» пока еще довольно далеко. Вы должны быть готовы вылететь сразу по окончании высадки команды.

— Сэр,— произнес Данкан,— я бы хотел взять дусов. Я справлюсь с ними и прослежу за их посадкой на «Фокс». Еще я хочу, чтобы на «Фокс» были перенесены все находящиеся на станции вещи мри, независимо от того, сможете ли вы выделить мне помощь для погрузки или нет.

Кох нахмурился, на этот раз он не пытался скрыть свои чувства.

— Хорошо,— сказал он через некоторое время.— Я отдам необходимые распоряжения.— Он долго разглядывал Данкана, и тот вдруг вспомнил о своем наполовину загоревшем лице и понял, что кажется контр-адмиралу чужаком под стать мри. Перед Данканом был человек, чья власть не уступала Ставросу, командир, привыкший встречать опасность лицом к лицу и самостоятельно принимать решения, и приказ, согласно которому

из-под командования Коха изымался «Фокс», а его экипаж и ученые пересаживались на флагман, не устраивал контр-адмирала. Он вовсе не был похож на того, кто привык мириться с чужим диктатом.

— Я готов отправиться на «Фокс» хоть сию секунду,— негромко сказал Данкан.

— Вот и отправляйтесь сию секунду и улетайте, как только все будет готово,— кивнул Кох.— Когда ваш разведчик уйдет, страсти здесь немного поутихнут. На борт погрузят все необходимое, постараемся помочь и с дусами. Лучше поторопитесь.

— Благодарю вас, сэр.— Данкан повернулся и вышел в коридор, где его поджидал эскорт.

Он подумал о том, что Кох отдал войне с мри сорок лет своей жизни. Седины и награды говорили о том, что он видел войну с самого начала; без сомнения, он не питал симпатий к расе мри. Ни один из хэйвенцев, видевших свою планету под пятой регулов и знавших, какой ценой удалось вернуть ее назад, не мог спокойно смотреть на человека, который пытается водить дружбу с регулами или их верными подручными — кел'енами мри.

В этом хэйвенцы ничем не отличались от килуванцев, одним из которых был Ставрос; но все же уроженцы Килувы — пограничной колонии землян, которая первой пала в битве с мри,— были вылеплены из иного теста. Они не были воинами, но отличались завидным упорством и трудолюбием и целиком отдавали себя философии, науке, анализу фактов... Потеряв родную планету, они рассеялись по разным мирам, и почти никто не стремился вернуться домой. Жителей Хэйвена понять было легче. Их вела в бой ненависть. И пройдет немало времени, прежде чем они изживут ее.

После войны на границе освоенного человечеством космоса осталось немало таких, как Данкан; тысячи перекати-поле без роду и племени. Война заменила и мать, и отца; она стала смыслом их жизни. С младых ногтей Данкан знал только войну; оторвав от груди усталой, изможденной женщины, она швырнула его в ясли для эмигрантов, а потом, после школы и колледжа, где готовили не торговцев или ремесленников, а воинов, властно позвала к себе. Акцент Данкана был неузнаваем, его словарь пополнялся всюду, где юноше доводилось служить. У него не было дома. Его верность человечеству не подпитывалась ничем, кроме мысли о том, что он родился человеком. Он не давал себе об этом забыть. Напоминал ему об этом и достопочтенный Дж.Ставрос. По трапу «Сабера» Данкан спустился в просторный док, оставив позади свой эскорт; задержался на миг, чтобы понаблюдать за суетой женщин и мужчин.

Люди. Жители Хэйвена.

Военный флот.

В командной рубке «Фокса» Данкана обступили офицеры с кислыми минами; однако поздоровались с ним приветливо.

— Мне сказали только, что корабль полетит без экипажа, и поручили отдать вам запечатанный пакет с инструкциями,— сообщил ему капитан.— И все.

— Мне очень жаль, что так получилось,— посочувствовал ему Данкан, пытаясь скрыть неловкость. Капитан пожал плечами и протянул руку. Похоже, он вовсе не думал, что ему не повезло.

— Нам обещали другой разведчик, сразу, как только прибудет. «Фокс» — отличный корабль, в хорошем состоянии... Маленько неустойчив в атмосфере, но в остальном — просто умница. Мы приписаны к «Саберу», а «Сабер» обещал нам новый корабль,

так что беспокоиться не о чем. Что ж, планетарный разведчик Данкан, примите мои поздравления со вступлением в должность, или, если это вас больше устроит, примите соболезнования.

Данкан пожал руку, уже мучительно гадая: что содержится в прибывшем на шаттле запечатанном конверте? Затем в последний раз был открыт судовой журнал, чтобы внести запись о смене командования; а после, и как было заведено в планетарной разведке, Данкан отдал журнал прежнему капитану. В этом полете журнал не понадобится.

Церемония закончилась, он проводил взглядом покидавших корабль офицеров и небольшую команду; снаружи у люка остались лишь четверо мужчин со смертоносным оружием — охрана.

Наступила тишина. Данкан устроился в непривычном кресле и дал бортовому компьютеру команду, которая запускала полученную от Ставроса запись: специальное устройство уничтожит ее сразу после прочтения, или просмотра, или прослушивания. Подобные процедуры гарантировали, что запись не будет использована против Правительства; они появились еще во время войны, когда от планетарных разведчиков требовалось обязательное уничтожение имеющихся у них источников информации, не только из-за опасений, что они могут достаться врагу, но и, как с горечью предполагали разведчики, чтобы выгородить тех, кто послал их в бой, если операция окажется неудачной. Начальство очень дорожило своей репутацией.

Экран заполнило лицо Ставроса.

— Прошу прощения,— негромко заговорил губернатор.— То, что ты сейчас услышишь, не приказ, а всего лишь предложение. Если захочешь, можешь вернуть экипаж на «Фокс» и оставаться на станции до тех пор, пока ситуация на планете не стабилизируется. «Фокс» сейчас полностью в

твоем распоряжении. Предлагаю взять мри на борт вместе со всем их имуществом и артефактом. Разведчик будет оснащен в соответствии с твоими требованиями. В навигационном компьютере ты найдешь единственную курсовую ленту, ее пароль ноль-ноль-один. Она составлена после анализа содержащейся в артефакте навигационной информации. Держись подальше от прибывающих регульских кораблей, не забывай о конспирации. Дай компьютеру прочитать ленту. Полностью. Как только включится курсопрокладчик, доступ к системе управления будет блокирован. Узнай все, что удастся, о военном потенциале мри и о них самих, это и есть твое задание. По возможности войди к ним в доверие. Сейчас все говорит о том, что для нас крайне важно разобраться с этим артефактом. Поэтому мы готовы идти на любой риск. Ты должен собрать сведения и выяснить, возможно ли соглашение с мри и на каких условиях. Если уже решил выйти из игры, прослушай запись до конца и свяжись с «Сабером». Если же согласен, то тебе следует поторопиться.

В любом случае мое послание должно остаться тайной. Во время полета будь очень осторожен, не оставляй следов. Мы не хотим, чтобы ты привел домой «хвост». У тебя будет устройство самоуничтожения корабля и полная свобода действий. Если «Фокс» попадет в руки противника, уничтожь его. Впрочем, это крайняя мера. Каким бы ни был твой выбор — дать согласие или отказаться от этого задания,— он целиком зависит от тебя. Ты волен отказаться.

Программа закончилась, но Данкан все еще сидел в кресле и глядел на серый экран. Он ни за что не вернется на Кесрит, ему не ужиться с властями, не найти покоя среди голых скал.

Он полетит.

Данкан не знал, чем объяснить подобное безрассудство. Может быть, чем-то столь же эгоистичным и бессмысленным, как гордыня. Или ему просто не верилось, что в будущем он кому-то понадобится... Ну разве что придется помогать землянам осваивать дикие земли. Изменять лик планеты.

Он выключил компьютер и окинул взглядом крохотную командную рубку, которая, возможно, станет его домом на всю оставшуюся жизнь... быть может, не такую уж и долгую. Что ж, спасибо судьбе и на этом.

Он как ни в чем не бывало вернулся на «Флауэр», но офицеры, похоже, уже знали о его новых полномочиях и безо всяких возражений помогли ему переправить все необходимое на «Фокс» и закончить приготовления в доке.

Отдав необходимые распоряжения, он зашел к Льюису, и только после этого — к Боаз.

Трудно было говорить о том, что все ее статьи о мри не будут опубликованы до особого разрешения службы безопасности, а дальнейшими исследованиями займется он, ее бывший помощник, снова надевший столь ненавистную ей военную форму.

— Я не могу сказать, почему.— Он тяжело вздохнул.— Мне очень жаль, Боз. Правда, я хочу тебе обо всем рассказать, но не имею права.

Она нахмурилась, возле рта пролегли глубокие складки.

— Кажется, я понимаю, чем все это закончится. По-моему, это безумие.

— Я не вправе обсуждать.

— Они не пострадают? Скажи, тебя самого устраивает такой выход?

— Да.— Он встревожился: похоже, Боаз и в самом деле догадывается, что происходит. Но, с дру-

гой стороны, она сама изучала артефакт. Баз сомнения, многие на борту «Флауэра» понимали (по крайней мере, догадывались), как с добытой ими информацией поступят военные.

Данкан несколько секунд выдерживал ее пристальный взгляд и испытывал угрызения совести, будто предал что-то или кого-то; он не знал, понимает ли Боаз, что за сила движет им. Та сила, которой служат и эта женщина, и Ставрос, и военные... Или та, которой служит он сам? Она постаралась скрыть свои чувства за грустной улыбкой.

— Ну что ж...— сказал она.— Вести не слишком радостные, но ничего не попишешь. Будь осторожен, Стен.— Она помрачнела.

— Я очень волнуюсь за тебя.

Эти слова до глубины души тронули Данкана. Среди штатских лишь одна женщина занимала должность начальника отдела — сорокалетняя Боаз.

«Если и есть у меня друг на Кесрите,— подумал Данкан,— то это она». Он ласково пожал ей руки, а потом, исполненный благодарности и нежности, обнял и поцеловал в уголок рта.

— Боз, мне будет тебя недоставать.

— А мне придется раздобыть новых дусов.— В ее глазах стояли слезы.— Ты ведь своих заберешь?

— Да,— кивнул он.— Поосторожнее с этими зверушками, Боз.

— Береги себя.— У нее вдруг сел голос.

На миг ему показалось, будто она хочет сказать что-то еще. Но Боаз потупилась и вместе с Данканом спустилась в док, чтобы распорядиться об отправке дусов.

Пока на «Фокс» переправляли груз — вереницы запечатанных контейнеров с припасами во главе с неброским багажом самого Данкана,— целый сектор станции был закрыт для пешеходов и тележек. После контейнеров на борт доставили мри в

закрытых автомедах, используемых для перевозки раненых. Конечно, любой человек в доках мог без труда догадаться, кого перевозят под такой охраной; но меры предосторожности были приняты не только для того, чтобы скрыть отлет мри, но и для того, чтобы защитить их. Большинство землян люто ненавидело мри, и брошенные вслед автомедам взгляды вряд ли можно было назвать умильными.

Когда док наконец опустел, на разведчик пришли дусы — эти существа в защите не нуждались. Данкан долго обсуждал с Боаз, как их лучше всего переправить. Вначале было решено использовать грузовые контейнеры. Но в конце концов охрана получила приказ очистить коридоры, запереть каюты и оставить люки открытыми.

Потом Данкан спустился к дусам и успокаивающе похлопал по широким спинам, чувствуя тревогу зверей и перебарывая собственный страх. Выпуская дусов в коридор, Данкан ощущал их нетерпение.

Дусы неторопливо шли враскачку рядом, втягивали широкими ноздрями незнакомые запахи. Когда они оказались в доке — громадном отсеке, где звери могли запросто вырваться на свободу и причинить немало вреда,— Данкан постарался думать лишь о «Фоксе», о мри, о дусах, пытаясь внушить зверям, что от них требуется.

Он не знал, возможно ли это в принципе, но, как бы то ни было, дусы шли: большой впереди, а детеныш рядом с Данканом, постоянно прикасаясь к нему боком. По пути большой дус вдруг ни с того ни с сего закричал; все углы огромного дока откликнулись эхом, а у Данкана побежали по спине мурашки.

Данкан испугался, что звери взбунтовались, но они как ни в чем не бывало поднялись по трапу на «Фокс». Для них устроили сквозной проход; все

прочие двери были заперты. Данкан проводил дусов к приготовленному для них отсеку и, задержавшись у двери, подождал, пока звери освоятся. Путешествие по незнакомым местам взволновало их, они ходили из угла в угол и принюхивались. Потом большой дус довольно заурчал,— Данкану был знаком этот звук, он лишь с непривычки внушал страх.

Данкан вышел и запер дверь за собой, отдался гробовой тишине коридоров и отсеков корабля, который стал его новым домом.

* * *

— Все чисто,— сообщили ему из командной рубки «Сабера». На экране перед Данканом виднелось чистое пространство; второй дисплей показывал звездную систему, на его краю сияла красная точка — корабль регулов. Потом рядом тревожно замигала еще одна.

Он вызвал рейдероносец.— «Сабер», ваша карта системы точна? Наступила долгая пауза; кто-то решил проверить технику, прежде чем ответить. Данкан ждал, тревожась все сильней. Потом тревога сменилась страхом. Если бы дело было в ошибке компьютера, ее бы уже исправили, и с экранов исчезли бы красные точки.

— Да, все верно,— пришел ответ с «Сабера».— Четче пока нельзя. «Фокс», у вас никаких проблем со стартом. Док пуст, можете расстыковаться хоть сейчас. Курс произвольный.

— Спасибо, «Сабер»,— ответил Данкан, следя за данными на экране.— Оставайтесь на связи.

Он занялся предстартовыми проверками. В первую очередь убедился, что корпус исправен. «Фокс» недавно совершил прыжок через подпространство, но его обшивка не пострадала. Он предупредил «Сабер», отделился от станции и, сдерживая тошноту, повел крохотный «Фокс» в узкое пространство меж-

ду «Сабером» и станцией. Когда он проходил над ней, «Ганнибал» на миг загородил ему обзор, а потом исчез где-то внизу. Спасаясь от гибельного притяжения Кесрита и Арайна, «Фокс» теперь шел на основных двигателях, держа планету между собой и подлетающими регулами. Данкан мог слушать радиообмен кораблей и станции; регулы вышли на связь; эфир заполнили сиплые, с акцентом, голоса. Он услышал ответы станции и «Сабера». К станции приближались корабли рода Аланей, им было поручено спасти достопочтенного бая Хулага Алань-ни. Ладно, спасибо и на том, что это не Хольны.

Данкан был благодарен станционным связистам, которые транслировали ему эти переговоры. Оказывается, к нему относятся не так уж и плохо. Приятный сюрприз.

Только теперь Данкан мог вздохнуть полной грудью. Землянам, которых он оставляет на Кесрите, непосредственная опасность не грозит. И все же Ставрос идет по лезвию бритвы. Не случайно он так упорно добивался, чтобы его подчиненные уважали бая Хулага. Его стараниями мри исчезли. Хрупкий и беззащитный маленький разведчик увозит их прочь.

Все еще никем не замеченный, Данкан вдруг понял, для чего станция передает в эфир переговоры с регулами. Ведь связаться с «Фоксом» открытым текстом она теперь не осмеливается. Итак, он получил то, чего хотел... и Данкан с невольным восхищением подумал, что Ставрос все рассчитал правильно. Если бы губернатор поссорился с регулами и поставил под угрозу мирное соглашение, вслед за громогласным окриком с Хэйвена немедленно пришел бы приказ об отставке старика. Если же мри и «Фокс» исчезнут бесследно в санкционированной губернатором экспедиции, каверзных вопросов, естественно, избежать не удастся, но об инциденте ско-

ро забудут. Мри больше не смогут вмешаться в дела на Кесрите. А когда с разведчиками случается беда, корабли просто-напросто списывают. Что с того, что вместе с «Фоксом» пропали двое пленных мри? И вообще, слыханное ли дело, чтобы мри удавалось держать в плену живыми? А их артефакты — вещицы любопытные, но не более того; их всегда находили в избытке там, где мри гибли тысячами; теперь же эти безделушки не имеют значения, ведь расы мри больше не существует.

Сейчас новости стремительно разлетаются с Кесрита, спеша порадовать человечество и прославить Ставроса, который пальцем о палец не ударил, чтобы заслужить эту славу, и чьи руки благодаря этому остались чисты. Без сомнения, отчеты, проступающие с Кесрита, подвергаются тщательной цензуре, и так будет впредь.

Осталось лишь посмотреть, удастся ли Ставросу поладить с регулами. Но скорее всего, и на этом поприще его ждет успех. Феноменальное везение, феноменальный ум, феноменальная память. Ставрос ничего не забывает, ничего не упускает из виду, и его деяния лишь на первый взгляд кажутся авантюрами; в них куда меньше случайного, чем в азартной игре. Протягивая одну руку регулам, он не забыл протянуть другую «Фоксу», не доверяя, однако, никому.

Данкан нахмурился: привычная обстановка и звуки корабля убаюкивали. Зная, что его не ждет бой, что красноватый серп Кесрита означает не опасность, а укрытие, он томился в вынужденном безделье. Он привычно расположился в командной рубке «Фокса»; на кораблях, в лишенных солнца мирах, в джунглях и пустынях, в невесомости и при повышенной гравитации и в любом другом месте, где почти невозможно выжить, он чувствовал себя как дома. Уже тогда, во время войны, будучи планетар-

ным разведчиком, по приказам бездушных и бессердечных ставросов взрывая вражеские коммуникации, Данкан знал, что встретит свою смерть на одной из таких планет или в открытом космосе, за много световых лет от благополучной земной империи. Из такой дали старик казался всего лишь одним из многих.

Отныне здесь, в этой дали, существует только Стен Данкан. На экране локатора он заметил, как от станции отделился еще один корабль. Похоже, там случилось что-то непредвиденное. Это «Сантьяго», внутрисистемный рейдер; он имел оружие на борту, но не мог совершать межзвездные перелеты. Данкан отнесся к этому вполне спокойно, лишь слегка обиделся, что никто не поинтересовался у него, нужен ли эскорт. Но пока неподалеку маячат корабли регулов, он не будет возражать.

Взгляд Данкана остановился на лежащем рядом на палубе, на мягкой подстилке, серебристом эллипсоиде. Какой он чистый, гладкий; с виду ни за что не скажешь, что он перенес бой в горах и вскрытие на лабораторном столе.

Но теперь он не уникален. Его содержимое голографически скопировано... и, возможно, когда-нибудь его воспроизведут в металле в современнейших лабораториях Зороастра. Будет еще один музейный экспонат для землян. Наклонившись, Данкан прикоснулся к эллипсоиду, ощутил холодную гладкую поверхность, потом убрал руку и в последний раз глянул на экраны, где по его следу тащился «Сантьяго».

Предоставив управление кораблем равнодушной автоматике, Данкан поел. Локатор по-прежнему показывал «Сантьяго». Между кораблями сохранялась вполне безопасная дистанция. Одинокому пилоту настало время приступать к своим обязанностям.

И, кроме того, заняться мри, в беспамятстве лежащими в корабельной лаборатории.

Он шел по коридорам «Фокса», проверяя, не появилось ли повреждений с тех пор, как корабль отделился от станции и разорвал гравитационную хватку планеты. Все шло гладко, автоматика работала исправно. Дусы выглядели спокойными. Данкан понаблюдал за ними издали, входить к зверям не решился, он был слишком взвинчен. Мри лежали в своих каютах, с ними вроде тоже все было в порядке.

Врачи не извлекли их из автомедов, Данкану пришлось это сделать собственноручно. Сначала он перенес на удобную лабораторную койку почти невесомую ши'пан Мелейн. Ее изящные руки и ноги были ужасающе тонкими, глаза запали, под ними залегли тени. Она не шевельнулась, когда Данкан коснулся ее исхудалого лица и поправил волосы, стараясь вернуть девушке красоту. Он с тревогой прислушивался к ее дыханию; похоже, каждый вздох стоил Мелейн больших усилий.

Данкан испугался, что она умрет.

Он поспешил снизить температуру в каюте и до предела уменьшить давление, довести его до кесритского уровня. Он понятия не имел (впрочем, этого не знал никто из землян), какие условия являются естественными для мри. Считалось, что они лучше приспособлены к атмосфере Кесрита, чем земляне или регулы. Мелейн теперь дышала ровнее. Данкан понаблюдал за девушкой и наконец осмелился покинуть ее; перейдя в другую каюту, он открыл второй автомед.

Ньюн тоже пребывал в глубокой коме, он так и не узнал, что его перенесли на другое ложе. Будь он в сознании, устыдился бы своей беспомощности.

С наркотиками надо покончить. Данкан внимательно прочитал прикрепленные к автомедам инструкции врачей. Там говорилось, что необходимый запас сильнодействующих препаратов находится в лабораторном хранилище. Но в его распоряжении

было достаточно других средств, чтобы помочь мри. «Конечно,— подумал Данкан,— когда неподалеку маячат два корабля регулов и того и гляди что-нибудь произойдет, не стоит пренебрегать мерами предосторожности, по крайней мере перед прыжком». Но когда он увидел, как исхудали, ослабли мри, он понял, что не заставит себя накачать их наркотиками.

До прыжка еще несколько дней обычного полета. Обречь мри на долгое заточение в автомедах, на неподвижность и прогрессирующую атрофию мышц, на наркотическое забвение... На медленное умирание...

Простая логика требовала подождать несколько дней, и тот, кто поручил Данкану следить за мри, не сомневался, что он подчинится логике.

Но Ставрос забыл о том, что все плененные мри поступают одинаково, независимо от того, как относятся к своим тюремщикам. Они предпочитают умереть. Ведь это так просто — надо лишь отказаться от медицинской помощи.

С самого начала Данкан понимал все. Понимал, но не пытался объяснить Ставросу и остальным. И это было на его совести.

Вряд ли он мог остановить мри, не убивая их. А теперь это точно невозможно, ведь на борту дусы. Данкан в последний раз осмотрел мри, отметил, что их дыхание нормализовалось, и отправился наверх, в командную рубку. Он включил навигационный компьютер и набрал пароль 001.

«Фокс» вздрогнул, разворачиваясь; его сенсоры привязались к Арайну, бортовой компьютер проанализировал новые данные, сопоставил их с курсом, заложенным в память. Диаграммы на экране наложились друг на друга и вспыхнули: курс верен, теперь дело за двигателями.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ньюн проснулся, как просыпался уже не раз — от ощущения бессилия. Сначала его взгляд остановился на Данкане — тот, как бывало часто, терпеливо сидел у койки. Встревоженный смутными воспоминаниями, Ньюн чувствовал, как растет его замешательство.

— Я думал, ты ушел,— сказал он Данкану. Данкан приподнял его руку, положил ее себе на ладонь. Ньюн попробовал шевельнуть пальцами, но это ему оказалось не по силам.

— Ты проснулся? — спросил Данкан.— Просыпайся, Ньюн.

Мри и сам хотел проснуться. Если Данкан просит, непременно надо это сделать. Но мигательные перепонки неодолимо опускались, он не мог сфокусировать взгляд ни на чем. Вокруг снова начал сгущаться мрак, такой доступный, такой приятный.

Ньюн почувствовал, как Мать ласково коснулась его волос — он узнал бы ее прикосновение из тысячи. Но пальцы, которые скользнули по его лицу, были почему-то мозолистыми. Не в силах это понять, он растерялся, и удивление не позволило ему провалиться в сон.

— Выпей,— раздался знакомый голос.

Он почувствовал, как его приподнимают. Рука Данкана... Он ее узнал, вспомнил. Край пластмассовой чашки коснулся губ. Он сделал несколько

глотков, холодная вода провалилась в желудок и осталась там неприятным комком.

Данкан убрал чашку и подложил под голову Ньюна взбитые подушки; они не давали вновь соскользнуть в знакомый покой, они, не позволяя голове опуститься вровень с телом, вызывали тошноту. Ньюн уже был уверен, что его решили во что бы то ни стало разбудить в этом жутком, чужом месте. Тяжелый и горячий воздух был насыщен неприятным запахом пищи.

Он открыл, что способен двигать руками и ногами. И не так обрадовался, как удивился. Он попробовал пошевелиться и сосредоточился на ощущениях. И наконец в его сознании состыковались прошлое и настоящее.

Он вспомнил огонь и мрак, и регула, который его убил. Он лежал на постели, с обнаженным лицом, точно женщина из касты катов, и совершенно без сил. Его распластанное тело было прикрыто лишь белым покрывалом. Он бы предпочел проснуться в каком-нибудь другом месте. Или вовсе не просыпаться.

Но в мозгу Ньюна ворочалось смутная мысль: он обязан что-то сделать, он еще не до конца исполнил свой долг. Кто-то говорил ему об этом. Не удавалось вспомнить, кто. Он приподнялся на руках, но они задрожали, и тогда Данкан подхватил его и бережно опустил на подушки.

Ньюн сделал все, что мог. Теперь он имеет право соскользнуть назад, во Мрак, где нет никаких воспоминаний. Но Данкан не отпускал. На лицо легла холодная влажная ткань, быстро привела юношу в чувство.

— Давай, давай,— приговаривал Данкан, снова поднимая его голову и вливая воду между непослушных губ. За водой последовал круто посолен-

ный мясной бульон, и желудок Ньюна угрожающе заурчал.

— Воды,— попросил кел'ен, но, получив ее, сумел выпить только глоток.

Потом он все-таки провалился в бездну, а придя в себя, обнаружил, что по-прежнему сидит, опираясь спиной на подушки. Слышалось успокаивающее урчание, приятное тепло сковывало разум. Рука тоже ощутила тепло. И движение.

Он повернул голову и опешил: рядом устроился большой дус. Зверь пошевелился, толкнув кровать, затем успокоился, наполняя сознание Ньюна своим удовольствием. В этот момент возвратился Данкан; Ньюн впервые заметил на нем земную одежду. Данкан вернулся к своим, что ж, это правильно. И он, Ньюн, тоже находится у землян, а вот это уже неправильно. Впервые Ньюн начал воспринимать действительность не как кошмарный сон, большей частью заполненный образами землян. Все, что он видел в эти дни, происходило наяву, ведь он на самом деле попал в плен к землянам. К своим врагам. Встревоженный дус оглянулся на Данкана, затем снова улегся, ограничась лишь тихим ворчанием. Зверь спокойно терпел присутствие землянина, и это озадачило... нет, испугало Ньюна: оказывается, можно соблазнить даже неподкупных дусов. Ему больше не на кого рассчитывать. Мрак вновь заполнял его сознание. Ньюн не хотел воспоминаний, не хотел видеть рушащиеся башни, бледное лицо Владычицы во тьме, ее закрытые глаза. Дус снова поднял голову, застонал и ткнулся носом в его руку.

— Мелейн? — Этот вопрос не давал кел'ену покоя. Он заставил себя сосредоточиться на Данкане, на белых стенах, на реальности.

Юноша вспомнил, что доверял этому землянину; и когда Данкан спокойно ответил, в сердце

Ньюна вспыхнула надежда. Землянин подошел и сел рядом, коснувшись при этом дуса, будто они со зверем давно подружились; но страх... страх жил в нем — Ньюн это чувствовал.

— Она здесь,— сказал Данкан.— Она здорова... как и ты.

— Разве это здоровье? — хрипло пробормотал Ньюн, кривя губы.

Но Данкан говорил правду. Мелейн была здорова, хотя Ньюн не смел и мечтать об этом. Он не закрывал глаза, боясь, что потекут слезы. Пристально глядя на Данкана, Ньюн легонько поглаживал теплый бархатистый мех дуса, лежащего между ними.

— Ты свободен,— вкрадчиво, точно ребенку, сказал кел'ену Данкан.— Вы оба свободны. Вы на корабле в открытом космосе, и кроме вас на борту только я. Я это сделал, потому что верю тебе. Поверь мне и ты, пожалуйста, хотя бы на время.

Это было невероятно, немыслимо, безумно. И тем не менее это было правдой — глаза Данкана не лгали. Ньюн принял новость как факт и сразу подумал о кораблях сопровождения, которые наверняка летели рядом, о мириадах новых предательств... Он по-прежнему не верил, что земляне могли так легко отпустить их на свободу.

Но рядом был Данкан, единственная надежда мри, единственный из врагов — землян и регулов,— кто понимал и уважал Ньюна, кто имел благородное сердце. Кел'ен народа землян. На пробу согнув руку в локте, Ньюн обнаружил, что вялость, так долго державшая в плену его тело и разум, отступила. Он подумал, что вялость, наверное, была вызвана наркотиками, но сейчас его чувства стряхивали с себя сонную одурь, возвращалась прежняя ясность сознания.

Данкан снова принес воды, и Ньюн пил; а потом выпил и отвратительного бульона, и стиснул зубы, чтобы не вырвало. Жива ши'пан, его родная сестра Мелейн, Мать Народа. Его долг — служить ей. Он кел'ен, воин, но болезнь, раны и наркотики отняли у него силу, ловкость и мастерство, все, что он приобрел ради единственной цели в своей жизни — служить Владычице. Ньюн не позволял себе думать о том, что с ним стало, лишь о необходимости встать на ноги, любой ценой предстать перед ши'пан, где бы она ни была. Ради этого он вытерпит любые муки.

В темном дверном проеме показался Данкан с охапкой черной одежды в руках.

— Твоя,— сказал Данкан, положив одежду на кровать.— Если позволишь, я помогу.

И Данкан действительно помог — осторожно, бережно, не позволяя ему упасть, хотя у Ньюна кружилась голова и серая пелена застилала глаза. Потом, облачив кел'ена в привычную мантию, усадил его поудобнее, подложил под спину подушки. Данкан сидел рядом, терпеливо ожидая, когда у Ньюна выровняется дыхание.

— Владычице лучше,— произнес он.— Она поела, потребовала свою одежду и велела мне выйти. Я подчинился.

Рука Ньюна скользнула под полу мантии и нащупала пересекавший ребра шрам. Он понял, что должен был умереть. И Мелейн тоже.

— Медицина ци'мри! — Голос его дрожал от ярости и презрения, и все же Ньюн знал, что только благодаря этой запретной науке ему и Мелейн удалось выжить; и он, даже сознавая свою вину, не желал умирать. Ему было двадцать шесть; как и большинство кел'енов, он не надеялся дожить до таких лет. Но большинство кел'енов к этому возрасту успели заслужить высокие почести. Ньюн не заслужил ничего, что позволило бы ему шаг-

нуть во Мрак с гордо поднятой головой. Все, чего ему удалось достичь с таким трудом, он потерял, угодив в плен, позволив врагам захватить ши'пан. Он должен умереть. Но не здесь. И не так.

— Это не твоя вина,— сказал Данкан.

— Я уже слишком долго живу,— возразил Ньюн, и это было правдой: они с Мелейн пережили свою расу, пережили Народ; и невыносимая горечь наполняла его душу. Но теперь, вновь обретя Владычицу, Ньюн не знал, каков должен быть его выбор и что потребует от него Мелейн.

Он с сожалением посмотрел на Данкана. От усталости у землянина слипались глаза, он едва держался на ногах. И казалось, его что-то гложет.— Регулы требовали твою голову,— хрипло сказал Данкан.— Я мог тебя увезти, и я это сделал. Ши'пан не возражала. Она знала, что я это сделаю.

Ньюн не поверил своим ушам. Несколько мгновений он пристально смотрел на Данкана, в конце концов забыл о своей гордости и стал задавать вопросы, как будто тот был братом — келом.

— Где мое оружие?

— Все здесь,— сказал Данкан.— Сейчас принесу, если настаиваешь. Ведь ты спал... был болен. И я решил, вряд ли знаешь, где находишься, вряд ли сразу поймешь, что происходит. Мне очень не хотелось, чтобы меня пристрелили из-за непонимания.

Что ж, это звучало разумно. Ньюн осторожно вздохнул, напоминая себе, что этому землянину, в отличие от других ци'мри, с которыми приходилось сталкиваться Народу, можно доверять.

— Я больше не болен,— произнес он.

— Так ты хочешь, чтобы я принес оружие?

Ньюн обдумывал ответ, пристально разглядывая обнаженное лицо Данкана. Ему брошен вызов... Нет, Данкан говорил искренне, хотя его вопрос можно понять и как оскорбление.

— Нет,— проговорил Ньюн, заставляя себя расслабиться.— Ты много ходил; принеси его в следующий раз, когда придешь.

— Мне бы хотелось вначале убедиться, что ты действительно здоров,— сказал Данкан.— Тогда я все принесу.

Ньюн отвел взгляд, пряча недовольство. Лицо его открыто, в руках и ногах нет былой силы... Он лежал неподвижно, он заставлял себя смириться с ситуацией. Почувствовав его страдания, дус зашевелился. Ньюн протянул руку и успокаивающе погладил зверя.

— Я схожу за едой,— сказал Данкан.— Тебе надо поесть.

— Да,— согласился Ньюн.

Данкан вышел в коридор. Ньюн приподнялся на подушках и воспользовался недолгим одиночеством, чтобы успокоиться и собраться с силами. И к тому времени, когда Данкан вернулся, Ньюн убедил себя, что поесть и впрямь необходимо. Руки дрожали, когда он забирал поднос. Данкан принес размороженные инопланетные фрукты — лакомство, о котором Ньюн знал только понаслышке; толстый ломоть необычно рыхлого, но очень вкусного хлеба и его любимый сой. Ньюн обеими руками взял чашку с горьковатой ароматной жидкостью и выпил, оставив лишь осадок на дне. Из всех этих продуктов ему был знаком лишь сой; напиток этот делали и пили регулы, но он годился и для мри. Ел Ньюн лишь для того, чтобы утихомирить желудок. Насытясь, он замер и расслабился — единственный способ удержать пищу в животе.

— При таком питании быстро вернутся силы.— Данкан забрал поднос и поставил на стол, и его тотчас поспешил обнюхать дус. Чтобы спасти поднос, пришлось унести его из каюты, а следом,

тихонько постанывая, с умоляющим выражением на опущенной морде заковылял проголодавшийся дус.

Ньюн закрыл глаза, прислушался к доносящемуся откуда-то снизу позвякиванью посуды и прикинул, далеко ли отсюда камбуз. Голосов он не слышал, лишь изредка улавливал довольное пыхтение зверей.

«Мелейн?» — в отчаянии спросил он себя. Что же делать? Он попросил оружие, но получил отказ. Больше он не покажет, что встревожен. Не стоит забывать, что Данкан — ци'мри и, следовательно, враг.

Данкан вернулся нескоро. За это время желудок Ньюна мало-мальски успокоился. Данкан указал на пульт, расположенный на расстоянии вытянутой руки от койки, с его помощью можно было выключить свет и позвать на помощь. Все это сопровождалось настоятельными требованиями ничего не делать в одиночку, а главное, не вставать с постели. Ньюн ничего не говорил, только лежал и глядел на Данкана, и молча слушал.

— Ты лучше поспи,— сказал Данкан через некоторое время, заметив, должно быть, что Ньюна клонит в сон.

Он направился к выходу, оглянулся в дверях.

— Захочешь есть, сразу зови меня.

Ньюн промолчал, и Данкан ушел, оставив дверь открытой и притушив в коридоре свет. И как только где-то хлопнула дверь и щелкнул замок, Ньюн принялся методично двигать конечностями, заставляя работать отвыкшие мускулы. Он трудился до изнеможения, затем уснул, а проснувшись, обнаружил, что вернулся дус. Ньюн позвал его, и зверь подошел, положил тяжелую голову на край постели. Ньюн оперся рукой на широкую мохнатую спину и встал. Пока он шел, зверь дви-

гался рядом; сделав несколько шагов, Ньюн повернул назад; ноги подкосились, и он вытянулся поперек койки. Некоторое время он лежал, тяжело дыша, чувствуя, что вот-вот потеряет сознание; прошло несколько минут, прежде чем удалось закинуть ватные ноги на постель. Отдохнув, он снова подвигался, потом опять встал с помощью дуса и еще раз заставил себя сделать несколько шагов. После этого он погрузился в долгий сон. Наверное, целый день проспал; впрочем, время теперь не имело значения. Оно отмерялось лишь регулярным появлением пищи и периодами одиночества, когда Ньюн мог возвращать жизнь онемевшим мускулам. Опять период сна; когда Ньюн проснулся, Данкана рядом не было, лишь дус составлял ему компанию. Тело болело от упражнений, и Данкан не спешил отдавать оружие.

Некоторое время Ньюн неподвижно лежал в темноте, глядя в освещенный коридор. Затем поднялся, на этот раз без помощи дуса, и, твердо ступая, направился в ванную. Умывшись, он не спеша облачился в мантии, которые грудой лежали на столе. Напоследок он покрыл голову зайдхом с красивой кисточкой и пластиковым козырьком для защиты глаз от слишком яркого солнца. Правда, козырек он оставил поднятым. Под подбородком он пристегнул к зайдху мез — вуаль, принесенную деликатным Данканом, хотя на корабле не было других землян, а Данкан имел право видеть его лицо. В черных одеяниях Ньюн снова почувствовал себя кел'еном, а коснувшись своих золотых украшений, ощутил боль. Увесистый джи'тэй Эдуна Кесритуна с отпечатком раскрытой ладони, на цепочке,— его носила на шее Интель, прежняя Мать... и небольшой перстень, привязанный к ремню. В памяти вспыхнули горе и ужас — этот перстень побывал на руке Матери Элага. И

новые воспоминания, полные неизбвной боли: маленький талисман, джи'тэй в форме листика, подобных коему никогда не вырастало на бесплодном Кесрите. Подарок старшего брата — кела... Ньюн вспомнил своих наставников, которые приучали его к оружию и законам келов. Он потерял все эти вещи, когда погиб, а теперь получил их обратно из рук землянина.

Он немного отдохнул, прислонившись к стене. Дус беспокойно терся о его ногу. Наконец, восстановив дыхание, Ньюн подошел к двери, выглянул и беспрепятственно вышел в коридор. Зверь ковылял следом. После наклонных стен Эдуна, который теперь лежал в руинах, и змеящихся тоннелей регулов узкие прямоугольные коридоры казались невероятно чуждыми. От тяжелого, насыщенного резкими незнакомыми запахами воздуха запирало дыхание. Впереди из дверного проема показалась голова другого дуса. От неожиданности Ньюн споткнулся на ровном месте и едва не упал, а его провожатый, оттолкнув хозяина, как ни в чем не бывало кинулся по коридору навстречу собрату. Ньюн вспомнил. Еще тогда, где-то в затуманенных наркотиками глубинах сознания, он улавливал присутствие второго зверя, зовущего, успокаивающего. Два дуса, второй — для Мелейн, бывшей кел'е'ен, которая все еще могла приручить зверя.

На прогулку ушло гораздо больше времени, чем он предполагал. Оттолкнувшись от стены, Ньюн направился к ближайшей двери, прислонился к косяку и заглянул в каюту.

Мелейн, ши'пан. Она и в самом деле была жива. Она спала. Тело было полностью скрыто золотистой мантией сенов — выцветшей, кое-где порванной.

«Как она хрупка,— с болью подумал Ньюн.— Как исхудала. В чем она виновата, за что они ее

так мучат? Кел'ен — вот кого можно пытать, морить голодом, накачивать наркотиками. Он для того и предназначен, он воин. А чем провинилась она?»

На мгновение его ослепила ярость. Дусы застонали и попятились. Он оттолкнулся от косяка, сделал несколько шагов и опустился на колени у ложа Владычицы, а она мирно спала на боку, положив ладонь под щеку. Подошли дусы. Он коснулся ее тонких пальцев.

Ее золотистые глаза открылись, заморгали. Мелейн была изумлена, но быстро опомнилась. Она протянула руку и дотронулась до его обнаженного лица, словно хотела убедиться, что это не сон.

— Ньюн,— прошептала она.— Ньюн...

— Что я должен делать? — произнес Ньюн и задрожал от страха, ведь он осмелился задать вопрос.

Ньюн был всего лишь кел'еном и не мог решать; он был Рукой Народа, а ши'пан — его Разумом и Сердцем. Если она не захочет жить, то и он покончит с собой.

Но взгляд Мелейн был ясен и лучист, у отчаявшихся такого взгляда не бывает.

— Я ждала тебя,— сказала она.

* * *

Ньюн увел обоих дусов. Они шли впереди друг за другом, они были слишком велики, чтобы идти по коридору бок о бок. Когти выбивали неторопливую дробь на твердом полу. Благодаря сверхъестественному чутью звери знали, кого он ищет. Знали также, что это не охота, на которой можно убивать. И все-таки — потому, быть может, что они выслеживали вместе с Ньюном и, следовательно, тоже охотились,— звери были возбуждены. И в небольшом отсеке, прямо за углом, они встретили Данкана.

Похоже, он шел навстречу, чтобы проведать их в очередной раз. Он был безоружен. Он всегда безоружен, не без смущения и раздражения вспомнил Ньюн. Возможно, Данкан ожидал этой встречи, возможно, он их проверял. Судя по выражению лица, он знал, в чем его хочет упрекнуть Ньюн. Он спокойно стоял перед дусами и ждал, когда Ньюн сделает то, что хотел. Он, безусловно, догадывался, что его жизни угрожает опасность.

— На борту больше никого нет,— бросил Ньюн в лицо землянину его собственные слова.

— Да. Я сказал правду.

Данкан испугался. Близость дусов подавляла его волю, но он не давал страху вырваться наружу, иначе смерть неминуема.

— Яй! — рявкнул на дусов Ньюн, чтобы отвлечь их от опасного вторжения в разум Данкана. Но звери не послушались, и землянин покрылся потом. Звери уже не могли не чувствовать его страх.

— Данкан, что ты собираешься с нами сделать? — спросил Ньюн напрямик, как брата-кела.

Данкан пожал плечами — типичный жест землян; его губы растянулись в невеселой улыбке. Лицо его было открыто, и на нем застыло выражение смертельной усталости. Да, порой Данкан бывал наивен, но умел находить выход из опасных ситуаций, и сейчас ему следовало сделать именно это. Ньюн взял себя в руки.

— Я хотел вас спасти от регулов.

— Так. Просто хотел нас спасти. Просто поговорил с другими людьми, и они исполнили твое желание. Ты что, такая важная персона, что они безумно рады тебе угодить?

Данкан пропустил сарказм мимо ушей. Он посмотрел на Ньюна потухшими глазами, снова пожал плечами.

— Я здесь один и не собираюсь сидеть за пультом. Можешь сам пилотировать. Но не забывай, «Фокс» — мирный корабль, мы безоружны и, возможно, уже делаем то, чего от нас ждут. Не думаю, что тебе удастся изменить курс: в навигационный компьютер загружена курсовая программа.

Ньюн нахмурился. О курсовой программе он не подумал — вот она, неопытность. Он пристально смотрел на Данкана, понимая, что за пультом от него самого проку будет мало, он едва держится на ногах. Конечно, он может приказать дусам, чтобы захватили корабль, но то, что сказал Данкан, объясняет спокойствие землянина. Корабль не подчиняется никому.

— Куда мы летим? — спросил Ньюн.

— Я не знаю,— ответил Данкан.— Правда не знаю. Пошли к пульту, ты поймешь, что я имею в виду.

В футляре на пористой подстилке лежал эллипсоид — красивый блестящий предмет, единственный в своем роде, святыня. На его поверхности не было ни единого изъяна, хотя Ньюн видел, как артефакт падал на камни, и лишь боги знали, что ему еще пришлось вынести, прежде чем он оказался здесь. Не обращая внимания на Данкана, Ньюн преклонил колени и, протянув руку, коснулся гладкой холодной поверхности с таким благоговением и осторожностью, словно то была кожа нежного существа.

То был пан'ен, частица души мри, чудо, которое он берег до конца. Ньюн был готов умереть, чтобы руки ци'мри не коснулись его. И, побывав у ци'мри, пан'ен вернулся к нему осквернённый. Это вина Данкана. Больше никто не сумел бы так поступить. Ньюн поднялся, ослепнув на миг от ярости и слез, и будь рядом с ним кто-нибудь другой из ци'мри, он закрыл бы свое лицо. Но

Данкан был ему ближе, чем многие соплеменники. Ньюн не знал, что скрывается за этим даром — щедрость или подлость. Ему вдруг захотелось прислониться к чему-нибудь спиной или сесть; ноги подкашивались. Подошел дус — огромный, неуклюжий с виду; на корабле, среди хрупких приборов, он был вынужден двигаться очень осторожно. Зверь улегся у ног Ньюна, даря ему столь нужные сейчас тепло и спокойствие.

— Ты уже неплохо знаешь мри,— сказал Ньюн.— А потому должен понимать, как опрометчиво поступил, дотронувшись до этой вещи.

— Она ваша. Я вернул ее вам, хотя было бы лучше, если бы она исчезла.

Ньюн вновь опустил взгляд на пан'ен, потом посмотрел на Данкана, все еще гадая, что таится за его обнаженным лицом. И наконец медленно закрыл свое лицо вуалью — предупредил, что между ними больше нет ничего общего. Он надеялся, что Данкан знает этот жест.

— Любопытство сводит землян с ума. Так учили меня старшие, и теперь мне кажется, они были правы. Ты бы никогда не получил пан'ен, если бы ваши ученые не заглянули в него. Возможно, они даже поняли, что это такое. Я всего лишь кел"ен, у меня нет права знать Тайны. Может быть, ты знаешь. А я не хочу.

— Ты правильно угадал.

— Ты землянин. Ты знал, что произойдет, если отдашь пан'ен своим соплеменникам.

— Я не знал, что это такое. А еще я не знал, что дело зайдет дальше простого любопытства.

— Но это произошло,— сказал Ньюн и, не дождавшись отклика, спросил: — Мы здесь из-за этого? У мри оставалось единственное сокровище, вот эта вещь, и теперь она здесь, а еще здесь ты, один. Мы дрались с вами не на жизнь, а на смерть, и вдруг

получаем щедрые подарки: свободу и корабль, чтобы покинуть планету. Это бесценные дары. За какую службу землянам эта награда, кел Данкан? Неужели за сорок лет войны, которую мы вели против твоей расы?

— Война кончилась,— хмуро произнес Данкан.— Все в прошлом.

— Но мы мри,— заставил себя Ньюн произнести эти горькие слова. Он не признавал великодушия ци'мри; он не понимал их поступков. Его вновь охватила слабость; чувства притупились; слишком долго находившиеся в напряжении мускулы задрожали. Он ухватился за ближайшую приборную панель, наполнил воздухом легкие и резко выдохнул; в голове прояснилось.

— Я не знаю, почему ты один на борту,— произнес он.

— Мы не понимаем друг друга, кел Данкан.

— Что ж, по крайней мере, это честно,— сказал Данкан, обдумав недвусмысленную угрозу.— Возможно, я ошибаюсь, но мне казалось, ты поймешь, что я хотел помочь вам. Вы свободны.

Ньюн окинул взглядом приборы, совершенно непривычные, ничуть не похожие на регульские. Впрочем, он и те знал лишь в теории. Тонкая струйка пота поползла по левому боку.

— Нас сопровождают? — спросил он.

— Пока — да,— ответил Данкан.— Вам по-прежнему не доверяют. И ни ты, ни я не в силах избавиться от слежки — кораблем управляет компьютер. Может, тебе и удастся взять управление на себя, но тогда они наверняка заподозрят неладное.

Доводы показались разумными. Ньюн размышлял, рассеянно поглаживая сидящего рядом дуса по голове.

— Я обо всем расскажу ши'пан,— сказал он наконец.

Он негромко велел дусам идти впереди и вышел следом за ними, оставив Данкана возле пульта управления. Данкан мог убить их... но задайся землянин такой целью, он бы давно это сделал. Он мог лишить их свободы, но, возможно, корабль и есть тюрьма, а охрана — снаружи. Непонятно было лишь одно: почему Данкан решил разделить заключение с узниками. Ньюн подозревал, что им двигали представления о чести, которые у землян совсем не такие, как у мри. А может быть, во всем виноваты узы, которые связывают Данкана с его расой, или же то, что они оба — всего лишь кел'ены; ничего не решая сами, они слепо выполняют приказы, и каждый выбирает лишь способ и место действия. Ньюн знал, что кел'ен мог найти себе друга среди кел'енов другого Дома, и что однажды они могли встретиться лицом к лицу и погибнуть в поединке. Об этом слагали баллады.

Дружба кел'енов за пределами родного Дома никогда не доводила до добра. Это считалось позором, потому что законы требовали преданности Дому и беспрекословного повиновения Владычице.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Вот и все. Данкан стоял и смотрел, как уходит мри. Ньюн наконец убедился, что Владычица вне опасности, и теперь сюда придет Мелейн, чтобы принять символическое управление кораблем. По обычаю мри, когда существовала возможность спросить совета у ши'пан, все решения принимала она. Этой новостью Боаз могла бы поразить военных; этой новостью сам Данкан мог бы поразить тех, кто отвечал за безопасность на «Флауэре». Да, кел'ены в черных мантиях ничего не решали сами.

Ньюн не знал, что представляет из себя артефакт, которым он так дорожил. Но это ничуть не удивило Данкана. Ньюн, несмотря на весь свой опыт, просто не желал знать того, что, как он считал, его не касается; по любому поводу он просил совета у Мелейн. Данкан очень надеялся, что так будет и на этот раз. Именно так все и вышло, и у него словно гора свалилась с плеч.

Он с удивлением обнаружил, что совсем не боится содеянного. Страх приходил бессонными ночами, вместе с видениями: руины на холмах, ночной кошмар Сил'атена, ад, который обрушился на них. Или днем, при виде улыбок регулов, которые пытались его убить.

По-прежнему он опасался, что мри поднимет на него руку, и тогда смерти не избежать. Подобные мысли до сих пор не давали ему покоя, а поче-

му — этого он и сам не знал. Наверное, причину следовало искать в каких-то глубинных пластах логики мри, которых Ньюн с Мелейн никогда ему не показывали, хоть он провоцировал их, подчас откровенно.

Впрочем, время раскаиваться давно миновало; он уже почти ничего не мог поделать. Тыльной стороной ладони Данкан провел по воспаленным глазам — очень хотелось спать. Последние четыре дня он не мог себе позволить такую роскошь, как сон; слишком стремительно развивались события. Где-то неподалеку летели два корабля регулов, да еще этот ненормальный «Сантьяго» по-прежнему висел у него на хвосте.

Он уселся за пульт управления, запросил у компьютера информацию о состоянии бортовых систем, и когда на экране высветились таблицы, понял, что корабль занят подготовкой к прыжку: курсопрокладчик уже выбрал звезду в качестве точки отсчета и ждал подтверждения от сканнеров «Фокса», что в опасной близости от корабля нет какой-нибудь значительной массы. На это мог уйти целый день, так как компьютер был тот еще перестраховщик. Но больше, чем день,— вряд ли.

Утопающего в лучах своего солнца Кесрита с борта «Фокса» было не видно, а сам Арайн казался красной точкой на звездной карте — крохотный маячок, будто бы отмечавший (впрочем, так оно и было) границу освоенных землянами пространств. Вокруг звезды кружило несколько планет, из которых лишь одна была мало-мальски обитаема.

Экран показывал карту, на которой виднелись корабли регулов. Они летели на удивление медленно, видимо, старались свести риск к минимуму. Но Данкан не обращал особого внимания на маневры регулов. Они были довольно далеко и не могли его видеть.

На другом экране вспыхнула крохотная точка — вспомогательный корабль «Сантьяго», верная тень «Сабера».

«Сантьяго» находился ближе к «Фоксу», чем хотелось Данкану.

Данкан закусил губу, чувствуя, как участился пульс. В любую минуту могли войти мри, только диспутов ему сейчас и не хватало. Но ведь это мри вынудили его немедленно запросить у компьютера информацию! Выругавшись про себя, он дотянулся до клавиши передатчика.

— «Сантьяго»,— сказал он.— «Сантьяго», это «Фокс». Требую увеличить дистанцию. Вы на моем сканнере, и ваша масса регистрируется моей аппаратурой. Мешаете прыжку.

Последовала долгая пауза.

— Принято,— отозвался «Сантьяго» и умолк — похоже, связист докладывал начальству.— «Фокс»,— послышался наконец голос,— это Захади. Ситуация резко ухудшается.

Говорил сам капитан «Сантьяго». От дурного предчувствия Данкана бросило в холод.

— Объясните,— потребовал он у Захади.

— «Фокс»,— последовал немедленный ответ,— «Фокс», ни один регульский корабль не идет на сближение. Хулаг на шаттле отправился на станцию. Ситуация там близка к критической. Бай потребовал переправить его на регульский корабль «Сигграв». Последняя радиограмма от Ставроса: «Требование Хулага выполнить. Задание разведчика остается в силе. Приступайте. Конец связи».

— «Сантьяго», мы готовы к прыжку. Что там у вас творится, нас не касается. Вы нам мешаете. Прошу покинуть зону сканирования.

— Принято,— ответил Захади.

Наступила долгая тишина. Данкан ждал, не сводя глаз с экрана сканнера. Ничего не менялось.

Он вновь обратился к «Сантьяго». Тщетно. Рейдер даже не ответил, но он по-прежнему висел в центре экрана.

Данкан подкорректировал настройку, кляня на чем свет стоит «Сантьяго» со всем его экипажем. Что-что, а ругань осужденному не возбраняется.

— Покиньте зону сканирования,— повторил он.— «Сантьяго», уйдите с дороги!

Снова никакого ответа. Крепло предчувствие беды. «Сантьяго» упорно торчал в центре экрана, он использовал свою массу, чтобы помешать «Фоксу»,— теперь Данкан был в этом уверен.

Что ж, это как раз в духе Ставроса: говорить «ступай на все четыре стороны» и при этом отчаянно тянуть поводок.

И в любую минуту могли войти мри. Данкан прикидывал, что произойдет, когда в рубку войдет Мелейн, прихватив с собой для моральной поддержки дусов. Ньюн, наверное, задержится — ему понадобится время, чтобы найти оружие. Обоим понадобится время, чтобы восстановить силы, ведь Ньюн еле ходит, да и у Мелейн состояние не лучше. Но они придут. Слишком глупо надеяться, что они не вмешаются.

Плохо, что Ставрос вмешался. Зная Данкана, старик не намерен давать ему полную свободу действий.

Внезапная догадка побудила Стена включить сканнер на максимальный радиус действия.

На краю экрана появилась стремительно несущаяся точка. Данкан выругался и спешно вызвал «Сантьяго», чтобы потребовать объяснений.

— «Фокс», «Фокс»,— пришел наконец ответ,— это «Сабер» через «Сантьяго». У меня приказ вас сопровождать. Как принято?

Наклонившись вперед, Данкан подрегулировал настройку. Его свободная рука при этом судорожно сжалась в кулак.

— «Сабер», это «Фокс». Мне не нужен эскорт. Возвращайтесь. Возвращайтесь.

Время шло. «Сабер» молчал и не менял курса.

— Требую объяснений,— передал Данкан.

Молчание. «Сабер» мчался на перехват. Еще немного, и выбора не останется.

— «Сабер»,— чертыхаясь про себя, вызывал Данкан корабль контр-адмирала.— «Сабер», передайте на «Сантьяго»: «Покиньте зону сканирования, повторяю, покиньте зону сканирования». Я готов к прыжку, но регистрирую вашу массу. Требую, чтобы следующее было в официальном порядке занесено в судовой журнал: «Сантьяго», вы игнорировали пять моих предупреждений. В течение пятнадцати минут я вручную переведу «Фокс» в режим прыжка. Если сейчас же не уйдете из радиуса сканнера, вас затянет в мое поле. Требую немедленно уйти. Пятнадцать минут. Отсчет пошел».

Секунды бежали. Ладонь вспотела на рубильнике.

Одна из точек — «Сантьяго» — начала отдаляться, но «Сабер» по-прежнему летел вперед и не снижал скорости.

— «Фокс»,— услышал Данкан,— это «Сабер». Говорит Кох. С этого момента я тоже участвую в операции, в качестве сопровождающего. Приказ достопочтенного Джорджа Ставроса, губернатора территории Кесрит.

Данкан был потрясен до глубины души. «О Боже! Прочь отсюда, прочь отсюда!» — твердил он мысленно, не зная, к кому обращается — к Коху или к себе. Все мышцы одеревенели от напряжения, его трясло.

Рейдероносец километровой длины, с ним целая стая малых кораблей. Данкан смотрел, как приближается «Сабер». Тот был еще недостаточно близко, чтобы детекторы зарегистрировали его огромную массу, но расстояние между ним и «Фоксом» неуклонно сокращалось. Вот он почти догнал «Сантьяго», и теперь рейдер, не приспособленный для автономных межзвездных перелетов, сможет совершить прыжок, если состыкуется с неуклюжей громадой «Сабера».

Что же это за разведка, если вдогонку летит огромный боевой корабль? Получается, что Ставрос отвел Данкану роль не разведчика, а проводника.

«Нет, нет, нет!» — яростно твердил он про себя, и вдруг, повинуясь безотчетному порыву и отчаянию, вскинул руку и до отказа отжал рубильник.

Прыжок.

Он вцепился в панель и остался в кресле, хотя навалилась жуткая тяжесть и дурнота, а стены текли, как вода, и все кругом выворачивалось наизнанку. А потом все двинулось вспять, к прежнему, нормальному состоянию.

Но на экранах были уже другие звезды. Данкан дрожал; чувство ориентации в пространстве отказало ему почти полностью. Что-то подобное испытывает человек, выйдя живым из рукопашного боя в открытом космосе.

Он дотянулся до клавиш сканнера и при этом обнаружил, что при малейшей потере равновесия кружится голова, и кажется, будто кругом полно щелей, куда можно провалиться, а верх и низ отсутствуют вообще. Если и существовало время в режиме прыжка, разум его не воспринимал, не мог вынести из первозданного хаоса ничего, кроме ужаса и смятения. Стен включил датчики.

Звездный шум. И больше ничего. Вообще ничего.

Он откинулся на спинку кресла, пытаясь одолеть вакуум чувств — неизменный спутник прыжка. Но сейчас это было не просто физическое неудобство. Данкан совершил ужасную, непоправимую ошибку: не встал на сторону мри, но порвал со своими соотечественниками. Что ж, по крайней мере, ему удалось выиграть время для мри. Кох и Ставрос не сразу поймут, что он сделал, и решат, как с ним поступить.

«Регулы живы,— сказал Ставрос,— их жертвы — нет. Так что мы имеем дело с регулами, а они все еще опасны».

Он послал за Данканом боевые корабли, а не «Флауэр» с Боаз и Льюисом. Половина войск Ставроса готова лететь за безоружным «Фоксом», несмотря даже на то, что регулы угрожают Кесриту. И на острие этого могучего клина — он сам, Данкан, и двое мри. И когда курсовая лента выведет «Фокс» к базе мри, прилетят вооруженные земляне и довершат начатое регулами.

Он уронил голову на руки и попытался успокоиться.

От злости и сопутствующих прыжку явлений мускулы свела судорога. Несколько секунд Данкан боролся с нею и собирался с силами, а потом дрожащими пальцами нашел шприц-тюбик, который уже несколько дней носил в кармашке пояса на случай прыжка. Едва не выронив шприц, он сорвал колпачок и вонзил иглу в вену.

По телу разлилось тепло, пришло спокойствие. Теперь ему все нипочем, он способен долго обходиться без отдыха. Сумбур в голове улегся, наркотик надежно защитил Данкана от нервных стрессов.

Только теперь он понял, что все было напрасно: «Сабер» последует за «Флауэром», ведь на нем наверняка есть копия курсовой ленты. Если ког-

да-нибудь человечеству удастся вернуть Данкана, за открытое неповиновение Коху он обязательно предстанет перед военно-полевым судом. Но скорее всего, о нем «позаботятся» мри, так что едва ли следует бояться земного правосудия.

Обо всем этом Данкан думал спокойно — наверное, из-за усталости, ведь он не отдыхал несколько дней кряду. Ему вдруг стало интересно: неужели вся его вина — в этом последнем акте неподчинения, или все началось раньше, гораздо раньше, когда он захотел освободить мри? Он попробовал расшифровать курсовую ленту, но эта задача оказалась ему не по силам, он так и не узнал ни продолжительности, ни вектора прыжка. Он понятия не имел о том, где сейчас находится «Фокс». Он посмотрел на экран, одна из звезд на нем сияла ярче других. Наверное, это и есть база мри. Если это предположение верно, ему, видимо, осталось жить считанные дни.

Данкан оторвался от пульта и откинулся на спинку кресла. Он все еще вздрагивал всем телом, хотя наркотик расслабляюще подействовал на мускулы. Он не ожидал, что так тяжело перенесет прыжок, должно быть, сказалась усталость. Ладно, если за ближайший час ничего не изменится, он пойдет к себе в каюту, вымоется и ляжет спать, а там будь что будет.

Он встал, и в этот момент в рубку неслышно вошел дус, следом второй; за ними в дверном проеме появились мри.

Данкан отшатнулся. Мелейн, по своему обыкновению, была без вуали, ее пальцы переплелись с пальцами поддерживающего ее Ньюна. Она вошла в рубку как раз в тот момент, когда Данкан попятился; взгляд ее золотистых глаз скользнул вокруг и замер на футляре с артефактом — он покоился возле консоли. Мелейн целеустремленно направилась к нему,

наклонилась и, опираясь на руку Ньюна, коснулась серебряного эллипсоида, ощупала, словно хотела удостовериться, что он реален.

Потом она выпрямилась. Твердый взор ее ясных янтарных глаз встретился со взглядом Данкана.

— Я хочу сесть,— сказала она сиплым шепотом, и Ньюн осторожно усадил ее на край откидного капитанского кресла.

Она сидела как на троне — приподняв голову, выпрямив спину, держась ладонью за бок, где заживала рана. И не дышала. Данкан сообразил, что у нее приступ боли; но вот боль прошла, и рука повисла плетью. Оба дуса подошли и прижались к ее ногам, образовали живую стену перед нею. Левую руку она протянула Ньюну, который устроился на палубе рядом с ней и оперся локтем на взрослого дуса.

Данкан смотрел на них сквозь застилавшую глаза пелену. Ему казалось, что рубка управления современного космического корабля превратилась в зал верховной жрицы, а сам он здесь чужой. Мелейн смотрела ему в глаза, за ее спиной на экранах сияла россыпь звезд и завораживающе вспыхивали и гасли разноцветные огоньки.

— Данкан, куда летит этот корабль? — негромко спросила Мелейн.

Он вспомнил, что раньше Ньюн не позволял ему разговаривать с Владычицей непосредственно. Но все изменилось. Он посмотрел в закрытое вуалью лицо бесстрастного Ньюна.

— Расскажи ши'пан о том, что нас ведет.— Взмахом руки кел'ен указал на эллипсоид.

— Я желаю говорить с ним сама,— сказала Мелейн, насупив брови.— Объясни. Объясни, кел Данкан.

— Ты знаешь, что в этом футляре? — спросил Стен.

— А ты?

Он пожал плечами.

— Информация. Навигационные данные. Но я так и не понял, куда мы летим. А ты знаешь?

Ее красивое лицо превратилось в маску; хоть и не прикрытое вуалью, оно стало непроницаемым, как у Ньюна.

— Почему с нами летишь только ты? Может, земляне считают неразумным подпускать нас к управлению? А, кел Данкан?

От этих вопросов ему стало не по себе. Он изо всех сил старался рассуждать спокойно, подбирать убедительные ответы, но Мелейн настойчиво протягивала ему руку, и оставалось лишь взять ее за тонкие, изящные пальцы. Прикосновение смутило его, он вдруг спохватился, что рядом — дусы, и подумал, что рискует жизнью.— Садись, садись,— предложила она. Пока он стоял, она была вынуждена смотреть на него снизу вверх.

Сесть он мог лишь на палубу, рядом с дусами и Ньюном.

— Мы тебя больше не интересуем? — ужалила Владычица Данкана.

Он выполнил ее просьбу — опустился на колени на твердый палубный настил. При этом он был вынужден коснуться дусов и понял, что за ловушка ему приготовлена: контакт со зверями, ошеломительный натиск чужих ощущений. В нем поднимался страх; дусы почувствовали и зашевелились.

Данкан взял себя в руки, и дусы успокоились.

— Однажды я сказала, что нам нужен корабль, чтобы улететь с Кесрита.— Мелейн говорила очень тихо, казалось, ее голос доносится издалека.— Я сказала, а ты был рядом и слышал. Кел Данкан, это твой подарок? Только твой?

Эту юную Владычицу нельзя было назвать наивной; она не доверяла Данкану. Ему казалось, будто под его ногами разверзается бездна.

— Земляне не заинтересованы в том, чтобы вы попали в руки регулов,— сказал он.— Вы свободны. Что касается подарков... Нет, я тут ни при чем. О вас позаботились другие. Корабль не вооружен, так что любая задержка на территории землян или регулов может нас погубить. Но от сопровождения мы оторвались. Мы одни, и эта лента доведет нас до конца пути.

Некоторое время она молчала. Данкан с тревогой смотрел на Ньюна: вряд ли тот поверил. Мелейн заговорила на своем языке, Ньюн отвечал односложно, не поворачивая головы и не меняя выражения лица. Услышав слово «ци'мри» (так мри называли чужих), Данкан испугался.

— Твой род ненавидит тебя? — спросила Мелейн.— Почему ты один на борту, кел Данкан?

— Чтобы заботиться о вас... и о машинах. Должен же кто-то... Ши'пан, из вашего... артефакта ученые вытянули кое-какие сведения и сделали курсовую ленту, которая нас сейчас ведет. Мы полностью в ее власти, ни от меня, ни от тебя ровным счетом ничего не зависит. Я буду следить за исправностью бортовых систем и доставлю вас к вашей цели, где бы она ни находилась. А потом вернусь на этом корабле к своим соотечественникам и скажу им, что мри больше не хотят участвовать в интригах регулов или людей и что война закончилась навсегда. Войны больше нет. Вот для чего я лечу с вами.

Мелейн посмотрела ему в глаза, на ее лице пролегли тревожные складки.

— Ты ци'мри; и твои глаза способны лгать,— сказала она.— Я не могу увидеть в них истину.

— Психотропные наркотики,— глухо произнес вдруг Ньюн, не спросив у Мелейн разрешения говорить.— Земляне ими пользуются во время прыжков.

Вторая фраза прозвучала с откровенным презрением — мри вообще не прибегают к помощи лекарств, даже в мучительных прыжках сквозь пространство. Данкан был уязвлен, а еще он вдруг понял, насколько все это опасно. В нем снова проснулся страх, дусы вздрогнули, и Ньюн успокаивающе похлопал их по широким спинам.

— Кел Данкан, ты даже не знаешь,— говорила тем временем Мелейн,— на что обрекли тебя твои старшие. Когда ты рассчитываешь вернуться?

Он пожал плечами.

— Такой долгий путь... Тебе здесь не место. Ты поступил опрометчиво, кел Данкан.

— Ши'пан, я не могу вернуться домой сейчас. Мы совершили прыжок.

— Теперь это корабль мри. Ни один ци'мри не должен лететь туда, куда летим мы.

Дусы зашевелились, поднялись; Данкан хотел было последовать их примеру, но Ньюн удержал его за запястье.

— Нет.— Глаза над вуалью смотрели без угрозы.— Нет. Спокойно, Данкан.

С негромким тревожным сопением дусы остановились слева от Мелейн. Их маленькие глазки угрожающе сверкали, но через некоторое время звери снова уселись, бдительно следя за Данканом.

А Ньюн негромко обратился к Мелейн на своем языке. Выслушав ответ, он снова торопливо заговорил, словно уговаривая ее изменить решение. Данкан напряженно слушал, ему удавалось разобрать лишь слова «мри», «Кесрит» и «ци'мри». Если себя мри называли Народом, то другие расы для них были ци'мри, то есть чужаки. Так повелось с давних пор, никаких объяснений этому не существовало.

Сказав напоследок несколько слов, Мелейн поднялась, закрыла лицо вуалью и медленно повернулась спиной к Данкану.

А того бросило в дрожь. Поняв все, он собрался с силами, чтобы подняться на ноги; Ньюн тоже встал, опираясь на кресло, и вклинился между ним и дусами.

— Ши'пан сказала,— заговорил Ньюн,— что я не должен позволять ни одному чужому появляться у нее на глазах. Ты кел'ен и я кел'ен; будем сражаться, когда ко мне вернутся силы. Или же ты можешь остаться с нами и жить как мри. У тебя есть выбор.

Данкан беспомощно уставился на Ньюна. Из-за наркотика все происходящее казалось нереальным.

— Неужели ты думаешь, я рисковал головой только для того, чтобы убить ее или тебя?

— Ты не смог бы убить меня,— сказал Ньюн.

— Я вам не враг!

— Значит, ты хочешь служить ши'пан?

— Да.

Данкан произнес это не задумываясь, другого выхода он попросту не видел. Как-нибудь потом, когда все уляжется, он поспорит с мри, объяснит, почему следует отдать ему корабль и отпустить подобру-поздорову. А сейчас они в состоянии заботиться лишь о собственной безопасности.

Ньюн еще некоторое время изучающе смотрел на Данкана, будто сомневался в его правдивости.

— Ньюн,— позвала Мелейн, не поворачиваясь.

Ньюн подошел к ней, они поговорили вполголоса. Потом Ньюн постоял в задумчивости; дусы беспокойно шевелились, один из них застонал и ткнулся носом в руку кел'ена. Ньюн рассеянно гладил зверя, пока тот не умолк, затем вернулся к Данкану.

— Кел Данкан, ши'пан сказала, что мы летим домой. Мы летим домой.

Лишь через несколько секунд смысл этих слов начал доходить до Данкана, наполняя его душу предчувствием беды.

— Вы называли Домом Кесрит,— сказал он.

— И Нисрен. Келы лишь повторяют. Знает ши'пан. Данкан...— Глаза над вуалью затуманились, бесстрастное выражение исчезло.— Может быть, мы последние. Может быть, никого не осталось. Может быть, путь слишком долог, и мы не долетим. Но выбор сделан. А потом мне придется все забыть. И ты должен будешь забыть. Такова воля ши'пан, ибо ни один землянин не может пройти этот путь вместе с нами. Ши'пан говорит, что от тебя Народ получил великий дар, и за это тебе дозволено сохранить свое имя, хоть оно и человеческое. Но о большем не проси. Мы ушли от Солнца во Мрак; и во Мраке забудем все. Чем мы были, что видели и знали. Мы возвращаемся к предкам. Вот во что ты ввязался, Данкан. Если и суждено тебе ступить на землю предков Народа, то при этом ты будешь не человеком, а мри. Это понятно? Ты этого хочешь?

О них терся теплый дус, его переполняли чувства. Данкан впал в оцепенение; если что и ощущал, так это раздражение Ньюна. Кел'ену не нравились назойливость, бесцеремонность зверя. Дус вздрогнул и отшатнулся, но тут же упрямо подступил еще ближе. «Дусов обмануть невозможно,— подумал Данкан.— Да и мри, если уж на то пошло». Рано или поздно они узнают, какую западню подстроили им земляне, для чего летит с ними Данкан. «Бойся данайцев, дары приносящих». Но они, словно в насмешку, предлагают разделить с ними все, что их ждет.

— Да, я хочу этого,— севшим голосом ответил Данкан. Да и мог ли он ответить иначе?

Ньюн нахмурился.

— Мри никогда бы не поступил так, как ты,— сказал он.

Наркотическая отрешенность уже не спасала Данкана; навалилась холодная реальность. Слова Ньюна вдруг приобрели зловещий смысл. Мелейн по-

прежнему стояла к ним спиной. Данкан взглянул на нее и подумал, соблаговолит ли она теперь взглянуть на него? Ведь он согласился на их требование.

— Идем.— Ньюн махнул рукой в сторону двери.— Ты отказался от корабля. Теперь твое место не здесь.

— Да ты что? Она же не справится с управлением! — испуганно возразил Данкан. Мелейн родилась в пустыне и знала только регульскую технику. Мыслимое ли дело — доверить ей пилотирование земного корабля?

Ньюн застыл на месте, лицо его вновь посуровело.

— Идем,— повторил он.— Прежде всего отучись задавать вопросы. Ты всего лишь кел'ен.

«Это безумие,— сказал себе Данкан.— Но до поры, до времени придется с этим мириться».

Конечно, неопытность Мелейн могла стоить им жизни, но Данкан надеялся, что у нее хватит здравого смысла не рисковать без нужды. Корабль мог лететь на автопилоте.

«Ладно,— сказал себе Данкан.— Как ни крути, вряд ли это опасней драки с Ньюном».

Кроме Ньюна, ему следовало остерегаться дусов. Это было несомненно. Как и то, что Данкан покинул Кесрит и нарушил приказ Ставроса вовсе не для того, чтобы довершить начатое регулами. Ему не нравилась идея убить кел'ена, даже ради спасения собственной жизни. В свое время он успел достаточно изучить мри, чтобы прийти к выводу: с ними можно разговаривать не только на языке оружия.

Он кивнул и вместе с Ньюном покинул рубку. Дусы шли следом. Позади затворилась дверь и щелкнул язычок замка.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Два рейдероносца, шесть рейдеров.

Бай Хулаг Алань-ни с удовлетворением отметил, как при появлении этой армады изменилось поведение землян. Юные люди выстроились по обеим сторонам парадного пандуса Нома, чтобы встретить регулов, которые только что выбрались из совершившего посадку шаттла; здесь же стояли несколько молодых регулов и четыре серебристые тележки для важных персон. Хулаг приказал своему водителю ехать прямо к встречающим. Иные из вновь прибывших, кто шел к пандусу, еще побаивались землян, и Хулаг, несмотря на свой ранг и занятость, вознамерился первым подъехать к Ному и поприветствовать гостей. Сам он не боялся землян и хотел, чтобы никто другой из Аланей не уронил перед ними своего достоинства.

Машина плавно затормозила. Открылся люк, чтобы впустить знакомый едкий воздух; защипало в ноздрях, и Хулаг фыркнул. Но сейчас баю показалось, что воздух обладает каким-то своеобразным ароматом.

Он не обращал внимания на землян, а те, напротив, с любопытством рассматривали его, некоторые даже осмелились протянуть руки, чтобы помочь баю. Его секретарь — Сут Хораг-ги отогнал их и ловко подкатил тележку к открытому люку машины. С превеликой осторожностью Сут

приподнял бая, позволяя ему перенести свой огромный вес на атрофированные ноги, и бережно, даже нежно усадил в тележку. Последнее время Хулаг все больше ценил этого заботливого юношу, все чаще подумывал, чем бы вознаградить услужливого выходца из малочисленного клана Хорагов. С тех пор, как на Кесрите высадились земляне, регулам приходилось нелегко, но поведение Сута можно назвать безупречным. Суту, естественно, бай об этом не говорил, не хотел портить юношу, о чьей дальнейшей карьере он собирался позаботиться.

Сут был не просто слугой старейшины клана Аланей. Он был слугой старейшины самого важного из трех главных кланов расы регулов. Юноша просто не понимал своего счастья. Хулаг улыбнулся своим мыслям, не боясь, что земляне отгадают их по едва заметной мимике: легкое напряжение нижних век, расслабленные, несмотря на обжигающий воздух, ноздри.

Его долгие, осторожные дипломатические маневры увенчались успехом.

Пришли восемь кораблей, четвертая часть флота Аланей; остальные были наготове и только ждали сигнала. Регулы прилетели, чтобы узнать судьбу своего старейшины, которого земляне, мри и долгие сборы задержали на Кесрите. Очевидно, земляне не ожидали такой бурной реакции Аланей — словно Алани могли поступить как-нибудь иначе? Ставрос, похоже, не в силах понять, какое унижение пережил Хулаг на этой планете, рядом с обломками корабля, доверенного ему Высшим Советом рода. При воспоминании о недавних катастрофах бая кольнул страх, слегка омрачил радость встречи со своими. Ничего. Эти хмурые земляне возместят ему потерю, сами того не желая, сыграют на руку Аланям.

По лицам встречающих молодых землян, по тому, как приняли регулов на станции, по переговорам со Ставросом было ясно, что земляне не хотят воевать. Хулаг давно убедился в этом и, само собой, был рад иметь дело с существами здравомыслящими. И он, и Ставрос со своими людьми, и еще трое старших Аланей, которые сейчас высаживались из шаттла, понимали, что продолжать войну невыгодно. На переговорах со старейшинами клана Хулаг открыто заявил об этом, будучи сам уверен в правильности такого выбора. Земляне могли вступить в бой с большими кораблями, узнав в них грозные рейдероносцы, и победить; но они предпочли переговоры. Земляне были опасными врагами, они не боялись сражаться даже с мри, правда, для полной уверенности в победе они всегда атаковали превосходящими силами. Но регулы вообще не умели побеждать мри, и Хулаг не строил на этот счет иллюзий. Нет, земляне не желают затягивать конфликт. После тех первых тревожных дней Хулаг по-настоящему уверовал в искренность бая Ставроса, который открыто провозглашал, что земляне хотят мира — везде и навсегда.

Сам же Ставрос, несомненно, вкладывал в эти слова более глубокий, скрытый смысл. Проявляя мудрость, которой бы позавидовал любой регульский старейшина, губернатор не цеплялся за единственного союзника, а одновременно изучал множество вариантов, выбирал самый выгодный.

Ставрос открыто интересовался всем, что касалось мри, прибегая к помощи юного Данкана, которого все земляне считали сумасшедшим; при одной мысли об этом кожа Хулага шла морщинами. Что ж, возможно, юноша действительно тронулся умом, но тогда и Ставроса надо считать безумцем, ведь он не посадил Данкана под замок, а

напротив, всячески помогал ему. Хулаг не верил, что Ставрос — сумасшедший.

Корабль-разведчик покинул систему звезды Арайн. Самый большой из боевых кораблей землян сопровождал разведчик до границ системы и вернулся домой после яростной шифрованной перепалки с Данканом, а потом и с самим Ставросом. Хулаг очень жалел, что ни он, ни его помощники не в силах расшифровать тот радиообмен, вынудивший рейдероносец со своим рейдером покорно вернуться на станцию и сменить «Ганнибал», который отправился встречать приближающиеся корабли регулов.

Корабль с мри на борту покинул Кесрит, едва Ставрос получил известие, что на подходе корабли регулов. Побывав у Ставроса, Данкан собрал свои вещи и материалы, собранные после его возвращения из пустыни, и отправился на борт «Флауэра». Потом все затихло, и в Номе о нем как будто забыли. Но, как только регулы появились в системе, станцию покинул разведчик. Хулаг узнал об этом от прилетевших старших.

Данкан, скорее всего, обосновался на станции, хотя пользы там от него наверняка было мало — исполнитель из юноши никудышный. На вопросы о его судьбе земляне отвечали уклончиво. «Безумие» Данкана было связано с мри, которые, скорее всего, тоже находились на станции.

Ставрос вел игру, достойную регулов. У Хулага учащенно бились сердца, когда он позволял себе размышлять о мри; без сомнения, земляне знали о его тревогах. Оставалось лишь выяснить, чего хочет потребовать от Аланей Ставрос и что намерен предложить взамен, ведь ясно, что он идет на сделку не с пустыми руками. Хулаг доверял землянам, чего никогда не позволял себе в отношениях с мри. Таких, как Ставрос, он понимал, ведь они, подобно

регулам, стремились получить выгоду. Им нужны власть, территории, запасы металлов и биоматериалов, нужны средства для защиты всего этого. А значит, землянам и регулам обязательно удастся договориться.

Последние из старших выбрались наружу. Хулаг нетерпеливо развернул свою тележку, зная, что за пребывание на едком воздухе ему придется целый день расплачиваться сухостью в горле и жгучей болью в носу. Старшим, каждого из которых сопровождал юный слуга, было трое: Шарн, Караг и Хаан. Хаан, мужчина, шел последним. Шарн была женщина и четвертая по старшинству в клане. Караг, чей мужской пол определился совсем недавно, обладал неуравновешенным характером, как и все Старшие, только что прошедшие Метаморфозу. Хулаг знал, что он протеже Шарн и, скорее всего, ее нынешний супруг. Кожа Карага оставалась по-юношески гладкой, телу было далеко до солидных размеров Шарн или Хаана, которым молодые слуги наконец помогли устроиться в тележках. А всем троим было далеко до величественной пышности Хулага. Но тем не менее Караг уже не мог обходиться без тележки. Хулаг спокойно смотрел, как юноши суетятся вокруг трех старших, как везут их сквозь толпу землян.

Всех троих Хулаг недолюбливал, но сейчас это не имело значения. Главное, он уже не единственный старший регул на Кесрите, окруженный лишь юношами из чужих кланов, которые ничего толком не знают и не умеют. Теперь рядом его родичи, Алань-ни, а на причаленных к станции кораблях постоянно находится готовый к бою экипаж. Такое соседство с кораблями землян и станцией действует на психику даже сильнее, чем открытое столкновение. Но земляне позволили регулам устроиться рядом — вот еще одна причина, по кото-

рой Хулаг не сомневается в мирном разрешении конфликта. Он улыбнулся и развернул тележку, чтобы подняться по пандусу. Сут шел рядом, земляне расступались перед ними. Во главе процессии, наводящей благоговейный страх на молодых регулов, которые столпились внутри, чтобы увидеть все своими глазами, Хулаг въехал в Ном, в теплый профильтрованный воздух, и почувствовал, что его гордость, так давно подавляемая, наконец-то удовлетворена.

— Достопочтенный бай Ставрос увидится с его превосходительством сразу, как только пожелает бай Хулаг,— соблюдая регульский протокол, сказал Суту молодой землянин.

— К его превосходительству баю Ставросу,— важно произнес Хулаг, когда Сут церемонно повернулся к нему.— Немедленно.

* * *

Встреча, в отличие от всех предыдущих, проходила не в маленьком кабинете Ставроса, а в парадном конференц-зале; и множество юношей в мундирах стояли вокруг губернатора. Лица их ничего не выражали, что у землян было признаком неприязненного, если не враждебного настроения. Хулаг, за чьей спиной теперь находились трое старших Аланей и свита юношей, поглядел вокруг и улыбнулся, подражая землянам. Его, в отличие от них, вполне устраивало нынешнее равновесие сил.

— Ваше превосходительство, может быть, мы обойдемся без ненужных юнцов и поговорим начистоту? — предложил Хулаг, не дожидаясь начала долгой и утомительной процедуры рассаживания.

Ставрос развернул тележку и отдал необходимые распоряжения. Большинство молодых зем-

лян вышли. Хулаг оставил при себе Сута, а каждый из старших Аланей — одного помощника; четверо землян, считавших себя взрослыми, устроились в креслах вокруг тележки Ставроса. Хулаг с любопытством взглянул на одного из них, в чьей шевелюре не было и следа седины. Бай имел основания считать, что этот цвет у землян означает зрелость, в то время как другие окраски волос, похоже, не имеют значения. Он не мог избавиться от подозрения, что Ставрос нарушил протокол, позволив этому землянину остаться на переговорах. Но хорошее настроение, в котором пребывал бай, не располагало к анализу подобных мелочей. Может быть, этот землянин и впрямь старший: Хулаг до сих пор не научился точно определять возраст этих существ, чей пол известен уже с младенчества, а внешность беспорядочно меняется с течением лет. Он предвидел вопросы родичей и, к своему смущению, не знал, как на них ответить.

Юноши принесли великое множество стаканов с соем — старшим необходимо подкрепиться, ведь полет отнял у них немало сил. Потом началась процедура знакомства: Хулаг запоминал имена и титулы «старших» землян и представлял своих старших, которые, похоже, до сих пор не оправились от усталости, быстрой смены обстановки и встречи с таким количеством чужаков. Но во время церемониала Хулаг нашел повод для недовольства, и его ноздри затрепетали.

— Бай Ставрос,— произнес Хулаг,— нет ли здесь представителей бая со станции?

«В их присутствии нет необходимости,— появилось на дисплее губернаторской тележки, поскольку Хулаг обращался к Ставросу на языке регулов, и тот решил отвечать на нем же.— Политика определяется здесь. И проводится отсюда. Бай Хулаг, если

ваши старшие свободно владеют языком землян, нельзя ли перейти на мой язык?»

Здесь, на Кесрите, земляне, которых природа наделила слабой памятью, тратили уйму времени, пытаясь овладеть языком регулов. Они забывали. Бай никак не мог привыкнуть к тому, что земляне не расстаются с записывающими устройствами; несомненно, они и сейчас вели запись беседы. Впрочем, удивляться тут нечему,— как еще запомнить все, что они наговорят и услышат? Для регула ложь — непозволительная роскошь, потому что сказанное однажды не забудется никогда; земляне же способны забывать все что угодно и искажать факты, когда им это выгодно.

— Мои старшие еще не настолько хорошо владеют языком,— сказал Хулаг и, сдержав усмешку, добавил: — Если вы будете говорить на языке землян, я им помогу, обеспечив синхронный перевод на своем экране.

— Благодарю,— громко произнес Ставрос.— Я очень рад лично приветствовать ваших старших.

— А мы рады столь радушному приему.— Хулаг поставил на поднос опустевшую чашку, откинулся на подушки и придвинул к себе клавиатуру.— Рады, что наши друзья земляне смогли оторваться от своих важных дел, чтобы продемонстрировать столь похвальную учтивость. Но истинные намерения тонут в бездне формальностей. Не в наших обычаях тратить время на пустословие в ущерб делу. Вы не атакуете, мы не атакуем. Мы рады такому положению вещей.

Его прямота, казалось, обеспокоила землян.

— Хорошо,— произнес Ставрос с натянутой улыбкой.— Мы снова заверяем вас, что бесконечно рады возможности расширить сотрудничество с кланом Аланей и всей расой регулов.

— Мы тоже с нетерпением ждем заключения договора о мире и сотрудничестве. Однако мри по-прежнему вызывают у нас серьезную тревогу.

— Ну что вы, не стоит из-за них беспокоиться.

— Только потому, что их больше нет на Кесрите?

Ставрос приподнял бровь — возможно, это означало иронию. Внимательно посмотрев в лицо губернатору, Хулаг решил, что ошибся.

— Мы как раз принимаем меры,— осторожно заговорил Ставрос,— которые позволят нам окончательно убедить регулов в полном отсутствии какой-либо угрозы со стороны мри.

— Я справлялся о юном Данкане,— заговорил Хулаг.— Его нигде нет. Мри покинули Кесрит. Ушел корабль. Все эти обстоятельства — возможно, совершенно не связанные друг с другом,— кажутся тем не менее достаточно тревожными.

Наступила долгая пауза. Рот Ставроса скривился; Хулаг не знал, как это понимать. Недоумение? Или недовольство?

— Мы пытаемся узнать путь распространения мри,— сказал наконец Ставрос.— Нам удалось найти довольно любопытные письменные источники. Их содержимое, бай Хулаг, вызывает серьезные опасения.

Хулаг с шумом выпустил воздух из легких. Он достаточно хорошо знал Ставроса, чтобы понимать: тот сказал правду.

— Возможно, частью этот путь проходит в космосе, которым владеют регулы,— сказал Ставрос.— Но только частью.

— Покинутые миры,— пробормотал Хулаг. Тревога заставила его напрочь забыть о переводе. Увидев растерянность на лицах старших, он поспешил исправить упущение.— Нисрен, Гураген... Но ведь на самом деле их раса зародилась гораздо

дальше. Вы уверены, что письменные источники принадлежали мри?

— Уверены,— ответил Ставрос.

— Да,— произнес Хулаг.— Ни литературы, ни искусства, ни науки, ни торговли... Но я был в старом Эдуне, там, на холмах. Я сам убедился, что у мри есть письменность. Но вряд ли могу помочь вам с переводом их текстов.

— Мы располагаем в основном цифрами. И то, что нам удалось расшифровать, вызывает тревогу. Нам бы хотелось разобраться во всем. Возможно, мри представляют опасность не только для нас, но и для всех регулов. Мы намерены всесторонне изучить проблему мри, и боюсь, зона наших поисков может соприкасаться с территорией регулов. Естественно, мы преследуем чисто исследовательские цели, и думаю, род Аланей не станет чинить нам препятствия. Но другие...

— Хольны.

— Да,— кивнул Ставрос.— Мы серьезно беспокоимся за судьбу разведчика. Но необходимо завершить начатое.

Ноздри Хулага трепетали от учащенного дыхания, сердца стучали тревожно. Он кожей чувствовал испуганные взгляды старших. Родичи уповали на его опыт, поскольку сами не могли ничего предложить. Бай с горечью понял, что вынужден принять решение, последствия которого проявятся на всем пути до Маба. И никакой возможности отложить разговор на эту тему или отказаться от подобного «сотрудничества».

Алань обладал достаточной властью, чтобы говорить от имени рода, как бывало и прежде на переговорах с землянами. Чтобы выиграть время и собраться с мыслями, Хулаг велел Суту принести чашку соя, и остальные старшие последовали его примеру. Он глотнул, посидел в задумчивости,

бросил взгляд на Шарн, чей совет не помешал бы ему, хоть она и слабовато разбиралась в происходящем. В ответном взгляде Шарн сквозило понимание и согласие. Хулага это обрадовало. Остальные двое выглядели совершенно сбитыми с толку, и Караг даже не скрывал своей тревоги.

— Бай Ставрос,— произнес наконец Хулаг, прерывая тихий разговор между землянами,— ваше... вторжение будет выглядеть довольно опасным с точки зрения остальных родов. Однако при поддержке Аланей подобная экспедиция может получить от них соответствующие полномочия. В текстах, о которых вы говорите, речь идет, как я понимаю, о территории, лежащей за владениями регулов.

— Мы так считаем, хотя наши сведения о границах владений регулов не слишком точны.

— Несомненно... здесь наши интересы совпадают. Мы не принадлежим к числу рас, которым нравится воевать. Должно быть, вы учитывали это, когда отправляли корабль-разведчик... и, возможно, огромный рейдероносец вслед за ним. Очевидно...— Хулаг замер, пораженный внезапной догадкой: его ноздри расслабились.— Очевидно, бегство корабля-разведчика — это повод. Вы умышленно позволили ему уйти вперед, чтобы затем его преследовать... Великолепное оправдание! Мятежный корабль мри и земляне в роли усмирителей. Я прав?

Ставрос не отвечал, но смотрел на бая настороженно. Лица других землян были бесстрастны.

— Тем не менее вы отозвали рейдероносец.— Сердца Хулага теперь бились вразнобой.— Для того, чтобы состоялась наша встреча, да, бай Ставрос?

— Она пришлась очень кстати.

— Пожалуй. Остерегайтесь просчетов, ваше превосходительство. Регулы, живущие у себя дома, во

многом непохожи на регулов из дальних колоний. Когда на карту поставлено спасение рода... компромиссов быть не может.

— Нам не нужны конфликты. Но мы не имеем права упустить шанс, который нам дала расшифровка этих текстов. Пока же только Хольны знают, где искать мри.

— Наши интересы совпадают,— негромко повторил Хулаг.— Я обеспечу проход этого корабля... но взамен потребую сотрудничества. Давайте договоримся без утайки сообщать друг другу обо всем, что нам удастся выяснить.

— Союз?

— Союз,— сказал Хулаг.— Ради нашей общей безопасности.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Землянин спал.

Ньюн, успокоенный мыслями животных, согретый их теплом, наблюдал за Данканом в скупом свете горящих на экране звезд. Он ждал. В каюте Данкана была еще одна койка, но Ньюн, по обычаю келов, отказался от нее, предпочтя ковер на палубе и соседство с дусами. Он выспался и теперь пребывал в неком подобии транса; сидя в сумраке, он терпеливо ждал, борясь с желанием вновь соскользнуть в знакомое полузабытье и впервые находя подлинное удовольствие в пробуждении к жизни. Он снова получил свое оружие, рядом с ним дусы — надежные защитники. А самое главное, Мелейн теперь в безопасности, у нее есть пан ен и корабль.

Их корабль.

Ньюн подумал, что они многим обязаны этому землянину, слишком многим. Но он был рад, что Мелейн смирилась с этим и решила жить. Уступка Мелейн — не более чем проявление благодарности; именно поэтому ши'пан предоставила Ньюну общаться с Данканом. «Если ты думаешь, что он пригодится»,— сказала она и даже разрешила так перекроить бортовые сутки, чтобы искусственная ночь теперь наступала раньше. Самим мри регулярный сон не требовался, но Данкану он был необходим, а он, заботясь о них, измотал себя до полусмерти.

Сейчас Мелейн, должно быть, отдыхает или спокойно работает. Корабль летит, не требуя ничьего вмешательства. Путь далек, невообразимо далек. Бледная звездочка, что тлеет в центре экрана,— лишь временный ориентир. «Фокс» находится у самой границы системы звезды и ждет нового прыжка. От звезды к звезде. Так сказала Мелейн.

Они вновь совершили прыжок сквозь ночь, и опять бытие играло в чехарду с небытием, и твердое вещество струилось, как вода. Ньюн спокойно перенес все трудности, как и в прошлый раз, а Данкан, для которого это был далеко не первый прыжок, проснулся с диким воплем. Землянину стало плохо; обливаясь потом, он с трудом добрался до лазарета, где лежали наркотики. В конце концов он уснул и спит до сих пор. Ньюн старался не думать об это, решив, что Данкан просто устал. «Возможно, мри выносливее от природы,— думал он,— или же от подобной слабости их удерживает обыкновенный стыд». Сам он мучился от другого позора — от того, которому его подвергли регулы и земляне. Что же касается тела и чувств, то над ними он был вполне властен.

Как бы то ни было, у них с Мелейн есть корабль, и они летят, и их ведет пан'ен. Только это и придавало смысл жизни. Они — хозяева собственной судьбы. Это до сих пор не укладывалось в голове. Но ведь Мелейн предвидела это, она говорила, что так и будет. Тогда он ей не верил. Мелейн, его родная сестра, всего лишь сен,— вот в чем Ньюн действительно не сомневался. Для него Мелейн была одинокой, беспомощной женщиной, и чтобы защитить ее, он был готов на все.

Но для нее не существовало тайн.

Считалось, что лишь самые великие из Матерей, возглавлявших Народ, обладают даром пред-

видения. И его охватило чувство благоговейного трепета, когда он осознал, кто такая Мелейн, его родная сестра. Подумав об этом, Ньюн испугался: ведь они с ней одной крови, значит, и в нем кроется нечто такое, чего он не понимает, над чем не властен.

Она вела его домой.

Сама мысль об этом казалось дикой. Дом... а'ай са'мри, истоки Народа. Он, как и любой из мри, знал, что в незапамятные времена существовал иной мир, совершенно не похожий на цепочку удобных планет, считавшихся их родиной. Хотя в балладах говорилось, что Народ был рожден Солнцем. Всю свою жизнь Ньюн видел лишь красный диск Арайна; дисциплина никогда не позволяла келу усомниться в том, что ему внушали с детства. Существует Тайна, и касту, к которой принадлежит Ньюн, она не должна интересовать.

Дети Солнца, мри с золотистой кожей, бронзового цвета волосами и янтарными глазами. Никогда прежде Ньюну не приходило в голову, что в этой песне заложен намек на иной цвет солнца, и обычай странствующих по всей Вселенной келов сжигать своих погибших собратьев в пламени звезд, чтобы не достались мрачным земным недрам, стал ему теперь понятен.

Он рассматривал звезду, которая сияла перед ним, и мучился вопросом: куда они попали? Что это за космос, регульский, земной или чей-нибудь еще? Лишь те мри, чьи руки еще за несколько поколений до Кесрита вложили в пан'ен координаты этого места, смогли бы ответить ему. Лишь одно было ясно Ньюну: его соплеменникам довелось послужить и здесь. Так было еще до регулов; так было всегда. Келы нанимались защищать. Они были профессиональными воинами, и

Народ жил на их золото. Иного он и представить себе не мог.

Звезда за звездой...

Оставляя их позади, Народ уходил — уходил во Мрак, не допуская даже мысли о том, чтобы разделиться. И, уходя, он забывал все. Прежде Ньюн не понимал, что заставляло мри уходить с насиженных мест, но сейчас все стало на свои места. Пророчества ши'пан — вот что их вело всегда и всюду, был ли это полет к соседней звезде или просто в мглистый космос. Все это был Мрак; и, вступая во Мрак, они забывали покинутую звезду, забывали прежнюю службу. Они улетали к другому солнцу, находили другую службу, чтобы потом вернуться во Мрак и забыть обо всем. И так без конца.

А потом Народ прилетел на Кесрит, откуда Ньюн с Мелейн пустились в обратный путь. И служба регулам (по его подсчетам, сведения регулов об этом охватывали две тысячи лет) стала всего лишь промежуточным этапом.

Во Мраке начало, во Мраке конец, а меж ними Солнце. Но приидет Мрак. И во Мраке том конец каждого.

Десятки раз он пел ритуальную песнь, шон'джир, Песнь Уходящих, которая звучала при рождении и смерти, в начале и конце.

Он понял все, и от нахлынувших мыслей закружилась голова. Впереди ждало еще немало звезд, и каждая была солнцем для своих поколений мри... И у каждой эпохи была своя история, запечатленная письменами... Она должна была храниться до тех пор, пока не наступит время повернуть назад... Домой, к настоящему солнцу.

К истокам Народа.

К надежде (призрачнейшей из надежд), что там уцелели другие. Ньюн лелеял эту веру, хоть

разум твердил, что его, скорее всего, ждет безжизненная пустыня... Но после стольких лишений и неудач, обрушившихся на них с Мелейн, спасение выглядит невероятным, и они двое — последние из детей Народа, рожденные, чтобы увидеть конец всего. Он, молодой кел'ен по имени Ньюн — атма'ай, Страж Усыпальницы... не только своей Владычицы, но и всей расы.

И все же они свободны. И у них корабль.

«И может быть,— с трепетом думал он,— есть еще что-то, для чего мы рождены».

Лаская мягкий мех дуса, Ньюн смотрел на землянина. Вручив им корабль и свою жизнь, человек спал безмятежным наркотическим сном, на его лицо падал свет экрана. Ньюн погрузился в беспокойные размышления, постарался вспомнить все их разговоры и поступки, которые могли толкнуть землянина на столь отчаянный шаг. Вопреки жестокому прагматизму и обычаям Народа он, Ньюн, взял пленного; и вот теперь судьба Данкана сплелась с судьбами мри. Он похож на дуса, который, выбрав себе хозяина, будет ходить за ним по пятам или умрет от горя.

Впрочем, умирать от горя землянин явно не собирался. Сорок лет кел'ены пытались вызвать когонибудь из его сородичей на поединок, но земляне не сражались в одиночку и предпочитали оружие дальнего боя. И безжалостно уничтожали своих врагов. Сорок лет...

И вот земляне победили, и появился Данкан, и хотя мри обращались с ним довольно жестоко, открыл им глаза на присущее его расе милосердие. И они дали ему свободу, и сами последовали за ним, надеясь на лучшее.

«Глупость ци'мри»,— выругался про себя Ньюн.

И тут он вспомнил долгий и страшный сон, который видел каждую ночь и в котором всегда

присутствовал Данкан... В этом сне Ньюн сражался за свой рассудок, за свою жизнь, и Данкан был рядом с ним.

Искупление?

«Возможно, качества, отличающие Данкана, свойственны и другим землянам,— думал Ньюн.— Возможно, даже в этой войне земляне сохранили свою загадочную честь, и она не позволила им поступить по примеру регулов. Как будто им не пришлось заплатить за свою победу такую огромную цену, как будто после гибели Народа во Вселенной образовалась брешь, и земляне, ощутив ее, испугались и решили хоть как-то загладить свою вину.

У Мелейн и Ньюна свой путь, он не для ци'мри. Но если и могли они взять с собой чужого, то этим чужим мог быть только Данкан... с тех пор, как Ньюн держал его жизнь в своих руках, но не посмел оборвать ее.

«Ньюн, он же ци'мри,— убеждала Мелейн,— и что бы он ни сделал для нас, ему не место здесь, во Мраке».

«Мы же берем дусов,— возразил он,— а ведь они тоже принадлежат эпохе Перехода. Разве можно убивать тех, кто нам доверяет?»

Эти слова заставили Мелейн нахмуриться, ее ужаснула мысль об убийстве животных, ведь союз мри и дусов был старым, как Эдун Кесритун. В конце концов она отвернулась и кивнула.

«Ты не в силах превратить дуса в мри,— сказала она,— и я не думаю, что это получится с землянином. Ты лишь продлишь его мучения, озлобишь его и тем самым создашь лишнюю опасность. Но если твердо решил сделать его мри, так и быть, попытайся... Иначе нам придется совершить очень жестокий и страшный поступок».

— Данкан,— сказал Ньюн, заметив, что выражение лица землянина изменилось.— Данкан!

Открылись глаза; призрачный свет экрана превращал их в заполненные мраком колодцы. Медленно, будто все еще находясь во власти наркотика, человек сел. Он был обнажен по пояс, и безволосое тело выглядело непривычно и жутко. Наклонив голову, он пригладил взлохмаченные волосы, затем посмотрел на Ньюна.

— Данкан, пора вставать,— сказал Ньюн.— Ты плохо выглядишь.

Человек пожал плечами, и Ньюн понял, что хворь угнездилась не только в его теле, но и в душе. Это было вполне понятно.

— Нужно кое-что сделать,— произнес Ньюн.— Ты сказал, что на борту есть припасы.

— Да,— неохотно ответил Данкан, словно речь шла о чем-то неприятном.— Продовольствие, одежда, металлы — все это было на станции и предназначалось для мри. Я подумал, что вам оно может пригодиться.

— Одежда нужнее тебе.

Данкан подумал и кивнул. Он давно понял, что его открытое лицо действует мри на нервы. Достаточно давно, чтобы возникла привычка стыдиться.

— Я найду что-нибудь,— согласился он.

— Безотлагательно,— сказал Ньюн.— Потом принеси еды дусам и нам с тобой. Но пищу для госпожи я возьму сам.

— Хорошо.

Ньюн смотрел, как землянин облачается в голубую мантию. То был цвет катов, неподходящий для воина. Ньюн подумал о том, сколь огромны и в то же время ничтожно малы различия между мри и землянами, и над тем, какое бремя взвалил он на свои плечи. Сейчас не время подбирать Данкану одежду, сказал он себе. Есть дела поважнее.

Ньюн дождался, когда Данкан выйдет. Он даже не пытался встать — знал, что это будет нелегко, и не хотел срамиться. Потом все-таки встал с помощью дусов; прислонясь к стене, он тяжело дышал и ждал, когда ноги обретут способность двигаться. Пока что он не может сразиться с землянином и победить, и Данкан это знает... Но он побоится рассердить дусов, побоится спорить с Ньюном, побоится, воспользовавшись своим знанием корабля, подстроить мри ловушку и подчинить их себе.

Ньюн уже взялся за уничтожение землянина в Данкане.

«Когда он забудет, что он землянин,— сказала Мелейн,— когда он станет мри, тогда я посмотрю ему в лицо».

Данкан сам на это пошел. Ньюн был очень удивлен, ведь на месте землянина он бы предпочел смерть. И вырвал бы себе сердце, если бы под рукой не оказалось оружия.

Но когда Данкан наконец станет мри, он уже ни за что не согнется. Землянин уступчив потому, что он ци'мри, но уступчивость пропадет вместе с остальными ненужными качествами: наивностью и искренностью человека, которого знает Ньюн.

От этой мысли Ньюну стало не по себе. Как получилось, что этот ци'мри так размягчил их сердца и разум? Истоки худших бед всегда кроются в нерешительности, говорил он себе, в полумерах. Мелейн была против его затеи, и он изо всех сил надеялся, что дело тут не в ясновидении. Впрочем, если бы она предвидела несчастье, то сказала бы твердое «нет».

Осторожно, на подгибающихся ногах, он пошел в ванную и посмотрел на оставленные Данканом вещи. Все это должно исчезнуть. Когда на борту не останется ничего, что способно напомнить ему о землянах, Данкан сам забудет свое прошлое.

И если что-то невозможно изменить в землянине, лучше узнать об этом поскорее, чтобы вырвать с корнем... Старые кел'ены научили Ньюна воевать, но не научили быть жестоким. Он лишь мог быть беспощадным и не ждать пощады от врагов.

Он собрал все вещи Данкана, которые смог найти, и отнес их в лазарет, где, как он знал, находился утилизатор отходов. Бросая вещи в раструб, он почувствовал укол совести. Но было бы слишком жестоко требовать от Данкана, чтобы он сделал это сам. Ведь Данкан никогда бы не поступил так с Ньюном.

Покончив с этим делом, Ньюн осмотрел лазарет и нашел шкафчик. Из этого шкафчика у него на глазах Данкан доставал наркотики.

Дверь выдержала его рывок; пришлось разнести замок выстрелом пистолета. Он охапками бросал в утилизатор медикаменты ци'мри, а дусы сидели и следили за ним умными блестящими глазами. И вдруг они насторожились и встали. В дверном проеме появился Данкан.

Ньюн бросил в утилизатор последнюю охапку лекарств и лишь после этого посмотрел в лицо Данкана, чей гнев заставил дусов свирепо оскалиться.

— Тебе это не понадобится,— сказал Ньюн.

Данкан пытался одеться как мри: с сапогами и и'исином — нижней мантией — ему удалось справиться, но сайг — верхняя мантия — была расстегнута и вуаль он нес в руке. Ему еще ни разу не удалось как следует облачиться в наряд мри без посторонней помощи. На его обнаженном лице застыли гнев и отчаяние.

— Ты убил меня,— проговорил он срывающимся голосом, и Ньюн почувствовал жгучую боль. Он уже не был так уверен, что поступил правильно. Наверное, землянин все-таки не суме-

ет переломить себя, не станет мри. Дусы забились в угол и застонали, сбитый ими контейнер с грохотом упал со стола.

— Если твоя жизнь зависит от этих лекарств, то нашего пути тебе не выдержать,— сказал Ньюн.— Не бойся, Данкан, ты выживешь. Мы обходимся без медикаментов, и тебе они не нужны.

Данкан выругался. Ньюн спокойно смотрел на беснующегося ци'мри. Терпеливо ждал, когда тот умолкнет.

— Я так понимаю, что ты согласен,— сказал Ньюн.— Это корабль мри, кел Данкан. Ты станешь одним из Народа, как становится мри ребенок из касты катов. Я буду учить тебя, как учили меня, потому что другого способа не знаю. Если не научишься, я буду вынужден сразиться с тобой. Пойми, как понимали все мри, вступавшие в касту келов, что наш закон один для всех, от юноши до старика. Стоит лишь подумать о том, чтобы не подчиниться закону, как ты совершишь непоправимую ошибку. Так однажды было со мной. И если ты действительно решил стать кел'еном, ты выживешь. Точно такие же слова сказали мои учителя, когда я достаточно подрос, чтобы вступить в касту келов. Я знал двенадцать мри из своей касты, которые не выдержали испытаний, чьи лица так и не узнали сет'алов, ритуальных воинских шрамов. Может быть, ты тоже не выдержишь. Может быть, ты никогда не станешь таким, как я. Но не будь я уверен в тебе, ни за что бы не пошел на это.

Землянин молчал. Дусы громко сопели и беспокойно шевелились. На открытом лице Данкана появилось спокойное, безмятежное выражение — вот таким его знали звери.

— Хорошо,— сказал он.— И все-таки, Ньюн, без лекарств мне никак.

Страх. Ньюн по-прежнему ощущал его.

И когда Данкан ушел, Ньюн встревожился: неужто он в самом деле обрек землянина на смерть? Ведь он рассуждал как мри, он забыл, что чужие мышцы могут не выдержать нагрузок, к которым привычны мри.

Землянин нуждался в том, что запрещает закон мри. Но разве «запрещено» — это то же самое, что и «плохо»?

Впрочем, кела это уже не касается, его каста не вправе думать или задавать вопросы. Ньюн не решится даже по секрету сообщить об этом происшествии Мелейн, боясь, что его колебания возмутят ее.

И все же он очень надеялся, что Данкан не умрет из-за его бессердечия.

Поглощенный этими мыслями, он вдруг понял, что его желание сохранить Данкану жизнь коренится не только в чувстве справедливости. Дело было еще и в том, что корабль — это, по сути, летящий в безбрежном мраке Эдун, и Ньюн боялся, что в зале келов навсегда воцарится гробовая тишина.

Он подозвал дусов, успокоил их словами и поглаживаньем, и пошел искать Данкана.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Четыре дня. В памяти Данкана они остались расплывчатым пятном, мучительной неразберихой. Он работал, чтобы убить время, безжалостно изнурял себя, чтобы заснуть, едва добравшись до постели, и не видеть снов. Ньюн почти непрестанно упражнялся и больше не делал ничего, твердя лишь: «Я не носильщик тяжестей»; когда же Данкан намекал, что Ньюн неплохо поупражняется, если поможет ему, тот язвительно напоминал Стену, что за дусами нужен уход.

«За мной тоже»,— отвечал Данкан, но сдерживал готовое сорваться с языка проклятие. Мри не отличались особым терпением, они были готовы убить или умереть по малейшему поводу. Стен думал, что еще успеет урезонить Ньюна, заметно попритихшего из-за своей слабости. К тому же мри сейчас нелегко приходится — он очень плохо ориентируется в ситуации.

Дусы в уходе практически не нуждались, и когда Данкан заглянул посмотреть, не надо ли им чего, звери наградили его импульсом удовольствия, и он устыдился своей недавней неприязни к ним. Долго выдержать их чувства он не мог, а потому поспешил уйти.

Но Ньюну и этого было мало: он мучил Данкана вопросами и заставлял учить язык мри, из которого Данкан понимал несколько слов, да и то, если они сопровождались жестами. Ньюн свобод-

но владел языком землян, но иногда прикидывался, что ничего не понимает, пока Данкан не повторял фразу на языке мри.

«Умираю от голода»,— подмывало Данкана признаться, но он промолчал, поскольку было не время ссориться, и дусы, кружившие рядом, почувствовали его настроение и забеспокоились. Все-таки Ньюн добился своего.

«Во всем этом был свой смысл»,— размышлял Данкан позже, лежа на койке, тогда как мри предпочитал спать на полу. Ньюн боролся за то, чтобы идти своим путем, чтобы сохранить язык, который уже почти канул в вечность. Борьба эта была тихой, и велась она с Данканом, с тем, кто оказал мри огромную помощь, а теперь представлял собой огромную опасность для них. И от этой опасности не помогут избавиться ни оружие, ни воинская сноровка,— под силу это лишь жизни и смерти. Вот почему мри сейчас летят сквозь космическую мглу на «Фоксе», вот почему они не смогли бы выжить среди людей, вот почему Данкан настоял, чтобы Ставрос освободил их.

Эти создания никогда не идут на компромисс. Они — неисправимые ксенофобы. В отличие от человека. Человек способен приспосабливаться, как джо, что сливается с песком или камнем, и терпеливо ждет. Размышляя над этим, Данкан смотрел на мри. А тот спал, положив на дуса не закрытую вуалью голову — чего ни за что бы не сделал рядом с врагом.

Человек, как и джо, легко приспосабливается к окружающей среде, к обстоятельствам. Мри — умирает, свернув со своего пути. А значит, у Ньюна должен оставаться свой путь.

Утром Данкан приступил к своим обязанностям, изо всех сил стараясь не перечить Ньюну, и

так далеко зашел в этом, что спросил, чем еще он способен помочь.

Взгляд янтарных глаз обежал каюту. Указав пальцем, Ньюн сказал:

— И'нэй. Ай.— Убери все это.

Данкан глянул в направлении пальца, тяжело вздохнул и принялся за работу. За минувшие дни корабль выстыл, бортовой воздух стал сух и холоден, как на Кесрите. Данкан радовался, что носит теплую мантию мри, которую надевал мехом наружу. Теперь он знал, как обращаться с вуалью и когда ее следует носить; он изучил слова и этикет, и мимику мри, и расстался со своими привычками.

Порой, когда, несмотря на все усилия, дело угрожало зайти в тупик, у Ньюна опускались руки, он отворачивался и закрывал лицо вуалью. На некоторое время воцарялось молчание, но затем вновь приходили слова.

Ньюн перечислил все, чего он не одобрял: предметы роскоши, с которой он путал уют. Предметами роскоши считалась любая мебель. Данкан спокойно расстался с немногими последними вещами — они и впрямь казались лишними, их утрата — ничто по сравнению с жалким прозябанием, которое ему предстояло. Когда все «ненужное» было выкорчевано и выброшено, интерьеры корабля явно проиграли,— что ж, хоть какая-то месть тем, кто отправил Данкана в этот полет. Подобные просьбы Ньюна он исполнял сначала с негодованием, затем — с мрачным удовлетворением. Он «очистил» все отсеки, куда смог проникнуть; все, что мри счел лишним, отправилось частью в грузовой отсек, где хранились полезные металлы, частью в утилизатор. Потом пришел черед оборудования, в том числе медицинского, и всех товаров в гру-

зовом отсеке, без которых можно было обойтись.

Это было безумие... Данкан ему отдался самозабвенно, искал, что бы еще выбросить, наслаждался процессом разрушения, превращения корабля в пустую скорлупу, где ничто не сможет напомнить ему о Ставросе, о человечестве, обо всем, чем он пожертвовал, чтобы оказаться здесь. Чем больше потеря, тем слабее чувство утраты...

От лабораторий почти ничего не осталось — демонтаж начался еще на станции, где научное оборудование сочли ненужным для предстоящей миссии «Фокса». А то, что удалось спасти тогда Стену, уничтожил Ньюн. Данкан вынес все, вплоть до кронштейнов, вычистил с помощью химикалий полы и стены — короче говоря, все сделал как надо, ведь этот отсек — самый большой на корабле — Ньюн отвел для келов, то есть для себя и землянина.

Теперь Данкан спал на подстилке не толще одеяла. От холода он часто просыпался; возвратился кашель. Он все чаще задумывался о здоровье, с тоской вспоминал лекарства от разных болезней, которые безжалостная рука Ньюна отправила в утилизатор.

* * *

В этот день Ньюн смотрел на него с сочувствием и не напоминал об обязанностях, даже сам готовил пищу и заботился о дусах. Мри легко переносил холод и разреженность воздуха, он поправлялся на глазах, поступь сделалась ровной и твердой, он уже не так быстро уставал.

— Отдыхай,— сказал Ньюн, когда Данкан изъявил готовность заступить на вахту.

Данкан пожал плечами и заявил, что без него машины работать не будут. Он не преувеличивал, но все-таки дело было в другом: его приводила в ужас сама мысль о безделье, бесконечном сидении в пустой раковине, которую теперь — его стараниями — являла собой лаборатория, да и остальные отсеки корабля. Чем еще занять руки и разум, если даже все книгофильмы и музыкальные записи Ньюн отправил в утилизатор?

Но спорить Данкан не стал и вернулся в лабораторию, в безликую белую пустоту, и устроился в углу, где по крайней мере их с Ньюном убогие ложа дарили иллюзию определенности, уюта... Отодвинув свою подстилку, он царапал на полу фигурки или решал сложные навигационные задачи, чтобы хоть чем-то заполнить беспредельный досуг. Или смотрел на экран с застывшими звездами — все, что осталось от лабораторного оборудования. И мечтал о человеческих голосах... Шепот воздуха в трубах и ровный гул машин в недрах корабля были им плохой заменой.

Вот и все, что у него осталось.

Вот и все...

Ньюн в тот день вернулся поздно — наверное, был у Мелейн, в той части корабля, куда Стену путь был заказан; даже дусы, ни на шаг не отходившие от Ньюна, где-то пропадали. От нечего делать Данкан нашел кусок металла и нацарапал рисунок на полу возле своего ложа, потом с мрачным юмором подсчитал, сколько минуло бортовых суток со дня старта и со страхом подумал, что недалек тот час, когда он навсегда потеряет счет времени.

Девять дней, целых девять дней. Хотя даже в этом он был не вполне уверен.

Он стал рисовать новую цепочку фигурок, стараясь не думать о пробелах в памяти. Напротив, ища забвения.

Подумалось, что он, в отличие от джо, не умеет маскироваться. Но и джо в этой стерильной коробке не нашел бы себе места. Он бы почернел, как то жалкое создание, которое Стен видел в лаборатории Боаз,— тот зверек лихорадочно менял цвета, пока не принял совершенно противоположный фону. Чистое самоубийство... А может, джо в самом деле хотел умереть?

Данкан заставил себя не думать об этом, но образ черного крылатого создания в серебристой клетке возвращался вновь и вновь. Немудрено, ведь он сам тоже сидел в углу пустой комнаты с белыми стенами.

Девять дней.

* * *

На десятый, в полдень, Ньюн вернулся раньше обычного, отвел дусов в дальний угол комнаты, снял вуаль, уселся, скрестив ноги, на полу и, немного отодвинувшись от Данкана, посмотрел ему в лицо.

— Ты слишком много сидишь,— сказал Ньюн.

— Отдыхаю,— не без горечи ответил Данкан. Ньюн показал два металлических тонких стержня, каждый не длиннее кисти руки.

— Ты должен играть в шон'ай,— произнес Ньюн. Именно эти слова. А ведь мог бы сказать: «Я хочу научить тебя» или «Не желаешь попробовать?»

Данкан нахмурился — он не знал, как следует на это реагировать. Обычно Ньюн хранил суровое молчание, но сейчас он предлагал развлечение. Данкан заинтересовался. Возможно, их отношения вновь станут дружескими и удастся

поговорить с кел'еном по душам, как тогда, в пустыне?

Все, что угодно, только не эта проклятая тишина...

Он пошевелился на ложе, осторожно принял ту же позу, что и Ньюн: ноги подобраны, руки на коленях. Ньюн правой рукой показал, как удержать стержень за кончик.

— Надо поймать.— Ньюн бросил стержень в Данкана, как метательный нож. Данкан встрепенулся и поймал стержень. Поймал ладонью, а не пальцами, и торец стержня оцарапал ее.

Следом полетела вторая железка, брошенная левой рукой Ньюна. Данкан схватил стержень, но не удержал. Мри показал ему пустые руки.

— Оба разом.

Это было трудно. Чрезвычайно трудно. Руки Данкана огрубели от работы, где им до проворства тонких пальцев Ньюна, которые никогда не промахивались, хватали даже неловко брошенные стержни и возвращали почти под тем же углом и с той же скоростью — по одному, пока Данкан не освоил наконец трудные перехваты, а потом — вместе.

— Мы называем это шон'ай,— сказал Ньюн.— Шон'ай — значит переход. На твоем языке получается «Игра Перехода». Ее воспевает Народ; каждая каста играет по-своему.— Он говорил, с кажущейся небрежностью действуя руками; стержни знай себе летали туда и обратно; пальцы Данкана хватали их уверенней, чем прежде.— У Народа три касты: сены, каты и келы. Мы — келы, носим черные мантии. Мы сражаемся. У сенов, ученых,— желтые одеяния, у Матери — белое. Каты — женщины, не принадлежащие ни келам, ни сенам,— носят голубые мантии. Дети — тоже каты, пока не выберут себе касту.

Данкан не успел поймать стержень. Тот ужалил в колено, загремел по полу. Стен потер колено и возобновил игру: туда и обратно, туда и обратно, по очереди с Ньюном. Трудно было при этом слушать, но он рискнул еще и говорить.

— А мужчины? — спросил он.— Те, кто не кел и не сен?

Ритм не прерывался.

— Умирают,— ответил Ньюн.— Если не можешь быть келом или сеном, если боишься, значит, ты должен умереть. Некоторые гибнут в шон'ае. Сейчас мы играем жезлами, как сены. Келы играют оружием.— Он бросал все сильнее, резче.— Вдвоем это легко. Втроем — уже труднее. Чем шире круг, тем сложней игра. Я играл в круге из десяти. Когда участников намного больше, все зависит от воли случая, от везения.

Стержни полетели стремительно. Данкан резко вскинул руки. Тот, что несся прямо в лицо, удалось отбить, но не поймать. Другой стержень оказался в его руке. Игра оборвалась.

— Левая у тебя слабовата,— сказал Ньюн.— Но ты не боишься. Смелость — это хорошо. Необходимо приобрести сноровку, прежде чем я познакомлю тебя с йин'ейн, древним оружием. Захен'ейн — современное — ты знаешь не хуже меня. Но йин'ейном начинается с шон'ая. Бросай.

Данкан бросил. Ньюн легко перехватил стержни одной рукой и послал обратно. Данкан изумленно заморгал — где ему тягаться с этим фокусником?!

— Пора отдохнуть,— сказал Ньюн.— Мне не нужны твои промахи.— Он заткнул стержни за пояс.— Настало время побеседовать. Я нечасто буду говорить на твоем языке — мне приказано его забыть. И тебе, между прочим. Ты знаешь несколько слов на му'ара, просторечии; даже их

ты должен вычеркнуть из памяти, оставив лишь хол'эйри, высший язык. Закон требует, чтобы мри, вступая во Мрак, забывали все, что было во время Перехода. И му'ара, как детище Перехода, тоже обязан умереть. Так что не путайся. Некоторые предметы обозначаются двумя словами, на му'ара и хол'эйри, и ты должен забыть даже слово «мри».

— Ньюн!— Данкан протестующе поднял руку.— У меня слишком маленький запас слов.

— Ты выучишь хол'эйри. Времени достаточно.

Данкан нахмурился, посмотрел на мри исподлобья и осторожно задал вопрос, который созрел уже давно:

— Достаточно — это сколько?

Ньюн пожал плечами.

— Владычица знает? — спросил Данкан.

На глазах Ньюна опустились и поднялись перепонки.

— У тебя все еще душа ци'мри.

От подобных ответов недолго и спятить.

Стен водил пальцем по нацарапанному на полу рисунку, и тут вдруг его остановила рука Ньюна. Данкан обиженно стряхнул ее, сверкнул глазами.

— И еще кое-что,— сказал Ньюн.— Кел'ен не читает и не пишет.

— Я пишу и читаю.

— Разучись.

Данкан внимательно посмотрел на него.

Ньюн закрыл лицо вуалью и поднялся с такой грацией, будто всю жизнь только этим и занимался. Еще несколько дней назад у него бы это не получилось. Данкан, вставший, чтобы заглянуть ему в лицо, сделал это куда менее изящно.

— Послушай...— заговорил он.

И тут взвыла сирена.

На мгновение Данкана охватил страх. Но тотчас отхлынул. Просто они подошли к точке очередного прыжка. Дусы это уже поняли. Излучаемые ими страх и отвращение затопили каюту, как морской прилив.

— Яй! — крикнул Ньюн, чтобы успокоить животных. Подойдя к двери, он взялся за ручку. Данкан поискал опору на другой стороне каюты, изображая спокойствие, которого на самом деле не испытывал; у него все внутренности сжались от страха. И ни наркотиков, ни снотворного... Только живой пример хладнокровия и выдержки — Ньюн. Не будь его рядом, Данкан сполз бы на пол и свернулся в клубок.

Сирена умолкла, зато раздался зуммер. Курсовая лента все разматывается, подумал Стен. Бортовая автоматика сообщила экипажу, что «Фокс» переходит в режим прыжка. А экипаж даже не знает, где находится.

По-прежнему на экране одиноко висела безымянная желтая звезда. И ни единого корабля в зоне сканирования. Вообще ничего.

Неожиданно возникло знакомое чувство неопределенности; стены, пол, время, вещество обрели текучесть, зарябили, сморщились. Тотчас этот процесс двинулся вспять, но было уже поздно: ощущение громадной потери заполнило мозг. Необратимое превращение — что может быть страшнее? Но стены вновь стали твердыми. К рукам вернулась чувствительность. Восстанавливались дыхание и зрение.

А зуммер не унимался. Автоматика по-прежнему считала, что корабль находится в режиме прыжка.

— Похоже, авария! — прокричал Данкан. Он увидел непривычный страх во взгляде Ньюна. Мри

что-то крикнул (Данкан разобрал лишь слово «Мелейн») и убежал.

Чувства дусов затопляли каюту. Все вокруг снова начало таять и рябить; желудок судорожно сжался, как будто Стен падал с огромной высоты и знал, что разобьется насмерть. Данкан прирос к месту, всеми фибрами души мечтая потерять сознание. Переборки каюты растаяли...

И появились вновь.

Звонок не умолкал, и деформация началась в третий раз. Рядом дус излучал ужас. Данкан закричал, разжал пальцы и упал на животных, слился с ними в единое целое: звериный разум, звериные чувства и этот проклятый звон... Рябь возникла вновь и опять исчезла... и еще раз... и еще... и еще.

* * *

Данкан ощутил под собой твердый пол и окунулся в свет, такой непривычный после мрака бездны, в которой он тонул целую вечность.

Он вскрикнул и почувствовал тепло лежащих рядом зверей. Они были спокойны, им было хорошо. Непостижимые разумы, нечеловеческая логика... Как бы то ни было, дусы помогли ему выдержать пытку. Слившись с ним воедино, спасли от безумия. На какое-то время Стен забыл о том, что он человек, и позволил дусам проникнуть в его ум. Рука потянулась, чтобы обнять мощную шею, а в ответ он получил тепло и удовольствие. Но внезапно Стен осознал, что случилось, и выругался, отталкивая животных. Дусы отодвинулись, и он вновь стал самим собой.

Он рывком поднялся на ноги и, шатаясь, направился к двери. Но, как только схватился за ручку, ноги подкосились, а пальцы ослабли — он не удержался. Ему показалось, что пол — это стена,

и желудок хотел вывернуться наизнанку, но сил не было даже на это.

Он лежал на спине и не знал, чего хочет больше — прийти в себя или потерять сознание. Дыхание запирало, кружилась голова. Дусы забились в дальний угол, подальше от него. С той стороны исходил только страх.

Вернулся Ньюн (Данкан не знал, сколько времени он отсутствовал) и сел рядом, опустил закрытое вуалью лицо на сложенные руки. Данкан по-прежнему лежал на боку, жадно хватал ртом воздух.

— С Мелейн все в порядке,— проговорил Ньюн на языке землян. Только это и понял Данкан, хотя мри сказал что-то еще.

— Что произошло? — выдавил Стен, и это усилие стоило ему позыва к рвоте. Но мри только пожал плечами.— Ньюн, где мы?

Но Ньюн ничего не сказал. Возможно, сам ничего не знал либо опять взялся за свое — притворился, что больше не понимает языка землян.

Данкан выругался; желудок сжался в комок, вызвав долгожданную рвоту. Стен не мог пошевелиться, даже наклонить голову. Прошла целая вечность. Наконец Ньюн вскочил с плохо скрываемым отвращением, принес влажные полотенца, вытер пол и лицо Данкана. От его прикосновений и поднятия головы Стена опять вырвало, на этот раз слабо, и Ньюн, оставив его одного, устроился в другом конце каюты, но у Данкана на виду.

Немного погодя подошел один дус, обнюхал Стена и послал импульс тепла. Данкан с трудом поднял руку и шлепнул зверя. Тот с испуганным и негодующим рыком отпрянул в сторону, излучая такое смятение, что землянин громко

закричал. На другом конце каюты Ньюн поднялся на ноги.

И снова зазвучала сирена... и зуммер.

Все растаяло.

На этот раз Данкан не хватался за стену — хоть какую-то опору. Не искал иллюзорного укрытия. Он оставил все как есть. Когда все закончилось, он лежал на полу, содрогаясь от рвоты, и всхлипывал, хватая ртом воздух и скребя пальцами неподатливый пол.

Дусы вернулись, обдали его теплотой. Он судорожно пытался вздохнуть, но сил уже не было, и тут что-то легло на грудь и вдавило воздух внутрь. Рука Ньюна стиснула его плечо и встряхнула с такой силой, что в глазах померк свет. В темноте остался лишь один различимый силуэт — мри. Глядя на него, Данкан жалобно всхлипывал.

* * *

Утром он снова был спокоен, хотя это давалось нелегко. Мышцы конечностей и живота время от времени сводила судорога, и он ничего не мог с этим поделать. При воспоминании, как он вчера упал и пролежал пластом весь остаток дня, Данкана охватывал невыносимый стыд... А как он опозорился днем раньше, когда сидел, скорчившись, в углу, а по лицу горячими ручьями текли слезы — без всяких причин, только потому, что он не мог их остановить?

В то утро Ньюн не снимал вуали, не сводил с Данкана янтарных глаз и хмурился. Вложив в дрожащую руку Данкана чашку соя, осторожно приблизил ее к губам землянина. Горьковатая жидкость наполнила желудок приятным теплом. Снова брызнули беспричинные слезы. Стен пил медленно, держа чашку, как ребенок, обеими рука-

ми, и слезы текли по щекам. Он заглянул в глаза мри и увидел холод и сдержанность. Взгляд этот, казалось, говорил: «Между нами нет ничего общего».

— Надо ходить,— сказал Ньюн.— Я тебе помогу.

— Нет! — процедил Данкан с такой злостью, что мри решил оставить его в одиночестве. У двери он оглянулся. Похоже, слабость Данкана не вызывала у него никаких чувств, кроме презрения.

В то утро даже дусы излучали недоверие к землянину. Пересекая каюту, старались держаться подальше; они с трудом переносили его присутствие. Возвратясь, Ньюн устроился в противоположном углу каюты. Он успокаивал дусов и не сводил со Стена равнодушных глаз.

Ночью случился очередной прыжок, а потом еще один, и Данкан вжимался в свой угол, скрежетал зубами, борясь с дурнотой, а потом вообще перестал воспринимать окружающее, и в памяти остались зияющие дыры. Утром, движимый отвращением к самому себе, он нашел в себе силы выйти, шатаясь, из угла, чтобы умыться, а потом дать немного пищи сведенному судорогой желудку.

Ньюн смотрел на него и хмурился. «Ждет,— подумал Данкан,— когда я умру или избавлюсь от слабости». Данкану казалось, что он чувствует презрение мри. Опустив голову на руки, Стен лихорадочно размышлял, как ему взять на себя управление кораблем, прежде чем какая-нибудь неисправность погубит их всех. Отвезти бы мри куда глаза глядят, где землянам будет вовек их не найти...

Но такая задача была ему не по силам, и в минуты просветления он это понимал. Мри могли

уцелеть — как, впрочем, и корабль. Какое-то время он был одержим мыслями о самоубийстве, но потом в измученном мозгу промелькнуло воспоминание, что все наркотики выброшены.

В конце концов Ньюн поднялся и долго вглядывался в его лицо.

— Ци'мри,— сказал он.

Презрение в голосе обжигало. Ньюн пошел прочь, и возмущенный Данкан нашел в себе силы изгнать из головы туман и встать. Сразу накатила дурнота, но на этот раз он успел добраться до гальюна, а потом, смахивая ресницами слезы с глаз, умыл лицо и попытался совладать с дрожью конечностей.

Он вернулся в каюту и попробовал ходить из угла в угол. Но когда дошел до середины, в голове снова помутилось, и он потерял равновесие. Из последних сил рванулся к стене, протягивая руки, упал на колени, прислонился к стене виском.

Ньюн стоял рядом, лицо закрывала вуаль. Казалось, он недоумевает.

— Ты был кел'еном,— сказал наконец Ньюн.— Кто же ты теперь?

Данкан хотел сказать что-то в ответ, но слова застряли в горле. Ньюн подошел к своему убогому ложу и уселся, Данкан тоже сел на жесткий твердый пол. Надо встать и идти, доказать Ньюну, что он заблуждается на счет землянина... Не было сил. Ньюн убивал его своим презрением. Данкан вспомнил о времени, попытался сосчитать, сколько дней он провел в таком состоянии, ничего не соображая...

— Вопрос,— сказал Данкан на хол'эйри.— Сколько дней... сколько дней прошло?

Он не рассчитывал на ответ. Он приготовился к угрюмому молчанию или злой отповеди.

— Четыре,— тихо сказал Ньюн.— Ты болен уже четыре дня.

— Помоги мне,— вымолвил Данкан, с трудом открывая рот.— Помоги встать.

Мри молча поднялся, приблизился, взял за руку, помог встать и пойти. Опираясь на него, Стен смог двигаться. Он старался привести в порядок свои чувства, пытался их обмануть. Он убедил Ньюна пойти вместе с ним в обход их сектора — это привычное дело, оно должно помочь.

Он часто отдыхал; мускулы были по-прежнему скованы судорогой. На следующее утро он начал все сначала, и на следующее... Он твердо решил, что очередной прыжок не превратит его в кусок слизи.

Прыжок состоялся через несколько дней, и на этот раз Данкан держался на ногах, вцепившись в поручень и борясь с тошнотой. Немного погодя он решил пройтись по каюте, и это удалось; потом, задыхаясь, он добрался до своего ложа.

«А ведь я мог бы позволить им умереть,— думал Стен, и в нем поднималась горечь.— А сам бы остался в комфорте и безопасности». Он ненавидел Ньюна за его способность легко переносить прыжки, за парадоксальную установку сознания, которая позволяла телу выдержать долговременные пребывания в подпространстве.

Понимал ли Ньюн его чувства? Как бы то ни было, он снисходил до разговоров с Данканом. Сидя рядом с землянином, мри произносил длинные монологи на хол'эйри. Иногда он пел монотонные песни и настаивал, чтобы Данкан повторял их, заучивал наизусть. Стен нехотя подчинялся — лишь бы его оставили в покое. И вновь — бесконечные вереницы имен, дат и слов, которые ничего не значили для него. Все это его не интересовало, даже

жалко было мри, который наполнял историей, мифами своей расы столь ненадежный сосуд. Битва выиграна, но слишком дорогой ценой; Данканом овладела безнадежность, как будто он сорвался в пропасть и внизу его не ждет ничего, кроме страшного конца. Его часто мучила рвота, конечности слабели; он стал худым, как мри, и совсем немощным.

— Я умираю,— сказал он Ньюну, когда узнал это слово на языке хол'эйри.

Ньюн печально посмотрел на него и снял вуаль, это означало намерение поговорить откровенно. Но Данкан предпочел оставить вуаль на лице.

— Хочешь умереть? — спросил Ньюн с глубоким уважением в голосе. На мгновение Данкана охватил страх, он решил, что мри немедленно поможет ему с этим. Совершенно таким же тоном Ньюн спрашивал: «Хочешь пить?» — и сразу приносил чашку воды. Данкан долго подыскивал слова.

— Я хочу лететь с вами,— сказал он.— Но я не могу есть. Я не могу спать. Нет, я не хочу умереть. Но умираю.

Ньюн сдвинул брови. Мигнул. Протянул изящную золотистую руку и коснулся обшлага Данкана. Странное движение. Но Стен уже достаточно изучил мри, чтобы понять его смысл. Жест сострадания.

— Не умирай,— серьезно попросил мри.

Данкан едва сдерживался. В груди набухали рыдания.

— Мы должны играть в шон'ай,— сказал Ньюн.

Безумие! Данкан хотел отказаться, у него дрожали руки, и он знал, что будет промахиваться. Лучшего способа покончить с собой не придумаешь. Но мягкий тон Ньюна сулил другое: друж-

бу, занятие на долгие часы. Играя в шон'ай, нельзя думать ни о чем постороннем.

Пять дней прошли без прыжка по соседству с красной звездой. Пять дней они играли в шон'ай, беседовали и не прятали лиц под вуалями. Шон'ай сопровождался песнопениями, руки отбивали ритм — так играть было еще труднее. Но Данкан научился, и теперь, даже засыпая, он чувствовал этот завораживающий ритм, который завладевал всем разумом. И впервые за много-много ночей он спал глубоким сном, а утром поразился своему аппетиту.

На шестой день, совсем рядом со звездой, ритм игры намного ускорился, но Данкан легко терпел боль ушибов. Он уже умел обходиться без сострадания Ньюна.

Еще дважды его больно ударил стержень: один раз Стена подвели нервы, а другой — злость. После первого удара он разозлился и бросил жезл, нарушив правила игры. Ньюн поймал и вернул стержень с такой ловкостью, что Стен растерялся. Во второй раз он понял, что поддаваться страху или гневу просто-напросто опасно, это может привести к травме или проигрышу.

Он заставил себя сосредоточиться и играть всерьез. Недалек тот час, когда они сменят стержни на острую сталь келов. Когда у него накопилось достаточно слов, он спросил:

— Почему, играя, вы раните своих братьев?

— В шон'ай играют, чтобы заслужить жизнь,— ответил мри.— Чтобы постичь путь Народа. Один бросает, другой ловит. Мы играем, чтобы заслужить жизнь. Мы бросаем. Когда руки пусты, мы ждем. И учимся быть сильными.

В игре был порог страха, и те, кто ступал на него, знали наверняка, что пощады не будет. Только что ты ловил и бросал ас'еи в привычном,

посильном темпе, и вдруг ритм ускорился, и ты чувствуешь: не поймать, не спастись! В такие мгновения страх сковывает мышцы и обрывается вспышкой боли.

— Играй, чтобы заслужить жизнь,— сказал ему Ньюн.— Бросай ее и лови.

Стен долго раздумывал обо всем этом и понял наконец, почему шон'ай доставляет мри такое огромное наслаждение.

И он впервые познал своего рода умопомрачение, которое позволяло мри не только выжить в прыжках, но и наслаждаться чудовищными ощущениями, которыми они сопровождались.

«Фокс» прыгал еще дважды, и Данкан спокойно ждал, когда раздастся зуммер и начнет таять реальность. Он наблюдал за мри, зная, о чем думает стоящий перед ним кел'ен... умея расслабляться и целиком отдаваться ритму игры. Ничего не бояться, куда бы ни бросало корабль.

Он оглушительно хохотал, когда «Фокс» выходил из второго прыжка. В планетарной разведке его учили выживать. По сути, тем же самым он занимался и в игре, но выглядело это совершенно иначе: беззаботное умопомрачение. Что есть пресловутое мужество мри, как не беззаботное умопомрачение?

Кел'ен...

Опять он что-то потерял. Что-то дорогое... Но чувство утраты было смутным, ведь он уже столько всего швырнул в забвение.

Ньюн помалкивал, оценивающе глядя на него, и Стен встретил этот взгляд твердо, хотя был все еще не в силах избавиться от ощущения утраты. Один из дусов, детеныш, обнюхал его руку. Стен отдернул ее, отвернулся под укоризненным взглядом Ньюна и пошел в свой угол. В поступи его

была уверенность, которой он на самом деле не испытывал.

Ставрос отправлял в открытый космос совсем другого человека.

Данкан опустился на свое спартанское ложе и взглянул на календарь, который он начал выцарапывать на полу и очень скоро забросил. Прошлое уже не играет роли. Важно другое: теперь у него достаточно времени, чтобы по-настоящему все забыть.

Забыть письменность, человеческую речь, Кесрит. В его прошлом имелись пробелы, хватало их и в настоящем — взять хотя бы те ужасные, заполненные бредом часы... А иногда его память выкидывала фокусы и почище. Порой Стену являлись образы слишком странные для этого корабля, для этого долгого путешествия.

Но Мрак, о котором говорил Ньюн, проглотит все, ибо в нем не существует меры, направления и причины.

Тем же самым куском металла, которым Данкан чертил календарь, он соскоблил все записи.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОИНЫ ЗАКАТА

КЕСРИТ

Глава первая 7
Глава вторая 20
Глава третья 33
Глава четвертая 50
Глава пятая 58
Глава шестая 67
Глава седьмая 78
Глава восьмая 97
Глава девятая 110
Глава десятая 120
Глава одиннадцатая 129
Глава двенадцатая 145
Глава тринадцатая 165
Глава четырнадцатая 178
Глава пятнадцатая 185
Глава шестнадцатая 205
Глава семнадцатая 214
Глава восемнадцатая 221
Глава девятнадцатая 240
Глава двадцатая 251
Глава двадцать первая 263
Глава двадцать вторая 280
Глава двадцать третья 290

ШОН'АЙ

Глава первая 307
Глава вторая 340
Глава третья 366
Глава четвертая 377
Глава пятая 389
Глава шестая 399
Глава седьмая 414
Глава восьмая 430
Глава девятая 445
Глава десятая 457
Глава одиннадцатая 468

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140,
АСТ — "Книги по почте".

Литературно-художественное издание

Кэролайн Черри

ВОИНЫ ЗАКАТА

Перевод с английского *Геннадия Корчагина*

Ответственный редактор *Игорь Петрушкин*
Художественный редактор *Елена Иванова*
Обложка *Сергея Шикина*
Художник *Кирилл Рожков*
Верстка *Екатерины Пеняевой*
Корректор *Вера Чаленко*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.08.97.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская. Гарнитура «Школьная»
Печать офсетная Усл. печ. л. 26,04. Тираж 10 100 экз.
Заказ 394.

Издательство «Северо-Запад»
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д 16, корп 3.

Для писем. 197110, Санкт-Петербург, а/я 171.
E-mail. sevzap @infopro.spb su

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27 08 97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79

"SCIENCE FICTION"

Издательство «Северо-Запад»
представляет
ЛУЧШИЕ КНИГИ ЗАРУБЕЖНОЙ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Вас ждут встречи
с загадками исчезнувших цивилизаций,
удивительными научными открытиями,
неведомыми мирами далеких галактик.

Вышло уже 40 томов.
Не пропустите новые книги!

Готовятся к выходу книги:

С.Дилени «Драгоценности Эптора»
Б.Олдисс «Река обреченных»
Г.Бир «Туннель миров», «Зов вечности»
Э.Ф.Рассел «Безумный мир»
К.Керр и Дж.Крейгбаум «Дворец»

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

"SCIENCE FICTION"

СЭМЮЕЛ

ДИЛЕНИ

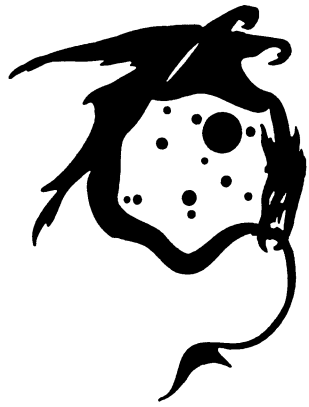
ДРАГОЦЕННОСТИ ЭПТОРА

Поэтичность и изысканность стиля — вот визитная карточка этого классика американской «новой волны» в научной фантастике. Герои романа пускаются на поиски загадочного талисмана в постъядерном мире, полном странных существ и сверхъестественных сил...

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Присылайте ваши предложения
и отзывы о серии

"SCIENCE FICTION"

по адресу:

197110
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
А/Я 171

или
по электронной почте:

sevzap@infopro.spb.su

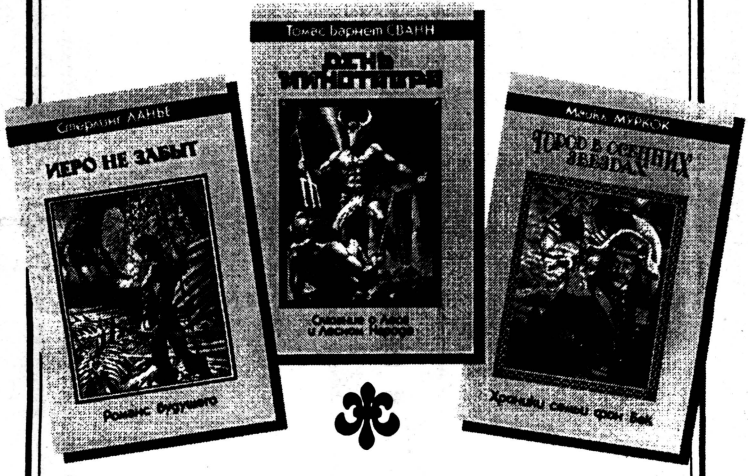
fantasy

Издательство «Северо-Запад» представляет серию «fantasy»

Каждая новая книга этой серии — волшебное полотно, на котором чудесными нитями мифов вытканно повествование о борьбе с силами Хаоса и Тьмы.

В серии «fantasy» вышли книги:

С. Ланье «Иеро не забыт»
Т. Сванн «День Минотавра»
М. Муркок «Город в осенних звездах»

Готовятся к выходу книги:

Л.С. де Камп «Кольцо Тритонов»
Б. Ламли «Воин древнего мира»
Р. Сильверберг «КнигаЧерепов»
Г. Бир «Концерт бесконечности»

Впервые в России!

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

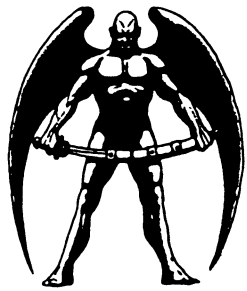
МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»

РОБЕРТА ГОВАРДА

ВЫШЛИ В СВЕТ СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:

• Черный камень •
• Ночь волка •
• Гончие смерти •
• Проклятие океана •
• Клинок судьбы •
• Железный кулак •

ЧИТАЙТЕ

ПЕРВЫЕ ДВЕНАДЦАТЬ ТОМОВ СЕРИАЛА

«ХРОНИКИ РИЧАРДА БЛЕЙДА»

ТОМ 1
«Миддорский оборотень»

ТОМ 2
«Нефритовая страна»

ТОМ 3
«Стальное сердце»

ТОМ 4
«Ветры Катраза»

ТОМ 5
«Раб Сармы»

ТОМ 6
«Тварь в лабиринте»

ТОМ 7
«Край Вечных Снов»

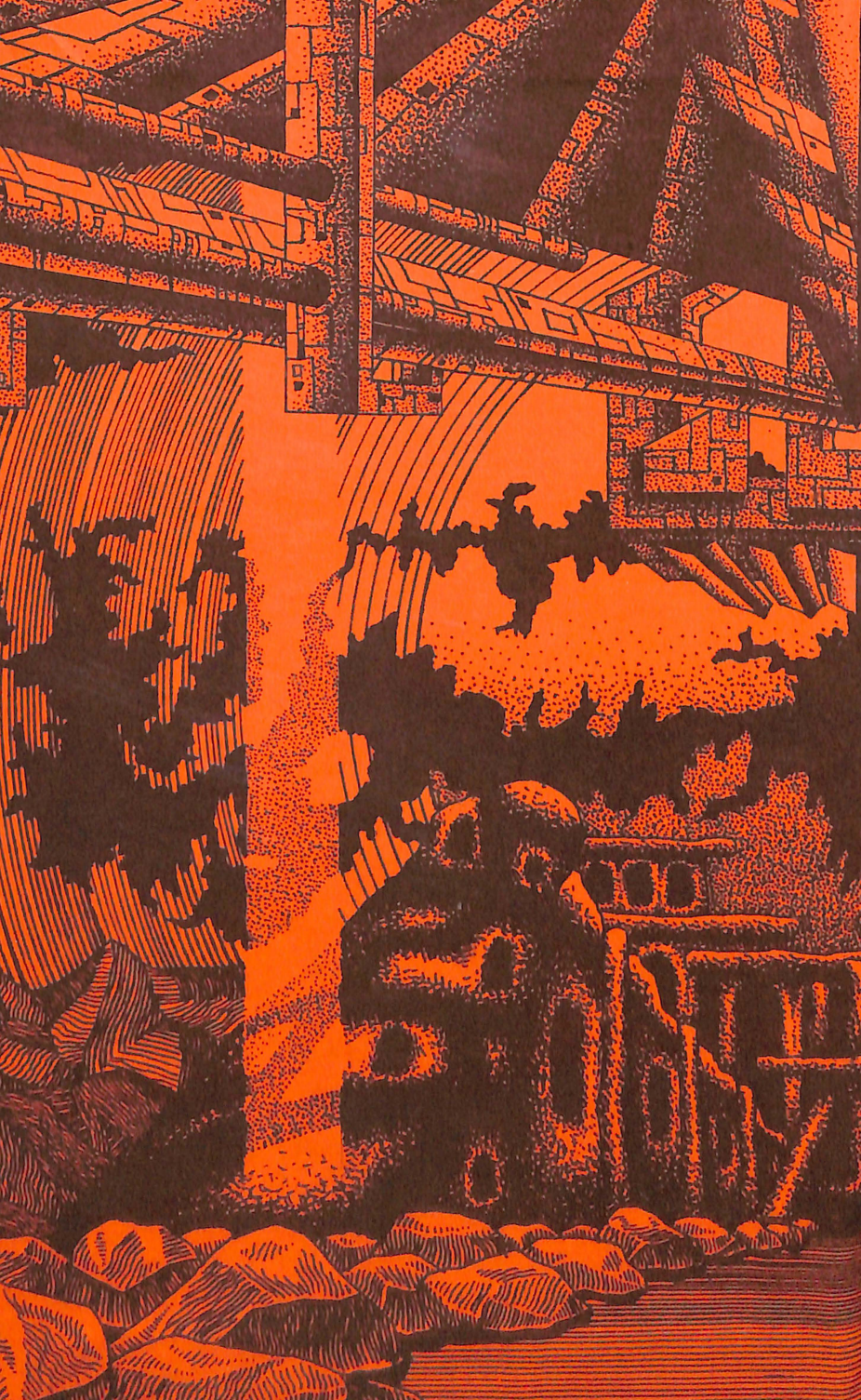
ТОМ 8
«Золотой скакун»

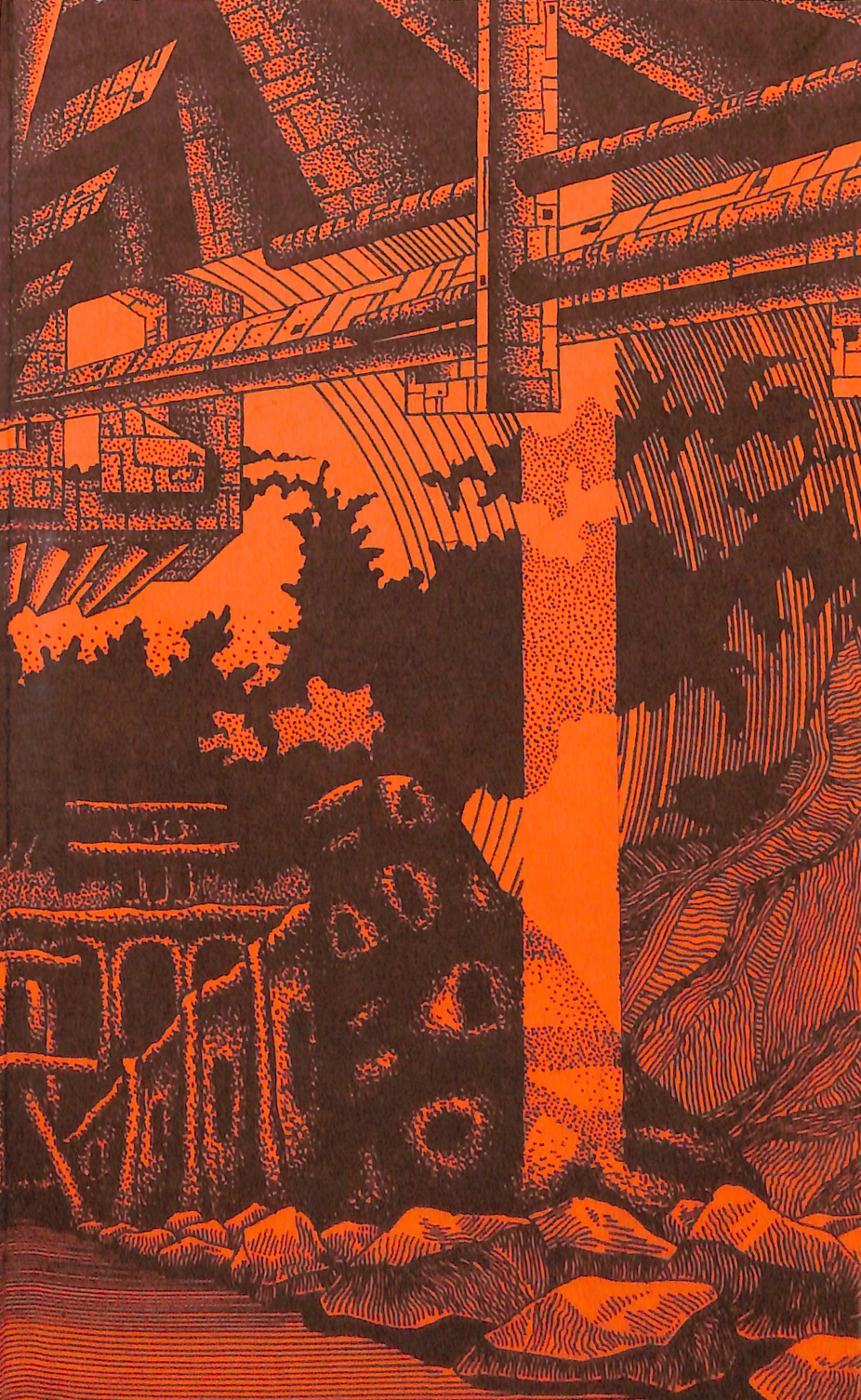
ТОМ 9
«Мятежник»

ТОМ 10
«Проигравший — умирает»

ТОМ 11
«Погибший мир»

ТОМ 12
«Корнуэльский кровосос»

•Северо-Запад.®